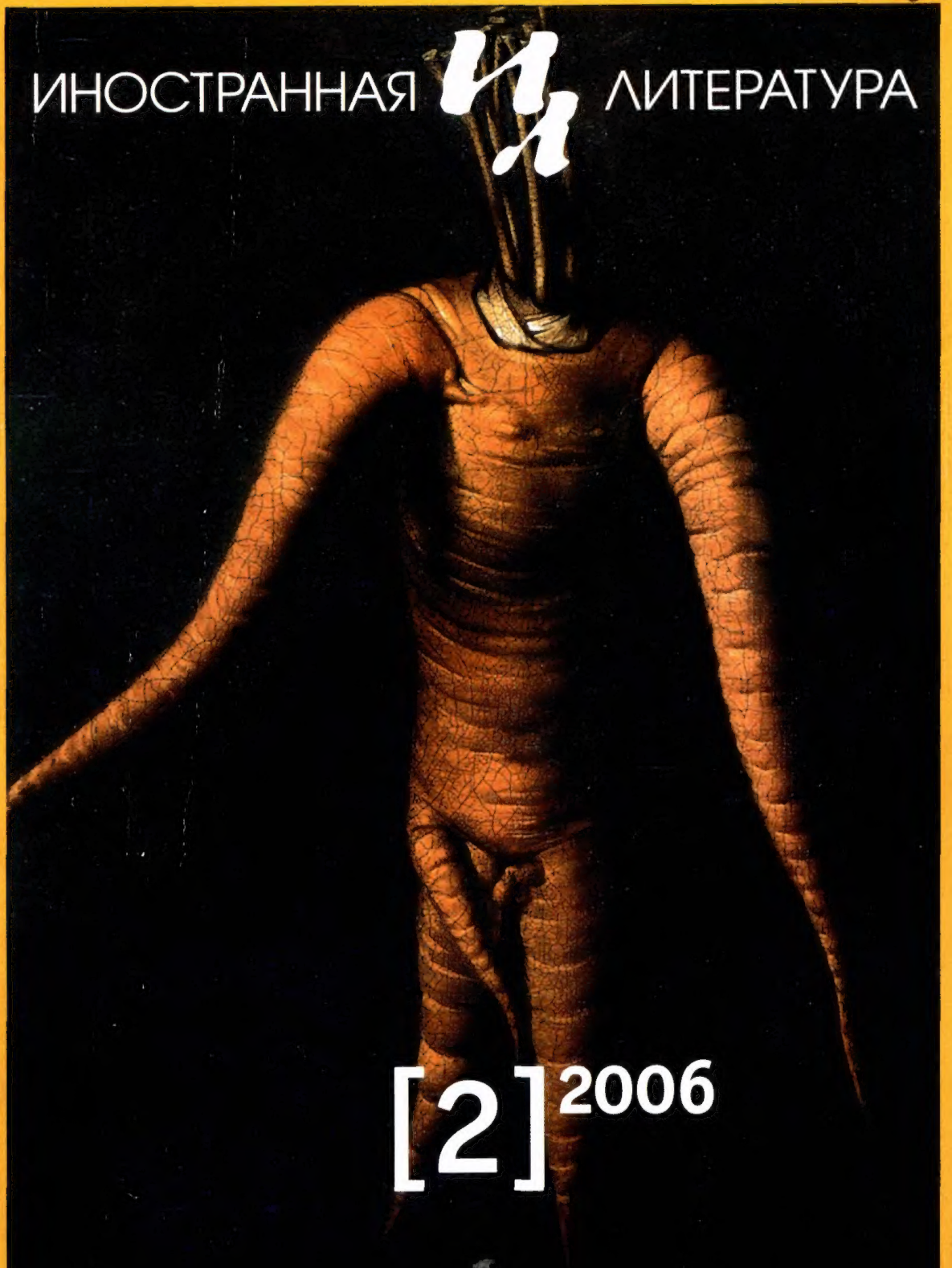
ISSN 0130-6545

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА



[2] 2006

РОМАН ФРЕДЕРИКА БЕГБЕДЕРА "РОМАНТИЧЕСКИЙ ЭГОИСТ" / СТИХИ ДЕРЕКА УОЛКОТТА / ФРАГМЕНТЫ НОВОГО РОМАНА МИШЕЛЯ УЭЛЬБЕКА "ВОЗМОЖНОСТЬ ОСТРОВА" / ПОЭЗИЯ НЕМЕЦКОГО БАРОККО В РУБРИКЕ "ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ" / РАССКАЗЫ СЭМА ШЕПАРДА / МИХАИЛ ШИШКИН В РУБРИКЕ "ПИСЬМА ИЗ-ЗА РУБЕЖА"

Основан в 1891 году

[2]
2006

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ежемесячный
литературно-
художественный
журнал

3 Фредерик Бегбедер *Романтический эгоист.* Роман. Перевод с французского Марии Зониной

112 Дерек Уолкотт *Стихи из книги "Щедрость"* Перевод с английского и вступление Григория Кружкова

118 Сэм Шепард *Рассказы.* Перевод с английского Т. Табачковой

132 Хироми Каваками *Приход весны.* Рассказ. Перевод с японского Ксении Резник

140 Паола Каприоло *Сон о ягненке.* Роман. [Окончание.] Перевод с итальянского Э. Двин

Сигнальный экземпляр

184 Мишель Уэльбек *Возможность острова.* Фрагменты романа. Перевод с французского И. Стаф

Литературное наследие

213 *"И сей красотой полон круг земной"* Поэзия немецкого барокко. Переводы с немецкого Владимира Летучего, Алексея Прокопьева. Вступление Александра Маркина

Carte blanche

238 Владимир Гандельсман *Поэзия как религия. Рильке*

Трибуна переводчика

252 *Встреча переводчиков*

Письма из-за рубежа

257 Михаил Шишкин. *Вильгельм Телль как зеркало русских революций.* Опыт сравнительной монументологии

Среди книг

264 Николай Мельников *Загадочная англосаксонская душа Ивлина Во.* Светлана Новикова-Ганелина *Буря в театре и "Птам"* Леонид Костюков *А какую задачу мы решали?*

БиблиофИЛ

275 *У книжной витрины* с Константином Мильчиным

278 *"ИЛ" рекомендует. Переводные новинки конца 2005 года.* Выбор главного редактора

Наша почта

281 *Роман голосов "Пока мы лиц не обрели" и его читатели*

Авторы номера

285

© "Иностранная литература", 2006

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Журнал основан в 1891 г.
До 1943 г. выходил
под названиями "Вестник
иностранной литературы"
"Литература мировой
революции"
"Интернациональная
литература" С 1955 года –
"Иностранная литература"

Главный
редактор

А. В. Михеев

Редакционная коллегия:

Н. А. Богомолова
заведующая отделом критики и публицистики

Л. Н. Васильева
заведующая отделом художественной литературы

Т. А. Ильинская
ответственный секретарь

А. Я. Ливергант
заместитель главного редактора

Международный
совет:

Чингиз Айтматов
Ван Мэн
Криста Вольф
Януш Гловацкий
Гюнтер Грасс
Тонино Гуэрра
Морис Дрюон
Милан Кундера
Зигфрид Ленц
Ананта Мурти
Милорад Павич
Кэндзабуро Оэ
Умберто Эко

Редакция

О. Г. Басинская
Т. А. Баскакова
С. М. Гандлевский
Т. Я. Казавчинская
А. В. Нестеров
А. Е. Соколинская
К. Я. Староселъская
Е. В. Тарасова
Л. Г. Харлап

Общественный
редакционный совет:

В. П. Аксенов
С. К. Апт
Л. Г. Беспалова
А. Г. Битов
Е. А. Бунимович
П. Л. Вайль
А. М. Гелескул
Е. Ю. Гениева
А. А. Генис
В. П. Голышев
Т. П. Григорьева
Б. В. Дубин
А. Н. Ермонский
Д. В. Затонский
С. Н. Зенкин
Вяч. Вс. Иванов
В. Б. Иорданский
М. Л. Салганик
А. Н. Словесный
И. С. Смирнов
Е. М. Солонович
Н. Л. Трауберг
Б. Н. Хлебников
Г. Ш. Чхартишвили
А. И. Эппель

Журнал выходит при финансовой поддержке
Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации

Фредерик Бегбедер

Романтический эгоист

Роман

Перевод с французского Марии Зониной

Кто он, тот, кого за меня принимают?

Луи Арагон
Неоконченный роман. 1956

Что такое дневник? Это роман.

Жак Одиберти
Воскресенье ждет меня. 1965

Амели

Очень бы я хотел, признаться,
С тобою жить, подле тебя скончаться.
Неплохо бы нам было расписаться –
Сегодня, например, в 16.20.

17 июня 2003

© Éditions Grasset & Fasquelle, 2005
© Мария Зонина. Перевод, 2006
Печатается в сокращении. Полностью роман будет опубликован в издательстве "Иностранка".

Лето
Путешествие на край night[1]

Бог дает человеку не поэтический талант, а талант плохой жизни.

Сергей Довлатов

Понедельник

ДУМАЕШЬ, мне есть что сказать? Что со мной что-то такое происходит? Вряд ли, вряд ли. Я просто человек. И у меня есть своя история, как у всех. Пока я битый час бегу на месте, упражняясь на тренажерной дорожке, мне кажется, что я — метафора.

Вторник

Достали меня выплески злости в авторских колонках. Что может быть безнадежнее хроникеров, этих стахановцев зубовного скрежета! Им платят за ворчание, и журналы пестрят заметками более или менее известных писак-внештатников, которые привыкли раздражаться по команде. Их фотки помещены слева вверху. Они хмурят брови, чтобы подчеркнуть свою досаду. Они делятся своим особым мнением решительно обо всем, под якобы оригинальным углом зрения (на самом-то деле все списывают у собратьев по перу), они за словом в карман не лезут, ой-ой-ой, мало не покажется.

Вот и мой черед настал. Мне придется еженедельно ненавидеть и ныть в "ВСД" по пятницам—субботам—воскресеньям[2]. Всю неделю буду искать повод для ворчания. В 34 года превращусь в старого брюзгу на окладе. В молодого Жана Дютура[3] (без трубки). Все, хватит: не хочу, не буду, лучше публиковать дневник, записки на нервах.

Среда

Все-таки есть на свете справедливость: женщины кончают с бóльшим кайфом, чем мы, зато реже.

Четверг

Чем лучше с бабками, тем хуже со вкусом, не так ли? Большие деньги — это горы шмоток и брюликов, уродские яхты и ванны с кранами из литого золота. Бедняки теперь элегантнее богачей. Благодаря новым маркам вроде "Зары" или "H&M" блонды без гроша в кармане выглядят гораздо сексуальнее, чем навороченные телки при деньгах. Бабки — это верх пошлости, потому что их хотят все. Моя консьержка будет пошикарнее Иваны Трамп. Что мне омерзительнее всего на свете? Запах кожи в крутых английских тачках. Что может быть тошнотворнее "роллса" "бентли" или "ягуара"? В конце книги объясню почему.

1. Ночь (*англ.*). (*Здесь и далее – прим. перев.*)
2. "ВСД" ("VSD") — иллюстрированный французский еженедельник, названный по первым буквам слов "Vendredi, samedi, dimanche" ("Пятница, суббота, воскресенье").
3. Жан Дютур (р. 1920) — французский писатель, журналист и театральный критик.

Пятница

Было бы неплохо для развития киноискусства снять порнофильм, где актеры занимались бы любовью, повторяя друг другу "я тебя люблю" вместо "что, потекла, сучка поганая?" Говорят, в жизни такое бывает.

Суббота

Кризис пятидесятилетних у меня случился за двадцать лет до срока.

Воскресенье

Я на Форментере[1] у Эдуара Баэра[2], единственного известного мне живого гения, – он снял виллу прямо на пляже. Раннее утро, солнце обжигает подбородок. Купаться нельзя, слишком много водорослей. А тут еще медуза обожгла мне ногу. Мы накачиваемся джин-касом и "Маркес де Касересом"[3]. Встречаем Эллен фон Унверт, Анисе Альвина, Майвенн Ле Беско с дочерью Шаной Бессон[4], Бернара Зекри и Кристофа Тизона с Канала+, а также актрисулек, которые меняют каждую ночь койку, продюсеров, которые водят нас за нос на грязевые ванны, и, наконец, на вечеринке, где Боб Фаррелл (исполнитель "Кровяных колбасок"[5]) ставит десять раз подряд свой последний диск: "Как прошлым летом среди скал / я имел с тобой анал" высокомерную красотку по имени Франсуаза, в лиловом платье, с золотистой, как пляж, и обнаженной аля Мирей Дарк спиной. Удар – или дар? – под дых. Она мне слова не сказала, и тем не менее каникулы мои удались именно благодаря ей.

Вторник

Жители острова Ре оттягиваются по полной, глаза б мои не смотрели. Всё-то им подносят на блюдечке: стаканчик "Розе де дюн"[6], дюжину летних устриц с молокой, яхты и виллы из восьми комнат, где все детки одеты от "Сириллюса"[7], – вот оно счастье. Остров Ре – это плоский валун, усиженный многодетными семьями с ослепительными улыбками на устах. Надо бы придумать для них новую телеигру: "Кто хочет перестать быть миллионером?"

Тут всех зовут Жоффруа. Очень удобно. Крикните на пляже "Жоффруа" и все обернутся, за исключением Оливье Коэна и Женевьевы Бризак[8], что позволит с ними мимоходом поздороваться. Всем привет!

1. Форментера – остров в Средиземном море (Балеарские о-ва, Испания), модное место отдыха артистической и литературной элиты.
2. Эдуар Баэр – французский актер ("Бог большой, я маленькая" "Два нуля" "Пей до дна" "Астерикс и Обеликс: миссия 'Клеопатра'" и др.).
3. Кас – *испанский напиток, разновидность лимонада*; "Маркес де Касерес" – дорогое красное испанское вино.
4. Эллен фон Унверт – модный фотограф из Германии; Анисе Альвина – французская актриса ("Игра с огнем" "Пусть будет так" "До конца ночи"); Майвенн Ле Беско – французская актриса ("Кровавая жатва" "Редкий экземпляр" "Род человеческий"); Шана Бессон – дочь Майвенн Ле Беско и режиссера Люка Бессона.
5. "Кровяные колбаски" (petits boudins – колбаски; толстухи, дурнушки, *франц.*) – песня Сержа Гензбура.
6. "Розе де дюн" – местное розовое вино.
7. "Сириллюс" – марка дорогой детской одежды.
8. Оливье Коэн, Женевьева Бризак – французские издатели, супружеская пара.

Я Оскар Дюфрен, модный писатель, романтический эгоист, милый неврастеник. Изучаю блондинок на велосипедах. Люблю омаров на гриле, запрещенную травку, пирожки с пляжным песком, абрикосовые сиськи[1] и людское горе.

Суббота

Вместо того чтобы заниматься сексом, читаю переписку Флобера. "Созерцание такой массы обывателей подавляет меня. Я уже не так молод и не так здоров, чтобы выносить подобные зрелища" (письмо Амели Боске, 26 октября 1863 года). В поисках душевного покоя остановился в тихой рыбацкой деревушке Арс-ан-Ре. Не учел только Лионеля Жоспена (премьер-министра Франции), который прибыл сюда позавчера со своей супругой Сильвианой. Они ходят по рынку в сопровождении фотографов из "Пари-матч" но раздражение мое быстро рассеивается: мой-то дневник напечатает "ВСД". Я им даже не завидую.

Воскресенье

Вчера утром получил открытку от Клер: "Дорогой Оскар, я тебя не люблю. Не люблю. Не люблю. Не люблю. Не люблю" Самое прекрасное любовное письмо из всех, что я получал.

Вторник

Вот уже неделю тереблю в кармане коробочку с презервативами. Ее целлофановая обертка в целости и сохранности. Мои гондоны сами в презервативе! Под утро засыпаю в одиночестве, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не послать эсэмэску Клер.

Суббота

Караул! Нашествие медуз в Трус-Шмиз (пляж с говорящим названием и горькой реальностью[2]). На Форментере их тоже хватало. Это лето медуз без Каприски[3]. Все, хватит, возвращаюсь в Париж. Прощай, остров Тройняшек. Перед отъездом стою босиком на песке и смотрю на падающие звезды. Я беззвучен, измучен, космичен.

Жизнь — это долгий уик-энд с бокалами бурбон-колы и песнями Барри Уайта.

Воскресенье

Вести дневник — это значит постановить, что жизнь твоя страшно увлекательна. Все, что со мной происходит, касается всего мира. А мода? Я тут как тут.

1. На пляжах Атлантического побережья торгуют вразнос пирожками с абрикосами.
2. Трус-Шмиз (Trousse-Chemise, *франц.*) с некоторой натяжкой можно перевести как "залезть под кофточку"
3. Валери Каприски играла в фильме "Год медуз" (1984).

Понедельник

Париж пуст, как голова Жан-Люка Нарси[1], когда выключен его суфлер.

Среда

Говорят, где-то собираются 1,5 миллиона молодых людей со всего мира, в том числе 80 000 французов от 16 до 35 лет, и общаются на 32 языках в 130 точках. Это называется ВДМ[2], имеет место в Риме и напоминает гигантский версальский раут для аристократических отпрысков. Съезжу, посмотрю. Натягиваю шерстяные шорты, прикид под Баден-Пауэлла[3]. Я красив как черт – пора нанести визит Папе Римскому.

Четверг

Рим, пустынный город. Все его обитатели сбежали, уступив место паломникам. Сладкая жизнь сменилась римскими каникулами. Оранжевые улицы увешаны плакатами с оскалившимся Берлускони. В 714-м автобусе все вроде идет нормально, пока пассажиры не затягивают песнопения, хлопая в ладоши наподобие Патрика Бушите в фильме "Жизнь – это долгая спокойная река". Всемирный день молодежи на берегах Тибра проходит в атмосфере добродушного религиозного фанатизма, со знаменами и рюкзаками. Следуя за толпой, я оказываюсь на бесплатном концерте Анджело Брандуарди на площади Сан-Джованни-ин-Латерано. Это наверняка испытание, ниспосланное мне Всевышним. Заговариваю с парочкой резвящихся крестоносок:

– Не желаете ли паксануться[4]?

Черт. Мимо кассы.

– Ну, я хочу сказать, не желаете ли выйти за меня замуж и нарожать мне штук восемь детей?

Нет ответа. Я упорствую:

– Тогда я вам покажу свою коллекцию шотландских юбок и устрою скидку на платки от Гермеса, 30% гарантирую.

Полный облом. Заканчиваю вечер, смотря "Инспектора Деррика" по-итальянски у себя в номере. Может, я заблудшая овца?

Пятница

Какое горе: на ВДМ крайне мало прыщавых очкариков в сандалетах. Их прикид состоит в основном из соломенных шляп и желтых бандан. Само собой, мне попался один монах во вьетнамках, исполнявший дьявольский (если можно так выразиться) рок, но и только. Гораздо удивительнее были близняшки Моники Беллуччи, распевающие: "благодати полная и любви-и-и", наверняка эти создания посланы сюда самим сата-

1. Жан-Люк Нарси – ведущий программы новостей на Первом канале французского телевидения.
2. Всемирный день молодежи.
3. Роберт Баден-Пауэлл – основатель скаутского движения.
4. От аббревиатуры ПАКС (PACS, "Пакт гражданской солидарности"); принятый во Франции в 1999 г. закон о возможности заключить договор между двумя совершеннолетними людьми для ведения совместной жизни без вступления в брак.

ной, дабы посеять вечернюю смуту. (К счастью, 300 передвижных исповедален предусмотрены на случай появления грешников.) Их зовут Мартина и София. Я забил им стрелку на крестном пути для сеанса евхаристического бичевания:

– Благословенны будете среди жен, сие есть тело мое, которое вам отдается и многим. Истинно говорю вам, берите мой сэндвич и ядите его все...

И вот тут произошло что-то странное. От такого жалкого богохульства у меня закружилась голова. Зрение затуманилось, я услышал звон колоколов и подумал: что это – долгожданное откровение или просто я в стельку пьян?

Воскресенье

Бог есть любовь. Он простит мне прегрешения мои. Дни, проведенные в Риме, помогли мне понять истинный смысл выражения "бродит как неприкаянный" Восхищаюсь руинами, мне подобными.

Понедельник

Шляюсь в лиловых вельветовых штанах. В один прекрасный день все наденут лиловые вельветовые штаны. Так мне заявил Людо, мой здравомыслящий друг (жена, дочь, "рено-эспас"). Мы часто вместе надираемся: я – чтобы забыть, что у меня нет ребенка, он – что он у него есть. (И оба – чтобы забыть, что носим вельветовые штаны в разгар лета.)

Вторник

Говорят, в Сен-Тропе Режина влепила пощечину Эмманюэлю де Бранту[1] Отличное посвящение в рыцари. Пощечина Режины – это все равно что медаль, диплом, гарантийное свидетельство о чувстве юмора. В конце августа завсегдатаи возвращаются в кафе "Флор": Кьяра Мастроянни улыбается зеркалу, Рафаэль Энтовен[2] поглаживает побородок Карлы Бруни, Джереми Айронс тискает жену, Андре Тешине молчит, Каролин Селье смотрит на меня. Я тоже скоро стану знаменитым и надеюсь, что придет мой черед схлопотать от Режины пощечину.

Среда

Ужинаю с мамой. Рассказываю ей об острове Ре.

– Представляешь, на пляже вместо "пора полдничать" мамашки кричат: "Ланцелот! Элуа! It's ням-ням time!"

Смеемся. Потом она затрагивает тему, которой я пытаюсь избежать.

– Ты что, по-прежнему встречаешься с этой Клер?

1. Режина – актриса, певица, "королева парижских ночей", владелица многочисленных ночных клубов во Франции и Америке; Эмманюэль де Брант – светский хроникер, сценарист, телеведущий; оба – непременные участники светских тусовок.
2. Рафаэль Энтовен – профессор философии, спутник жизни итальянской модели Карлы Бруни.

– Нет. Мы все время ругались. Бросали друг друга. Поговорим о чем-нибудь другом. У нее крыша поехала. Неинтересно. И вообще мне плевать. Между нами все кончено.

– А... ты, значит, так сильно в нее влюблен...

Четверг

Пенелопа в Каннах. Она звонит, чтобы сказать, что скучает по мне на разноцветном пляже. Она валяется между двумя жирными телами с золотыми цепочками на шее. Тела едят чичи[1]. Пенелопа объясняет, что в Каннах детей зовут не Жоффруа и Ланцелот, а Шеннон и Мэдисон и что они очень рано начинают пить пиво. (Пенелопа, как и пристало девушке с таким именем, – манекенщица и пьет только колу-лайт.) Я сообщаю ей, что веду дневник. Она советует мне прочесть "Бриджит Джонс" а я отвечаю, что ей следует проштудировать "Дневник обольстителя"[2]. И обещаю по ее возвращении вступить с ней в ПСБП (половые сношения без предохранения).

Пятница

Слоняюсь по опустевшему Парижу. Жена Людо уже вернулась, поэтому он больше не может следовать за мной в мерцающую ночь. Он живет чересчур просто, я – слишком сложно. Как я ни выжимаю свою записную книжку, посылая мейлы во все концы города, как ни опускаюсь до звонков разным мокрощелкам, память о которых сохранил только мой "Нокиа" ничего не помогает. Брожу один как перст в толпе туристов и с позором приземляюсь наконец в каком-то продезинфицированном пип-шоу на улице Жавель[3], чтобы подрочить в бумажный платочек. Людо еще смеет завидовать моей свободе! Все мои друзья жалуются на жизнь – и холостяки, и женатые. Но в одном пункте мы с Людо сходимся. Я говорю:

– Всякая женщина лучше одиночества.

А он вторит:

– Всякая женщина лучше моей жены.

Во всем виноват Руссо: "Люди счастливы бывают только в преддверии счастья"[4]. Я вычитал эту фразу в "Новой Элоизе" Обожаю непонятные фразы.

Суббота

Принято думать, что с годами черствеешь, но это не так: я влюбляюсь сплошь и рядом, достаточно мимолетного взгляда, хрустального смеха – и сердце запоминает его. Приходится наступать на горло собственной песне, потому что мы знаем, чем это чревато. Впрочем, мысль Руссо я понимаю: представьте себе, что в конце "Английского пациента" Кристин Скотт-Томас не умирает от голода в своей пещере и красавчик Ральф Файнс спасает ее. Что бы они стали делать дальше? Устроили бы

1. Шиши, или чурро – крендельки или пирожки, обжаренные в масле.
2. "Дневник обольстителя" – произведение датского философа Сёрена Кьеркегора.
3. "Жавель" – дезинфицирующее средство.
4. Перевод Н. Немчиновой.

пикник в пустыне? Высокогорный переход по дюнам? В куличики бы поиграли невзначай в Сахаре[1]? Счастлив бываешь только в преддверии счастья; потом выливается бурный поток говна.

Воскресенье

Я слишком часто вступаю в ПСБП с самим собой.

Понедельник

Долгое время я ложился спать радостный[2]. Теперь у меня нет времени даже на депрессию. Кто я? Некоторые утверждают, что меня зовут Оскар Дюфрен; прочие полагают, что мое настоящее имя — Фредерик Бегбедер. Иногда я сам теряюсь. Просто я считаю, что Фредерик Бегбедер не прочь бы стать Оскаром Дюфреном, да кишка тонка. Оскар Дюфрен — это он сам, только хуже, иначе зачем бы его придумывать?

Вторник

Я дал отбой Пенелопе. ПСБП не будет. Что ни день, то вечеринка: рёшил позажигать на тусовках в Институте арабского мира на презентации "Зурбана" нового журнала, бумажного и сетевого, и на тусовке Amazone.fr, устроенной на корабликах, стоящих у причала под Библиотекой Франсуа Миттерана. На обеих интернет-тусовках, где обстановочка тоже была вполне виртуальная. Я повстречал там интернетчиков вроде меня, которые так привыкли сидеть дома в одиночестве, уткнувшись в экран компьютера, что и в толпе держатся особняком, с пустым бокалом в руке. У них остановившийся взгляд, никто им не нужен, они уже привыкли к состоянию современных зомби в прозрачных зданиях. Они не в силах кем-либо заинтересоваться. Одиночество — логическое следствие индивидуализма. Наш экономический эгоизм стал образом жизни. Как блеснуть в живом разговоре, лицом к лицу с собеседником, если привык тратить минут пятнадцать на письменный ответ? Виртуальность — наше спасение от правды.

Среда

Все дни и ночи напролет я забываю Клер. По полной программе. Утром, просыпаясь, я знаю, что буду этим заниматься до вечера. У меня теперь новая профессия: забыватель Клер. На днях Жан-Мари Перье[3] выдал мне:

— Если ты знаешь, почему ты кого-то любишь, это значит, что ты его не любишь.

Я записываю эту фразу зажмурившись, чтобы сдержать слезы.

1. Намек на фильм Б. Бертолуччи по роману Пола Боулза "Под покровом небес" во французском прокате фильм называется "Чай в Сахаре"
2. Переиначенное "Долгое время я ложился спать рано" — первая фраза романа М. Пруста "По направлению к Свану"
3. Жан-Мари Перье — французский фотограф.

Понедельник

Тренируюсь перед зеркалом, принимая медийно-смиренный вид (тут главное – опустить глаза и одновременно вскинуть брови).

Вторник

Телефонный звонок в сумерках. Людо хандрит в обществе жены и дочери:

– И так мне в лом трахать все время одну и ту же бабу, так тут еще ребенок вопит в соседней комнате, как мне с этим жить, по-твоему?

– Ты не можешь упрекать дочку в том, что она плачет. Человеческое существо начинает рыдать, как только появляется на свет.

– Бог все очень плохо устроил. Бэбики должны смеяться, приходя в этот мир.

– С чего бы это? Они предпочли бы вернуться в лоно матери, совсем как мы с тобой.

Он вздыхает. Каково депрессивному отцу слушать вечный рев своего ребенка! Но я все-таки пытаюсь его утешить:

– С другой стороны, если б мы умерли, нам не удалось бы пожаловаться на жизнь.

Четверг

Кинофестиваль в Довиле = чемпионат по одиночеству в толпе. Лангустины утопают в майонезе на террасе отеля "Норманди", и никто не приходит им на помощь. Сижу между Кристин Орбан и Филиппом Буваром[1]. Жаль, не за соседним столиком, а то я мог бы очутиться между Брайаном Де Пальма и Элли Медейрос[2]. Сегодня утром я посмотрел "Невидимку" Пола Верхувена, римейк "Человека-невидимки", – сценарий, надо отметить, под стать человеку из названия.

Пятница

Вчера вечером столкнулся с Клинтом Иствудом в "Ферме Сан-Симеон"[3]. Он слямзил для своего нового фильма название моего любимого хита Джамироквая: "The Return of the Space Cowboy"[4]. Тут полно американских звезд: Дональд Сазерленд, Морган Фримэн, Томми Ли Джонс, Андре Алими. На довильском пляже я встретил даже Режину, но она так и не дала мне пощечины. Все всех снимают своими "Сони DV" У кого, интересно, хватит времени пересмотреть такое количество кассет? Вдруг мне показалось, что прошел Аль Пачино. Но когда я надел очки, выяснилось, что это Лоран Жерра[5] в черном костюме. Нет, я все-таки ужасно близорук.

1. Кристин Орбан – писательница ("Коллекционер" "Шмотки" и др.), Филипп Бувар – журналист, писатель ("Тысяча и одна мысль" "Женщины" и др.).
2. Элли Медейрос – киноактриса ("Салон красоты 'Венера'", "Светские львы").
3. Модный ресторан в Довиле.
4. "Возвращение космического ковбоя" (*англ.*).
5. Лоран Жерра – французский пародист.

Воскресенье

На обеде у Анны д'Орнано, мэра Довиля, подавали дыню с мухами. Я думал о Клер, бывшей моей подружке, и о Пенелопе, будущей. Мужики всегда находятся между бывшей и будущей, ибо настоящее их не занимает. Им лучше сновать от ностальгии к надежде, от утраты к мечте. Мы вечно зажаты между двумя отсутствующими дамами.

Осень
Вековая история дождя

Писатель – это человек,
который никогда не повзрослеет.

МАРТИН ЭМИС *Опыт* (2000)

Понедельник

Женщины стараются превратить своих любовников в мужей, а это все равно что кастрировать их. Но и мужчины не лучше: из любовниц они делают домработниц, из женщин-вамп – матерей семейства. Опасаясь любовных страданий, мужчины и женщины бессознательно пытаются обратить их в скуку. Но ведь скука тоже разновидность страдания. Говорят, в любовной паре один страдает, а другой скучает: по мне, лучше быть страдальцем, потому что ему-то, как ни крути, не скучно, тогда как тот, кто скучает, страдает все равно.

Вторник

Клер позвонила! Клер позвонила! Клер позвонила! Я уже совсем дошел до ручки, как баба какая-то. Мне не удалось притвориться равнодушным. Мое смятение ощущалось даже в сети SFR[1]. В этом году лето для меня началось 19 сентября. В 10 часов вечера на улице еще было выше двадцати. Мы поужинали в освещенном переулке. В меню – суп из языка, пальцы во рту, штырь в штанах. Кто-нибудь объяснит мне, почему официанты в ресторанах подходят всегда именно в ту минуту, когда у меня возникают неотложные и сугубо интимные дела с девушкой, сидящей напротив? После ужина мы прошлись по парижским мостовым, дул теплый ветерок, я слегка попунцовел и, чтобы поддержать разговор, предложил ей выйти за меня замуж. Во мудак!

Среда

Я не перезвонил Клер. Я не перезвонил Клер. Я не перезвонил Клер. Блин, ну что там полагается делать, любя женщину, а?

Пятница

Я пережил страшные минуты, я страдал, вкалывал, терпел поражения, меня побеждали, унижали и валяли в грязи, на меня забивали и вытира-

1. SFR – французский оператор мобильной связи.

ли об меня ноги, но никогда ничто не стоило мне такого труда, как не позвонить тебе. Клер, никто никогда не узнает, как мне тяжело было просто ТЕБЕ НЕ ПОЗВОНИТЬ. Разлюбить еще труднее, чем бросить пить.

Суббота

А ведь я ищу не счастья, а всего лишь гармонии с пунктирами экстазов.

Ко мне явился Людо. Каждый воскресный вечер он ругается с женой, потому что к этому моменту мается уже двое суток без передыху. И мы плачемся друг другу, слушая последний альбом Этьена Дао, который неустанно повторяет под прекрасную музыку Карли Саймон: "Научись жить не один..." Имеет ли женщина право заточать мужчину в четырех стенах под тем предлогом, что у них общий ребенок? Что, современный мужик уже совсем сошел на нет? Как, скажите на милость, он может управлять миром, если он уже не в состоянии управлять собственным телом?

Понедельник

В ту минуту, когда я начал писать эту фразу, я искренне думал, что смогу сказать что-то интересное, и вот к чему это привело.

Четверг

Обедаем с Людо, он в отличной форме. Такое впечатление, что он решил все свои проблемы.

– Мне нужен мажордом. Точно тебе говорю.

– Мажордом?

– Ну да – мужик в униформе, чтоб жил в доме, утром приносил завтрак в постель и сообщал последние новости. Погоду, расписание на день и так далее. А вечером, вернувшись с работы, ты ему заявляешь: "Да, я совсем забыл вас предупредить – мы ждем сегодня к ужину шестнадцать человек", а он, и глазом не моргнув, все устраивает наилучшим образом. Уверяю тебя, нам просто необходим мажордом!

– Ты хочешь мажордома в придачу к жене?

– Да нет, вместо нее!

– Извини, что меняю тему, но Пенелопа трахается с женатым мужиком, это не ты случайно?

– Какая еще Пенелопа? У нее нет знакомого мажордома?

– А! Ты покраснел! Сволочь!

Пятница

Чем больше я зарабатываю, тем беднее становится моя жизнь.

Суббота

Праздник "Юманите" в Ла-Курнёв. На земле уже нет грязного месива, но запах пригоревшего сала никуда не делся, равно как и смазливые пролетарочки, и чилийские фольклорные ансамбли (единственная ус-

тупка капиталистическому строю состоит в том, что они исполняют песню Селин Дион из "Титаника" под аккомпанемент костяных свистулек). Согласитесь, некоторое разнообразие после гольфа на приз "Ланкома" в Сен-Ном-ла-Бретеш. В эти выходные у меня был выбор между Жозе Бове[1] и Умой Турман, она, конечно, не такая усатая, но зато гораздо более глобальная. Я свой лагерь выбрал. Впрочем, прикольно было бы хоть разок все поменять местами — провести праздник "Юманите" на поле для гольфа в Сен-Ном, а ланкомовский гольф — в Ла-Курнёв, просто чтобы посмотреть, что выйдет. Смесь получится самая гремучая. Инес Састр[2] сожрет сэндвич с бараньей сосиской и жареной картошкой, а Робер Ю[3] напялит поло от Ральфа Лорена: в этом, несомненно, и будет заключаться ближайшая революция.

Воскресенье

Все тот же праздник "Юманите" Я люблю коммунистов, потому что они все еще отказываются быть рабами. Потому что борются против глобализации, распевая "Интернационал" Беднячки сексуальнее прикинутых телок, это я уже отмечал: они держатся естественнее, потому что у них нет денег на то, чтобы стать ШВШ (Шлюшками в Шлёпках). Их зовут Мишель или Сесиль, они носят кроссовки, пахнут пачулями, никогда не бреют лобок, пьют белое вино, знают о существовании Ника Дрейка и ложатся в койку без заморочек, в первый же вечер, при условии, что при них не будешь слишком сильно ругать Фиделя Кастро. Весь Ла-Курнёв увешан плакатами "Девяносто третий[4] — лучший на свете" но я, Оскар Дюфрен, отвожу глаза. Мне нельзя забывать, что я-то приехал из 75-го[5], равно как и Ален Минк[6].

Пенелопа позвонила утром, чтобы сообщить мне, что выходит замуж, и попросила больше не упоминать ее в этом дневнике. Я решил переименовать ее в Жанну. Это не так сексуально, но пусть пеняет на себя — будет знать, как посягать на священную свободу слова. Если весь этот вздор в один прекрасный день станет книгой, я смогу назвать ее "Жанна и нехороший парень"[7].

Среда

КАРЬЕРА ПИСАТЕЛЯ

В 30 лет ты "блестящий"
В 40 лет ты "талантливый"
В 50 лет ты "гениальный"
В 60 лет ты "б. у."
В 70 лет про тебя говорят: "А что, он еще жив?"

1. Жозе Бове — известный французский фермер-антиглобалист.
2. Инес Састр — испанская топ-модель и актриса ("Граф Монте-Кристо" "Видок" и др.).
3. Робер Ю — лидер французской компартии.
4. Имеется в виду 93-й департамент, рабочий пригород Парижа.
5. 75-й департамент Франции — Париж.
6. Ален Минк — экономист, эссеист, директор наблюдательного совета газеты "Монд"
7. Намек на фильм О. Дюкастеля и Ж. Мартино "Жанна и отличный парень" (1998).

Пятница

Представляя мне мужа, Жанна прижимается ко мне, чтобы я почувствовал вес ее грудей на своем теле. Рвота может быть весьма романтичной. Например: мужика тошнит на свадьбе его любовницы (особенно когда он уверен, что она выходит замуж, только чтобы досадить своему, уже женатому, приятелю Людо).

Я думаю о Клер. Американцы говорят: "Nice to meet you"[1]. Я должен был бы сказать ей: "Sad to leave you"[2].

Суббота

Все мои признания в любви происходят либо раньше времени, либо слишком поздно. Потому что я говорю "я тебя люблю", только чтобы склеить или утешить.

Воскресенье

С Жанной я завязал. На свадьбе она шепнула мне с очаровательной коварностью, во всем блеске невинной жестокости: "Как жаль, что я так счастлива... с тобой я могла бы быть так несчастна" Я остался стоять с открытым ртом. Боже, как я труслив, безволен, ничтожен! Как я себе надоел! Держу пари, что любовь невозможна. Выиграв, я ничего не выигрываю. Проиграв, теряю все. В один прекрасный день какой-нибудь экзегет напишет книгу "Пари Дюфрена" Это будет эссе, выпущенное ограниченным тиражом.

Понедельник

Скоростной поезд "Талис" проезжает под влажным небом бельгийских предместий. Множество одинаковых, параллельных друг другу палисадников тянутся вдоль железнодорожного полотна. Как же эти люди соглашаются так жить, ведь они все поголовно смотрят "Знаменитостей" по телевизору. Я испытываю бесконечную нежность к валлонским "Дешьенам"[3]. Мне следовало бы сойти с поезда, позвонить в дверь к первому попавшемуся бельгийцу и сказать: "Я вас финансово презираю" чтобы уж он покончил со мной раз и навсегда.

То было время, когда Брюссель уже больше не брюсселил. Вокруг моей шеи вилась легкая дождевая взвесь. Ночевал в отеле "Амиго", возле Гран-плас. По MTV передавали новый клип Кайли Миноуг, с блестючими губами, скуластым лицом, крутой попкой в слишком коротких парчовых шортах, в сандалиях на шпильках, с раскрашенными ногтями, высунутым языком и наклеенными ресницами, от которых у меня едет крыша. Как мне, по-вашему, сохранять спокойствие в такой ситуации? Вечером опять пойду шляться, надерусь в одиночестве, буду кле-

1. Рад встрече в вами (*англ.*).
2. Не рад разлуке с вами (*англ.*).
3. "Дешьен" – театральная труппа, созданная в 1979 г. Жеромом Дешаном и Машей Макеефф. Герои их спектаклей – неудачники, простофили.

ить чувих, лгать, мечтать, целовать, тискать, кончать, быть может, и сожалеть — наверняка.

Среда

Бельгийцы говорят "уметь" вместо "мочь" "Я не умею этого сделать" означает "я не могу этого сделать". Поэтому для них импотент — просто неумеха.

Четверг

До меня, наконец, дошло. Чтобы снять телку, главное не уступать ее бесконечным "нет" Большинство знаменитых соблазнителей вполне среднестатистические парни. Просто они смиряются, когда их отвергают, но тут же снова лезут на рожон. Ни одна женщина не скажет "да" с первой попытки. Когда она посылает вас подальше, надо тихо отойти в сторонку минут на пять (чтобы ей стало мучительно больно), потом вернуться, снова попытать счастья, и так далее. Никто из великих плейбоев не страдает излишним самолюбием, зато им свойственна невыносимая легкость танков. У них на "нет" свой ответ. Они берут измором.

Понедельник

"Я совершенно open с тех пор, как замужем!"

Пенелопа, пардон, Жанна звонит, чтобы заключить со мной пакт. Если я ей найду чернокожего красавца, она займется с ним любовью в моем присутствии. Пользуюсь случаем, чтобы поместить на этой странице объявление: "Если вы здоровенный чернокожий красавец и к тому же open, напишите мне. Возможно, вас выберут для ночи секса с новобрачной в отеле 'Плаза-Атеней' (Не беспокойтесь, я не приму в этом участия, просто оплачу счет и посижу тихонько в уголке, спрашивая себя, какого черта я тут торчу.)"

Вторник

Прочел в "Паризьен" печальную историю из криминальной хроники: в квартире нашли скелет сорокалетней женщины. Судя по газете, которая лежала рядом с телом, она была мертва уже больше года. Никто даже не дернулся — у нее не было ни семьи, ни соседей, ни друзей. Холостяки живут в группе риска: если я сейчас вот тут сдохну, кто это заметит? Год спустя мой труп обнаружат под кипой старых модных журналов... Датировка моей смерти будет производиться по номеру "Вуаси", а не по углероду-14.

Быть влюбленным значит удивляться. Когда удивление проходит, наступает конец. Любовь состоит на 90 % из любопытства и только на 10 % из страха, что умрешь в одиночестве, как последнее дерьмо.

Суббота

Как обычно в выходные, Людо взывает о помощи (ну, еще бы, Пенелопа-то занята). (Я рассуждаю как ворчливая брошенная любовница.) В трубке слышу жужжание спортивной машины.

— Вруууум!

— Ты смотришь "Формулу-1".

– Вруууум! Нет, просто моя дочка включила телевизор, а он стоял на канале "Моторы", потому что вчера вечером мы с мадам курили косяки и смотрели XXL[1]

– Ну, и вы того?

– Нет, Элен уснула, а я подрочил в простыни, как всегда по пятницам.

– Семейная жизнь – это сказка.

Понедельник

Я любил ее, потому что у нее был хронический цистит. Клер говорила, что на моем мотороллере она подхватывает насморк киськи. И еще я ее любил, потому что, когда я увидел ее в первый раз, она, не извинившись, загасила окурок в моем бокале. И еще потому, что она вставала с дивана, чтобы потихоньку пробраться в ванную и протереть физиологическим раствором свои линзы. И еще потому, что она в детстве носила брекеты на зубах. Я любил ее, потому что каждый раз, когда мы виделись, ее волосы оказывались другого цвета: она становилась то рыжей, то брюнеткой, то блондинкой, то лиловела... Я любил ее за ее прихоти, недостатки, причуды. Я разлюбил шикарных телок, мое сердце отдано нескладехам.

Четверг

Вчера вечером, после вечеринки "ВСД" в "Вип-рум" мы догонялись в баре 40-х годов с девочками, родившимися в 80-х (лучше так, чем наоборот). Допинга в нас было как в Ришаре Виранке[2] на перевале Турмале. Я мычал:

– Я готов, в натуре!

Златокожая куколка рядом со мной, а сидели мы тесно, сама того не замечая, все время пихала меня коленкой. Я очень вежливо заметил:

– Прошу вас сию минуту прекратить запрещенные контакты со слабым существом мужского пола, ибо оно может расценить это движение как заигрывание...

Знаете, что ответила мне эта изящная нахалка?

– Тусуйся с безногими!

Бабы и так круче нас, но если у них вдобавок есть еще и чувство юмора, нам вообще крышка.

Пятница

Обращение к промышленникам и политическим деятелям всего мира: будьте так добры, оставьте планету в том состоянии, в котором она была, когда вы на нее попали.

Суббота

Аллилуйя. Клер мне написала. Цитату из Шопенгауэра: "К чему весь этот шум? к чему вся суета и волнения, все эти страхи и горести? Раз-

1. Эротический канал.
2. Ришар Виранк – французский велогонщик, обвиненный в употреблении

ве не о том лишь идет речь, чтобы всякий Иван нашел свою Марью?"[1]

Воскресенье

Господи, смилуйся надо мной. Завтра я ее увижу. Мне кажется, я любил ее всегда. Почему я не в состоянии сказать ей об этом? Я сторонюсь женщины, которая мне нравится, боюсь того, что меня притягивает, избегаю ту, что любит меня, и клею тех, кому я на хрен не нужен.

Понедельник

Клер беременна. Она мне так и заявила, ни с того ни с сего, уставившись на меня в ожидании реакции. Я выдавил из себя улыбку, лепеча: "Ты уверена? Ты уверена?" – но она поняла, что я думаю: "От меня? От меня?" Я попытался ее успокоить, но на моем багровеющем лбу словно выступило крупными буквами: "СУКА! СДЕЛАЙ АБОРТ!" Я думаю, что диалог между мужчиной и женщиной удастся еще не скоро. Основная загвоздка в том, что они читают наши мысли, а мы не думаем ничего такого, что было бы им приятно. Она разрыдалась, обозвав меня педрилой, но увы: будь это правдой, ничего бы не случилось.

Вторник

Когда у меня начинается насморк, все думают, что я нюхаю наркотики. Вот что значит репутация.

Среда

Что делать: убить Клер или жениться на ней? Аборт должен состояться через три недели. Бред какой-то. В то самое мгновение, когда у нее раздулись груди, она меня возненавидела – мне даже не удастся этим воспользоваться. Ее сиськи и ее ненависть утроились в объеме одновременно.

Четверг

Бывают дни на "да" и месяцы на "нет"

Пятница

Снова скандал, связанный с допингом в спорте. Хватит лицемерить. Лично я за допинг. Бóльшая часть писателей накачивается алкоголем, кокаином или амфетаминами. Почему же запрещать спортсменам то, что разрешено художникам? Представьте себе членов жюри Гонкуровской премии, предписывающих Жан-Жаку Шулю сделать анализ мочи, чтобы удостовериться, что он писал "Ингрид Кавен" не под действием запрещенных препаратов. Пора покончить с пуританством в отношении наркотиков. Зачем тогда человек производит допинги, если ими

1. Цит. по: А. Шопенгауэр. Мир как воля и представление. Перевод Ю. И. Айхенвальда.

нельзя воспользоваться? Я выступаю за полную и всеобщую легализацию всех наркотиков, в том числе тяжелых, с целью заменить мафию на министерство здравоохранения.

Понедельник

В ночных клубах надираются, чтобы кадриться, и результат на лице: клеишься ко всем бабам подряд, потому что застенчивость тонет в алкоголе. Проблема в том, что впоследствии в нем тонет и эрекция. Правительство ошибается, заявляя, что "злоупотребление алкоголем опасно для здоровья": напротив, это прекрасное средство от СПИДа!

Пятница

Амели Нотомб не такая уж страшила. У нее серо-зеленые глаза и очень красивые белые руки с длинными тонкими пальцами. Меня буквально завораживает ее тихая мифомания. Когда я говорю ей, что она похожа на Кристину Риччи[1], она замечает: "Я знаю". Когда я спрашиваю, как она поживает, она говорит: "Не знаю" И становится просто красавицей.

Суббота

Мы в Бриве-дуриве. Меня снова сводит с ума Амели Нотомб (говорю с ней с полным ртом фуа-гра). Мы собираемся пожениться, хотя бы просто для того, чтобы купить замок, жить каждый в своем крыле и общаться исключительно через жутко раболепных лакеев.

Она: Мы могли бы написать книги друг о друге.

Я: Моя будет лучше.

Она: Само собой, тема-то интереснее.

Эта девица — полная для меня загадка. С ней происходят только странные вещи. Например, однажды она прыгнула с парашютом, но он не раскрылся, и она упала вниз с 300 метров даже не поцарапавшись. Она объясняет, что сделана из резины, и в качестве доказательства отставляет большие пальцы на 180 градусов. (Да я и так верю ей на слово: не будь она резиновой, как бы она вынесла свой успех?)

Воскресенье

В отличие от мисс Нотомб, я не помню себя в раннем детстве. Разве что я летал от года до четырех. Отец бегал со мною на руках по квартире, изображая самолет. Я пролетал над паркетом, слаломом пробирался между комодами и, слегка касаясь белых стен, делал мертвую петлю в гостиной. Я приземлился, только когда отец ушел от нас.

Понедельник

Успех могут вынести лишь крайне претенциозные особы. Ибо они находят, что он в порядке вещей. Для них как раз безвестность была бы не-

1. Кристина Риччи — американская актриса ("Спаси и сохрани", "Сонная лощина" и др.).

естественной, непонятной, неприличной. Когда вдруг то, что они делают, начинает пользоваться признанием, у них не рвет башню, они просто думают: "Ну наконец-то, давно пора" Короче, единственный способ не зазнаться — это зазнайкой родиться.

Среда

Я-то думал, что мир подарен мне от рождения! Мир не дарится — он покупается.

Четверг

Сложность не в том, чтобы ответить на вопрос, зачем мы живем, а в том, чтобы не задавать его себе.

Пятница

Ужинаем с Людо в "Ами Луи" по соседству с Ванессой Паради и Джонни Деппом.

Глядя на эту прелестную парочку, Людо, мой женатый друг, хандрит еще больше:

— Ну как это у них получается? Моя жена так страдает от жизни со мной... Хуже всего ее испуганный взгляд.

— Испуганный? Ты ее бьешь?

— Нет, но мне кажется, она все время боится, что я от нее сбегу. Это меня нервирует. Плевать, что мы не спим, но от ее страха я впадаю в черную тоску. Мне кажется, что я чудовище. Тебе, холостяку, этого не понять...

— Холостяков женщины боятся не меньше, уверяю тебя: их страшит моя свобода, моя неряшливость, они боятся в меня влюбиться, подхватить какую-нибудь заразу или, того хуже, вообще ничего не почувствовать. Наверняка я занимаюсь любовью реже, чем женатые мужики.

— Если только они не хранят верность женам!

— Знаешь, мне кажется, я сексуальный психопат.

— Что? Ты садо-мазо, зоофил, педофил?

— Нет, я еще извращеннее. Я хочу, чтобы меня любили. А что Пенелопа? Ты по-прежнему с ней встречаешься?

— Нет, меня это не возбуждает с тех пор, как слишком возбуждает ее.

Воскресенье

Лучшая фраза недели, как это частенько случается, принадлежит Анджело Ринальди[1]: "Роман — это не что иное, как переход из безвестности в забвение, не более того"

Понедельник

Подведем итоги: я люблю Клер, но она не хочет меня видеть; Пенелопа хочет меня, но я больше не хочу ее видеть. С тех пор как мою послед-

1. Анджело Ринальди — журналист, писатель, редактор литературного раздела "Фигаро".

нюю книгу перевели тут и там, я все время в разъездах. Я пользуюсь присутствием фанаток в ночных клубах. Культивирую в себе интересную горечь, которая служит мне разменной монетой. Вместо того чтобы признать, что мне повезло, я все время жалуюсь. Ненавижу всех, кто хоть в чем-то на меня похож. Мир представляется мне безликим, потому что я бываю только в аэропортах и на дискотеках. На всем земном шаре фоном служит одна и та же песня. Глобализация проявляется прежде всего в музыке. Земля превратилась в танцпол. В этом дневнике я описываю новое явление: всеобщую дискотекизацию мира. Недавние исследования показали, что дискотека занимает первое место в списке развлечений — и трат — 18—24-летних (оставляя далеко позади кино, театры, концерты... и книги).

Вторник

Клер сделала аборт, не предупредив меня. Я попытался дозвониться в больницу, но дежурная медсестра сказала, что не имеет права сообщать имена пациенток. Навестить ее нельзя: сегодня в 15 часов эмбрион был высосан в небытие, откуда он, собственно, и не должен был выходить. Как помириться с женщиной после всего того, что я ей устроил? Можно ли причинять ей такую боль под тем лишь предлогом, что любишь ее слишком сильно, чтобы сделать ей ребенка?

Среда

Писать — значит ждать: писатель, словно киноактер между двумя эпизодами, частенько просто сидит на стуле и ждет своего выхода.

Пятница

Утонченная шутка недели: знаете ли вы, какая разница между женщиной, у которой месячные, и террористом? С террористом можно договориться.

Воскресенье

По-моему, мне надо перестать думать. Я долго думал, прежде чем пришел к этому заключению.

Вторник

Взяв себя и свой "Нокиа" в руки, я звоню Клер. Не повезло, нападаю на ее сына. Противно. Такое ощущение, что я Клокло[1], исполняющий песню "Телефон плачет"

— Послушай, мама есть? Скажи ей: "Мама, это тебя"

— А, это ты, Оскар? Даю тебе маму.

Я уже собрался было затянуть припев "Теееееелефоооон плаааачеееет...", но тут Клер внезапно взяла трубку.

1. Клокло — прозвище французского певца Клода Франсуа (1938—1978).

– Что случилось? Что ты тут забыл?

– Тебя.

Телефон не плачет.

– Знаешь, у меня новый любовник. Прощай.

– Подожди. Я не могу без тебя жить.

– Поздно. Иди ты на хрен! Ту-у. Ту-у.

Она "тутукает" а я превращаюсь в койота, воющего на луну. Телефон рычит. Телефон несет вздор. Телефон пищит. Телефон дает отбой. Телефон кричит.

Среда

Понтий Пилат – властитель дум нашего времени. Трусы, избегающие ответственности, умывающие руки, чтобы не принимать решения, вот вы кто. Мы все – покорные замороченные Понтии Пилаты, приходящие в ужас при мысли о том, что надо усомниться в этом мире, который выше нашего понимания, и в его тайнах, поскольку мы уже даже не делаем вид, что они – наших рук дело[1] Ролан Барт говорил: "Понтий Пилат – это не человек, который не говорит ни да, ни нет, а человек, который говорит 'да'" Мы считаем, что негодуем, а на самом деле молча киваем. И к тому же надеемся держать руки в чистоте.

Воскресенье

Все так чудесно в пяти сантиметрах от лица женщины, которую, может быть, сейчас поцелуешь. С этой точки лучше не сдвигаться. Продолжение явно будет не так невинно.

Мне ни в коем случае нельзя было склоняться к Клер, когда я увидел впервые ее белоснежное, чистое тело в весенней ночи. Надо было держаться подальше, на космическом расстоянии.

Вторник

Гадаю на ромашке, думая о Клер:

– Дура – не дура, клюнет – поцелую, к сердцу прижму – к черту пошлет...

Боль меня не отпускает, я не могу забыть ее.

Когда я ее вижу, мне кажется, что она подурнела, когда не вижу – что похорошела. Она вульгарна, шумна, безумна, слишком громко смеется, безвкусно одевается, этакая Марлен Жобер для бедных, Николь Кидман для нищих, носит шлёпки в разгар зимы, ездит на уродской тачке, набитой детскими креслами, у нее двое детей от разных отцов, она трахается, как ненормальная, один, два, три, четыре раза подряд ей мало, она визжит и засовывает себе туда еще и пальцы, она ненасытна и пресыщена одновременно, ей на все плевать, Клер тоскует, я тоскую по Клер, и всякий раз, бросив ее, чувствую себя опустошенным. Она произошла в моей жизни. Со мной редко кто-то случается.

1. Намек на известную фразу из "Новобрачных на Эйфелевой башне" Жана Кокто: "Поскольку эти тайны выше нашего понимания, сделаем вид, что они – наших рук дело".

Среда

Эсэмэски — новомодное средство общения. Все посылают друг другу записки на мобильные телефоны. Мы вернулись к телеграмме, к эпистолярному жанру, к опасным связям. Например:

Я по тебе скучаю.

Мне так не хватает твоих рук.

Мои губы шарят по твоему телу.

Ich liebe dich![1]

Я мокну по тебе.

Мне столько лет, сколько хочешь, меня зовут, как хочешь.

А не пойти ли нам в "Квин"?

Ладно, это, конечно, еще не Шодерло де Лакло, но мы потихоньку к нему приближаемся. Скорость и краткость этих записок заставляет преувеличивать чувства и желания. Одна моя подружка пожаловалась вчера:

— Надоели мне эти "эсэмэс-lovers"[2]!

Четверг

Во Франции произошла колоссальная революция, а все как воды в рот набрали! Национальная ассамблея разрешила вазэктомию. Это означает, что в скором времени все растущие легионы Оскаров Дюфренов смогут добровольно себя стерилизовать, чтобы развратничать без гондонов и детей. Вот радости-то: эгоисты, слава богу, перестанут размножаться. Когда же наконец вазэктомию будет покрывать медицинская страховка?

Воскресенье

Нашел способ тискать сиськи задарма: достаточно заявить, что они искусственные. Тетки до смерти обижаются, вмиг задирают футболки и просят пощупать и убедиться. Не сдавайтесь сразу, будьте профи. Скажите:

— Операция прошла хорошо? Ну надо же, в жизни не скажешь, что силикон.

— Ты что! Они настоящие! Ты пощупай, пощупай!

Стриптиз на халяву и тисканье сисек обеспечены. Что надо сказать? То-то же. Спасибо, Оскар!

Понедельник

Хорошо бы сегодня со мной произошло что-то интересное. Думаю, от этого выиграли бы все на этой странице.

Вторник

Веду младшую сестру приятеля к "Чену" (это лучший китайский ресторан в Париже). Читая меню, она восклицает:

1. Я тебя люблю (*нем.*).
2. Любовники (*англ.*).

– Тут слишком всего много, у меня сбой в системе принятия решений.

Молодые выражаются все более странно. Например, я понятия не имею, как на верлане[1] сказать "антиконституционный" Ужин не удался ввиду полного отсутствия общих тем. Обжегшись на Клер, дую на воду. Потому-то я ее и потерял. Пока, общаясь с женщинами, я буду бояться, что мне будет больно, я не влюблюсь. Иногда я думаю, что в нашем веке уже больше никто ни в кого не влюбится. На кой черт? Поколение панцирных. Мир насекомых. Армия броненосцев. Любовь? Сколько подразделений?

Среда

Страсбург – это Амстердам без косяков в свободной продаже (но эльзасское вино дозволено). Я грызу соленые крендельки и размышляю о Европе. Опьянение в готическом городе изысканно; серебристая вода в канале отражает фахверковые дома и высокие сапоги эстонских шлюх. В "Ливинг-рум" (ул. Балейёр, 11) обстановка буржуйской помпезности. Напеваю "You are My High", хит морозных ночей. Много пить вредно, особенно сидя: вставляет, только когда встаешь с места. Идти не получается, приходится снова садиться, и вот тут начинаются настоящие неприятности. Далее наступает черед кислой капусты с сосисками, потом заваливаемся в "Авиаторов" (адрес потерял). Почему вечно приходится выбирать между блондинками, брюнетками и рыжими? Я бы потусовался с блюнеткой, брондинкой и блыжей! Уже 7 часов утра; ни фига не стоит. В этот час бедняки идут на работу.

Зима
Прозрачное безмолвие ясных вод

Те, кто грустны, те, кто хмуры,
Тех, кто ветрен, – не хули!
Переменчивость натуры –
Уж таков закон земли!
Для чего крыла Амуру?
Чтоб они его несли!
Чтоб они его несли!
Чтоб они его несли![2]

Бомарше *Женитьба Фигаро*
(Цитируется Жаном Ренуаром
в качестве эпиграфа к "Правилам игры")

Пятница

Знаменитым становишься, чтобы легче было клеить телок, но именно известность их и смущает, отталкивает, создает что-то вроде непреодолимого препятствия между ними и вами, а привлекает только блядей-карьеристок, корыстных мымр, завистливых змеюк, сварливых ревнивиц,

1. Верлан (от *франц.* à l'envers – наоборот) – особый жаргонный язык, пре; рестановку звуков или слогов внутри одного слова.
2. Перевод Н. Любимова.

агрессивных уродин и закомплексованных психопаток. Мой последний роман – первый в списке лучших продаж. Будучи неизвестным, я не решался ни с кем заговорить. Теперь, когда я стал известен, никто не осмеливается заговорить со мной. Оказалось, что слава связывает, сковывает, стесняет, это настоящая тюрьма. Покончено со свободой движений, поступками от балды. Приходится быть похожим на себя. Оставаться самим собой. Многие знаменитости уезжают жить за границу, потому что им надоело играть себя любимых, надоело соответствовать своему образу. Слава – облава.

Воскресенье

Кого-нибудь в себя влюбить – не бином Ньютона: сделайте вид, что вам наплевать, и все. Беспроигрышная стратегия. Мужчины и женщины в равной степени западают на тех, кто не обращает на них внимания. Клер я люблю, потому что она даже не притворяется, ей правда наплевать на меня. Или, еще точнее, плевать с высокой колокольни. Любовь заключается в том, чтобы убедить человека, которого ты хочешь больше всего на свете, что тебе от него ни горячо, ни холодно. Любить – значит играть в безразличие, заглушать биение сердца, говорить обратное тому, что чувствуешь. В сущности, любовь – это жульничество.

Понедельник

Я вампир. Завладеваю чужой жизнью и выдаю ее за свою. Высасываю из чужих жизней соки. Веду дневник другого человека. Меня надо срочно сдать в клинику сексуальной дезинтоксикации. Пусть мои страдания смешны, но они реальны. Я страдаю и причиняю страдания. Ничто меня не остановит. Это исступление неуемно, я могу угомониться разве что на заднем сиденье такси, вдыхая родной с детства аромат кожаной обивки и напевая "Love is All Around" "Троггз"

Вторник

Церемония вручения премий "The Best" в "Георге V". Гюнтер Сакс[1] беседует с Режиной, которая (на счастье Бранта) обещала сегодня вечером никому не давать пощечин. Новая Мисс Франция слишком уж сияет: надо бы ей напомнить, что дело в шляпе, ее выбрали, она больше не обязана улыбаться, как дура. Александр Зуари[2] тут как тут: всякий раз, когда я его встречаю, мне кажется, что я попал в фильм "Джет-сет"[3]. Он играет в нем с тех пор, как мы знакомы. Надо отметить, что вечер организован автором одноименной книги – Массимо Гарджиа, прозванным лучшими друзьями "женой Греты Гарбо" Стефан Берн[4] усмехается:

– Он пригласил фальшивого Валентино, фальшивую Лиз Тейлор, и самое страшное – настоящую Джину Лоллобриджиду!

1. Гюнтер Сакс – немецкий миллиардер, третий муж Брижит Бардо.
2. Александр Зуари – любимый парикмахер топ-моделей.
3. В русском прокате "Светские львы"
4. Массимо Гарджиа – автор книг "Прелести высшего общества. Джет-сет", "Тела к телам. Джет-сет во всем своем блеске" "Джет-сет. Дневник международного плейбоя" "Гид по выживанию в джет-сете", любовник Греты Гарбо и ряда других известных дам; Стефан Берн – известный светский хроникер, телеведущий.

Урсула Андресс вручает мне диплом за элегантность. Делаю вид, что удивлен, хотя считаю, что вполне заслужил эту награду. Кароль Буке краснеет от стыда, что засветилась на подобном рауте. Кто-то говорит мне:

– На нее встает как на стиральную машину.

А что такого? На отметке "отжим" стиральная машина может доставить море удовольствия. Жан-Жак Шуль и Ингрид Кавен ужинают за моим столиком (попаду ли я наконец в их следующий роман?). Массимо Гарджиа представляет нам потрясающую брюнетку:

– Нина. Актриса. Итальянка. 22 года. Новенькая.

Среда

Чтобы Нина не пустила у меня корни, я говорю ей, что в постель заложена бомба.

– Клянусь тебе, в четыре утра она взорвется, так что УХОДИ СКОРЕЙ!

Сработало: она слиняла. Стоило ей уйти, как я заскучал по ее духам. Она целовалась, упираясь напряженным язычком мне в зубы. Я вспомнил, как она шептала, утирая фальшивые сиськи простыней, словно делая мне комплимент:

– Oscar, you are so selfish...

Я просто больной. Хорошо бы моя кровать НА САМОМ ДЕЛЕ взорвалась в 4 утра.

Четверг

Я амфибия. У меня IQ земноводного. Это сообщение пришло на мой "Нокиа" Второе оказалось посимпатичнее: "Твой меч, мой орал. Линда"

Я, может, и захотел бы, да по заказу не получается. Может, я слишком стар?

Пятница

Ищу повода поплакаться, но не нахожу. Что само по себе уже повод.

Суббота

Умираю от скуки на рождественских ужинах. Семейные сборища пахнут елкой. Дед Мороз – отморозок.

Понедельник

Чтобы спастись от холостяцкой скуки на рождественском ужине, уезжаю в самый прекрасный в мире отель – "Датай" – на Лангкави, маленьком островке у северо-западного побережья Малайзии, прямо под Таиландом. Там несколько роскошных вилл, рассыпанных на белоснежном песке, в окружении тропического леса, где обезьяны испускают короткие взвизги, чтобы соответствовать фильмам про Тарзана. Все здесь отвечает самому изысканному вкусу, за исключением клиентов. На самом

1. Оскар, ты такой эгоист...

деле это не самый красивый отель на планете, а самый "бубонный" в смысле буржуазно-богемный. В прошлом месяце здесь побывала Джоди Фостер и еще Фил Коллинз. Даже Ширак сюда заглянул (с меньшей помпой, чем в "Ройал-Палм" на Маврикии). И кого же я вижу, стоит мне вытянуться у бассейна? Ноэля Галлахера из "Оазиса"! Его новая подружка похожа на Мег Райан. Ноэль Галлахер во вьетнамках! Нет, все-таки редкая удача – сбежать от Рождества, чтобы очутиться на краю света в компании Деда Мороза[1].

Среда

Ложусь белым, просыпаюсь красным. Я слишком долго читал на солнце, уничтожая марширующих по мне насекомых (красных муравьев, песчаных крабиков, крошечных паучков) и засохшие листья, которые на поверку оказались замершими бабочками, а также другие неопознанные летающие объекты. Ноэль Галлахер уехал. Жалко, не успел спросить его, что он хотел сказать своим "Babyyy/ You're gonna be the one that saves meee/ and after aaaall/ You're my wonderwaaaall" Что может значить: "Ты чудо-стена, которая меня спасет"? Через час, по закону парности, делающему нашу жизнь волшебной, я нахожу ответ в романе Патрика Бессона "Подвержен легкой меланхолии": "Женщин он не любил, он в них верил. Он был убежден, что одна из них – одна на миллиард – его спасет. И хотел найти ее при жизни"

Четверг

Узнаю из французских газет, что кодовое слово для получения чемоданов с банковскими купюрами, посланных Альфредом Сирвеном[2], было "Оскар". Звонишь себе в "Эльф", говоришь: "Я нуждаюсь в услугах Оскара" – и получаешь кучу бабок из Женевы. Я польщен, что послужил паролем. Но имейте в виду, если вы позвоните мне и попросите Оскара, я вам и сантима не пошлю! Хотя... В общем-то, если вы потрясающая юная дама, обязательно напишите мне, и, возможно, вы получите право на некоторые "услуги Оскара" (Никогда не понимал, почему надо ограничиваться в многоточии тремя точками, когда можно поставить целую дюжину, чтобы утяжелить непристойный подтекст.)

Пятница

Меня так и не взяли в заложники в этой мусульманской стране. Что оскорбительно, в конце концов.

Суббота

Мне ужасно нравится имя малайзийского главы государства: Салахуддин Абдул Азиз Шах ибни Аль-Мархум Султан Хизамуддин Алам Шах.

1. Имя Ноэль (Noël – Рождество, *франц.*) ассоциируется здесь с Père Noël (Дед Мороз, Рождественский Дед).
2. Альфред Сирвен – нефтяной магнат, бывший директор "Эльф Акитен", был признан виновным в коррупции и хищении крупной суммы из фондов компании.

"Привет, как тебя зовут?" Он, должно быть, нечасто снимает баб на дискотеках.

Среда

Что-то мне не в кайф этот Новый год. Кубрик нам уже описал его вдоль и поперек, к тому же еще в "Техниколоре"[1]: там будут обезьяны и черный монолит на Луне, орбитальные станции, танцующие вальс, а компьютер свихнется и наступит непонятный конец. Я бы лучше себя чувствовал, окажись мы прямо в 4001 году (если никто не ПОСПЕШИТ изменить календарь, я практически уверен, что НИ ОДИН ИЗ НАС не доживет до 4001 года).

Воскресенье

Читатели спрашивают меня, почему Оскар Дюфрен так знаменит. Что он делает в жизни? Только книжки пишет? Откуда берет он свои НБ (нуворишские бабки)? Почему прохожие просят у него автограф? Я отвечаю, что в современном мире люди богатыми становятся за один день и бывают известны исключительно своей известностью. И я не собираюсь оправдываться, потому что я воплощенная несправедливость.

Понедельник

Любовь влияет на погоду. На улице дождик, вы маетесь, просматривая записную книжку в своем мобильнике. Наконец, доходите до фамилии женщины, о которой думали, и — оп! — нажимаете на зеленую кнопку и оставляете ей сообщение: "Я сидел и думал о тебе", и вот уже среди туч воссияло солнце, запели птицы под дождем, вы превращаетесь в законченного идиота, исполняете балетное па, улыбаясь на манер Джин Келли (только лучше), и прохожие вокруг таращатся в изумлении... На улице может быть минус двенадцать по Цельсию, но вы подыхаете от духоты просто потому, что услышали ее голос на ответчике.

Вторник

Какой-то тип останавливает меня на улице и говорит: "Вы так мило пишете" Я благодарю его, но, пройдя несколько метров, вдруг соображаю, что в этом-то и затык: я пишу мило, ладно, но когда же я буду писать хорошо?

Среда

Все сходят с ума по нечитабельному Томасу Пинчону. Phony! Я вспоминаю три разновидности людей, с которыми сталкивается Холден Колфилд в "Над пропастью во ржи" Дж. Сэлинджера (еще один американец-затворник): это bastards, jerks и phonies. Человечество делится на три категории — сволочей, мудаков и пошляков. Бывают и смешанные

1. Имеется в виду фильм С. Кубрика "Космическая одиссея-2001".

варианты. Я уверен, что Сэлинджер за нами наблюдает исподтишка и частенько усмехается в своей хижине в Корнише, штат Массачусетс. Сэлинджер – это наша статуя Командора.

Пятница

В программе празднеств в "Квин" фигурируют новые модные аббревиатуры:

ДВД – Декольте Великолепное от Диора
УКВ – Удивительно Красивый Взгляд
№ – Нижний Бар
ДНК – Днем Не в Кайф
ТВ – Тусанемся Вместе

Воскресенье

"В настоящий момент все зажигавшие меня телки потухли" Я в бешенстве – фраза недели принадлежит Яну Муаксу, а не мне.

Понедельник

Решил изобрести антипонты, которые заложили бы основу для новых понтов. Открываю специальную неделю "Французская глубинка" Сегодня, например, отправился пропустить стаканчик в "Бальто" прокуренной забегаловке на Порт-де-Клиньянкур. Я даже поскреб лотерейный билетик "Морпион" но ничего не выиграл. Надо бы раскрутить в будущем году новую литературную премию "Бальто" Шагая по улице, слежу за тем, чтобы из кармана у меня вылезал номер "Парижьен" В киоске покупаю "Джихад" последний выпуск CAC[1]

Вторник

Жена Людо, которая ушла было от него после очередного скандала, вернулась назад. Людо в кусках – я уже успел вновь приобщить его к радостям холостяцкой жизни. Ясное дело: одну нашел, десятерых потерял. Так что мы с Анн Скотт, очарованной моей концепцией шикарного антишика, пошли дегустировать восхитительный кебаб на Северном вокзале. Я с белым соусом, она с "хариссой"[2]. Люблю женщин, которые едят "хариссу" Это трогательно до слез. Анн взяла три порции, а прослезился я.

Суббота

Встретил СМИ (Сексуальную Милую Идиотку), ДСП (Девчонку, Свихнувшуюся на Порнухе), БТР (Блядь с Тоскливой Рожей), ОРЗ (Обдолбанную Развратную Злючку), НДС (Нимфетку, Дающую Сразу), ТНТ (Тупую Недотраханную Телку), КПД (Клевую Похотливую Датчанку). Клею их походя – краткость сестра таланта. Мы живем в мире сокращений и аб-

1 CAC – серия шпионских романов Жерара де Вилье.
2. "Харисса" – острая приправа с красным перцем.

бревиатур. Потом догонялись на вечеринке "Фарма" в банкетном зале Ножан-ле-Ротру. Некая Мануэла компрессом ложится на мою хандру. Оказавшись у нее, только в ней почувствовал себя как дома. Проснувшись, увидел, что она страшна, как моя жизнь: оргазм называют маленькой смертью, а все потому, что, кончив, лучше уж не просыпаться. Ничего не поделаешь – то мы предаемся любви, то любовь предает нас.

Воскресенье

Меня ломает не отсутствие Клер, это ломка по тому времени, когда меня без нее не ломало. Ломка – всего лишь передозировка пустоты. Я упрекаю жизнь вообще в моем существовании в частности. Хотел шикануть своей антишикарной неделей, но выяснилось, что антинебытие – это все равно небытие.

Понедельник

Монреаль – это Нью-Йорк, говорящий по-французски. Ультрасовременный муравейник, сплошной фэшн, total hype[1] и андерграунд в буквальном смысле слова (мороз минус двадцать, так что все сидят под землей). Квебек – это Франция через 10 лет. Даже комичный акцент местных жителей очень быстро забывается, и отеческая снисходительность заносчивого парижанина преобразуется в комплекс неполноценности. Понятно, что только франкофонные канадцы начинают по-умному сопротивляться американизации. Они сохраняют то, что им нравится на этом континенте (скорость, эффективность, технологию), и выкидывают все остальное (меркантильность, англицизмы и Рока Вуазина[2]).

Вторник

Накачиваюсь портвейном в "Софе" (Рэйчел Уэст, 451) в компании юных писюшек, которые запросто могут подхватить пупочный насморк. За окном полярный холод, но они упорно щеголяют в коротеньких майках. Позже я засну в своих апартаментах "Королевы Елизаветы" и мне приснятся чихающие пупки. (Попробую завязать с травкой Мориса Г. Дантека: в ней слишком высокое содержание ТГК[3].)

Среда

Здесь динамисток называют "раздражалками" Снова здорово: пялишься прямо в лицо красотке, а она глядит в пространство. Унылая картина весь этот нетающий снег. Лучшее средство избавиться от хорошенькой девицы – это переспать с ней. Квебекцы правы: динамистки нас раздражают. Проблема в том, что мы обожаем этот раздрай по имени желание.

Жюль Ренар, раздавший всем сестрам по серьгам в своем "Дневнике", нашел прекрасное определение для подобных мне бабников. Он пишет 31 мая 1892 года: "Сердце на 25 приборов" Он только забыл уточнить, много ли побьют посуды, убирая со стола.

1. Рекламная шумиха, надувательство (*англ*).
2. Рок Вуазин – канадский певец.
3. ТГК – тетрагидроканнабиол – один из основных алкалоидов конопли.

Суббота

В чем мой секрет? Притворяюсь, что пишу, и незаметно начинаю писать на самом деле.

Воскресенье

Клер пишет мне: "Я буду ждать тебя всю жизнь с условием, что ты поторопишься мне перезвонить"

Но поезд ушел, я предпочитаю вспоминать о наших муках и не превращать невозможную страсть в любовную несовместимость. Сегодня меня занимает моя следующая женщина. Поэтому я их часто меняю: ищу не очередную, а самую последнюю. Я знаю, что где-то меня уже ждет та, с которой я пока не знаком.

Понедельник

Приятно двадцать лет спустя вновь испытать действие, которое на меня, пятнадцатилетнего, оказывали песни Элтона Джона. "Friends" "Border Song" "Tiny Dancer", "Skyline Pigeon" "Mona Lisas and Mad Hatters", "Levon", "Grey Seal" "I Need You to Turn to" "This Song Has no Title" "Goodbye Yellow Brick Road", "Sixty Years On" "Michelle's Song" "Into the Old Man's Shoes", "We All Fall in Love Sometimes" "Pinky" – это самые лучшие песни моей жизни. Убедительно прошу всех читателей, незнакомых с сочинениями Элтона Джона 70-х годов и принимающих его за коротышку в смешных очечках от английского шоу-бизнеса, немедленно закрыть эту книгу. Сидя у себя в комнате, обтянутой зеленой или синей тканью, я часами смотрел, как крутятся на проигрывателе пластинки моей матери – они трескались реже, чем теперь, – и мне становилось горячо в животе, я был счастлив и несчастлив одновременно и влюблялся во всех девчонок лицея Монтеня... Я сексуально озабоченный романтик. И тут нет никакого противоречия. Я ведь существую и часто лью слезы, валяясь с голыми ногами на кровати.

Вторник

Вот три фразы, которые следует произносить при разрыве с женщиной: "Я от тебя ухожу" "Между нами все кончено" и "Я тебя разлюбил" Пока они не произнесены, все еще поправимо. Можно сколько угодно ссориться и посылать друг друга подальше. Но в тот день, когда они сказаны, пиши пропало. Эти слова производят эффект разорвавшейся бомбы – вылетели, не поймаешь. Словно код доступа в тупик, "сезам, закройся" любви.

Пятница

Господи, я не достоин, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи слово, и испепелится душа моя[1].

1. Правильно: "...и исцелится душа моя" – слова, произносимые во время мессы.

Суббота

Чтобы позлить Летицию из Лилля, я говорю, что буду трахать другую, думая о ней. Она нежно улыбается – как я ни стараюсь, мне не удается вывести ее из себя – и сообщает мне медовым голоском:

– Лучше трахать ее, думая обо мне, чем трахать меня, думая о ней.

Понедельник

Тяжелая это работа – ждать женщину в людном месте (бросаю полные надежд взгляды на незнакомок, входящих в кафе, и после каждого облома вынужден снова причесываться, сохраняя при этом видимость достоинства). Еще хуже – никого не ждать в том же людном месте. Лучше, чтобы тебя продинамили, чем не иметь никого, кто мог бы тебя продинамить.

Вторник

Пересеклись с Клер: страшное разочарование. В моих воспоминаниях *она была гораздо красивее, я любил ее гораздо больше* и наслаждался каждым мгновением. (С Клер мгновения длились дольше мгновения. И каждое мгновение было первым.) А тут – фюить, магия испарилась, чары рассеялись. Что тому виной – лень, гордость, боязнь страданий, но мы отдалились друг от друга, наши чувства вдруг устарели, и реанимировать их невозможно. Передо мной стояла рыжая истеричка с опавшими грудями, вульгарно одетая и чрезмерно размалеванная. Только бабочка, вытатуированная у нее на ноге, напоминала мне о женщине, которую я дико хотел еще пару недель назад. Я вспомнил, что пишет Поль-Жан Туле в "Моей подружке Нан": "И он знал также, что сойтись с женщиной после долгого перерыва будет несуразным святотатством; и что, если, выпив 'Жюрансона' оставить вино выдыхаться в бутылке, оно превратится вскоре просто в безвкусную желтую жидкость". Это одни из самых жестоких и верных слов, написанных о конце любви, об этом пламени, ставшем чуть теплым, о прокисшем благородном вине. Завершение кристаллизации[1] – святотатство; смертный грех упущения. Презирая того, кого любил, оскорбляешь самого себя.

Среда

Она прокричала мне:

– Ты кончишь, как последнее дерьмо!

Я ответил:

– Это лучше, чем кончать с последним дерьмом!

Четверг

Звонит Пенелопа, чтобы сообщить мне, что она наконец нашла свое счастье – оно имело место в прошлую субботу с 21 ч 17 мин до 21 ч 42 мин. Я умоляю ее ничего мне не рассказывать. Я противник счастья. На-

1. Кристаллизация – метафора Стендаля ("О любви") для состояния души влюбленных, когда избранник или избранница начинают казаться прекраснее, чем они есть на самом деле.

до будет организовать демонстрацию против счастливчиков. Депрессушники с вытянутыми рожами пройдут в молчаливом марше, потрясая лозунгами: "Нет – радости жизни!", "Долой счастье!", "Гедонизм? Спасибо, не надо!"

Мне следовало бы сойтись с Пенелопой, когда она этого еще хотела. Она восхитительна и лукава. Но мне казалось, что у нее слишком маленькая грудь. И потом, она трахалась с Людо тайком от меня. Вот дура: если бы она мне об этом сказала, я бы дико возбудился. Что компенсировало бы нехватку грудей!

Суббота

Людо хандрит.

– Ты чего хандришь?

– Я бросил любовницу.

– Да что ты? У тебя новая любовница?

– Ну да. А то зачем было тогда жениться?

– Так почему ты ее бросил?

– Она слишком сильно душилась.

– Что?!

– Ну да: жена орала на меня, когда я возвращался домой, поэтому я решил завязать.

Дамы и барышни, дорогие читательницы, если у вас есть женатый любовник, сжальтесь над его женой, не душитесь хмельными пахучими духами. К черту "Коко", "Пуазон", "Обсессьон" и, главное, никакого "Раша" Будьте милосердны. Заранее благодарен вам за тех и за других.

Воскресенье

Как, в сущности, легко испортить хорошие отношения – достаточно сказать: "Я тебя люблю"

Понедельник

Мне сплошь и рядом попадаются юные кретины, которые не хотят "брать в голову" Тогда как я, разменяв пятый десяток, люблю как раз "брать в голову": разбирать по косточкам то, что не ладится в моей дурацкой жизни, и переделывать окружающий мир. Хочешь жить – бери в голову. Бери в голову и бейся ею об стенку. Сегодня Декарт сказал бы: "Я беру в голову, следовательно, я существую"

Вторник

Людо ждет второго ребенка! Он сообщает об этом с похоронной физиономией, что выводит меня из себя:

– Проблема в том, что, женившись, трахаешься без резинки. Черт возьми, ты не обязан перенаселять планету!

– Пошел ты, я очень рад! Обожаю делать детей.

Охотно верю. В моем присутствии он всегда принимает несчастный вид (чтобы доставить мне удовольствие), но на самом деле он в восторге. Потомство – доказательство его потенции. Но я не сдаюсь:

– Ты только глянь на их растопыренные пальчики, это же завоеватели, они проникают к нам, чтобы занять наше место!

– Да что ты понимаешь, когда эти ручки тянутся к тебе... А вообще-то, с чего это я вдруг занялся любовью с собственной женой...

– Это вредно для здоровья! В наше время никто уже этого не делает!

– Знаешь анекдот про мужика, который поехал в Лурд[1] со своей женой?

– Нет.

– Чуда не произошло, они по-прежнему вместе.

За что люблю Людо: он всегда рассказывает застольные анекдоты до начала ужина.

Суббота

Почему так приятно трахаться без резинки? Потому что рискуешь дважды и по полной программе: дать жизнь и заразиться смертью.

Среда

Бежать, нестись не переводя дыхания. А потом, в один прекрасный день, остановиться и сказать ей, глядя прямо в глаза: мне нужна только ты, честное слово. И поверить в это. Хорошо бы еще не расхохотаться в эту минуту, немножко испугаться, рискнуть, совершить какой-нибудь дурацкий поступок, например, подарить цветы – в любой день, кроме 14 февраля, или трахнуться на трезвую голову.

Воскресенье

Мне кажется, я наконец понял, в чем прокол: я бы хотел быть героем. Стоять на носу "Титаника" и кричать, что я властитель мира. Я бы хотел пить цикуту, завоевывать империи, изменить Солнечную систему, свергнуть "Данон" Я хочу, чтобы со мной случались исторические события, а у меня в жизни сплошь анекдоты, еще хорошо если исторические. Мир на замке́, я не могу к нему подступиться.

Среда

Мне худо, но никто этого не понимает, потому что я сохраняю хорошую мину при плохой игре. Остается мне только моя способность увлекаться. Писатель – это не профессия, а диагноз. Надо уметь изумляться при виде чего-то обычного и спокойно взирать на безумие.

Четверг

Короткая стрижка – единственный недостаток Анны Гавальда[2]; все остальное в ней мне нравится. Мы проводим сравнительный анализ своих

1. Лурд, город на юго-западе Франции, стал местом паломничества благодаря преданию о чудесном явлении Богоматери 14-летней Бернадетте Субиру и о чудодейственной силе источника, расположенного неподалеку.
2. Анна Гавальда – французская писательница, автор сборника новелл "Мне бы хотелось, чтоб меня кто-нибудь где-нибудь ждал" и др.

жизней и в итоге не доедаем ужин. Она пьет коку и разводится. В ее возрасте я занимался тем же. В "Камбодже" нас узнали, но я все-таки заплатил по счету. Она вдруг нашла разрешение всем моим неутоленным желаниям:

– Подумаешь, дело, Оскар, принимай бром, и все тут!

И жизнь моя превратится в нескончаемую военную службу, освобожденную от сексуальных обязательств.

Суббота

На днях зашел к Людо, чтобы оказать ему моральную поддержку на полднике в честь дня рождения его дочери. Дети орали так, что мы покинули поле боя и скрылись в ванной, чтобы забить косячок. Но его двухлетняя дочь нас засекла и вознамерилась во что бы то ни стало пробраться в нашу вип-зону (где мы сидели на бортике ванны и вздыхали о собственной юности, которая развеялась как дым). Она закатила жуткую истерику и, истошно визжа, принялась колотить в дверь, но мы выдержали осаду. Через некоторое время Людо все-таки прикрикнул на нее:

– Софи, успокойся! Если ты не прекратишь орать, пойдешь туда, откуда вышла!

По какому такому праву человек считает, что может делать все, что захочет, под тем лишь предлогом, что ему два года?

Среда

Ариэль Домбаль поверяет мне Ключевой Секрет Совращения. Есть фраза, позволяющая склеить где угодно какую угодно телку, при условии, что она молча скучает. Послав в ее сторону парочку томных взглядов, надо подойти поближе и прошелестеть ей на ухо:

– У вас отсутствующий вид, но от вас ничто не ускользает.

Говорят, получается. Я не осмеливаюсь спросить у Ариэль, не так ли к ней подкатился Бернар Анри-Леви[1]?.. Но должен признаться, мне ближе более прозаический метод Пьера Бенишу:

– Мадемуазель, не хотите ли прокатиться на "мерседесе"

Суббота

Уэльбек озаглавил свой теоретический манифест о поэзии "Оставаться живым" Я думаю, что тому, кто когда-нибудь напишет теорию жизни в лучах славы, придется озаглавить ее "Оставаться нормальным" Селебрити – ненормальное состояние, но общество требует от звезд, чтобы они оставались нормальными. Таким образом, создается впечатление, будто единственная цель знаменитостей – таковыми не выглядеть. Великих мира сего узнаёшь не в лицо (они либо плохо выбриты, либо скрываются за очками или шапочкой), а по их преувеличенной любезности. Они явно перебарщивают, часами жмут вам руку, делают вид, что вы им чертовски интересны... И тут вы начинаете подозревать, что этот тип явно кто-то известный, а то с чего бы это он так старался "остаться нормальным" "Звезды" все время извиняются за свою знаменитость. Какого-нибудь самодовольного мудака узнаёшь по его подчеркнуто любезной

1. Бернар Анри-Леви – французский философ, муж актрисы Ариэль Домбаль.

манере держаться, по тому, как он интересуется вашей говенной жизнью, задает вдумчивые вопросы и делает вид, что выслушивает ответы. Если звезда так звездит (долго и заинтересованно говорит с человеком, который на хрен ему не нужен), то лишь для того, чтобы его собеседник потом всем рассказал, что тот "в жизни в сто раз клевее, чем по телику", тогда как этот маскарад доказывает только, что он "в сто раз расчетливее, чем нормальный человек" (Собеседник его больше никогда не увидит, факт его никчемного существования сотрется из памяти звезды минут через пять после незабываемой встречи, во время которой, кстати, вышеозначенная звезда ровным счетом ничего не слушала, поглощенная необходимостью улыбаться фотографам.) Привыкайте остерегаться любого человека, который вами интересуется, особенно если он знаменит. Я знаю, что говорю, я с детства крутышка.

Воскресенье

Мари Монтюир[1] смотрит, как я допиваю сорок вторую "Кайпиринью" в "Клозери"[2].

— Ты слишком много пьешь, — говорит она с упреком.

Но я не сдаюсь. И достойно отвечаю (торжественно воздев к небу палец):

— У вас ускользающий вид, но ничто у вас не отсутствует.

Понедельник

"Добрый вечер. У нас закончилось филе страуса", — сообщает мне трагическим тоном официантка в "Фарфалле" (Канны, набережная Круазет, 1), как только мы садимся за столик. Я думаю, все единогласно проголосуют за присуждение ей первой премии с поздравлениями Жюри за лучшую фразу недели.

Весна
Невыносимая красота

Брызги джина воспламеняют взгляд
воспоминаньем.

О. В. де Любич-Милош

Воскресенье

Многие читатели хотят знать, не привираю ли я, а если да, то в каком месте, в котором часу, где и с кем. Они не понимают, что, если я веду дневник от первого лица, это еще не повод говорить правду. Это не "правда через ложь" Арагона, а лживая правда автора дневника. Когда-то противопоставляли интимный дневник роману. Первый считался срыванием всяческих масок, последний — вымыслом. Поскольку с тех пор даже роман стал

1. Мари Монтюир — французская телеведущая.
2. "Клозери де лила" — ресторан на Монпарнасе.

автобиографическим, я решил создать романизированный дневник. Рассказывать свою жизнь от собственного имени скучно, потому что слишком просто: рожа автора всем известна, понятно, кто говорит, всем все ясно. Это путь наименьшего сопротивления, и потом, столько гениев (равно как и бездарей) его уже прошли. Второе Я позволяет пойти в обход и превратить чтение дневника в игру в прятки. "Романтического эгоиста" можно определить следующим образом: это лего из эго. "Понедельник. Не Я. Вторник. Не Я. Среда. Не Я..." (привет Гомбровичу[1]).

Понедельник

Неминуемая катастрофа: Земля погибнет, это раз. Непоколебимая уверенность: я тоже умру, это два. Вопрос на повестке дня: кто первый? Земля или я? Лучше бы Земля, потому что тогда и я там же буду. Если уж подыхать, так с музыкой. Любя себя, я очень рассчитываю на конец света. Не исключено, что все люди мне подобны; это объяснило бы тот факт, что они изо всех сил стараются ускорить Апокалипсис: чтобы не помереть в одиночку.

Вторник

Моя жизнь – это роман, основанный на реальных фактах.

Четверг

Люблю я свое несчастье. Оно составляет мне компанию. Порой, когда я временно счастлив, мне даже не хватает этой занозы. На хандру легко подсесть.

Пятница

В "Кастеле" встретил Франсуазу, ту самую красотку с Форментеры. Она сидела на ступеньке. Показала мне свой живот, плоский и загорелый, потом отказалась меня поцеловать. Лучший вечер за неделю.

Суббота

В настоящий момент я готов хранить верность целой куче телок. Мне хочется склеить разбитое. Так говорят обычно, когда собираются снова сойтись. Но лично я ни за что с Клер не помирюсь: мне просто хочется отыскать в других женщинах ее составные части, чтобы потом сложить их воедино. Соберу пазл Клер из чужих кусочков.

Воскресенье

Вчера вечером, в 4.59 утра, мчался на машине из Ниццы в Канны, высунув голову в окно и подставив лицо теплому весеннему ветру, аромату кипарисов, оливковых деревьев, кедров, зонтичных сосен,

1. Имеется в виду "Дневник" Витольда Гомбровича ("Понедельник. Я. Вторник. Я. Среда. Я").

И мне казалось, что луна плывет
По лону Средиземных вод.

Невероятная легкость ощущений с тех пор, как я посеял свой мобильник в "Виллаже", ночном клубе в Жуан-ле-Пене. Теперь я застрахован даже от "первого звоночка" Настоящая свобода настает, когда ты недоступен или вне зоны действия! Жаль только номера Марины Дельтерм, который остался в памяти моего телефона. Повезет тому, кто его найдет...

Понедельник

Слишком я падок на красоту. Соблазнить меня – раз плюнуть. Я жертва женской прелести, как бывают, например, жертвы моды. Я не признаю себя виновным. Не моя вина, что я бабник и волокита. По-вашему – "козел" по-моему – "beauty victim"[1]

Среда

Мне рассказали забавную историю: один мой приятель, светский гомик, завел роман с гинекологом и таскает его на все парижские пати. И сообщает, представляя его:

– Я без своего гинеколога никуда.

Суббота

Если меня показывают по ящику, говорят, что я слишком раскручен. Если я отказываюсь от выступлений, говорят, что я звездю. Когда я покончу с собой, меня наверняка обвинят в пиаровской акции.

Воскресенье

Издатели не читают книг: они их издают.

Критики не читают книг: они их просматривают.

Читатели не читают книг: они их покупают.

Вывод: никто, кроме писателей, книг не читает.

Понедельник

Когда Людо приходит домой, ему есть к кому припасть. Я этой радости лишен. Может, холостяки только потому и снимают девушек, чтобы хоть иногда употреблять глагол "припасть"

Вторник

Опасный приступ романтизма у Патрика Вильямса (зам. главного редактора журнала "Техникарт"): мы оба приходим к выводу, что гораздо приятнее заниматься любовью, будучи влюбленным. Мужчины в этом смыс-

1. Жертва красоты (*англ.*).

ле ничем не отличаются от женщин: секс с чувствами нам милее. Без смущения, очарования и магии секс превращается в спорт. В этом, несомненно, заключается причина неумеренного потребления алкоголя. Я часто трахаюсь в подпитии ради того, чтобы ощутить любовный хмель. Если сердце не бьется, так пусть хотя бы голова кружится.

Среда

Клер звонит мне в 6 утра, чтобы обматерить меня. Я спокойно даю ей излить свою желчь, усмехаясь, как гиена на рассвете в африканской саванне. Потом я так же спокойно отвечаю, что между нами есть одна большая разница: она ругает меня, потому что любит, а я вежлив с ней, потому что разлюбил ее. Когда она бросает трубку, у меня перехватывает дыхание — я понимаю, что теперь мы уже точно больше с ней никогда в жизни не поговорим.

Пятница

Идет дождь, светит солнце, идет дождь, светит солнце. Бог играет с годой в переключалки, как я с женщинами. И не смейтесь, пожалуйста. Я написал маленькое четверостишие, прочтите и не судите строго.

Мне страшно хочется сожрать тебя живьем
Мне страшно хочется за зад тебя схватить
Мне страшно хочется пожить с тобой вдвоем
Мне страшно хочется руки твоей просить

Да, согласен, это всего лишь проба пера, но зато александрийский стих.

Воскресенье

Я люблю только читать, писать и заниматься любовью. Соответственно для жизни мне достаточно было бы простой студии при условии, что в ней будет книжная полка, компьютер и кровать.

Среда

Появившись несколько раз на телевидении (для рекламы книжки), пытаюсь остаться нормальным. Слава — это роскошное рабство, тюрьма под открытым небом. Гуляешь себе по улице, и все тебя отслеживают. Прохожие делают вид, что не узнают меня, но, отойдя на несколько метров, шепчутся у меня за спиной:

— Видел? Это ж этот мудила Оскар Дюфрен!
— Смотри, а он похудел!
— Сбледнул с лица.
— А нос задирает.
— А мне он нравится...
— Заткнись ты, Эглантина!

Всякая мельчайшая деталь, любое изменение внешности тут же разбирается по косточкам.

– У него сальные волосы!
– Он плохо побрился!
– Он в той же рубашке, что и на передаче Фожьеля!
– Дома не ночевал, сто процентов!
– А мне он нравится...
– Заткнись ты, Эглантина!

Мне кажется, что меня все время снимают. Пот течет с меня ручьем. Слишком много взглядов останавливается на моем лице. Я взят в кольцо – но не обручальное.

Пятница

Цель моей жизни – стать Томом Джонсом в лимузине с кондиционером. Сделаю подтяжку, наращу волосы, загорю дочерна, меня будут раздирать на части и обсасывать со всех сторон. Вот увидите, я своего добьюсь. Но и тогда, развалившись на сиденье, обтянутом белой кожей, с бутылью "Боллинджера" в одной руке и литовской эскорт-гёрл в другой, я уверен, что найду повод пожаловаться на судьбу.

Суббота

Постойте. Ведь Каннский фестиваль уже через две недели? Там же будут лимузины с кондиционером, не так ли? Если вашу мечту так легко осуществить, значит, это фигня, а не мечта.

Вторник

Людо издевается над моими бубонными бобошками.

– Ох уж эти муки вертопраха на пороге тридцатипятка...

– Ты на себя посмотри! Почему бы тебе не написать про счастье отца семейства, женатого на идеальной женщине?

– Зачем вообще что-то писать? Моими шедеврами будут дети. Никогда ни одна книга, ни один диск, ни один фильм не сравнятся с их красотой. Ни одна картина никогда не приведет меня в состояние такой оторопи. Не премину ту минуту (сечешь омофонию – Фолкнер отдыхает), когда родилась моя старшая дочь, назвать откровением. Я понял тогда, что искусство просто детский сад перед неисповедимой тайной этой окровавленной говнючки, роняющей слюну прямо на свою мать, всю в слезах. С тех пор я каждый день смотрю на свою жизнь как на необъяснимое волшебное творение. Она, конечно, не лишена длиннот, повторов, вкусовых просчетов. Актеры устали, декорации поблекли. Со стилем бывают неувязки. Но это лучше Пикассо, Пруста, Феллини и "Битлз" вместе взятых.

– Пеги́ говорил, что отцы семейства – авантюристы нового времени, а тебя послушать, так они наши последние денди.

– Знаешь, Оскар, я долго тебе завидовал, но сейчас мне, пожалуй, тебя жаль.

– Благодарю тебя, мой единственный друг.

Вот тут мы друг друга не понимаем. Я смотрю из окна на новоиспеченных папаш, входящих с колясками в Люксембургский сад: подавленные, усталые, обремененные орущими детенышами, они изо всех сил проявляют терпение, делают куличики, хотя гиря до полу дошла... Ког-

да же они озвереют? Когда наконец сообразят, что на хрен им не нужна эта говенная жизнь среди памперсов и детских креслиц?

Среда

Я составил список девушек, которые мне нравятся. Первой идет Франсуаза, учитывая ее нервозное обаяние. Один недостаток: ей на меня плевать. Насколько мне известно, нежелание спать со мной еще не свидетельствует о большом уме!

Четверг

В двух местах аплодируют только мудаки: в кино и в самолете, когда он приземляется.

Пятница

Фраза недели: "Она полуманекенщица, полу "Майн кампф" (Эдуар Баэр).

Воскресенье

Начиная с определенного возраста на все есть ответ. Любовь? "Живет три года" Верность? "Это не жизненная категория" Смерть? "Только она дает свободу" Успокаиваешь себя готовыми фразами. Начиная с определенного возраста все средства хороши, чтобы перестать думать.

Понедельник

Пора уезжать из Франции. Один ученый очень подробно объяснил мне, почему за последние полгода у нас было всего пять солнечных дней. Северный полюс тает. Следовательно, в океане прибавляется воды: соль перераспределяется. А соль влияет на Гольфстрим. Не спрашивайте меня, как это происходит, я в этом ничего не понимаю. Но такова горькая реальность. Гольфстрим, теплое течение, которому мы обязаны мягким климатом и тем фактом, что Франция не стала полярной страной, идет сейчас другим путем. В ближайшие десятилетия Париж станет такой же горячей точкой, как Монреаль. Ужасную погоду 2001 года нельзя рассматривать просто как временное неудобство. От вас это скрывают, но скоро у нас грянут морозы. Французские зимы будут суроветь с каждым годом. Мы слишком долго стремились к комфорту, перепроизводили и гадили в атмосферу напропалую, так что теперь природа нам мстит. Будущий Ной наденет варежки и коньки, а на бороде у него вырастут сосульки.

Вторник

У кареглазых у блондинок / Сердце сделано из льдинок.

Среда

Франсуаза Арди составляет мне гороскоп: я Дева с восходящим знаком Близнецов. Благодаря Деве я мнителен, серьезен, трудолюбив, скрупу-

лезен, вдумчив, мрачен, невыносим. Благодаря Близнецам – дилетант, непоседа, любопытен, искренен, расторопен, подвержен стрессу, невыносим. То есть я разрываюсь между девическим критичным умом с пристрастием к контролю и близнецовым шилом в одном месте. Подозреваю, что Франсуазе пришлось перечитать все мои книги, чтобы так точно диагностировать шизофрению.

Пятница

Уик-энд на Женевском книжном салоне. Ожидаешь увидеть множество банков, набитых грязными деньгами, и магазинов, ломящихся от часов и шоколада. Оказываешься в праздничном городе, где рулят саудовские принцы и русская мафия. Майами и Ибица отдыхают. В Женеве все целуются взасос, высунув язык, как в клипе "You are My High" Билл Клинтон ел здесь фондю в "Армюр" (в старом городе). А Оскар Дюфрен выпил бутылку пива меж грудей Мартины в баре "Эспуар"

Воскресенье

Фраза недели: "Она была полуфэшн, полуфашистка" (Черкински[1]).

Понедельник

Ранним швейцарским утром над озером с трудом рассеивается туман. Бриз направляет струю, бьющую из фонтана, на прохожих и яхты. Тупо и снисходительно вглядывался я в увядшие холмы. Вдруг солнечный поток изобразил радугу в искусственной водной взвеси. Эти цвета избавили меня от мигрени. Благодарю тебя, Господи.

Суббота

В Каннах менты стоят на каждом шагу, чтобы кто не надо не проник на тусовку, где богатеи нарушают все республиканские законы. Общая тема вечеринок на этом фестивале? Насморк в смокинге. Чтобы тебя приняли всерьез, надо постоянно нюхать и хлюпать. За неимением слез текут носы.

Понедельник

Первое, что я увидел, приехав в Канны, была лужа крови. Вылез из такси и утонул в гемоглобине. Скорее всего, ночью на Круазет подрались плебеи. Обычное дело, вместо того чтобы нападать на богатых, бедные мочат друг друга. Так держать! В моих апартаментах в "Мартинезе" меня ждет бутылка "Теттинже" но я решаю спуститься в бар. Гийом Дюран, Александра Казан, Эдуар Баэр, Лу Дуайон, Мишель Денизо, Матье Кассовиц, Джамель Деббуз... Я тут самый незнаменитый.

– Ты на Копполу ходил?

– В смысле на фильм?

– Да нет, на банкет...

1. Грегори Черкински – французский композитор, музыкант, основатель группы "Микадо".

Пора бы привыкнуть: здесь никто никогда не говорит о кино; единственное, что занимает публику, – куда пойти вечером. Но я облажался – только приехал и уже все пропустил. Перманентный облом – вот принцип подобных сборищ. Чаще всего на Каннском фестивале произносят следующие две фразы: "В прошлом году было лучше" и "Пошли куда-нибудь еще" Где бы вы ни были, что бы вы ни делали, вы все равно не окажетесь в нужном месте в нужный час: там лучше, где вас нет. Отсюда и этот истерический ажиотаж, из-за которого все фестивальщики живут с прикипевшим к уху мобильником. В течение двух недель знаменитости в Каннах имеют все, что пожелают (наркотики, блядей, дворцы, яхты, ужины и вертолеты), поэтому, боясь что-то упустить, они ведут себя как избалованные дети. Поиск Грааля заключается здесь в лихорадочной охоте за тусовкой покруче той, на которой вы находитесь в данный момент. Кто не успел, тот опоздал. Кто сказал, что я правильно сделал, пойдя на ужин "Франс телевизьон" на пляже отеля "Мажестик"? Почему танцевал в клубе Канала+ с Аксель Лаффон и Клотильдой Куро, а не с Эмманюэль Беар и Шарлоттой Гензбур? Чего Пьер Лескюр[1] так на меня вылупился – неужели у меня вид телеведущего? Есть ли тут девушка красивее той, что сейчас меня целует? Нет ли где-нибудь в этом городе, в тот час, когда я пишу эти строки, чего-нибудь покруче того, чем я сейчас занят? Вот геморрой-то – стоит мне приехать в рай, как я начинаю сходить с ума, спускаясь в ад шоу-бизнеса.

Вторник

Проснулся в полдень, весь в поту (кондиционер сломался, и я спал с открытым окном), и погрузился в последний роман Дж. Г. Балларда, где он очень точно описывает зверинец, в котором я нахожусь. "Суперканны" – это история человека, жившего здесь в спальном квартале на холмах Ривьеры, на большой вилле с бассейном под надежной охраной камер слежения и ограды под электрическим током. В один прекрасный день он взял ружье, застрелил десять человек и направил дуло на себя. Баллард понял, что эта псевдожизнь невыносима. Страница 302: "Кинофестиваль простирался на полтора километра в длину, от "Мартинеза" до Старого порта, где коммерческие директора поглощали огромные блюда морепродуктов, но в ширину не превышал и пятидесяти метров... Сами того не подозревая, толпы под сенью пальм исполняли роль массовки, словно специально нанятой по случаю традиционного мероприятия. Надо сказать, что, устраивая овации или освистывая, они держались гораздо увереннее, чем актеры, которые, приехав показать товар лицом, вылезали из лимузинов с загнанным видом преступников, выставленных скопом перед жюри присяжных"

ОК, я участник реалити-шоу в декадентском Диснейленде. Баллард написал еще "Автокатастрофу" и "Выставку ужасов" – это название прекрасно подошло бы самому фестивалю. Кино было придумано, чтобы уйти от действительности. Кино – это чудесная ложь, сон наяву, оно создало свою собственную аристократию, которая боится теперь революции. Вип-участники фестиваля прячутся за спинами охранников с потрескивающими наушниками. Все здесь суперснобы, то есть закон-

1. Пьер Лескюр – основатель и бывший глава французского телеканала Канал+.

ченные параноики. Теперь-то я понимаю, откуда взялась лужа крови, встретившая меня по приезде. То была реальность, которая пыталась пробиться сквозь этот балаган.

Пятница

Выйдя на улицу, попадаю в лапы черни, меня обступают, зажимают, берут в оборот:

– Ты известный?

– Ты знаменитостей знаешь?

– Тебя по телику показывали, как тебя зовут?

– Ты актер? Певец? Ведущий? Автограф дашь?

– ТЫ ваще КТО?

– У тебя нет входного на тусовку? Бейджика на просмотр?

Я считаю, что агрессия всякой шпаны вполне оправдана. "Бьютифул пипл" объявил войну своей публике, вооружившись темными очками, "ролле-ройсами", гигантскими афишами и журнальными обложками. Народ их знает, но не узнаёт. Они живут его любовью, но не отвечают ему взаимностью. Публика унижена. Не решит ли она им отомстить в один прекрасный день? А то! Давиду из "Лофт стори"[1] уже аплодируют с большим энтузиазмом, чем Николь Кидман. Потому что зрители аплодируют сами себе. Теперь ни авторы, ни актеры уже не нужны для достижения заоблачных рейтингов. По Круазет пронесся легкий сквознячок паники – здесь только об этом и говорят (как, впрочем, и везде): в индустрии развлечений работа пользуется отныне меньшим успехом, чем безработица.

Среда

Нас подло обманули! Академики, оказывается, не бессмертны: Жак де Бурбон Бюссе только что отдал богу душу. Он последним из французов защищал семейное счастье и "долгую любовь" (так озаглавлен один из томов его "Дневника"). Жак воссоединился с Лоранс своей жизни, душой его творений, творением его души. Я оплакиваю писателя, чье видение супружества было диаметрально противоположно моему, пессимистическому. С кем мне теперь вести диалог? Кто согласится со мной, что любовь существует? Кто поклянется, что можно испытать счастье в подлунном мире? Бурбон Бюссе, старый бородатый динозавр и католик, неужели вы были последним романтиком?

Пятница

Сейчас мы вынуждены выбирать между цинизмом и паранойей. Одни думают, что поскольку нам все равно хана, то с паршивой овцы хоть шерсти клок: это коммерсанты, финансисты, телеведущие, рекламщики, гедонисты и нигилисты. Другие, опасаясь конца света, пытаются уберечь то, что еще не уничтожено: это писатели, противники глобализации, экологисты, поэты, зануды и брюзги. После падения Берлинской стены эта дихотомия вытеснила разделение на левых-правых. Эгоизм или романтизм – пора определиться. Всякий на свою ногу хромает.

1. "Лофт стори" (*англ.* "Loft Story") – французский аналог реалити-шоу "За стеклом".

Суббота

Поскольку термин "автофикшн"[1] присвоили себе весьма посредственные нарциссы[2], придется для дюфреновского бреда и в память Мальро (известного мифомана, автора "Антимемуаров") ввести термин "антидневник". Это кривое зеркало, которым я вожу вдоль своего пупа.

Понедельник

Когда актриса Майвенн Ле Беско приглашает друзей в "Кафе де ла Гар"[3] на автобиографическое one-woman-show (озаглавленное "Горошинка"), текст для которого она только что сочинила сама, готовишься к худшему. Нет в мире затеи более опасной, чем подняться на сцену и сыграть свой собственный текст о своей же собственной жизни. И поди ж ты! В течение полутора часов, одна на сцене, она выясняет отношения с матерью, сестрой и отцом, очертя голову бросается в сатиру на знаменитость, в бешеный самоанализ, в бесстыдные признания и критику воссоединившейся семьи. В ее тексте заключена невероятная сила и мужество, и она сама волнует, смешит и трогает одновременно, она иронична, едка, откровенна, жестока... Настоящий Филипп Кобер[4] в юбке. В конце спектакля публика, рыдая вместе с ней, удостаивает ее "standing ovation". Я, наверное, плохой друг, потому что мне и в голову не приходило, что в ней столько таланта. Мораль: когда вам не дают роли, которой вы заслуживаете, надо написать ее самому.

Вторник

Вчера вечером, устав наяривать, я, чтобы не париться, притворился, что словил кайф. Мужики все чаще симулируют в постели. Пора бы девушкам это усвоить: мы имитируем оргазм так же часто, как они. Есть несколько способов: потихоньку снять пустой гондон, делая вид, что он страшно липкий, или поддать стонов, хотя кончаешь с грехом пополам. Феминизм одержал очередную победу: мужчины и женщины равноправно ломают комедию наслаждений.

Среда

"Любовь в фантазиях гораздо лучше, чем в действительности. Никогда не заниматься любовью восхитительно" Энди Уорхол.

Четверг

Литературный критик – это жлоб, который, заметив какую-нибудь знаменитость на коктейле, локтями прокладывает себе дорогу к ней, чтобы потом оказаться на журнальных снимках рядом со звездой. Неустанно говоря о Джойсе, Рембо, Селине и Прусте, он надеется, что его спутают с ними. Ему так хочется царить в центре семейной фотографии. Но выглядит он самозванцем.

1. Автофикшн (autofiction) – неологизм, введенный в литературный обиход французским критиком и писателем Сержем Дубровски в 1977 г. для обозначения жанра своего романа "Сын", современный вариант романизированной биографии.
2. "Нарциссы" – один из номеров "Нового журнала психоанализа" (1976 г.).
3. "Кафе де ла Гар" – парижский кафе-театр.
4. Филипп Кобер – французский актер.

Пятница

Вчера, в ответ на мои жалобы на свое физическое уродство, Жасмина выдала мне фразу недели:

– Нет ничего уродливее мужчины, который считает себя красавцем.

Воскресенье

Александр Дрюбиньи[1] предложил мне со следующего сезона вести передачу на Канале+. Если я и откажусь, то только из страха стать настоящим Оскаром Дюфреном.

Понедельник

Франкфурт – это немецкий Нью-Йорк: футуристические небоскребы, дизайнерские мегарестораны, дикий капитализм, турецкие проститутки и мертвые джанки на тротуарах. Чувствую, что мне скоро здесь понравится. Проблема только в том, что в немецких такси надо пристегиваться на заднем сиденье.

Вторник

Я высоко ценю эту страну, потому что у всех девиц тут большие сиськи. В Германии Клаудия Шиффер считается плоской как доска! Я хотел бы стать аппаратом для дойки материнского молока. Кто-нибудь может сказать всем этим гретхен, чтобы они прекратили улыбаться Оскару, доярке рода человеческого?

Германия зеленая, Франция голубая, Италия желтая, Испания белая, Англия серая, Турция лиловая.

Среда

С тех пор как Бонн перестал быть столицей, в нем довольно тоскливо. Я депрессую в тени каштанов на берегу Рейна, накачиваясь пивом. И вдобавок мою единственную здешнюю любовницу зовут adult pay TV[2]. Из отеля "Бест вестерн" звоню Франсуазе, чтобы поздравить ее с днем рождения. Она в себя не может прийти от удивления: она как раз читает мою книгу! Я прошу ее приехать ко мне в Германию, она посылает меня подальше, но весьма любезно, вовсе не рассердившись на столь беспардонное предложение... Я выключаю порноканал и закрываю глаза; меня штырит больше, если я просто думаю о ней.

Пятница

Мюнхен. Полный облом с Ирми и Таней. Как клеиться в стране, где тебя не знают? Что делать, чтобы понравиться в Баварии? Быть милым? Слишком приторно. Злым? Рискованно. Притворяться, что тебе плевать? Они смоются. Алексис Трегаро[3] подсказывает мне решение:

1. Александр Дрюбиньи – директор программ на Канале+ и Первом канале французского телевидения.
2. Платный телеканал для взрослых (*англ.*).
3. Алексис Трегаро – французский журналист, телеведущий.

– Всегда ж можно наврать.

Нагрузившись джином с лимоном, мы продолжаем этот разговор в модном клубе "П1" (паркинг, переделанный в поилку).

– Мы либо пьянствуем, либо трахаемся, третьего не дано.

– Ты прав, думаю, что сегодня мы здорово напьемся.

И в самом деле, динамят нас по полной программе. Мы наступили на такое количество грабель, что скоро сможем составить конкуренцию Никола Садовнику[1]:

Таня: Maybe I will kiss you later.

Ирми: Sorry, I am not drunk enough.

Таня: My grandfather was a fucking nazi.

Ирми: My mother stabbed my father with a knife[2].

Французы склонны забывать, что немцы пострадали от Второй мировой войны не меньше, чем они. Трудно клеить наследниц государства, которое так отбрили 55 лет назад.

Мы уже так отчаялись, что стоило Тане взять в рот жвачку, как Франк вскричал:

– Это хороший знак!

Ан нет, ей просто захотелось пожевать. Я как-нибудь напишу книгу под названием "Не солоно стебавши"

Суббота

В Штутгарте сижу в одиночестве, депрессую в своем номере с кондиционером после выступления перед пожилыми людьми. 126 лет назад Рембо провел в Штутгарте два месяца. После чего отправился в Африку, и его можно понять.

Понедельник

В хорошую погоду Вена превращается в Рим на берегах Дуная. В парке я встретил встревоженную лису и аистиху, которая кормила птенцов. Старые каменные здания Шпиттельберга похожи на больших раненых животных. Я никого не кормлю. Деревья Пратера меня переживут. В "Фольксгартене" я заказал "Bukowski's Nightmare". Венцы – эрудиты и франкофилы. Хотите доказательств? Чокаясь, они все время говорят "Пруст"!

Вторник

Сегодня я дал свой первый автограф за границей. Мои фотографии красуются на улицах, в витринах книжных магазинов, на первых полосах немецких газет. Дурацкое ощущение – быть знаменитым в стране, чьим языком ты не владеешь. Я подписываю книги по-английски и говорю: "Danke schön", потом "Auf Wiedersehen", а про себя изо всех сил думаю: "Entschuldigung"[3].

1. Никола Садовник – бывший ведущий передачи по садоводству на французском радио.
2. ...Может быть, я поцелую тебя попозже.
...Прости, но я еще не так пьяна.
...Мой дед был сраным нацистом.
...Моя мать зарезала отца ножом (*англ.*).
3. "Большое спасибо"... "До свидания"... "Извините" (*нем*).

Я благодарен Германии, потому что в этой стране мне захотелось позвонить Франсуазе. Меня заводит чистота воздуха, и лирика немецких лесов возбуждает меня. Невинность, увенчавшаяся виной. Мы уже этот этап прошли, и романтизма нет как нет. А без романтизма – ни Гитлера, ни любви.

Четверг

Вернулся в Париж. Звонит Пенелопа:

– Я по вас соскучилась...

– Ты хочешь сказать – по Людо и по мне?

– Я считала, что брак нужен для того, чтобы было кому изменять. Но Людо не хочет меня видеть, а ты гомосексуалист.

– Нет, я подавленный феминист, а это не одно и то же. Или влюбленный фаллократ, если тебе так больше нравится.

– Ты все время меняешь женщин, потому что ты нас боишься. Знаешь что, трахнул бы ты Людо, это бы вас обоих раскрепостило. А я бы все это засняла...

– Обожаю, когда ты себя ласкаешь по телефону...

– Муж до меня не дотрагивается, что ж мне остается делать! А ты мудак. Тебя окружающие не интересуют.

– Верно. Ну, раз уж я тебя слушаю, давай, заинтересуй меня.

– С тех пор как я замужем, никто меня не хочет.

– Неверно. С тех пор как ты другому отдана, ты снова меня возбуждаешь. Ты права, я, должно быть, педик.

Мы трахнулись в отеле, я – думая о Франсуазе, она – о Людо. Мы верещали как резаные, потом вернулись каждый к своим невзгодам.

Пятница

Можно я расскажу вам одну глупую домашнюю историю? На днях купил джинсы от Хельмута Ланга с пятнами краски (самые дорогие, потому что выглядят как старые отвратные штаны маляра). Поносив их неделю, я дал их постирать своей домработнице, ни о чем ее не предупредив, и на следующий день она сказала мне:

– Осень трутно было, но я его отстирал!

Джинсы мои были чисты и незапятнанны! Она мужественно терла их, пока не исчезли драгоценные "дриппинги", стилизованные стариной Хельмутом! Я был в ужасе. Но это недоразумение послужило мне уроком: если бубоны косят под бедняков, пусть стирают сами. Откуда ей знать, милой моей прислуге, что пятна краски – это верх шика у мудаков? Откуда ей знать, что наличие у меня бабок еще не свидетельствует о наличии мозгов?

Суббота

Не трахнешься – трёхнешься (теорема Пенелопы).

Воскресенье

В определенном возрасте, лет от 20 до 25, мы искренне считаем, что будем не как все. Именно по этой причине, скорее всего, мне нравится смо-

треть, как танцует молодежь. Они так уверены в своей свободе, что это даже трогательно. Обожаю, когда мальчики целуют девочек, им кажется, что это очень важно. Может, они не отдают себе отчета, что их уже заперли в клипе "Бэкстрит бойз". Я тоже когда-то был таким. С бьющимся сердцем жевал волосы, пахнувшие чистотой, и чувствовал себя непобедимым.

Вторник

Можно долгие годы искать что-то или кого-то и в конце концов прийти к выводу, что на самом деле ты искал самого себя.

Атеист ищет то, чего не находит.

Художник находит то, чего не ищет.

Среда

Любопытная симметрия: Людо не хватает духа уйти от жены, а у меня не хватает духа завести себе жену. Мы две оборотные стороны одной медали по имени мужчина. Который не в состоянии сделать две вещи: уйти и остаться.

Пятница

Ставлю на Франсуазе новый опыт: клеюсь на трезвую голову. Мне необходимо сосредоточиться, чтобы не надоесть ей. Чтобы не покраснеть, когда мы встречаемся взглядами. Избежать долгих, неловких пауз, не отводить глаз. Я боюсь переборщить с искренностью. Ужасаюсь при мысли, что и правда влюблюсь. Мы начинаем говорить одновременно:

– Извини, я тебя перебил.

– Нет, нет, давай.

– Нет, сначала ты.

– Я уже забыла, что хотела сказать.

Детский сад. Несколько часов спустя то же самое повторяется по телефону:

– Ну все, клади трубку.

– Нет, ты первая.

– Ладно, считаем до трех.

Я делал вид, что мне есть из чего выбирать, но понимал, что выбирать не приходится. Это относится и к мужчинам, и к женщинам. Нас выбирают, и всё, надо просто дождаться своей очереди и не упустить свой шанс. В конце ужина я все-таки заказываю бутылку розового вина, содержимое которой и закладываю за отсутствующий галстук. Но так и не решаюсь ее поцеловать... Боюсь облажаться. Я смотрю ей вслед, еле сдерживаясь, чтобы не побежать сломя голову за ее машиной. В желудке порхают бабочки, цветет сирень, текут реки счастья. Подношу руку ко рту, на моих глазах выступает роса. Я воскресаю.

Суббота

Чудно и без малейших вкусовых сбоев провел вторую половину дня с девушкой, которую практически не видел с начала этого дневника (Франсуаза – это то самое платье с обнаженной спиной на Форментере). Как

будто кто-то занавесил все нежной, печальной и легкой дымкой. Мне хотелось просто-напросто, чтобы у меня ныл живот, когда я думаю о комто. Хотелось встретить женщину, ускользающую от меня, но от которой бы я сам не захотел бежать. Франсуаза только ушла, а я уже думаю: ее красота невыносима, у нее чудовищное имя, но от нее хорошо пахнет, наверное, помыла голову, прежде чем прийти, мне ее не хватает, она сдержанна и чувственна, мне нравятся ее ногти, круглые локотки, четкий рисунок плеч, ее низкий и торопливый голос, как у Катрин Денёв, мне нравится, что она хохочет, как гиена, повторяя мне, что никогда не носит трусики, я люблю ее серые глаза, такие огромные, что она наверняка их часто щурит (как, должно быть, утомительно все время широко открывать серо-зеленые глазищи, как у рассерженной кошки), мне хотелось бы узнать, какими духами она пользуется, чтобы купить их и нюхать, думая о ней... Ну и ну! Не такой уж ты и циник, Оскар! Может, просто лето кончается? Время, когда гормоны хлещут через край, а загрязненность воздуха достигает высшей отметки.

Лето
История А

Жизнь мешает выражению самой жизни.
Если бы я познал великую любовь, я бы никогда не смог ее описать.

Фернандо Пессоа

Воскресенье

Я, кажется, омерзительно влюблен. Я не знал тебя, но узнал тут же.

Понедельник

Фаза ускоренной бубонизации: вчера обедал в отеле "Кап эден рок" с Бернаром-Анри Леви и Ариэль Домбаль, которые так друг друга любят, что смотреть противно. Сидя у бассейна, мы грызли орешки кэшью, оставив арахис американским миллиардерам по имени Джерри. Красавица Ариэль заявила нам, что на ближайших выборах проголосует за коммунистов, потому что Роберу Ю нравится ее голос (это понятно). Я искренне полагаю, что в "Эден роке" мы с ней были единственными коммунистами. Мы с Бернаром пили персиковый сок и говорили о забытых войнах. Нам было очень хорошо: все лучше, чем обсуждать CAC 40[1]. Удастся ли мне когда-нибудь любить женщину так же долго, как любит он?

Воскресенье

Мы созваниваемся каждый день. Я послал Франсуазе цветы на квартиру ее матери, приложив четыре строфы Ларбо[2]:

1. CAC 40— индекс Парижской фондовой биржи.
2. Валери Ларбо (1881–1957) – французский писатель, поэт, автор "Дневника А. О. Барнабута" и др.

Мою судьбу принес тебе я,
Мою никчемность – вместе с ней;
Мой пламень – нет его слабее,
Мой жребий – нет его гнусней.

Ты недостойна этой крохи,
Как я – любви твоей, мой друг;
Покуда метишь ты в пройдохи,
Я мечу в скептики... А вдруг?

Я понял силу нетерпенья,
Ты – искушенья... Но признай:
Поскольку вряд ли старый пень я,
Ты вряд ли мой веселый май.

Не одарят нас чувства драмой –
Так будем помнить в день любой,
Что на земле, на этой самой,
Мы только путники с тобой[1]

Это было слегка too much[2], но все-таки она перезвонила. Франсуаза больше не работает и работу не ищет. Она в отчаянии, любит только кошек и книги, занимается исключительно своим телом, никого не видит и не хочет детей. Идеальная женщина? Она хотела сдохнуть, пока не познакомилась со мной. "Сдохнуть" – самый любимый ее глагол: "чуть не сдохла", "сдохнуть можно" "я думала, сдохну" и т. д. Но она также употребляет глагол "скончаться" и эпитет "гнусный" Таких остроумных людей я никогда не встречал. Она трещит на дикой скорости, длинными периодами, потому что, будучи младшей дочерью в многодетной семье, вынуждена была встревать в разговор на всех парах, иначе никто за столом ее не слышал... Чем больше я говорю ей, что скучаю без нее, тем правдивее это звучит. Думаю, я готов положить свою жизнь на то, чтобы не дать ей сдохнуть.

Четверг

Франсуаза, ты самое значительное событие с тех пор, как нога человека не ступает больше на Луну. Ты не позволила мне не полюбить тебя. Я просто не мог поступить иначе. Ты не дала мне пройти мимо. Любовь – это когда чувствуешь, что прозевать кого-то значит прозевать свою жизнь. Любовь – это когда перестаешь колебаться. Когда все остальные женщины кажутся пресными. Я скучаю по тебе, еще не узнав тебя. (Я выкладываю тут все, что так и не осмелился ни сказать, ни сделать тебе.)

Пятница

Она уехала из Парижа, следовательно от меня. "Вы влюблены. Сдано по август включительно" Как испортить себе лето? Влюбиться в июле.

1. Перевод М. Яснова.
2. Перебор (*англ.*).

Понедельник

Когда ни в кого не влюблен, на всех девиц смотришь с любопытством: хочется чего-нибудь новенького, удивительного, неизведанного, может, и любви с первого взгляда.

Влюбившись, с маниакальным упорством ищешь во всех остальных свою любимую, ты так одержим ею, что кажется, она везде и во всем. Казанова говорил, что новизна — тиран нашей души. Нет, тиран — это ты.

Я хочу спасти Франсуазу, но она спасает меня. Мне попалась та единственная эгоистка, которая способна сделать из меня альтруиста.

Вторник

Пока Людо мучается на Форментере в своей семейной кутузке, я маюсь в одиночестве на Ибице, листая свежий номер "Магазин литтерер", мужественно озаглавленный "Похвала скуке". И вычитываю цитату из "Наоборот" Гюисманса: "Но что бы он ни предпринимал, невыносимая скука одолевала его... Он остался один, протрезвев, чудовищно устав"[1]. Я боялся, что уже никогда не полюблю; теперь боюсь, что влюбился навсегда. В девушку, которую еще даже не поцеловал!

Пятница

Знаете, как будет по-испански "искусственный член"? Consolador. Очаровательно, не правда ли? В этом слове слышится "consolar", утешать, и "консолидировать", что исчерпывающе объясняет назначение предмета.

Суббота

— Решено: я развожусь!

Трудно сказать, плачет ли Людо от радости или печально смеется.

— Все кончено. Мой брак не устоял перед кризисом 7-го года.

Вылезай, приехали; я считал, что Людо — моя единственная надежда и опора, но ничто не вечно под луною. Если уж женатые люди расходятся, что же будет? Людо выгнали с Форментеры: позавчера его жена обнаружила в своей постели фальшивого Людо, которого он сделал из двух подушек и валика, чтобы сбежать посреди ночи (вы, наверное, уже об этом наслышаны — их разрыв стал событием недели: обложки "Вуаси" и "Пари-матч", шесть страниц в "ВСД", интервью в "Гала"...).

— Она выкинула меня из машины в порту, не говоря ни слова. И я уехал на пароме, с чемоданами, полными грязных футболок. Мои слезы смешивались с водяными брызгами: на щеках сплошная соль. Подлецу все к лицу.

— А в чем проблема?

— В жизни. Я думал о другой, и она догадалась. Надо было либо уходить, либо топиться.

— Ну ладно, ладно, все устаканится...

— Не знаю, все к тому шло. Когда люди расстаются на солнце, это значит, что они в самом деле друг друга не выносят. Попытка увекове-

1. Перевод Е. Кассировой.

чить чувства — полное безумие, у них есть срок годности, как и у нас самих. Всему приходит конец, а мы не хотим с этим смириться.

Страдание прибавляет ему вдохновения.

— Как ты себя чувствуешь?

— Банально. Чудовищно. Представь, она на седьмом месяце!

— Хватит, меня стошнит.

— Сегодня читатели твоего дневника оттянутся по полной!

— Понимаешь, мои читатели — обычные люди: они листают меня на пляже или в метро и делают вид, будто все в порядке, хотя в глубине души прекрасно понимают, что я имею в виду. Мы бежим от одиночества, вместо того чтобы сознаться себе, что у нас нет другого выбора.

Воскресенье

Женатики прикольнее холостяков. Принято думать, что все они старперы с прицепом в виде супружницы и орущей мелкоты, а на самом деле в них идет жестокая внутренняя борьба, они пребывают во власти неразрешимых коллизий и бурных переживаний, так что все Оскары Дюфрены на свете им в подметки не годятся.

Понедельник

Женщины остерегаются себе подобных, не учитывая самой, на мой взгляд, опасной их конкурентки — холостяцкой жизни. Людо надоело жить вдвоем ("У меня было такое ощущение, что оттягивается весь мир, кроме меня"), мне надоело жить в одиночестве. Мы страдаем, оба в равной степени. Я доверительно сообщаю ему:

— Знаешь, я тут познакомился с одной...

— А, ты скрытничаешь, а я догадался, ждал, пока ты сам мне расскажешь! Знаешь, почему заметно, что ты влюблен?

— Нет...

— Ты стал таким занудой, охренеть можно. И дуешься все время! Так кто она?

— Ты ее не знаешь... Ее зовут Франсуаза.

— Да ты что!

Мне кажется, он с ней знаком.

Вторник

По дороге из аэропорта в город Ибица огромные рекламные щиты объявляют о вечеринках в "Паше", "Спейсе" и "Амнезии" Реклама ночных клубов оставляет далеко позади рекламу дневных товаров. Здесь ночная тусовка стала товаром народного потребления. Клубизм пришел на смену капитализму. Это мир завтрашнего дня, религия гедонизма, дискотека вместо луна-парка, только бы забыть о ежедневном рабстве в течение года. Чартерные рейсы, забитые немцами и англичанами, заполоняют взлетные полосы и несутся подальше от вечных проблем — физической непривлекательности, солнечных ударов по залысинам, накачанных пивом животов и никудышных национальных футбольных клубов.

Среда

Перескажу вкратце наш вчерашний ночной разговор. Пару месяцев назад у Людо был роман с Франсуазой. Они не были влюблены, но спали раз в неделю, и, судя по всему, удачно; я попросил его не вдаваться в детали.

– Она совсем оборзела, все мозги мне затрахала. Будь осторожен, старик.

Если его целью было вызвать во мне отвращение к ней, то он своего не добился. Чем она шизее, тем больше мне нравится. Но Людо не отстает:

– Она чеканутая! Весь день ни хрена не делает, и кадров у нее немерено! И вечный депресняк. Сексуальна, умна, но крыша едет.

После его слов она кажется мне еще соблазнительнее. Я цитирую ему Дюрас: "Ты мне нравишься, ну и что?" Нет, я явно втрескался, если цитирую на Ибице "Хиросиму, любовь мою"

– Я сразу понял, что Франсуаза словно специально для меня создана. Говоришь, ненормальная, весь день корчит козью морду, а потом трахается как богиня? Тем лучше. Все что угодно, только не *глупые глаза*!

Четверг

Франсуаза мне все-таки позвонила, чтобы объяснить, почему не позвонила раньше: у меня репутация вруна, тусовщика, блядуна и бабника... Мама посоветовала ей со мной не общаться. Я же не сержусь, ответил я, что она трахалась с Людо, что она психопатка и невротичка, крутящая романы с женатыми мужчинами. Она ответила, что делает, что хочет, и еще спасибо, что я не вменяю ей в вину ее прошлое. А на мое ей плевать.

Вот здорово: мы ругаемся, еще даже не дотронувшись друг до друга. Я пытаюсь сбавить обороты.

– Послушай, я серьезно. Ты мне нравишься, ну и что?

– Не надо, я тоже читала Дюрас.

– Я больше за себя не отвечаю!

– Я тоже!

Этот звонок стал самым лучшим в моей жизни. Она уверяет, что сама пребывает в такой же зеленой тоске и розовом свете. Я жутко рад, что наконец-то нравлюсь той, что нравится мне. Минуту спустя я уже в аэропорту. Полный улет.

Пятница

Никак не соберусь с духом, чтобы рассказать, что произошло в пятницу. Зрелище было жалкое – я был пьян в стельку, умолял Франсуазу поехать ко мне, и таксист стал свидетелем моего позора... Влюбленный бабник – это сердцеед, ставший жертвой душегуба. Франсуаза – моя божественная кара: она мстит мне за всех остальных.

Десять потерял, одну найдешь.

Воскресенье

Мой дневник – это анти"Лофт стори" Нет, я, конечно, сам поборник выставления личной жизни на всеобщее обозрение, потому что выдуман-

ные похождения – и тут я согласен с Дэйвом Эггерсом[1] – создают впечатление, что вы "сидите за рулем в костюме клоуна" Но свою правду я пропускаю через призму лжи, сито работы, фильтр письма. Прошу прощения за нескромность, но меня-то запросто можно снимать, заперев на 70 дней с блядями, зато никто из участников этой говенной передачи не сможет вести за меня дневник. Вперед! Кенза[2], я жду тебя! Если не ошибаюсь, Борис Виан обосновал полезность литературы в предисловии к "Пене дней" (10 марта 1946): "Это самая что ни на есть доподлинная история, поскольку я сам сочинил ее от начала и до конца"[3].

Понедельник

Вчера вечером Том Форд запустил "Ню" новую линию духов Ива Сен-Лорана. Для презентации он снял дворец Броньяр (бывшая Парижская биржа) и установил там аквариум, полный обнаженных мужчин и женщин, которые целовались и ласкали друг друга. Насмотревшись на них, 800 гостей стали танцевать лучше. Все очень возбудились: Эва Герцигова улыбалась слишком часто, чтобы это выглядело искренне, диджей следом за "Walk This Way" группы "Аэросмит" поставил "Хотите ли переспать со мной сегодня ночью" Пэтти Лабелл, Франсуаза впервые в жизни выпила водки. Она поняла, в чем смысл алкоголя, и клеила всех напропалую. У меня было ощущение, что я участник научно-фантастического кибернетически корректного фильма. К 2060 году финансовые рынки превратятся в гигантскую оргию, заключенную в стеклянный сосуд... Но разве сейчас это еще не так? Я подозреваю, что Том Форд – андроид, киборг класса XB28, изготовленный фирмой "Биотек инк.", как в "Искусственном разуме" Спилберга, этой клюкве, содранной у Кубрика. Я попытался воспользоваться случаем и шепнул на ухо Франсуазе:

– Я тебя люблю. Когда перепихнемся?

Она пожала мне руку. Пожала ладонь. Пожала локоть, бицепс, плечо, подбородок. Ее губы коснулись моих. Я ослеп, оглох, онемел. Я был рожден ради этого мгновенья.

Среда

Хотя мы так и не переспали (позавчера я потерпел сокрушительное и постыдное фиаско – член у меня встал размером с сосиску "Knacki Herta" что было оскорбительно для нее и унизительно для меня, и тем не менее ничего более очаровательного я до сих пор в своей постели не имел... Если бы я не испытывал к ней никаких чувств, у меня бы встало как у коня, но высокие ставки в этой игре свели на нет все мои возможности, как у Анри Леконта в финале турнара "Ролан Гаррос"), я предложил Франсуазе, ни с того ни с сего (и на свой страх и риск), поехать со мной в Лос-Анджелес. К моему величайшему изумлению, она согласилась. Двенадцать часов спустя, перед отелем "Мондриан", пока я безуспешно пытался поймать такси, Элизабет Кин удалось рассмешить ее:

1. Дэйв Эггерс – американский писатель ("Рвущий сердце труд потрясающей гениальности", "Вы познаете нашу скорость").
2. Кенза – одна из участниц "Лофт стори".
3. Перевод Л. Лунгиной.

– В Лос-Анджелесе есть таксы, но не такси.

Позже – слезы счастья в белоснежной комнате. Вопреки унижению предыдущего вечера, а главное, несмотря на любовное волнение и разницу во времени, мое тело снова начинает функционировать. Подумать только, я занимался любовью 35 лет и ни разу не заплакал.

Суббота

Сан-Франциско – это Нью-Йорк под уклоном. Иду показывать Франсуазе квартал Нашбери. Покупаем хипповые шмотки Софи, дочке Людо. Я дарю Франсуазе виниловые пластинки "Джефферсон эрплейн" Она дарит мне джинсовый пиджак, чтобы я "косил под молодого" Мы неудачно припарковались, и на снятую нами тачку прилепили штраф. Один уже лежит у меня дома в ящике. Случается, я долго разглядываю его, затаив дыхание. Надо будет повесить его на стену в рамочке.

Вторник

Чего не хватает Соединенным Штатам, так это сомнений. Это огромный недостаток стран-победительниц. Здесь всегда ставят на фаворитов и каждый вечер празднуют победу, не испытывая никакого чувства вины. По истечении нескольких дней в Америке любой молодой европеец чувствует себя стариком. Мне не хватает тут самокопания, экзистенциальных колебаний, тревоги по поводу эпикурейского умопомешательства. И с улыбками у них перебор! Радостные физиономии камнем ложатся мне на сердце. Мне хочется организовать покушение на канал MTV. Франсуаза со мной согласна (что большая редкость).

Среда

Только в Америке я чувствую себя европейцем.

Четверг

Почему она, а не другая? Зачем отвергать тысячи сисек ради одной только пары? Зачем отказываться от сотни писек ради одной-единственной? Франсуаза отправляется по магазинам, а я, лежа у бассейна в отеле "Стэндарт" на бульваре Сансет, нахожу, наконец, ответ: потому что без нее я заболеваю раком. В любви сдаешься в плен из инстинкта самосохранения.

Воскресенье

"Настоящее скверно, и с каждым днем будет все хуже и хуже, пока не настанет самое худшее" Порой мне очень хочется сказать Шопенгауэру, чтобы он заткнулся.

Понедельник

Жан-Жорж, мой приятель, который обожает читать мораль всем окружающим, никогда не применяя ее к себе самому, позвонил мне утром с очередной нотацией:

— Перестань писать о себе любимом, это черт знает что, ты делаешь больно своим близким!

Может, он и прав. Я решил внять его советам. Не буду больше рассказывать свою жизнь.

Среда

Пардон, но мне явно не хватает воображения (или таланта), чтобы сочинять сказки. Извини, Жан-Жорж <...> лучше вернусь к "проспективной автофикшн" (так определяет мое творчество Мишель Уэльбек, хотя лично я квалифицировал бы его как "публичное авторазрушение").

Четверг

Я вдруг понял, что перестал сердиться на отца в тот момент, когда сам пустился во все тяжкие, как он в свое время. Что ж он меня не предупредил! (Может, он и пытался, но я, наверное, его не услышал.)

Пятница

Всякий раз, разругавшись, мы с Франсуазой с диким исступлением занимаемся любовью. Я иногда даже специально провоцирую ссору ради одного только счастливого примирения.

Среда

В "Девушках из Рошфора" Дельфина (которую играет Катрин Денёв) узнаёт себя на портрете, написанном незнакомцем. Картина называется "Идеал женщины" Обернувшись к какому-то хлыщу, она восклицает:

— Этот художник, должно быть, очень меня любил, раз он меня выдумал.

Этой восхитительной репликой Жак Деми переформулировал стендалевскую "кристаллизацию". Любовь — это когда выдумываешь человека до того, как знакомишься с ним. Именно это я и испытываю по отношению к Франсуазе. Я увидел ее впервые год назад. Потом я вроде бы забыл ее, но она уже во мне укоренилась, сведя на нет мои романы с Клер, Пенелопой, далее везде. Когда мы снова встретились, я мгновенно понял, что она всегда была моим идеалом женщины, что она заняла собой все окружающее пространство и что, если я буду от нее бегать, мне не жить. Она существовала и раньше, но тем не менее я ее выдумал. В сущности, всякая любовь сама себя сочиняет. Нет ничего более творческого, чем любовь; ею одержимы писатели, музыканты, живописцы и кинематографисты. Вот почему, быть может, художники — лучшие любовники.

Четверг

Августовский дождь в Париже. Рестораны и лица закрыты. "Один в Париже?" — вопрошают рекламные анонсы сайтов секс-знакомств. Это период ежегодных измен: на курортах жены трахаются со смотрителями пляжей, а в это время мужья, оставшиеся в Париже, волочатся за датскими

туристками. Хочу предупредить читательниц: не бывает мужей верных и неверных. Мужья подразделяются на две категории: одни изменяют женам тайно, другие явно. Имейте это в виду, изучая список звонков в памяти мобильника, случайно оставленного без присмотра. Хранить верность невозможно, особенно летом. Судите сами, кто аморальнее: тот, кто предает вас исподтишка или тот, кто выкладывает все начистоту?

Пятница

Чтобы прийти к общему знаменателю, позволю себе дать дружеский совет моим дорогим читателям: если у вас есть мобильный телефон, не забудьте залезть в меню и выбрать команду "стереть последние звонки" Это поможет вам избежать определенных домашних неурядиц в начале учебного года. Не премините также стереть эсэмэски из цифровой памяти. Технический прогресс ускоряет сближение между людьми, равно как и возникновение неприятностей в супружеской жизни.

Суббота

Фразу недели написал Жан-Жозе Маршан в "Мечтателе" (издательство "Роше"): "То, к чему я стремлюсь, весьма туманно и не поддается определению, это – свободная жизнь"

Воскресенье

Зачем запрещать клонирование человека? Оно давно уже разрешено самой логикой современного мира. Отмена причинно-следственной связи между полом и деторождением, исчезновение физических различий в силу смешения рас, гомогенизация тел благодаря пластической хирургии... Хаксли побеждает Дарвина техническим нокаутом: естественный отбор стал искусственным. Человек победил обезьяну, как она в свое время победила динозавра. Кто победит человека, кроме него самого?

Понедельник

Все, что говорит Франсуаза, очень эротично. Например, когда я спрашиваю, почему она пользуется затычками для ушей, когда спит, она отвечает:

– Я люблю, когда у меня что-нибудь набухает в ушах.

Эта девушка – "праздничная" версия пиццы с четырьмя сырами: это красота на красоте и красотой погоняет, даже к имени ее я уже почти привык.

Вторник

На площади Тяньаньмэнь студент стал на пути у колонны танков и остановил ее. В Генуе по нему проехал джип[1]. Вывод: коммунисты пиарят лучше, чем ультралибералы.

1. В 2001 г. участник митинга антиглобалистов в Генуе был ранен полицией в голову. После чего раненого переехал армейский джип.

Четверг

Ох уже эти мне писатели-мечтатели – Жюль Верн, Кафка, Оруэлл, Хаксли... А может, они не столько предсказывали, сколько влияли? А что, если ракеты, подлодки, общество слежки, тоталитаризм и клоны существуют только для того, чтобы соответствовать фантазиям этих психов с буйным воображением? В предисловии к "Портрету Дориана Грея" Оскар Уайльд утверждает, что природа подражает искусству. Вполне возможно, что история тоже.

Пятница

Отель "Пелликано" в Порто-Эрколе (150 километров к северо-западу от Рима) – итальянский "Эден рок" Чарли Чаплин присутствовал на его торжественном открытии в 1969 году (это мне рассказал бармен Рикардо). Франсуаза спускается на лифте, высеченном в скале, чтобы окунуться

в прозрачность вод
морских широт.

Солнце на тосканском побережье влетает в копеечку, но тут все честно, без подставы, ведь район называется Арджентарио[1]. Это полуострый полуостров.

У них с баблом
бывает облом,
но им не в лом
казенный дом.

Неподалеку отсюда, в Тарквинии, Маргерит Дюрас играла в лошадки в 1953 году. Мне хочется запомнить все места, где мы были влюблены: запечатленные в этой книге, они войдут в историю. Наша любовь умрет, а книга будет жива.

Вторник

Странная история. Расставшись с женой, Людо открыл для себя свою дочь. Что, ему жалко было любить одновременно мать и ребенка?

– Сейчас, – говорит он, – мы ходим в Ботанический сад, я ее защищаю, когда всякая мелкота отбирает у нее ведерко, и я ловлю ее, когда она съезжает с горки. Покупаю ей ванильное мороженое, которое она размазывает по щекам. Вернувшись домой, мы танцуем под "All for You" Джанет Джексон. Она обожает танцевать. Она сама ставит диск, и мы начинаем кружиться, нацепив на нос солнечные очки. Поиграв в гостиной минут пятнадцать в вертящихся дервишей, она пьянеет, спотыкается, смеется, тянет кота за хвост, и это так освежает, словно чистый прозрачный источник после долгой летней прогулки.

– Смотри, она пробуждает в тебе талант.

1. От argento – серебро (*итал.*). По-французски argent – деньги.

– Подожди, это еще не все. Она требует, чтоб я ее чмокнул, а поскольку я целую ее в губки, она мне говорит спасибо, потом показывает у себя между ног и говорит: "Пипка, пипка!"

– Можно подумать, твоя дочь не такая, как все бабы! Насколько я понимаю, ты пытаешься мне доказать, что ты стал хорошим отцом для своей дочери с тех пор, как расстался с ее матерью?

– Именно так. Почувствуйте разницу. Я стал отцом в тот день, когда ушел от матери!

Я мог раз десять заснуть, выслушивая эту нудную похвальбу новоиспеченного отца семейства, но, поди знай почему, Людо меня восхитил. Не каждый день видишь, как твой приятель влюбляется в собственную двухлетнюю дочку. И потом, в кои-то веки мы не касаемся запретной темы – Франсуазы... Я не в претензии, что он клеил ее за моей спиной, я бы поступил точно так же на его месте. Но как же он упустил ее после того, как она ему отдалась? Наш роман снова делает ее привлекательной в его глазах: классический эффект любовного треугольника. Я не собираюсь накладывать на нее лапу, даже если ревную как бешеный. Каждый за себя, Франсуаза для всех! Ей решать.

Суббота

Этим летом мы с Людо поменялись жизнями. Теперь он холостяк, а я при бабе. Может быть, я реинкарнация Бурбона Бюссе? Я пытаюсь всех обдурить, делаю вид, что свободен, но вы-то понимаете, что я больше не верю в припарки донжуана из Шестого округа. Сердце мое занято. Надо будет связаться с издательством "Арлекин"[1] и предложить им напечатать "Романтического эгоиста"

Понедельник

Сидел всю ночку в одиночку. Where did you sleep last night?[2] (Ни в коем случае не задавайте этот вопрос, поставленный "Нирваной" вслед за Лидбелли: осторожно, занудство!) Я предпочитаю "Never explain never complain"[3], даже если потребуется недюжинная выдержка, чтобы не заорать от боли, когда не знаешь, где твоя любимая женщина провела последние 24 часа.

Фраза недели принадлежит Манюэлю Каркассону – издателю, но другу (по прочтении легких заскоков Уэльбека в журнале "Лир"):

– Уэльбек – это мыс Агд в Бертесгадене[4].

На что Марк Ламброн возразил:

– Вовсе нет: Уэльбек – кельтский друид. Панорамикс у "Криса и Маню"[5]!

Если хотите, пусть будет ничья.

1. "Арлекин" – парижское издательство, специализирующееся на сентиментальных женских романах.
2. Где вы спали этой ночью? (*англ.*)
3. "Ничего не объясняй, никогда не жалуйся" (*англ.*).
4. Мыс Агд – курорт на юге Франции, излюбленное место нудистов; Бертесгаден – горный курорт в Австрии.
5. Друид Панорамикс – персонаж комиксов и фильмов об Астериксе и Обеликсе; "Крис и Маню" – клуб свингеров в Париже.

Среда

Рассказы пишут, когда нет времени на романы. Статьи пишут, когда нет времени на рассказы. А когда нет времени даже на статьи, ведут дневник.

Четверг

Париж стоит обедни Бьорк в Сент-Шапель. Я явился на бульвар дю Пале без билета. Благодаря какому-то читателю, а по совместительству директору фирмы грамзаписи, мне удалось войти. Последний раз я приходил сюда разводиться[1]. Вот Лионель Жоспен: из Троцкого в тролли. Вот Ив Симон и Стефани Шеврие, Элизабет Кин и Зази, Бертран Канта из "Нуар дезир" и Ален Башунг из "Алена Башунга" Сейчас наисландимся. Я как заведенный прикалываюсь по поводу пантеизма Бьорк и этой идиотской ситуации: весь Париж пришел в церковь, хотя исландка верит только в снег. Но как только она входит в крипту, ее детский голос пробуждает странные чувства в этом святом месте. "Музыка, — сказал Мальро, — это мыслящий шум" Хрен знает что: это не шум, и ни о чем он не мыслит. Музыка — это плачущее волшебство. Думаю, Господь был не против этого языческого концерта. Но когда эскимосочка прошла мимо меня, распевая "All is Full of Love" а капелла между рядами, мне расхотелось шутить. Редко приходилось мне испытывать чувство такой причастности чуду. В конце долго не смолкали аплодисменты. Бьорк не певица, а врата восприятия[2].

Пятница

В Париже вновь открылся "Вип". Этим летом женская часть их клиентуры значительно помолодела. Раньше тут снимали младших сестричек наших подружек, теперь их дочек.

— Ты случайно не мамин бывший любовник?

Этот вопрос охлаждает пыл.

— Послушай, твоя мама была очень хороша собой двадцать лет назад, но у нее был тот же недостаток, что и у тебя: язык без костей.

И вообще, не больно-то и хотелось: изменять Франсуазе у меня пока особого желания нет, хотя я и не удосужился отказаться от своей "разгульной жизни" (как она выражается).

Суббота

Ужинаем в "Нобу" на улице Марбёф. Проблема номер один: мой заказ потеряли. Номер два: никто меня не узнает. Номер три: все узнают Фабьена Бартеза и Линду Евангелисту за соседним столиком. Номер четыре: официанты приносят блюда одно за другим, ровно через три часа ожидания. Номер пять: окружающие галдят больше, чем мы. Явный перебор с МПБ (мегапроблемами богачей). Что свидетельствует о том, что ты разбогател? Постоянные жалобы на жизнь.

1. Готическая капелла Сент-Шапель в Париже примыкает к Дворцу правосудия.
2. Перекличка с названием книги О. Хаксли "Врата восприятия".

Воскресенье

Любовь делает тебя непобедимым. Невозможно сдержать влюбленного человека: не вздумайте встать у него на пути. Наконец я достиг своей цели: просыпаюсь по утрам нефтяным королем.

Понедельник

Начиная этот дневник, я хотел стать Оскаром Уайльдом, но, закончив его, стану, возможно, не более чем гетеросексуальным Армистидом Мопином[1].

Вторник

11 сентября 2001 г.
Рухнули башни-близнецы. После обеда бассейн.

Среда

Марк-Эдуар Наб читает в Интернете отрывки из Апокалипсиса. Конец света в прямом эфире. Надо бежать от начинающейся войны, но куда? Рембо выбрал Абиссинию, но сегодня в Эфиопии неспокойно; Сэлинджер затаился в Корнише, но Вермонт по-прежнему в Америке; Сид Барретт залег в Кембридже, но это союзная территория; Бобби Фишер прячется в Японии, которая кишит опасными сектами; Гоген в свое время обосновался на Таити, но с тех пор это место стало радиоактивным; Уэльбек переехал в Ирландию, но там идет местная религиозная война. Так куда? Остается только Швейцария, по стопам Бальтуса и Годара. Швейцария — единственное антиапокалипсическое убежище. Пора бы уже открыть там счет.

Мы загипнотизированы катастрофами. Некоторых журналистов заносит, они сыплют эпитетами "потрясающая" "невиданная", "поразительная" "сногсшибательная" Что и выдает их жажду ужасов. Они любят смерть в картинках. Таково их ремесло. И они правы: это прекрасно, как "Ад" Данте, "Сад пыток" Октава Мирбо и полотна Фрэнсиса Бэкона. Не надо стыдиться того, что этот кошмар завораживает. Дж. Г. Баллард: "Насилие — это поэзия XXI века"

Четверг

На Западе скоро исчезнет определенный образ жизни. Мы станем менее свободны в наших передвижениях, за нами будут пристальнее следить. Нам придется выбирать между свободой и безопасностью. От чего мы готовы отказаться, чтобы все время не помирать со страху? Вот конкретный пример: почему последние сорок лет так легко было пробраться в кабину пилота? Поскольку любой "боинг" или аэробус — это оружие массового поражения, уже давно пора нанять охранников для защиты бортпроводников и прекратить всякий доступ к пилотам. Каждой стюардессе — по телохранителю! Надо поставить бронированные двери между салоном и кабиной пилота, которые, как правило, разделены простой шторкой! Как

1. Армистид Мопин — американский журналист, писатель ("Целлулоидный шкаф", "Быть может, луна" и др.).

можно было не подумать об этом раньше? Это нелепо и преступно. В компетенцию летчиков не входит борьба с пиратами. Вопрос уже не в том, "есть ли пилот в самолете", а "есть ли кто-нибудь, кто защитит пилота"?

Пятница

Вечером после падения башен в ночных клубах было пусто. Но на следующий день разразилась тотальная тусовка. Рассуждали просто: раз мы все равно скоро склеим ласты, погребенные под горящими корпусами самолетов и расплавленными фюзеляжами, так оттянемся же напоследок. Третья мировая война — мощный афродизиак. Чтобы закадрить кого-нибудь в наше время, советую начинать так:

— Нам осталось жить всего пару часов. Как насчет куннилингуса? One last scream before the end?[1]

Суббота

У Шан Са только что вышел новый роман. Узнав о трагедии 11 сентября, она воскликнула:

— Нет, они не могли так со мной поступить!

Это было "ну ни хрена себе!" этой недели.

Воскресенье

Апокалипсис сегодня. Мне повезло, что я встретил тебя накануне конца света. Мы сможем полюбоваться им из окна. Атомные грибы отразятся в твоих изумрудных глазах. Скоро не будет воздуха, потом воды, потом мы останемся с тобой вдвоем.

Вторник

Часто говорят, что красота для женщины то же, что власть для мужчины: их главный козырь в искусстве обольщения. Почему-то при этом забывают, что красивое лицо может быть и препятствием. Красота привлекает вульгарных и уродских кретинов и пугает робких и нежных умников. Красота — никудышный сортировщик, поэтому красотки всегда окружены мудаками. Физическую красоту правильнее будет сравнить со знаменитостью, а не с властью: она столь же эфемерна, фальшива и разрушительна, так что это худший критерий для знакомства.

Среда

Рыдаю от смеха, читая "Счастливую глобализацию" Алена Минка в "Монд" Этому экстремальному экономисту пора переквалифицироваться в записные комики. Он напоминает мне одноглазого Панглосса из "Кандида", неустанно повторяющего, что все к лучшему в этом лучшем из миров. Я лично за глобализацию. Повсюду на этой планете я чувствую себя как дома, верю в гегелевского "всеобщего человека", мне глубоко начхать на национальный суверенитет, я худший патриот на этой земле.

1. Последний крик перед концом (*англ.*). Отсылка к песне группы "Пенниуайз".

Это не мешает мне констатировать, что на данный момент глобализация никого еще не сделала счастливым, даже богачей.

Суббота

Ужинаю с моей подружкой Неизвестной Блядью.

– Я неслабо вчера поимела.

Она любит так выражаться. "Неслабо вчера поимела" – это не значит, что она потребовала заплатить ей за перепих. Неизвестная Блядь всегда дает бесплатно. Нет, "неслабо вчера поимела" – это значит, что накануне ее крендель отодрал ее с особой свирепостью. Говорите ли вы по-блядски (новый модный язык)? Существует несколько возможностей выразить по-блядски особо удавшуюся ночь любви:

– Трахнули в зад, но это еще цветочки.

– Оттянулась вчера по полной.

– Моя писька в открытом доступе.

– Мне вчера засигарили, мало не покажется.

– Он мне врезал шершавого.

И еще лучше, потому что непонятнее:

– Оттопырили по самое не хочу.

Воскресенье

Что значит любить?

Я по тебе скучаю, даже когда ты со мной.

Не забудь от моего имени поблагодарить маму за то, что она тебя родила.

Осень
Любовь всей жизни

Том Форд: Вы счастливы?
Карл Лагерфельд: Дарлинг, я не настолько тщеславен.

Из беседы. "Нюмеро"[1], декабрь 2004

Вторник

Способность краснеть сродни импотенции: достаточно заговорить об этом, и вот оно, тут как тут.

Суббота

Чем мы циничнее, тем больше нас привлекает невинность. Нам нравятся женщины, которые верят в то, во что мы уже не верим. Отсюда и притягательность Лолит: мы не только, по примеру Дракулы, жаждем засосать юную жизнь, нам еще не терпится выцедить их простодушие,

1. "Нюмеро" – международный модный журнал.

откачать иллюзии, напиться оптимизма. Наивность — это опиум для скептиков.

Воскресенье

В последнюю минуту перед взрывом кто-нибудь влюбится, и мир будет спасен.

Понедельник

На этой неделе мне исполнилось 36 лет. То есть мне 18 лет уже 18 лет. Этот дневник — своего рода прощание с беззаботностью, история человека, который продолжает делать глупости, хотя юный возраст не может послужить ему извинением. Вот, например, я влюбился в Франсуазу: теперь я уверен, что она спит с Людо и со мной одновременно (каждый раз, когда я заговариваю о нем, она меняет тему — по-моему, она колеблется между нами). Любить эту крезанутую — большая глупость, не любить ее невозможно. Мне полезно немножко пострадать; это меня молодит. Влюбленный, которому уже стукнуло 30, выглядит довольно стрёмно, но любить все-таки менее утомительно, чем ежевечерне выполнять гимнастические упражнения в хелс-клубе "Ритца" И потом, из любви к симметрии, я всегда могу перепихнуться потихоньку с какой-нибудь девицей, чтобы отплатить Франсуазе той же монетой...

Вторник

Рене Жирар[1] считает, что ложь романтична, а правда романична. По-моему, наоборот: ложь романична (роман — это искусство не говорить правды, отвергать тиранию откровенности, шантаж искренности, диктатуру достоверности), а правда романтична (что может быть поэтичнее и лиричнее откровенности, какое неистовое требуется мужество для того, чтобы просто сказать, что вы думаете на самом деле).

Четверг

Людо переживает, что видит детей только два уик-энда в месяц. Я пытаюсь его успокоить:

— Отцы созданы для того, чтобы отсутствовать. Так уж повелось: роль отца состоит в том, чтобы исчезнуть до того, как ему найдут замену.

Не думаю, что мне удалось его утешить...

Что касается Франсуазы, то мы по-прежнему избегаем этой темы. Я слишком боюсь потерять разом их обоих.

Пятница

Линяю с Франсуазой в Амстердам, поесть спейс-кейки. В Музее Ван Гога выставка "Ван Гог и Гоген" повествует об их бурной дружбе. История нам известна: поработав вместе в желтом доме в Арле, они жутко разру-

1. Рене Жирар — франко-американский эссеист, антрополог, филолог.

гались, и во время ссоры Ван Гог отхватил себе пол-уха, пригрозив предварительно Гогену бритвой. Один английский критик высказал недавно новую теорию: это Гоген отрезал ухо Ван Гогу во время ссоры! Просто Майк Тайсон и Эвандер Холифилд[1]! Таким образом, от нашего видения прóклятого художника не остается камня на камне. Надо пересмотреть догматы долоризма, согласно которым стать гениальным можно только самоуничтожаясь. А на самом деле происходит обратное: если вы гениальны, окружающие вас уничтожают (Антонен Арто догадался об этом уже в 1947-м: "Ван Гог — самоубийца руками общества").

Суббота

Амстердам — настоящая столица мира лили (либерально-либертарного), потому что проститутки тут выставлены в витрине, а наркотики — в свободной продаже. Раньше Нью-Йорк назывался Нью-Амстердамом. Над городом на низкой высоте проносятся самолеты, и я ловлю себя на том, что с опаской слежу за траекторией их полета. Секс под воздействием сканка утраивает спазмы: мы не спим всю ночь в номере отеля "Амбассад", потеем и накручиваем лучшие оргазмы в жизни. Любовь, влажные волосы, хочу, еще хочу, еще-еще, запотевают окна. Нам даже соседи в стенку постучали: вот такая обстановочка! Они с радостью выплеснули бы на нас ушат воды, чтобы кровать не скрипела. Я знаю, что никогда с такой частотой кончать не буду; надеюсь, что Франсуаза придерживается того же мнения.

Воскресенье

Вчера — вторая бессонная ночь в "Яб юм" (Синджел, 295), самом роскошном борделе Европы. Мне нравится смотреть, как моя любимая изменяет мне с другими женщинами. Я смотрю, как они жадно целуются, мылят друг друга в ванной, мажут кремом груди, засовывают друг другу палец в щелку, и кончаю им на спины. Они испускают хриплые крики, и мы начинаем все сначала, снова и снова. Как все-таки утомителен гедонизм! Не забыть бы предупредить Уэльбека, что ему больше не имеет смысла ездить в Паттайю; амстердамочки весьма умелы. Их девиз — плагиат найковского: "Just do me"

Четверг

Поправка: месяц тому назад я утверждал, что последняя тихая гавань на планете называется Швейцария, а недавно в Цуге произошла настоящая мясорубка: 15 убитых (из них 3 министра) за несколько минут[2].

Если уж даже в Швейцарии теперь стрёмно, то ситуация упрощается: никто нигде не может себя чувствовать в безопасности. Теперь любой самолет, микроавтобус, мотороллер, мусорный контейнер и чело-

1. В 1997 г. знаменитый боксер Майк Тайсон во время боя откусил ухо своему сопернику Эвандеру Холифилду.
2. 27 сентября 2001 г. неизвестный открыл беспорядочную стрельбу в здании местного парламента.

век в куртке становятся потенциальными бомбами. Невозможно пройтись по улицам города, не пребывая в состоянии непрерывной параноии. Что угодно может бабахнуть в любой момент. Как ни странно, в этом постоянном напряге нет ничего гнетущего, напротив, это физическое оправдание моего нравственного нигилизма. Апокалипсический гедонизм — вот правильное состояние духа на сегодняшний день. Раз уж мы уверены, что небо непременно рухнет нам на голову, надо немедленно начать жить на всю катушку, это самая здоровая реакция. Салман Рушди прав: жить в роскоши — лучший способ противостояния фашистам-фундаменталистам. После 11 сентября мы ничего не должны откладывать на завтра, потому что неизвестно, состоится ли оно.

Суббота

Почему мне так хочется, чтобы меня любили? Потому что Бога нет. Если бы я в Него верил, его любви мне, может быть, хватило бы. Некоторые атеисты компенсируют отсутствие Бога, становясь донжуанами. Но можно ли божественную любовь заменить женской?

Воскресенье

Будь собой. Ладно, но каким собой?
Сколько меня?
И кто из них — я?
Я не знаю, кто я, но я знаю, кем я не хочу быть: одним человеком.
Кто-то один — это никто.

Понедельник

Я не знаю, кто я, но знаю, кем бы я хотел быть: писателем, который не знает, кто он.

Вторник

А что, если последствия террористического психоза будут совершенно неожиданными, например, придет конец городам? В сущности, какой-нибудь козлопас, будь он в Афганистане или в департаменте Ардеш, представляется мне гораздо менее уязвимой мишенью, чем энергичный функционер где-нибудь в Дефансе[1]. Мы понимаем, что благодаря новым технологиям связи (беспроводные компьютеры, сотовые телефоны, мейлы с мобильника) уже нет никакого смысла запирать себя в мрачном рабочем кабинете — сейчас это, кроме всего прочего, и рискованно. Крупные агломерации — это прежде всего муравейники, а от них очень легко оставить мокрое место, это скопление тел, которым следовало бы поскорее рассредоточиться. Не исключено, что утопия Алле[2] в один прекрасный день станет реальностью: благодаря Интернету города обоснуются в деревне.

1. Дефанс — деловой район на окраине Парижа.
2. Альфонс Алле (1854—1905) — французский писатель-юморист.

Среда

В своих заграничных поездках я с радостью впадаю в детство. За мной ухаживают, как за малолетним ребенком. Все организовано так, чтобы я вернулся в свое пятилетнее состояние (капризничаю, шучу, грублю, не говорю спасибо, опаздываю, динамлю и т. д.). Я объезжаю мир, переходя с одного тусняка на другой. Всеобщая дискотекизация мира завершена. Танцевальные хиты стирают национальные различия. Равнение на бар. Мое мутное одиночество достойно члена новой исторической общности, по уши в водке и BPM[1] Вдалеке от дома я скучаю только по тебе. Ты моя единственная родина. Франсуаза не захотела поехать со мной в Германию: я укрепился в своих подозрениях. Изменю ей, чтобы отомстить, свести счеты, иначе никак.

Четверг

Я в Берлине – к вопросу о больших столицах под прицелом. В этом городе привыкли к разрушениям, апокалипсис тут часть быта. Тем не менее я рад, что приземлился на полосе, предназначенной для этого, то есть горизонтальной. Потом бродил по гигантским стройкам, как герой последнего романа Роб-Грийе[2] – к сожалению, тут не оказалось юной девицы, чтобы высечь ее (хотя... флаер SM-Fetish-Erotic-Party в "Клубе Леже" выдержан вполне в стиле "нового романа").

Пятница

Первый роман Скотта Фицджеральда (отвергнутый издательством "Скрибнерз" сначала в августе, потом в октябре 1918 года и опубликованный два года спустя под названием "По эту сторону рая") изначально назывался "The Romantic Egotist" Само собой, он писал обо мне. Но я в то же время и сентиментальный маньяк, любвеобильный мерзавец. Хам, абстрактно влюбленный в абсолют, нежный жлоб, мачо с ранимым сердцем, правоверный жуир. Спасибо, Фрэнсис, за название этой книги.

Воскресенье

Присоединяюсь к самооправданию Поля Валери: "Я печатаюсь, чтобы прекратить правку"

Понедельник

Супружеская жизнь представляется мне уже не тюрьмой, а портом приписки.

Вторник

Грустнеют ли женщины, пообщавшись со мной? Франсуаза настолько дерганней меня! Моя меланхолия эстетическая, ее – физическая. Коро-

1. BPM (*англ.* Beats Per Minute, удары в минуту) – ключевое понятие для определения стилей электронной музыки.
2. Имеется в виду роман "Повторение" (2001).

че: я себя чувствую гораздо лучше, чем она. Я бы хотел стать депрессивным меланхоликом, но по сравнению с ней я действительно "малыш" Любовь к невротичке – наказание для бабников.

Среда

На ошибках учишься, вот почему от успеха тупеют.

Четверг

Первая настоящая семейная сцена с Франсуазой. Мы даже расстались. Она произнесла все непоправимые фразы: она меня разлюбила, я ей изменил, "между нами все кончено, я от тебя ухожу". И все потому, что, рассказывая о Берлине, я покраснел. Я хлопнул дверью, предложив ей убираться к своему Людо. Она крикнула мне вдогонку, что не спрашивала у меня разрешения. Ночую в отеле "К", но не могу заснуть.

Пятница

Лучше жить с психопаткой, которая разобьет тебе сердце, чем сидеть дома и ругаться на телевизор. Но хуже всего, когда и то и другое в одном флаконе.

Суббота

Франсуаза создана для меня. Что это, просто фраза? "Она создана для меня" Что это значит? Надо бы проанализировать. Я думаю, что она находится точно посередине между сексом и депрессией. Она суперсексуальна, что очень важно (женщина обязана возбуждать, у всех окружающих должно вставать на нее, надо, чтобы она давала кончать ей в рот, в зад и т. д.), но при этом она грустна, тревожна и страдает бессонницей, и вот тут-то я ломаюсь (никак не могу ею насытиться, даже исторгнув из меня крик, она остается загадочной, сложной, измученной). Мне нужна женщина, на которую у меня стоит и которая от меня бежит. Блонда до мозга костей, депрессивная блядь, Кайли де Бовуар. (Я пишу это поздно ночью, потому что вчера мы, понятно, помирились, утонув в горячечном бреду взаимных признаний, слез, ласк и обещаний...)

Воскресенье

Франсуаза – это О, прочитавшая Доминик Ори. Не "мама и шлюха" а "интеллектуалка и шлюха". Я хотел испытать оргазм и все-таки немножко пострадать. Не знаю, как это происходит у других, но для меня любовь – это когда секс становится таким потрясающим, что уже не можешь заниматься им ни с кем другим. Наваждение перемещается из члена в мозг.

Понедельник

На вопрос "Почему вы пишете?" Беккет отвечает: "Ни на что больше не гожусь" (ложное смирение). Гарсиа Маркес говорит: "Чтобы меня любили друзья" (это уже лучше). Я: "Потому что мне обрыдло не писать".

Вторник

Мы думаем, что знаем, чего хотим. А на самом деле наши желания нам больше не принадлежат. Реклама побуждает нас делать то, что, в общем-то, мы делать не собирались. Так, в конце концов, мы начинаем жить чужой жизнью.

Среда

Новая проблема парижских ночных тусовок: помня об угрозе сибирской язвы, начинаешь опасаться белого порошка. Когда-то мы нюхали беззаботно, закрой глаза — и вперед по белой дорожке. Теперь надо узнавать, откуда что берется. Терроризм насрал даже в сортирах модных клубов.

Пятница

Боссюэ утверждает, что желание — это движение маятника, который качается от вожделения к отвращению и от отвращения к вожделению. Трудно поверить этому кюре, который сторонился женщин. Будучи романтическим эгоистом, я бы заменил отвращение на страх (боишься заскучать, растеряться, испытать боль, остаться в одиночестве, трясешься, что тебя бросят или что попадешь в плен). Настоящая любовь качается от вожделения к страху и от страха к вожделению.

Вторник

Франсуаза считает, что я выгляжу на десять лет моложе своего возраста. Где-нибудь, скорее всего, мой портрет старится за меня. Или эта книга?

Четверг

Еду в Краков без Франсуазы. Еще одна проверка на вшивость, с ее согласия. Она поняла, что актер из меня никудышный и я совершенно неспособен ей соврать. В Кракове насчитывают 100 церквей и 600 баров. Я буду молиться только в присутствии моей рюмки водки.

Пятница

После двадцати-тридцати рюмок "Зубровки", выпитых залпом, я скучаю по ней еще больше. Барочно-славянская красота мощеных улочек Казимежа (еврейский квартал) в сумерках. Средневековые погребки при свечах: "Алхимия", "Сингер" Поляки любят выпивать в темноте. Продвигаться на ощупь в таких декорациях — настоящий европейский шик. Я ночую в "Софителе" похожем на штаб-квартиру французской компартии на площади Полковника Фабьена. Во всех странах Восточной Европы капитализму пришлось вселяться в бывшие владения коммуняк. Экстази вместо Штази! Мои оранжево-коричневые апартаменты (невольно повторяющие прадовский дизайн) выходят на Вислу (она будет пошикарнее Арно). Платный порнографический канал со-

ставил мне компанию в твое отсутствие. Я засыпаю, воображая тебя под тремя немецкими жеребцами.

Суббота

Краков бай найт – это прыжок во времени и пространстве. В "Друкарне" (это квартира, превращенная в дискотеку) блондинки дергаются под старые записи: "Belfast" "Бони М", "Rock Lobster" "B 52s" В их возрасте, то есть лет в 15 (иначе непонятно, как держатся такие буфера), я слушал те же песни. Какая жалость: я теперь слишком верен, чтобы узнать, как они бреют себе лобки. Оказывается, во влюбленном состоянии верность перестает быть жертвенностью. Влюбленный хранит верность без усилий и не считает это подвигом в мирное время. Любовь – это такая мулька, которая делает верность естественной.

Воскресенье

Я рад, что вернулся, потому что скучал по Франсуазе и еще потому, что теперь меня ломает, когда никто не узнает меня на улицах!

Понедельник

Увенчав лаврами В. С. Найпола вслед за Гао Синцзяном, шведы из Нобелевского комитета опять выбрали изгнанника, апатрида, эмигранта. Знак времени? Самые великие романисты – это те, кто осмеливается покинуть родной дом: тринидадец переезжает в Лондон, китаец – в Баньоле[1]. Но ни Найпол, ни Синцзян не поменяли язык: Набоков, Кундера, Джозеф Конрад были круче. Отказавшись от родного языка, они избрали новую родину – Литературу.

Вторник

Говорить о себе плохо – это еще претенциознее, чем говорить о себе хорошо. Надеешься, что тебя тут же опровергнут или, на худой конец, что нейтрализуешь таким образом критиков. Подобным хвастунам наизнанку я предпочитаю откровенных хвастунов налицо.

Среда

Я в аэропорту Руасси, улетаю в Турцию. На этот раз Франсуаза соизволила составить мне компанию (она любит только солнечные страны). В нападении на Всемирный торговый центр есть свои преимущества – оно положило конец перебронированию. До 11 сентября любой пассажир мог быть не допущен на борт, хотя он заказал место и купил билет. Шансов было 50 на 50.

Теперь садись – не хочу, уверенности прилететь на место живым нет, зато место обеспечено! Если исламисты собирались покончить с

1. Баньоле – пригород Парижа.

бездарностью дикого капитализма в этом отдельно взятом пункте, они своего добились, равно как и пассажиры.

Четверг

Стамбул — это Сан-Франциско для бедных; то вверх, то вниз, и повсюду вода. На террасе "Пера Паласа" мне хочется аплодировать. Этот пейзаж заслуживает standing ovation, да что там, даже испанского "Ола"! Красный диск солнца робко тонет в море, словно вода кажется ему слишком холодной, чтобы в нее нырнуть.

Пятница

Эй вы, расисты проклятые! Вы считаете, что турки — это такие усатые толстячки из "Полночного экспресса"? Вы забыли роскошь Византии, ставшей Константинополем, а потом Стамбулом? Поскольку Нью-Йорк теперь в дауне, чтобы оторваться, приходится ехать в мусульманские страны (в Дубай, как Усама, или в Турцию, как Оскар). Турки похожи на итальянцев, они высокие и одеты лучше, чем вы. Женщины у них потрясающие (Моники Беллуччи без Венсана Касселя!). 70 % населения младше 35 лет. В Стамбуле, в квартале Нишанташи, только что открылся модный ночной клуб "Бус" После постройки плато Альбион[1] нигде не видел я подобного скопления атомных бомб. (Пишу под контролем Франсуазы, а она не подарок.)

Суббота

Что же касается минаретов, то они нацелены в небо наподобие обезвреженных ракет "земля—воздух" Хотите, докажу, что эта страна не опасна? Мои романы очень хорошо здесь продаются. Про ночные клубы, про дурь, измены и декаданс! 50 тиражей!

Воскресенье

Полная луна над пустынным морем. Выражаю благодарность своей тоске. Без нее я был бы ни на что не годен, я всем обязан ей. Отныне я собираюсь бороться за легкость, умирать за афоризм, жить ради простой благодати. Буду считать себя не полезным, а просто уникальным. И уж раз меня обзывают сибаритом, я постараюсь соответствовать этому ярлыку. Я решил, что теперь никто не помешает моей жизни доставлять мне удовольствие.

Понедельник

Зачем писать о себе? Автобиографии слишком опасны, чреваты самовлюбленностью и мегаломанией, болезненны для близких и непристойны... У этой эпидемии "бесстыдных исповедей" (по выражению Танидза-

1. В шахтных пусковых установках на плато Альбион (Прованс, Франция) размещены баллистические ракеты.

ки[1]) существуют свои причины, свое объяснение, о котором никогда не упоминают критики: этот феномен есть порождение телевидения. Поскольку писатели "медийны", их уже нельзя читать, как раньше. Читатели, сами того не желая, пытаются за персонажем угадать автора, Сент-Бёв[2] отдыхает. Как мы ни силимся убедить себя, что читаем вымышленные истории, сегодня чтение любой книги становится упражнением в вуайеризме. Мы пытаемся выманить писателя из романа, увидеть "товар лицом" показанный по телевизору или на газетных снимках. Если все художники не спрячутся, как Сэлинджер, им придется выставлять себя напоказ в собственных произведениях либо (против воли) их затмевать. Вот почему, даже если я пытаюсь действовать иначе и давать волю воображению, мне становится все труднее читать книгу, автор которой не является одновременно и ее персонажем. И уж тем более писать. Поскольку мне недостает мужества исчезнуть, я вынужден красоваться — до того как взорваться.

Вторник

Мне позвонил Мишель Уэльбек. Когда я спросил его, хорошо ли он поживает, он мне ответил (помолчав пару минут):
— Глобально говоря, нет.

Четверг

Жизнь — это длинный план-эпизод от рождения к смерти. Время от времени хочется при монтаже вырезать сцены.

Пятница

Франсуаза так ладно сложена, что создается ощущение, что ее ретушировали в пейнт-боксе. Теперь у меня есть цель в жизни: сделать эту женщину счастливой. Надо поторапливаться. Но я уже добился успеха: она прекратила принимать лексомил и снизила потребление снотворных до полтаблетки стилнокса за ночь. Порой я даже ловлю ее на том, что она беспричинно улыбается, глядя в потолок. Я живу для этих мгновений, потому что могу сказать себе: отличная работа, Оскар.

Суббота

Мне предлагают вести передачу на телевидении. На кой? Меня и так знают.

Воскресенье

Моя жизнь — это пантомима, единственный выход из которой — писать книги.

1. Имеется в виду роман Дзюнъитиро Танидзаки "Ключ"
2. Для Сент-Бёва-критика литературное произведение неотделимо от своего создателя, поэтому метод его был основан на пристальном изучении биографии писателя.

Пятница

А я-то считал, что хочу быть единственным в своем роде! Не хочу я быть единственным в своем роде; все такие. Я хочу быть круче всех. Придется это признать, даже если это черт знает что. Мне самому в себе тесно, меня распирает от собственного вспученного Я, но я ведь с претензиями. Пора признать: любой писатель смешон, потому что претенциозен, даже если он говорит не о себе.

Суббота

Бумага плюс ручка равняется Литература. Меня всегда поражало, как такими скудными средствами можно создавать великие шедевры. На телевидении все наоборот.

Среда

Мне позвонил Мишель Уэльбек. Когда я спросил его, хорошо ли он поживает, он мне ответил (опять же после долгих двух минут безмолвия):

— Как ни странно, да.

(Может, он начал принимать прозак[1]?)

Четверг

Милан — единственный город-немузей в Италии. Я смиряюсь с тепловатым воздухом. Лавирую между мобильными телефонами. Итальянкам нет до меня дела. Соборная площадь — одно из редких сокровищ, избежавших американских бомбардировок во время Второй мировой войны. Шатаешься между "Ла Скала" и статуей Верди и вдруг получаешь неслабый неоготический шок: в ночном освещении Дуомо кажется гигантским ежом, щекочущим небосвод своими иголками. Это единственный собор, похожий на морского ежа или вирус СПИДа. Это святое место напоминает мне стамбульскую Голубую мечеть. Какую бы религию вы ни исповедовали, вера побуждает вас возносить шпили к небу. Как телеантенны! Что еще раз подтверждает общеизвестную истину: телевидение заменило церковь, Мадонна пришла на смену Мадоннине[2].

Пятница

Дискотекизация мира, те же и они же. В "Пластике", модном миланском заведении, публика начинает собираться часам к трем утра, но я слишком стар уже, чтобы их дождаться. Я накачиваюсь водкой с тоником и грызу чипсы, чтобы пересохло во рту. Несколько таких же, как я, пентюхов танцуют в темноте в ожидании, когда разгуляется. Им хочется шума, толпы, полумрака, хотя им уже давно нужны тишина, свет и оди-

1. Прозак — сильный антидепрессант.
2. Мадоннина — позолоченная статуя Богоматери, установленная на самом высоком шпиле Миланского собора.

ночество. Здесь все круглое: барная стойка, виниловые пластинки, которыми диск-жокей потрясает над головой, кресла в стиле 70-х, лампы и я сам.

Среда

Можно также говорить о всеобщей дискотекизации человеческого облика. В рижском "Фэшн-клубе" у всех девиц челки, все мужики — качки. В этом клубе никто не имеет права на уродство. Меня плющит в двух видах клубов: там, где все уродки, и там, где все красотки. Я на себе испытал зеленую тоску заведений, где тусуются только крокодилы. Но это все детский сад по сравнению с кошмаром, царящим в барах, куда ходят одни секс-бомбы. У всех у них одинаково безупречные черты лица, атласная кожа, шаловливые щиколотки, лукавый пупок. О, убейте меня, кто-нибудь!

Четверг

Москва состоит на 99 % из бедняков и на 1% из миллиардеров. Я провел весь уик-энд с вышеозначенным 1%. Удивительно, не правда ли? Москва полностью преобразилась в 90-е годы. В России 2000-е годы будут приравнены к 20-м во Франции и 80-м в Нью-Йорке. "Новые русские" — синоним наших нуворишей — легко вычисляются по навороченным мобильникам и шестисотым "мерседесам" с дымчатыми стеклами. Они никогда не спят. Их жизнь — это одна бесконечная тусовка, перетекающая из ночных клубов в бары со стриптизом, из бронированных лимузинов в накокаиненные казино. Москва — один из самых дорогих городов мира (моему сердцу, во всяком случае). Мне нравятся все семь готическо-сталинских небоскребов (они — как семь чудес света), золоченые купола Благовещенского собора и Красная площадь, утопающая в снегу, — она похожа на клубничную шарлотку, покрытую глазурью. Само собой, магазин под названием "Сыры" уступил место супермаркету "Данон" — кондиционированный кошмар пришел на смену ленинскому. Но москвичи не злопамятны, они оставили статую Маркса перед Большим театром и Мавзолей Ленина на Красной площади, где я все это пишу. Помня о том, что лет двадцать тому назад за подобные заметки меня отправили бы босиком по этапу в Сибирь.

Пятница

Русская гигантомания: огромные березовые леса и миллионы жертв, о которых, впрочем, никто не говорит в "First", ночном клубе с видом на освещенный Кремль. "Метрополь" напоминает мне отель из "Сияния"[1], только Джека Николсона с топором надо заменить на блядей с поясами для подвязок.

Франсуаза: Пожалуйста, целуй, если хочешь, эту девицу в моем присутствии, только недолго!

[1] "Сияние" — фильм С. Кубрика.

Я: Я не целую ее, а засасываю... Я не виноват, что ей всего 17 лет... Не волнуйся, я тебе дам потом попробовать...

В ресторане "Петрович" Эммануэль Каррер ставит на стол бутылку водки. Я очень на него рассердился, это стоило мне страшной мигрени на следующее утро. Мы с Морисом Дантеком обжираемся красной икрой, завернутой в блины. Что удивительного в том, что автор "Детей Вавилона" чувствует себя как дома в Содоме и Гоморре! Антуан Галлимар[1] учит меня русскому языку: в ресторане, чтобы расплатиться, надо попросить "шьот", а "шьяс"[2] значит "сию минуту"

– Шьот шьяс! – восклицает он и платит за весь стол, за что ему большое спасибо. Оливье Рубинстен[3] объясняет мне, что можно посмотреть Москву, следуя по маршрутам "Мастера и Маргариты" Булгакова, типа как Дублин – по "Улиссу" Джойса. Когда эти романы станут никому не нужны (а это время уже не за горами), их можно будет использовать еще некоторое время в качестве туристических путеводителей – тоже дело. Продолжение рассказывать не буду, чтобы никого не выдать, но, поскольку мне вас жаль, я упомяну все-таки, что в Москве есть кафе "Пушкин" "Карма-бар" "Сафари Лодж" и "Night Flight" (на Тверской улице, это московские Елисейские Поля. Я нигде не видел такого количества худосочных корыстолюбиц: "Французы говорят, что я похожа на Кароль Буке, только лучше. А это кто, Кароль Буке?").

Суббота

Иду вдоль Москвы-реки, грязной и безропотной, сжимая твою руку в своей. Когда мы целуемся на морозе минус двенадцать, мы рискуем примерзнуть друг к другу навсегда. Ничего плохого в этом не вижу. Бледные освещенные фасады в пьяной ночи – каждая ее секунда запечатлелась в моей памяти навечно. "Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли – Москва", – писал Маяковский. Я наоборот. Москвичи зарабатывают в среднем 400 долларов в месяц: как им удается оплачивать GSM? Легко: они все левачат по ночам. Мы бродим по Патриаршим прудам. В начале "Мастера и Маргариты" Берлиоз, редактор толстого художественного журнала, встречает тут Дьявола, который предсказывает, что ему трамваем отрежет голову. Но нас на таком собачьем холоде ни один черт даже не окликнул. Я понимаю, почему у Булгакова действие романа происходит летом. По возвращении в отель секс становится вопросом биологического выживания.

Воскресенье

Русская зима победила Наполеона и Гитлера – а нас нет! В самолете на обратном пути я читал дневник Эрве Гибера и в какой-то момент, закрыв его, сказал Дантеку:

– Чтобы книга продалась, надо умереть.

– Я как раз над этим работаю, – ответил он невозмутимо.

1. Антуан Галлимар – директор крупнейшего французского издательства "Галлимар", внук его основателя Гастона Галлимара.
2. От *франц.* chiottes – сортир; от *франц.* chiasse – понос.
3. Оливье Рубинстен – директор французского издательства "Деноэль".

Зима
Кто оплатит счет?

Познание мира – первый шаг
на пути к его преобразованию.

Карл Маркс

Понедельник

"Вот что происходит с романом: читатели не желают больше читать абсолютно выдуманные истории. Им необходима модель, подлинник. Они хотят, чтобы написанное было связано с реальными фактами" В. С. Найпол, интервью газете "Монд" Лауреат Нобелевской премии повторяет мои слова – пустячок, а приятно.

Воскресенье

Мечтаю стать бумерангом. Тебя кидают, а ты им – обратно, в морду.

Вторник

Приземляюсь в Барселоне в тот самый момент, когда там собираются отмечать 150-ю годовщину со дня рождения Антонио Гауди[1]. Уверен, что барселонцев так же затрахают с этой датой, как нас с Гюго. Но Гауди это заслужил в большей степени: предок Х. Р. Гигера, почтальон Шеваль[2] в каталонском варианте, сумел уговорить богатых испанцев финансировать его безумные проекты. Город кишит зданиями в форме драконов, и мне кажется, что они дышат. Это ни красиво, ни уродливо, просто забавно. А здорово, наверное, жить в сновидении сумасшедшего. Почему современные архитекторы кажутся по сравнению с этим такими унылыми? Мне надоели прямые стены, хочу жить в пряничном домике.

Пятница

Только одиночество позволяет настроиться на волну города. В Барселоне в 22 часа начинается комендантский час для тех, кому за 22. С полным ртом "пата негра" (эта ветчина из черноногой свиньи здесь вкуснее, чем в Париже, потому что я сноб) иду под склоненными ветвями деревьев вниз по Рамбла. Рамбла – это Круазет, идущая перпендикулярно к берегу. Вместо того чтобы гулять вдоль Средиземного моря, прешь прямо на него, смотришь ему в лицо, и такое чувство, что, разгоняясь от бара к бару, мчишься к темной воде, туда, вперед, в омут. Переулки вокруг Пласа Реаль идут то вверх, то вниз, город начинает вибрировать у меня под ногами, стены бегут навстречу, а булыжники мостовой выворачивают мне щиколотки. С умным видом пересчитываю бутылки, выставленные в ряд за спиной бармена в "Шиллинге" (ул. Ферран, 23). Притворя-

1. Антонио Гауди (Гауди-и-Корнет, 1852–1926) – испанский архитектор, работавший в Барселоне.
2. Х. Р. Гигер – швейцарский художник-фантаст, график, иллюстратор; почтальон Шеваль – французский сельский почтальон, получивший известность благодаря причудливой архитектуре своего дома, вызывавшего восхищение у поэтов-сюрреалистов.

юсь, что поглощен изучением того, что происходит на стене. "Ну ни хрена себе: муха села! Поди ж ты: улетела!" Никогда бы не подумал, что в один прекрасный день с такой страстью буду внимать ремиксу Моби.

Суббота

Начиная с определенной дозы алкоголя, хочешь всех подряд, табуретку в том числе. Соответственно Барселона будет объявлена городом, где я влюбился в табуретку. Кто бы еще столько времени выдержал мой вес? Кто еще так безропотно позволил бы мне проспать на себе два часа?

Вторник

Как все жлобы при бабках, мы садимся в самолет, чтобы встретить Рождество на Маврикии. "Эр Либерте", в натуре! "Принц Маврикий" – это Очень Пафосная Резервация (ОПР[1]), угнездившаяся на берегу Индийского океана: только в такого рода местах понимаешь, до какой степени деньги – это тюрьма. Тут можно проверить принцип Друпи: отправиться на другой конец света, сесть в такси, потом в самолет, потом в джип с кондиционером, чтобы сбежать от людей, которых тут же увидишь на берегу бассейна, белых, как лексомил, в лучах открыточного солнца. Стоило мне натянуть плавки и любимую женщину (в обратном порядке), как я столкнулся нос к носу со своей подружкой Бабетт Джиан, звездной редакторшей мод (все ее клиенты кончаются на "о": "Нюмеро", "Кендзо", Мондино[2]...). Ее присутствие убеждает меня в собственной крутости: раз она здесь, значит, этот отель в моде, следовательно, и я тоже. Искренне надеюсь, что она рассуждает так же.

Четверг

Идет дождь. Говорю это не для того, чтобы доставить вам удовольствие, а потому что так оно и есть. Кап-кап на песок. И на только что приехавшего Бенжамена Кастальди[3] (детвора в бассейне распевает "Lofteurs up and down"[4], чтобы его подразнить, но он, будучи профессионалом, и ухом не ведет. Я бы на его месте давно их утопил). "Принц Маврикий" расположен на восточном побережье острова. Тем лучше: на севере находится мыс Несчастливый, и, честно говоря, оказаться там под дождем – это был бы перебор. В такую хмурь заняться нечем, кроме как любовью, в чем и заключается ее (хмури) прелесть.

Пятница

Всякий раз, приезжая сюда, я вспоминаю свою няню-маврикийку Ольгу по прозвищу Тига. Где она сейчас, где ее песни, зубастый смех, веселое настроение, ее солнечные любовники и пряная еда? Вернулась ли она

1. ОПР (Объединение в поддержку Республики) – неоголлистская политическая партия, созданная в 1976 г. Ж. Шираком.
2. Жан-Батист Мондино – французский фотограф, режиссер и художник.
3. Бенжамен Кастальди – популярный французский телеведущий (в частности, "Лофт стори").
4. "Лофтеры наверху и внизу" (*англ.*) – песенка "лофтеров", участников телешоу "Лофт стори".

на родину? Нет, она вышла за француза и живет в парижском предместье. Воспитывает собственных детей, воспитав меня.

Воскресенье

Время от времени богатеньких купальщиков навещает акуленок. Это талисман нашего отеля: директор даже прозвал его Джонни. "Уверяю вас, он такой же вегетарианец, как и вы", — выдает он одному манекенщику, который явно не собирается проверять это на собственной шкуре.

Понедельник

Оскар Дюфрен is a dirty job, but somebody's got to do it[1].

Вторник

В потопе на Маврикии я все время думал о том, что делали бы на моем месте искатели приключений на Ко-Ланта[2]. У меня было только два варианта: либо отлеживаться, либо просаживать рупии. Я делал и то и другое. И еще танцевал сегу (рекламный ролик объяснил мне, что "сега — это сильнее тебя"). Стоило мне заметить возле бассейна кого-нибудь типа Клаудии Шиффер, как это оказывалась НА САМОМ ДЕЛЕ Клаудия Шиффер. Вот так мы живем в "Принце Маврикии"

Слушай, тебе не кажется, что эта вон там — вылитая Даниэла Ломброзо?

Впрочем, это она и есть.

Видел близняшку Карин Виард — она обедала с детьми?

Близняшка не то слово, это НА САМОМ ДЕЛЕ Карин Виард[3].

Жизнь становится гламурной, когда люди, похожие на звезд, ими и являются: это антипод конкурса двойников.

Наконец показалось солнце: звуко-световое шоу, поставленное обдолбанным Господом, достойно кисти Гогена.

Пятница

Я успокаиваюсь, когда смотрю на коров, которые смотрят на меня, когда я еду мимо на поезде. (Коровы, смотря на проходящие поезда, не знают, что это взаимно.) Франция — это зеленые равнины, округлые деревья, коровы цвета беж и телеграфные столбы по обе стороны железной дороги. Я согласен с американцами: Франция была бы гораздо лучше, не будь в ней французов!

Суббота

В автобиографической литературе радости мало, разве что вы адепт садомазохизма. Это своего рода боди-арт: каждая новая фраза — очередной пирсинг, каждый параграф — татуировка на плече.

1. ...это грязная работа, но должен же кто-то ее делать (*англ.*).
2. "Приключения на Ко-Ланта" — французский аналог американского реалити-шоу "Survivor" ("Оставшийся в живых"). Передачу снимают на разных островах.
3. Карин Виард — французская актриса ("Ад", "Дневник соблазнителя" и др.).

Воскресенье

В Париже идет дождь, как и на Маврикии, но тут на тридцать градусов холоднее. Начинаешь тосковать о тропическом Рождестве, о постукивании капель по крыше, о вечернем пении жаб в пруду, печенных на углях лангустах, о роже, которую скорчит Жеральд де Рокморель, патрон издательской группы "Ашетт", выяснив из этой книги, что он был узнан на пляже, и, наконец, о любви, амур тужур, которая всегда права, потому что позволяет нам посылать общество на хрен, и чем чаще – тем лучше.

Понедельник

Я нашел счастье в тот самый момент, когда решил прекратить поиски.

Четверг

На днях ужинал в "Доминике" отличном русском ресторане на улице Бреа, и вдруг понял, поедая икринки юных рыб, что являюсь страшным гастрономическим педофилом.

Воскресенье

Сегодня утром солнце перешагнуло через барьер из занавесок, запечатлело золотистый поцелуй на твоей груди, и я последовал его примеру.

Понедельник

В Интернете появился новый сайт: www.myposterity.com, где вам предлагается разместить хронику собственной жизни или дневник, а также поэмы, рассказы, романы, фотографии, воспоминания детства и кулинарные рецепты в формате текста, фото или видео, причем эта информация будет доступна в течение 125 лет. Сначала известность демократизировали при помощи "Лофт стори" и "Стар академи"[1], а теперь всем предлагается войти в историю. Это значит, что ваша известность вас переживет. Автобиографический жанр, родившийся вместе с Сократом – "Познай самого себя" – дошел сейчас до "myposterity.com", до максимы, которая замечательно выражает наше время: "Познайте меня вы все" Скоро у нас будет шесть миллиардов Кристин Анго[2].

Пятница

Ужинаю с Робером Ю. Видели бы вы, какие рожи скорчили посетители "Липпа"[3], увидев нас вместе! Я, сен-жермен-де-превский революци-

1. "Стар академи" ("Star Academy", *англ.*) – "Звездная академия", французский ан "Фабрики звезд"
2. Кристин Анго – французская писательница ("Почему Бразилия?", "Двинутые" и др.), сывающая в своих романах собственную жизнь.
3. "Липп" – парижский ресторан на Сен-Жермен-де-Пре.

онер, чокаюсь с садовым гномом, который собирается поднять минимальную зарплату до 1500 евро и учетверить налог на крупные состояния! Тучи сгущаются. "Мы-то думали, ты критикуешь капитализм для прикола!" В конце ужина я оборачиваюсь к соседнему столику с масляным ножом в зубах[1] Венсан Лендон обалдевает, а Брюно Кремер[2] смеется. Меня назначили главным пиарщиком предвыборной кампании Робера Ю. Возвращаюсь к своему старому ремеслу, но на сей раз с благими намерениями: сделать Жака Сегела[3] (который поддерживает Жоспена).

Суббота

Горные лыжи — современный вариант мифа о Сизифе.

Воскресенье

В "Галлимаре" вышли записные книжки Монтерлана. Многие великие книги составлены из неоконченных разрозненных фрагментов (часто посмертно): "Мысли" Паскаля, дневники Жюля Ренара и Кафки, "Коллажи" Жоржа Перроса, "Книга неуспокоенности" Пессоа, "Мир как воля и представление" Шопенгауэра. Великие писатели, случается, пишут интереснее, набрасывая на скорую руку какие-то заметки, чем когда горят на работе, силясь рассказать какую-нибудь историю. Я говорю это вовсе не для собственного успокоения. Хотя...

Вторник

Тест на знаменитость: пойдите в ресторан отеля "Кост" часов в 11 вечера. Входя, примите утомленный вид. Улыбнитесь распорядительнице Эмме и скажите: "Добрый вечер. Мы вшестером" Если она ответит: "Извините, но сегодня мест нет" — это значит, что вы неизвестно кто. Если скажет: "Вы заказали?" — это значит, что вас начинают признавать. Если же она промолвит: "Столик освободится через пять минут" — значит, недавно вас показывали по телевизору. А если она вас поцелует со словами: "Привет, Оскар, как дела? Сейчас я тебя провожу к твоему столику" — это значит, что вы — это я. С чем вас и поздравляю.

Пятница

Странное ощущение, что вы, не будучи участниками историй, которые я тут рассказываю, все-таки там были. Вы повсюду со мной. Я переживаю все это, только чтобы вам потом рассказать. Если бы вы меня не читали, я бы и не переживал. Я пишу, чтобы не потерять память; вы помогаете мне вспоминать. Без вас моя жизнь стала бы еще бесполезнее.

1. Намек на известную карикатуру на большевика с ножом в
2. Брюно Кремер – французский актер.
3. Жак Сегела – классик международной рекламы и PR, автор многих рекламных и электоральных кампаний, в частности, Ф. Миттерана, А. Квасневского..

Суббота

Стать писателем проще простого: надо всего лишь отвечать "писатель" когда вам задают вопрос о вашей профессии.

(Вообще-то, если подумать, тут требуется еще и мужество.)

Воскресенье

Я педик, который спит только с женщинами. Я люблю иронию без цинизма, трезвость мысли без нигилизма, загул без чувства вины, вежливость без лицемерия, робость без позерства, щедрость без благотворительности, ночь без одиночества, улицы без машин, счастье без скуки и беспричинные слезы.

Понедельник

Людо повествует о своей новой распутной жизни:

– Мне уже скоро сорок, я больше не могу семь раз подряд – после пятого мне необходимо передохнуть.

(Заметьте, что я уже меньше говорю о Франсуазе. Может быть, потому, что о счастье не рассказать? Или страсть ослабевает?)

Среда

Лото выбирает наугад какого-нибудь француза и делает его богачом.

Реалити-шоу выбирает наугад какого-нибудь француза и делает его знаменитым.

Я вспоминаю слова Марии-Антуанетты: "У них нет хлеба? Пусть едят пирожные!" Когда толпа замечает слишком вопиющую несправедливость, надо идти ей на уступки. Жаловать дворянство мужланам. Гестапо поступало наоборот, выбирая по жребию жертву на расстрел. Но цель одна и та же: чтобы притормозить пыл народных масс, нужен либо кнут, либо пряник. Но пряник и кнут надо раскрутить (потому что вложения, равно как и бунт, должны быстро окупаться).

Четверг

Людо, вечный мой Людо, совсем отвязался и ускакал:

– Я теперь трахаюсь только в зад. Я уже забыл, что у женщин есть влагалище.

Я:

– По крайней мере ты перестанешь размножаться...

Пятница

Смерть забрала Жан-Франсуа Жонвеля молниеносно, так же, как он делал свои снимки. Он посвящал свое существование украденным мгновениям; смерть поступила с ним так же, выхватив его прямо из жизни. Опухоль обнаружили в начале января, а две недели спустя мы попрощались с ним. Внезапная смерть, как вспышка фотоаппарата.

Листаю последний альбом своего приятеля, и у меня мутится в глазах. Сквозь слезы работы Жонвеля становятся похожи на снимки Дэвида Гамильтона[1]. Думаешь, я оплакиваю друга? Какое там, я реву от страха.

Суббота

Мне повезло: моя лень замедляет выдачу нетленок на-гора. Я издаю по роману раз в три года. Такая нерасторопность вызывает любопытство. Литературным лодырям часто везет (Дж. Д. Сэлинджер, Антуан Блонден, Бернар Франк, Альбер Коссери...). Критики благодарны им за то, что они их не заваливают работой.

Понедельник

Профессор Гренобльского университета опубликовал литературный памфлет "Литература без желудка", в котором он расправляется со всеми успешными авторами. Анго, Даррьёссек, Бобен, Соллерс, Ролен, Туссен, Делерм – все там будем, в том числе ваш покорный слуга. Один лишь Уэльбек вышел сухим из воды. Ай да Мишель! Уэльбек – это Мак-Гайвер[2] от литературы: что бы ни случилось, он в шоколаде.

Воскресенье

Однажды Жан Ко[3] случайно столкнулся со своим кумиром Полем Леото[4]. И тут же попросил назначить ему встречу:

– Могу ли я зайти к вам в четверг?

– Что вы! – ответил Леото. – В четверг я умру.

Ко увиделся с ним в среду, назавтра Леото умер.

Вот две морали сей правдивой истории:

Гении всегда держат слово.

2. Не надо до отказа заполнять свой ежедневник.

Суббота

Я думал, что меня разбудил луч солнца, но было всего 4 часа утра, горела лампа у изголовья, но тебя не было рядом, а в телевизоре рябил снег. Во власти страшных сомнений я позвонил Людо и напал на тебя. Я повесил трубку, ничего не сказав. Не хотел, чтобы ты знала, что теперь у меня есть доказательства. Не терять же лучшего друга и любимую женщину только потому, что они спят вместе.

Воскресенье

Поначалу, на манер Виктора Гюго, я хотел быть Шатобрианом или никем. Потом, старея, я пересмотрел свои запросы. Антуаном Блонденом

1. Дэвид Гамильтон – английский фотограф, режиссер.
2. Мак-Гайвер – герой одноименного американского сериала.
3. Жан Ко – сценарист, секретарь Ж.-П. Сартра.
4. Поль Леото (1872–1956) – французский писатель, эссеист.

или никем, решил я. На следующий год – Фредериком Даром или никем. Потом Чарльзом Буковски или никем и Филиппом Джианом или никем, а теперь – Оскаром Дюфреном или никем. Кем угодно, лишь бы не никем.

Четверг

Ох, вот и она, вошла, ищет меня взглядом в ресторане, набитом мудаками, переживает, что опоздала, а я злился, что она заставляет меня ждать, сидел один за столиком в сигаретном дыму, вокруг ваннабишки[1] хихикают, чего это Оскар сидит один, бедняжка, его продинамили, на фиг тогда книжки писать, если тебя так кидают, но стоит ей войти, как я прощаю ее, и кайфую, и длю это мгновенье, чтобы насмотреться на нее, пока она меня не видит, так вот какое у нее лицо, когда меня нет рядом, – сосредоточенное, серьезное, озабоченное, – я отнюдь не против ждать тебя часами, и за это тоже я тебя люблю: ты первая женщина, ради которой я употребил слово "отнюдь" Как можно ревновать к такой красавице? Все те, кто тебя хочет, – нормальные люди. Я не заслужил эксклюзивного права. Лишить других возможности воспользоваться такой красотой было бы верхом эгоизма. Чудо нельзя запереть на замок. И я настоятельно прошу тебя оставаться всегда такой же красивой, чтобы я мог и дальше тебя любить, пока смерть не разлучит нас.

Пятница

Сразу после обеда с Жан-Рошем в "Авеню" отправляюсь на встречу с Робером Ю в штаб-квартиру Коммунистической партии Франции. Вот вам дайджест моей бурной жизни в искусстве. Какая-то логика в этом наверняка есть, только какая? Можно ли быть социал-"крутышкой" (современный вариант старого ярлыка "социал-предатель")? Мне очень нравится здание Оскара Нимейера (мы, Оскары, должны держаться вместе). Робер Ю рассказывает мне, как человек, который создал город Бразилиа (он все еще жив – ему 94 года), начертил в Копакабане "за так!" это здание в форме серпа и молота. В Музее "Жё де Пом" на площади Согласия ему посвящена ретроспектива. Все архитекторы – сбрендившие мегаломаны: Гауди, Ле Корбюзье, Нувель, Нимейер. Потому что в отличие от политических деятелей они быстро просчитывают последствия своих деяний.

Суббота

Кафка все профукал (любовь, дружбу, семью) ради дела своей жизни. Мне бы явно недостало мужества. Не хочу быть печальным, но великим. Ни несчастным автором глубоких произведений. Я страдаю от нехватки депрессии. Самое смешное, что мои друзья часто говорят в мою защиту, что я не тот, за кого меня принимают, что за маской светского

1. Фанатки (от *англ.* "want to be/ wanna be" "хотеть быть"). Сло о появилось в 1980-е и первоначально относилось к поклонницам Мадонны.

клоуна прячется совершенно другой человек. Одиночество, боль, крик о помощи... Я им крайне признателен, но порой я думаю — а что, если за маской ничего нет? А вдруг я просто суматошный найт-клуббер, пустой фигляр, записной хохмач, и все? Может быть, я вовсе не писатель, ра: мне чужда жертвенность? В любом случае, пока я сам не поверю в то, что я писатель, в это не поверит никто.

Среда

Кино — это полная противоположность театру. Фильмы надо смотреть сразу, как только они выходят на экран, потому что потом можно только разочароваться (все уже вам всё объяснили, вы знаете наизусть основные сцены, СМИ затрахали вас рекламными роликами и интервью с актерами, а Патрик Бессон даже рассказал финал), тогда как на спектакли лучше идти как можно позже, ни в коем случае не в начале (генеральные — это кошмар, актеры играют хуже обычного, им надо дать время "обкатать" спектакль, а автору — время поправить пару реплик в случае чего). Кино потребляется мгновенно, театру же надо отстояться, как вину. Кино — свежий скоропортящийся продукт, а театр — это блюдо, которое надо есть остывшим. Надо смотреть новые фильмы и старые спектакли. Так гласит теорема Жисбера[1]—Бегбедера, выведенная на ужине у Жан-Люка Лагардера[2]. Блин, как стыдно, что такой человек, как я, уже в коридорах власти.

Четверг

Давайте поговорим об этом ужине. Итак, мы собрались в "Георге V" по приглашению торговца оружием в честь выхода в свет бестселлера одного интеллектуала-противника войны. Не руби суку, на которой сидишь. Паскаль Брюкнер издевается над этим в "Нищете процветания" ("Грассе"), а сам-то что делает? Бунт внутри системы — это смешно, но только так можно бесплатно питаться лангустинами и икрой, пока Жозе Бове приговаривают к полугодовому заключению за разгром "Макдоналдса" Кристин Окран сидела рядом с коллегой своего мужа Лораном Фабиусом[3], которого в следующее воскресенье она проинтервьюировала на Третьем канале. Карла Зеро[4] умоляли изобразить Дюрас и Годара. Рейтинги Шевенмана[5] пугали ДСК[6] Режиса Дебре не пригласили (Режис Дебре — единственный писатель, не сошедший с пути истинного, ведь он уже лет сорок поддерживает Че, правда ли?). Я все больше и больше склоняюсь к мысли, быть коммунякой, чем бубоном.

1. Франц-Оливье Жисбер — французский писатель, автор нашумевшей книги "Жизнь Франсуа Миттерана"
2. Жан-Люк Лагардер — основатель и глава группы "Лагардер" в которую входят промышленные и медиаподразделения, унаследованной после его смерти в 2003 г. сыном Арно Лагардером.
3. Кристин Окран — журналистка, комментатор французского телевидения, жена Бернара Кушнера, бывшего министра здравоохранения Франции и главы организации "Врачи без границ"; Лоран Фабиус — бывший министр экономики Франции, социалист.
4. Карл Зеро — французский актер, телеведущий.
5. Жан-Пьер Шевенман — бывший министр внутренних дел Франции, социалист.
6. ДСК — Доминик Стросс-Канн, бывший министр экономики Франции, социалист.

Пятница

В борделе соотношение сил меняется: здесь динамят мужики.

Воскресенье

Я выхожу из дому на поиски несчастья, потому что счастья у меня и дома хватает.

Вторник

В ультралиберальном обществе теперь принято спрашивать не "как живешь?", а "почем живешь?"

Среда

Прохожу мимо автобусной остановки с рекламой "Л'Ореаля" Там висит афиша нового шампуня: "Эффект растрепанных волос 'только что с постели'" Не думал я, что общество потребления до такого дойдет: впаривать нам средство для всклокочивания волос. Просыпаясь по утрам, вы, пальцем не пошевелив, становитесь обладателем модной прически, а вы и не знали этого, господин Журден от волосяного покрова! Несчастные, главное — не причесывайтесь! Вы разрушите шедевр! "Л'Ореаль" бдит, чтобы это сокровище осталось целым и невредимым: о, восхитительный вихор, невольный панковский ирокез, взрыв на макаронной фабрике, я упала с самосвала, какая свежесть, какая непосредственность! Ваша подушка будет покруче Зуари, Бигина и Дессанжа[1] вместе взятых! Каждое утро вы на халяву уподобляетесь Эдуару Баэру. Я предлагаю "Л'Ореалю" не останавливаться на достигнутом и запустить линию косметических средств, позволяющих сохранить отпечаток простыни на щеке, а еще зубную пасту "вонючее дыхание" и пену для небритья. Потому что мы этого достойны, черт побери!

Пятница

Придурки любят, когда им льстят. Умные — когда их критикуют.

Воскресенье

Случается, что я вижу города при свете дня. Всю жизнь ищу место, где бы я чувствовал себя как дома. Куда мы когда-нибудь переедем. Поэтому путешествую, чтобы осмотреть планету, как квартиру, которую собираюсь снять. Некоторые места могут стать целью, смыслом жизни, надеждой на возможное будущее.

Парк в Висбадене, где я смотрел на детей, играющих в футбол; сидеть в траве было жарко.

Церковь в Кракове, которую я сфотографировал в ночном освещении.

1. Жан-Клод Бигин и Жак Дессанж — известные парикмахеры-стилисты.

Девственный холм в Сиверге, на котором овцы рассыпаются белыми пятнами по густому зеленому полю.

Небольшая площадь в Пиране, словенской Венеции, с бело-розовыми домишками, откуда можно созерцать переливчатое отражение кораблей на Адриатике.

Еще один парк, бухарестский городской сад Чизмигиу, где у меня состоялась пьяная беседа с румынским котом.

Или Летний сад в Петербурге, пиво на каменной лавке, между барочными фасадами зданий, крашенных в желтый цвет, чтобы создать ощущение хорошей погоды, и слишком широкие площади, и замерзшая Нева, которую можно перейти по льду.

Скорый поезд, идущий на юг, где девочка, бука и капризуля, заснула на моем плече, насупив брови и грызя палец.

Полная луна средь бела дня, насаженная на шпиль телевизионной вышки в огромном морозном небе Риги.

Я люблю только новую Европу, так странно встречать людей, которые гордятся тем, что они европейцы.

Музей Родена.

Ужин в России, во время которого кто-то спросил: "Кстати, кто оплатит счет?" — и получил ответ мертвецки пьяного консула: "Франция"

Все эти Граали, придающие мне мужества.

Среда

Почему я снобировал вечеринку "Элль"? Потому что я слишком стар, чтобы гудеть три ночи подряд, вы что хотите, чтобы я совсем загнулся? Вместо этого я решил почитать "Это слава, Пьер-Франсуа!", сборник статей Матцнева[1], вышедший в "Табль ронд". И вычитал там свой девиз: "Чем значительнее художник, тем вернее оказывается он в плену своих навязчивых идей"

Пятница

Я придумал, как жить в свете, будучи близоруким, — надо все время улыбаться. Выглядишь полным идиотом, зато не наживаешь себе врагов.

Суббота

Все богатеи должны голосовать за коммунистов, чтобы искупить свою вину. Над красными миллиардерами потешаются, но мне кажется, они выглядят пристойнее миллиардеров, которые жалуются, что платят слишком высокие налоги.

Воскресенье

"Реализовать свои фантазмы — это значит убить мечту", — говорит Франсуаза. А Франсуаза всегда права. Я захотел сыграть в Жюля и Джи-

1. Габриель Матцнев — французский писатель.

ма[1], устроив любовь втроем с ней и Людо. Но некоторые свои желания лучше не утолять, чтобы не превратиться в пресыщенного скептика. Благословим неудовлетворенные желания, будем холить и лелеять несбыточные мечты: желание сохраняет нам жизнь.

Весна
Доброй ночи, подлунный мир

Одно из главных правил искусства — не тяни!

Андрэ Жид *Дневник*
8 февраля 1927

Понедельник

Отвратное пробуждение: Франсуаза не ночевала дома, и у меня не получается совсем на это наплевать. Обедаю с Жан-Полем Энтовеном, моим издателем и, несмотря на это, другом.

— Как дела? Ну и физиономия у вас!

— Ну как вам сказать... Я бы не прочь покончить с собой.

— Это бы здорово повысило тиражи ваших книг. Вы бы сразу стали культовым автором, как Бротиган или Сильвия Плат.

— Спасибо...

— Проблема в том, что после самоубийства этим трудно воспользоваться.

Вот так он меня вылечил от подобных мыслей. Можно считать, что в тот день Жан-Поль Энтовен, сам того не подозревая, спас мне жизнь.

Воскресенье

Самое странное за границей — это то, с каким серьезным видом журналисты задают мне вопросы о смысле жизни. Они что, спутали меня с Эриком-Эммануэлем Шмиттом[2]?

Понедельник

Мне хорошо, когда я слушаю музыку, созерцая облака в иллюминаторе, когда меня, в стельку пьяного, раздевает незнакомая девушка, когда я плаваю в залитом солнцем бассейне, когда мы с Франсуазой лежим в позе 69 или когда я читаю дневник Барнабута в серии "Имажинер"[3], попивая коктейль "Ром-ваниль" от "Мадуду"

Среда

Я в Барселоне всего пятнадцать минут, но уже пью свой первый джин с лимоном, таращась на 18-летних каталонок. Обожаю мысленно сорти-

1. Герои одноименного фильма Франсуа Трюффо любят о[illegible]ту же женщину.
2. Эрик-Эммануэль Шмитт — французский драматург.
3. "Имажинер" — литературная серия издательства "Галлимар".

ровать их: эту можно, эту нет, эту да, можно, нельзя, почему бы нет, ни за что, очень даже ничего, совсем никуда... Женщины никак не поймут, что мужчины всю дорогу их сравнивают и сортируют. Эту я, наверное, смог бы, а вот ту вряд ли... Оскорбительно ли это для женщин? Может быть. Но мужикам еще хуже. И вот появляется совершенное чудо с маленькой попкой и большими лукавыми сиськами, но проблема в том, что, увидев ее, я начинаю думать о Франсуазе, черт возьми, она правда на нее похожа, все женщины, которые мне нравятся, всего лишь плагиат, они просто косят под тебя. Нет большего расиста, чем влюбленный мужчина: его никто больше не интересует, чтоб они сдохли. Изменять любимой значит изменять себе.

Среда (все еще)

Здорово, что можно больше не менять деньги. Благодаря евро вы чувствуете себя в чужой стране как дома. По-испански не говорите, но одеты вы как местные жители. Глобализация — это возможность чувствовать себя везде как дома и вместе с тем как бы за границей. Хорошо путешествовать под крылом глобализации, при условии, само собой, что у вас до хрена евро и вы не отличаетесь особой глубиной восприятия. Я езжу по миру, но ничего не вижу, потому что нечего видеть. Все страны похожи на мою. Что в лоб, что по лбу. Все одеты одинаково, как из инкубатора, и ходят в одни и те же магазины. Единственный положительный результат подобной уравниловки: весь мир у меня дома, а раз уезжать — это все равно что оставаться, то почему бы не уехать?

Четверг

Браво "Удушью" новому роману Чака Паланика (автора "Бойцовского клуба"), где он пишет: "Самый бездарный минет всегда доставит больше радости, чем аромат прелестной розы или созерцание красивейшего заката"

Как бы там ни было, с либидо у меня все равно полный отстой. Не хочу больше трахаться, буду флиртовать. Ну, в крайнем случае не откажусь от отсоса или дрочки. А уж вставить — нет, спасибо, это без меня: с резинкой неинтересно, без резинки стрёмно (в обоих случаях стоит у меня недолго). И вообще, что за дебильная иерархия у мужиков в башке, как будто заниматься любовью лучше, чем клеиться. По-моему, наоборот: трахаться не так сексуально, как танцевать медленный танец. Поцелуй в шейку лучше вагинального туда-сюда-обратно. Рука в волосах прекраснее плевка спермы в резинку от "Дюрекса" Прикосновение губ к веку, палец во рту или язык на пальце приятнее, чем член в ухо, кулак в задницу или очко в нос. Нет, ну скажите честно, так это или не так?

Суббота

Центральные каналы строят мне глазки: мне позвонили Лескюр и Фарруджа. Ардиссон советует мне отказаться. Согласившись, я стану еще ненавистнее, а значит, и ненавидимее. Соглашаюсь из мазохистского любопытства и жажды наживы.

Понедельник

Я выступаю за создание "Удостоверения бедняка" которое надо будет предъявлять при входе в магазины "Зара" "Манго" "H&M" "Кукай" "Наф-Наф" "Гэп" и т. д. Только владелицы подобных карточек (а они будут выдаваться исключительно гражданкам, доказавшим, что они зарабатывают меньше 1500 евро грязными в месяц) получат право зайти в магазины дешевых шмоток. Тогда богатые будут вынуждены покупать свои бикини в бутиках "Шанель" по 2000 евро за штуку (33 % НДС пойдет на больницы, ясли и проч.). Я также не буду против, если Кристин Орбан и Пэрис Хилтон[1] запретят посещать распродажи.

Пятница

Почему моя жизнь и мое творчество так тесно связаны между собой? Потому что я ставлю опыты на самом себе, как сумасшедший ученый, а потом записываю результаты. Я свой собственный подопытный кролик.

Суббота

Франсуаза опять закатила мне сцену ревности. Будь я и вправду циником, я бы так часто не краснел. Она отрицает, что ведет двойную игру с Людо. Я ей не верю, даже если она прикидывается лучше меня. Жалко, что любовные истории так предсказуемы.

Вторник

Мне часто говорят: "Вы в жизни гораздо симпатичнее, чем по телику" и прочие глупости. Вовсе нет. Это вы Ширяку говорите. Я мил всегда. Просто я притворяюсь злюкой, чтобы ко мне не приставали. Свинтус во мне борется с романтиком, и побеждает всегда последний (сентиментальный дурачок, наивный, вежливый оптимист).

Среда

Смотрю документальный фильм о Хью Хефнере. Создатель "Плейбоя" живет в Голливуде с шестью бабами. Крайности сходятся: являясь символом свободного секса, предельного декадентства, тотальной порнографии, ты оказываешься в гареме — то есть становишься мусульманином. В идеале надо было бы жить жизнью Хефнера до 50 лет, а потом перестать (женившись или покончив с собой, что одно и то же), потому что нет ничего более унылого, чем 75-летний плейбой. Хью Хефнер поправляет нашлепку на голове и принимает виагру. И это потому, что Аллах велик.

Четверг

Мастурбировать — значит быть гомосексуалистом с самим собой.

1. Пэрис Хилтон — актриса, наследница сети отелей "Хилтон".

Суббота

Мы с Франсуазой в Касабланке, идет дождь. В "Эксельсиоре" уже нет и не будет Сент-Экзюпери, и Хамфри Богарт больше не соблазняет замужних женщин в отелях ар-деко. Зато есть шумная анархичная столица и визг клаксонов под белым небом. И бассейн на крыше "Шератона" И еще набережная, бары, рестораны и белозубые девушки. И еще "Малая скала", что-то вроде марокканского "Будда-бара", где золотая молодежь мечтает об Америке, ненавидя при этом Израиль. И еще пижоны на "БМВ" насмотревшиеся "Лофт-2" по телевизору. От динамистки Марлен никуда не денешься — она стала звездой по спутнику. В баре на Центральном рынке говорят только о ней — эта нимфоманка победила через 10 минут после того, как вошла в "Лофт"[1]. А тем временем продолжаются бомбардировки.

Понедельник

Ришар Дюрн[2] вовсе не оригинален: он подражает Герострату, который сжег храм Артемиды в Эфесе, чтобы обеспечить себе бессмертие (храм считался одним из семи чудес света, и дело было в 356 году до Рождества Христова). Ришар Дюрн тоже убивал людей, чтобы о нем узнал мир. Его личный дневник, опубликованный газетой "Монд" похож на то, что я бы сам написал, если бы никто не узнавал меня в лицо. "А что если бы меня не было", — мог бы спеть Дюрн вслед за Джо Дассеном, который в отличие от него не страдал нарциссизмом. Практически впервые во Франции желание прославиться приводит к убийству. Вспомним, что Герострата приговорили к сожжению, а также под страхом смертной казни запретили всякое упоминание его имени. Я предлагаю никогда больше не произносить имени... как его там?

Среда

"Я слоняюсь ночью по городам и весям в поисках девушек и молюсь о том, чтобы не найти ни одной". Дневник Арчибальда Олсона Барнабута повествует о жизни богатого юноши в Европе ровно век тому назад. Если отвлечься от стиля, сходство с моим дневником поразительное: все очень изменилось (обезличивание культур, сокращение расстояний благодаря техническому прогрессу, свобода нравов...) и в то же время нет (несправедливость и социальное неравенство никуда не делись, в тех же музеях выставляются те же картины, и церкви у нас те же, и красота, и "кокотки", и парочка еще не изуродованных пейзажей...). Барнабут путешествовал по Италии, Германии, России и Англии в самом начале XX века. Оскар Дюфрен идет по его стопам спустя три мировые войны, он так же бесшабашен, очарован миром и печален и тоже находится во власти любовных мук... А что, если времени не существует?

1. На самом деле Марлен попросили уйти, когда выяснилось, что она девушка по вызову.
2. В марте 2002 г. 33-летний Ришар Дюрн устроил бойню в муниципальном совете парижского пригорода Нантер. Погибли 8 и получили ранения около 20 человек. Преступник покончил с собой, выбросившись из окна здания Криминальной бригады Парижа.

Суббота

Критики (в отличие от художников) находятся в выгодном положении – они могут укрыться в чужой реальности. Чей-то фильм, чья-то передача, чья-то книга, чей-то диск – прекрасное убежище, где можно не думать о себе. Критик не любит жить. У критика нет личных воспоминаний – их замещают воспоминания писателей, художников. Чужие произведения защищают его от жизни. Искусство заменяет жизнь, которой у него нет. Число жителей нашей планеты, живущих по этому принципу, все время растет. Они пребывают в волшебном мире критиков, где исчезают проблемы, где песня о любви становится единственным источником печали, а весьма изысканные и столь же искусственные персонажи страдают вместо нас.

Воскресенье

Нельзя общаться с людьми, которых ненавидишь, потому что в конце концов начинаешь их любить.

Понедельник

Беру на себя ответственность за провал кампании Робера Ю и ухожу из политики, баба с возу! Демократия стала оптической иллюзией, соревнованием по демагогии. Деятельность на благо обновленных коммунистов была последним всплеском моего неистового романтизма. Все, кончено, теперь я уже не попадусь: политикой заниматься невозможно. Нигилизм мне больше по душе, он гораздо удобнее. Я больше ни во что и ни в кого не верю. Мне отвратителен результат первого тура президентских выборов[1] Я отказываюсь от всякой надежды, желания перемен, от мечты о революции и жажды утопии. Каюсь, поверил в прогресс. Отныне я считаю себя индивидуалистом. Буду голосовать только за Эгоистическую партию Франции. Стану гедонистом и декадентом: все лучше, чем быть смешным и разочарованным. Удовольствуюсь ожиданием конца света и буду пользоваться своими привилегиями вместо того, чтобы делиться ими. Зачем терять время и интересоваться страданиями ближнего своего? Горе страждущих мне по барабану. Мне есть о чем подумать: о Франсуазе, об искусстве, солнце, сексе, моем счете в банке, о стихах, море и наркотиках. Все остальное меня не касается. И чтоб в моем присутствии больше не произносили слово "оптимизм"! Что же касается всяких петиций, то ищи дурака! Это мое последнее политическое выступление в жизни.

Среда

В последнее время я возвращаюсь домой позже Франсуазы. Она отдаляется от меня и вместе с ней – мой последний шанс. Ей отвратительна моя бесхарактерность. Я утратил способность к борьбе. Я люблю ее, но не делаю ничего, чтобы она поверила в мою любовь. Я знаю, что из нас

1. На первом туре президентских выборов 2002 г. премьер-министр Франции социалист Лионель Жоспен уступил крайне правому кандидату Жан-Мари Ле Пену.

двоих рулит она. Упрекая меня, она как бы просит меня ее успокоить. Она обманулась во мне, просчиталась. Мы обманулись оба, потому что обманывали друг друга с самого начала. Она скоро меня бросит, я это чувствую. Она боится, что я ее брошу, и избавиться от этого страха она может, только бросив меня первой.

Четверг

Жак Бростайн[1] о романе "Я ее любил" Анны Гавальда:

– Лучше испытать разочарование, чем не испытать радости.

Пятница

Едем к грекам через реку. В Афинах все начинается в полночь, но мы слишком устали, чтобы идти в "Би" (пл. Монастирас) или в "Гуронакия" (ул. Скуфа). Поэтому я раскачиваюсь в кресле-шаре, подвешенном к потолку в "Фрейм" (ул. Клеоменус), и в кои-то веки не собираюсь исследовать всеобщую клубизацию мира.

Суббота

Бритни Спирс преследует меня до самой Гидры. От ее последнего хита скрыться невозможно, даже покатавшись часок на "flying dolphin" (аэроглиссер по-гречески) в затерянной бухточке. Но я на нее не сержусь: в том, что кадры всех стран носят теперь короткие майки, как у нее, я вижу, пожалуй, положительную тенденцию. Пейзаж от этого становится только краше.

Воскресенье

Ибо к этому часу пупок стал единственной утопией. Проблема в том, что он проткнут со всех сторон.

Понедельник

В какой-то момент я так обуржуазился, что возненавидел все книги, где не было слов и выражений типа "трахну в зад" "член" "ЛСД" "твою мать" "передай мне баян" и т. д. Теперь же, когда я стал настоящим бунтарем трэш-хардкор-неопанком, я похож на Виржини Депант: мне больше нравятся слова "счастье" "ребенок" "любовь" "искренность"

Вторник

Демонстрация джет-сет на площади Трокадеро: французские знаменитости кучкуются за заграждениями и поют "Марсельезу" Направляясь сюда, я готовился к худшему, к чему-то вроде революции звезд, в результате которой все эти крутышки опять, сами того не желая, добавили бы голосов Ле Пену, мужественно провозгласив свою поддержку хоро-

1. Жак Бростайн – французский журналист.

ших и осуждение плохих. Но Эдуар Баэр и Атман Хелиф[1] свели на нет мои параноидальные предрассудки: "Сине-бело-красное знамя принадлежит нам всем, 'Марсельеза' — наш общий гимн, так будем же гордиться этими символами, которые слишком долго были узурпированы крайне правыми" А неслабо было бы, если бы в модных клубах новой фишкой стало исполнение национального гимна. Хорошо бы диджей мог проорать "Да здравствует Франция!" и не выглядеть при этом старпером или фашистом. Черт, снова я о политике, а ведь обещал завязать.

Среда

Вернулись с Гидры загорелые и заново влюбленные. Франсуаза заметила, что мы там совсем не фотографировались. Ну и ладно, зато все картинки останутся у нас в памяти: ослы вместо машин, портовые ресторанчики, где подают теплый хлеб, огромная австралийская яхта под названием "Protect Me from What I Want"[2], пустой дом Леонарда Коэна, комната четы Кеннеди в отеле "Орлофф" солнце, оливковое масло, крем от загара на твоей груди, греческое вино, небо, слившееся с морем. Огромные пчелы из пластика, подвешенные под потолком бара, над которыми мы ржали полчаса, никак не могли остановиться (под действием спейс-кейков). Вернувшись на Пирей, едим в таверне "Джимми и рыба" дораду на гриле (на берегу Микролимано). И при этом сосет под ложечкой от страха, что счастлив, и ужаса оттого, что в один прекрасный день этому придет конец. Память — наш лучший фотоаппарат.

Четверг

Гюстав Флобер, когда ему не писалось (ноябрь 1862 года): "Я глуп и пуст, как кувшин без пива"

Пятница

Вот на что похож непишущий писатель: на кувшин без пива, ручку без чернил, машину без горючего. Бесполезный громоздкий предмет либо никуда не годный инструмент, который тем не менее надо содержать в порядке. Что может быть скучнее писателя, вышедшего из строя! Он вял и претенциозен, он почиет на лаврах и спрягается в прошедшем времени. Гари и Нуриссье написали об этом душераздирающие строки. Что касается Нуриссье, на другую тему, — я прочел в "Нова магазин" что болезнь Паркинсона лечится с помощью МДМА[3]! Если эта информация подтвердится, в "Друане"[4] нас ждут веселые заседания! Нуриссье под экстази — так, глядишь, и я "Гонкура" получу.

1. Атман Хелиф — французский актер.
2. "Защити меня от того, что мне хочется"
3. MDMA — экстази.
4. "Друан" — парижский ресторан, где по традиции собираются члены Гонкуровской академии для присуждения премии.

Суббота

Моя жизнь делится на два периода: до 20 лет я ничего не помню; потом следуют годы, о которых я предпочитаю забыть.

Воскресенье

Впервые душа моя не испытывает тревоги перед быстротекущим временем. Мне кажется, на этот раз любовь укрепляется с течением дней. Меня тревожит только отсутствие тревоги.

Понедельник

"Поговори с ней" Альмодовара? Мелодрама, в которой два скрытых гомика занимаются любовью при посредстве коматозной танцовщицы. Людо и я? Мне нравится сцена тотального бодифакинга в немом черно-белом кадре: мужчина десятисантиметрового роста проникает во влагалище женщины, пока она спит. Даже Феллини на такое не решился! В остальном, Альмодовар подустал, мне кажется. Я уверен, что все бубоны скупят саундтреки фильма с акустической версией "Кукуруку Палома" Каэтано Велосо. В любом случае, когда я иду в кино с Франсуазой, мне больше нравится смотреть на ее профиль, чем на экран. От тебя у меня кружится голова — в твою сторону. У меня начинает ломить шею: фильму надо быть действительно на высоте, чтобы сравниться с тобой. Я смотрю, как ты смотришь кино. Если ты смеешься, я решаю, что фильм смешной. Если плачешь, я решаю, что он трогательный. А если ты зеваешь, я засыпаю.

Среда

А я-то гордился своим фотоаппаратом по имени память! Пруст уже сказал то же самое (чуть лучше) сто лет назад: "Удовольствия — это все равно что фотографии. То, что мы воспринимаем в присутствии любимого существа, — это всего лишь негатив, проявляем же мы его потом, у себя дома, когда обретаем внутреннюю темную комнату, куда при посторонних 'вход воспрещен'"[1] ("Под сенью девушек в цвету"). Черт побери, еще Лабрюйер сказал, что "все сказано", но я уверен, что кто-нибудь успел сказать это до него.

Суббота

В самолете, на обратном пути в Париж, меня узнала стюардесса "Эр Франс":

— Вы писатель, да?

— Да... — краснею от удовольствия.

— Простите, а... как вас зовут?

— Оскар Дюфрен. — Бледнею от огорчения.

— Точно! Я видела вас на передаче у Фожьеля!

1. Перевод Н. Любимова.

– Да, но это было давно... – Зеленею от ярости.

– Извините, но я ничего вашего не читала.

Вот так можно опустить воображалу, хотя в кои-то веки он понтов дешевых не кидал и мнения ничьего не спрашивал.

Понедельник

Страх одиночества и боязнь смерти – вот причины, по которым я тусуюсь по вечерам. Как ни смешно, Людо уверяет меня, что только по этим двум причинам он заимел детей. Значит, у ночной клубизации и деторождения один источник. Жизнь в обществе лучше, чем одинокая смерть.

Вторник

Раскрываешь газету и понимаешь, что Оскар Дюфрен остается загадкой. О нем не пишет только ленивый, но разобраться что к чему, не успеваешь, потому что слова "Оскар" и "Дюфрен" мелькают тут и там, они вездесущи, мало не покажется. Надо, не надо – они тут как тут. О тебе пишут, и в этом твоя вина. Ты и пример, и контраргумент, козел отпущения, мальчик для битья, симптом, символ, болезнь, изъян, комета, продукт, бренд, короче, что угодно, только не человек. Наша взяла: люди, на которых тебе плевать, говорят черт знает что о человеке, имя которого ты носишь, им не являясь. Ура! Тебя знают те, кого не знаешь ты.

Среда

В 33 года у меня была депрессия, я никому об этом не сказал. Но я написал книгу, то есть, в итоге, перетер со всеми.

Четверг

В Париже быстрые машины ездят медленнее, чем мой медленный мотороллер.

Понедельник

Я так давно бегу, что не помню уже от чего.

Вторник

Пора мне признаться кое в чем достаточно важном. В 10 лет я был законченным педофилом. Умирал от вожделения при виде девочек с маленькими грудками, проклевывающимися под футболками "Fruit of the Loom" На пляже в Гетари меня дико возбуждали невинные личики и крохотные бикини. Я влюблялся в розовые попки, рождавшие самые невероятные фантазии. Жил в фотографии Ларри Кларка[1] и пользовался

1. Ларри Кларк – американский фотограф и режиссер. За фотоработы, посвященные темным сторонам жизни детей, Ларри Кларка называли детским порнографом.

этим каждую секунду. Какое счастье, пляжный волейбол! Я не пропускал возможности потискать плоские животики и укусить за маленькие попки. Я любил плавать, касаясь их еще не сформировавшихся тел. Я брал их за руку, чтобы попрыгать на песке, запав на их коленки с фиолетовыми ссадинами и чуть солоноватые выемки над ключицей. В 10 лет я был Марком Дютру[1] в законе, потому что все Лолиты были моими ровесницами. Дорогие мои читатели младше 12 лет, вы не знаете своего счастья! Поспешите стать Гумбертами Гумбертами, пока имеете на это право!

Среда

Я бы хотел разнообразить свою деятельность настолько, чтобы народ решил, что у меня есть тезка. Моя шизофрения – следствие не дилетантства, а мечты о вездесущности.

Пятница

Сегодня я составил список того, что предлагает мне мир. Раз, два и обчелся. Но мира как такового мне вполне хватит.

Вторник

Передача, побившая все рекорды на американском MTV, называется "Осборны" Это совершенно новый жанр: реалити-шоу про знаменитостей. Нам показывают Оззи Осборна, вокалиста группы "Блэк Саббат", в кругу семьи, за которой сутками следят камеры. Мы шпионим за ним, когда он готовит с женой ужин или наступает голыми ногами в собачьи лепешки. На концертах мы привыкли видеть, как на сцене он зубами отрывает голову у живой летучей мыши. Осборн присмирел: теперь у него новые припарки – он стал нормальным. Почему эта передача пользуется таким успехом? Потому что публика обожает жизнь кулис, а также скуку. Бóльшая часть звезд прячется из опасения, что все узнают, до какой степени уныло их существование. К счастью, всегда найдется парочка эксгибиционистов, согласившихся, чтобы их жизнь превратили в передачу. Возможно, недалеко то время, когда каждая знаменитость станет сама себе каналом. Мечтаю попереключать телик с "Ширак-ТВ" на "Бен Ладенченнл" канал "Зидан" "Де Ниро-TV" "Клара Морган[2] XXX" и, само собой, "Оскар Дюфрен лайв". В один прекрасный день этот дневник станет вашей любимой телепрограммой. У меня уже готов слоган для ее запуска: "Живу для вас"

Суббота

"Настоящим страданием, адом человеческая жизнь становится только там, где пересекаются две эпохи, две культуры и две религии... Но есть эпохи, когда целое поколение оказывается между двумя эпохами, между

1. 47-летний бельгиец Марк Дютру, "чудовище из Шарлеруа" был арестован в 1996 г. по обвинению в педофилии, убийствах, изнасилованиях и похищениях людей.
2. Клара Морган – французская порнозвезда.

двумя укладами жизни в такой степени, что утрачивает всякую естественность, всякую преемственность в обычаях, всякую защищенность и непорочность"[1] Когда Герман Гессе написал это в "Степном волке" в 1927 году, он еще не знал, что Вторая мировая война докажет его правоту. Он также не подозревал, что описывает начало XXI века. Странно, у меня прямо мурашки по коже. Сквозняки, должно быть.

Воскресенье

Юмор Неизвестной Бляди:

— У моего парня такие габариты, что я соглашаюсь с ним трахаться только под местным наркозом!

Понедельник

Приземляюсь в Вильнюсе (Литва) в таком же аэропорту, что и везде. Мир повсюду одинаков. Пересекаешь его по прямой, на эскалаторе, освещенном потрескивающими неоновыми лампами. Путешествовать все равно что слушать поцарапанный диск. А жить? Завтра то же, что вчера. Все знают, что такое "дежа вю" Стареть значит войти в "дежа векю"[2], в такой виртуальный дневник, где застреваешь на одном и том же абзаце.

Вторник

Приземляюсь в Хельсинки (Финляндия) в таком же аэропорту, что и везде. Мир повсюду одинаков. Пересекаешь его по прямой, на эскалаторе, освещенном потрескивающими неоновыми лампами. Путешествовать все равно что слушать поцарапанный диск. А жить? Завтра то же, что вчера. Все знают, что такое "дежа вю" Стареть значит войти в "дежа векю" в такой виртуальный дневник, где застреваешь на одном и том же абзаце.

Среда

Приземляюсь в Лондоне (Великобритания) в таком же аэропорту, что и везде. Мир повсюду одинаков. Пересекаешь его по прямой, на эскалаторе, освещенном потрескивающими неоновыми лампами. Путешествовать все равно что слушать поцарапанный диск. А жить? Завтра то же, что вчера. Все знают, что такое "дежа вю" Стареть значит войти в "дежа векю", в такой виртуальный дневник, где застреваешь на одном и том же абзаце.

Четверг

Боже мой, вот уже три дня я, как Джек Николсон в "Сиянии", переписываю все время одну и ту же фразу. Хотя во времена Кубрика функций "копировать" и "вставить" еще не существовало. Он как в воду глядел! Писатель, повторяющий одну и ту же фразу, был бы мудрецом. Все наши беды от того, что мы не хотим повторяться. Как будто истин несколько.

1. Перевод С. Апта.
2. Дежа векю (déjà-vécu) — уже прожитое (*франц.*).

Воскресенье

Сколько же у меня было в детстве талантов: я краснел по команде, на две минуты задерживал дыхание под водой, у меня то и дело шла кровь носом, я умел скосить один глаз... Мне очень нравятся эти записки, потому что я их верный автор, главный герой и единственный читатель.

Понедельник

Чтобы не дать мне писать, Система решила выставить меня напоказ, устроив мне рекламу на телевидении. Идея проста: добиться от меня литературного молчания, заменив его медийным шумом. Дать мне слово — лучший способ меня заткнуть. Ваша взяла, я повинуюсь (молча).

Среда

Франсуаза плешь мне проела, что я ее не люблю. Логично: те, кого я не любил, считали, что я их люблю. Теперь все наоборот.

Четверг

Обожаю припев новой песни Эминема: "Now this looks like a job for me / So everybody just follow me / Cause we need a little controversy / Cause it feels so empty without me"[1].

Может, Эминем — американский Оскар Дюфрен? Мне по душе этот откровенный плевальщик в колодец, который осмеливается сочинять песню, разбирая в ней, почему он ее сочиняет. В общем, он считает нас придурками, уверяет, что без него мы бы подохли со скуки, что он на нас положил, а мы его за это обожаем. В былые времена рок-звезды были искренними бунтарями, сегодня стали циничными. Трезвый взгляд пришел на смену ярости. Это новая форма бунта. Неподвижная ненависть, разбитое зеркало.

Пятница

Поговорим о трезвости взгляда, потому что, похоже, она стала наивысшим достоинством и вечной ценностью моего поколения. Скажу вам прямо, милые мои, трезвость не защищает от реальности. Теория несчастья не помешает ему произойти. Предупрежден — не значит вооружен. Например, мой любовный пессимизм не мешает мне бояться, что я буду страдать. Зная, почему мы грустим, мы, может быть, выглядим не такими идиотами, но грусть от этого не проходит. Вот так вот мы и живем, закованные в броню неразрешимых проблем. Мы считаем себя гениями, потому что точно знаем, что таковыми не являемся. Ни одно поколение не кичилось до такой степени осуждением собственной дурости, так не хвасталось своими провалами и тщеславием, так себя не любило. Культ ясности мысли ведет к импотенции: это бесплодный ум. Никогда земля еще не носила на себе столь безропотную молодежь. Я

1. Похоже, мне придется потрудиться, / Так что слушайте меня все, / Ведь всем надо хоть о чем-нибудь поспорить, / Ведь без меня так скучно (*англ.*).

беспрестанно возвожу в теорию свои политические и любовные неудачи. Ну и что из того, что я сознаю свою импотенцию? Трезвость мысли меня не изменит.

Суббота

Всем критикам, которых я разочаровываю, я хотел бы раз и навсегда сказать, что я с ними совершенно согласен. Я тоже не прочь, чтобы мои книги были лучше.

Вторник

Франсуаза – достойная соперница Эминема. Вчера вечером, придя в ужас от моей циклотимии, она мне выдала: "Знаешь, что тебе помогло бы? Ничего"

Среда

Почему я люблю эту женщину? Потому что она full options[1]

Суббота

Телевидение превращает тебя в звезду национального масштаба, бестселлер – в международную темную лошадку. Вот снова меня зовут в страну тысячи одного усача: Турция, выйдя в четвертьфинал, безостановочно переводит мои книги. На окраине Европы, на берегах Стамбула, я любуюсь Азией, мерцающей по ту сторону Босфора, за спинами черноглазых брюнеток с ослепительно белыми зубами. На Багдадской улице (азиатские Елисейские Поля) турчанки одеваются секси, между тем в отеле "Чираган" нет порноканала. Хорошо бы они ели поменьше кюфты, а то они раздаются с той же скоростью, что и пролив.

Воскресенье

На азиатском берегу фасады деревянных домов XVII века весь день розовые; тут с утра до вечера утопаешь в сумеречном свете; здешняя жизнь – сплошной закат. Константинополь? Фреска нашего блеска. "Лайла", "Рейна", "Анжелика-Буз" – дискотеки под открытым небом на берегу Босфора. Можно танцевать и смотреть, как проплывают мимо яхты и грузовые суда. Их огни заменяют лазерные лучи, которые море отсылает обратно к желтой луне, зеркальному шару, повешенному Господом. Я рождественская елка, а Франсуаза – моя гирлянда. (Эти строки рождены в состоянии легкого опьянения.)

Понедельник

Любовь похожа на американские горки: сначала вверх, потом вдруг вниз, и снова вверх, и снова вниз, а в конце блюешь прямо на себя!

1. Полный комплект (*англ.*).

Вторник

Перед матчем Турция–Сенегал слышна песня муэдзинов: марабуты и имамы тоже вступили в поединок. Забит золотой гол, и город застывает в красном крещендо, ликующее людское море катится на фоне инфляционной катастрофы. Под светлым небом вспыхивают улыбки, значит, и спорт кому-нибудь нужен, можно снова стать халифами на час и даже на тысячу и одну ночь. Полумесяц и белая звезда на фоне пурпурного небосвода: в этот вечер даже небо прикинулось турецким флагом.

Суббота

Я бы слегка изменил аксиому Брюно Мазюра[1] "Телевидение сводит с ума, но я лечусь": телевидение сводит с ума, если ты больше ничем не занимаешься. Лучшее лечение – не сидеть на одном месте. Я, пострел, везде поспел, и в этом мое спасение.

Воскресенье

В англичанах я больше всего ненавижу их чрезмерную любезность, это европейские японцы. Вместо того чтобы сказать "пошли вы на хер" они корчат кислую мину и восклицают: "I'm awfully sorry sir but I'm afraid it's not going to be possible at the moment!"[2] Рано или поздно преувеличенная любезность перестает отличаться от тотального презрения. Лучше бы уж говорили: "I'm awfully sorry sir but I'm afraid you are going to have to go fuck you mother, indeed"[3].

Понедельник

Написать книгу, в которой не было бы ни одного пустого слова, – и набить благодаря ей полные карманы.

Четверг

Меня уверяют, что в книгах Анго есть свой ритм. Значит, если напишешь глупость один раз – это просто глупость. Два раза – повтор. А двенадцать раз – это уже ритм.

Пятница

Что такое мужская дружба? Петушиный бой? Ревнивое влечение? Скрытое соперничество? Одиночество в компании? Платоническая гомосексуальность? Конкурс пенисов? Тайна сия велика есть. Или нет.

1. Брюно Мазюр – ведущий новостных программ на французском телевидении.
2. "Мне страшно жаль, сэр, но боюсь, что в ближайшее время это невозможно"! (*англ.*)
3. "Мне страшно жаль, сэр, но боюсь, что вам придется отправиться к е... матери, право" (*англ.*).

Воскресенье

Вдруг бах — и во Франции лето: два месяца ничего не происходит. Я горжусь своей страной, которая может перестать жить с 1 июля по 31 августа. Впрочем, в остальное время года тоже ничего не происходит, но мы делаем вид, что происходит.

Четверг

Вчера какой-то неонацистский придурок выстрелил в Жака Ширака, чтобы стать знаменитым неонацистским придурком. Еще одна жертва синдрома Герострата. Максим Как-его-там написал в мейле: "Посмотрите завтра телевизор, я стану звездой" Наш долг — не доставить ему такого удовольствия: его фамилию не следует писать. Эрве Фигня вынул свой "лонг райфл" 22-го калибра. Жан-Пьер Кретин вскинул винтовку. "Ура, наконец-то обо мне заговорят!" — воскликнул Серж Отстой. Карабин Филиппа Мудачного выстрелил в пустоту.

Пятница

В "Падении" Камю нашел фразу про Марка Хренового: "Чтобы добиться известности, достаточно убить консьержку в своем доме"[1] Не говоря уже о консьерже Елисейского дворца.

Суббота

Обедаю в Сперонe, у рекламщиков. Они при бабках, их дом из канадского кедра нависает над бирюзовой бухтой. Открытки сюда посылать бесполезно: они в них живут. Корсика — это царство волшебным образом сохранившихся пейзажей, во всяком случае у богачей: красоту берега не нарушают бетонные отели, а в зарослях маки́ не натыканы рекламные щиты "Брикорамы"[2]. Вот почему рекламщики обожают Сперонe: это единственное место, где они пока не нагадили. В такой красоте их взгляд отдыхает от уродства, которое они штампуют круглый год.

Вторник

Падение биржи — отличная новость. Она наказывает скупцов, которые хотели отложить деньги в кубышку. Награждает стрекоз и разоряет муравьев. Ну-ка, быстро проматывайте деньги! Тут даже бережливые не уберегутся.

Пятница

Все восхитились президентским "Да что вы!" Узнав, что он чудом избежал пули, Жак Ширак вскричал: "Да что вы!" Интересно, что написали бы политические обозреватели, если бы Ширак сказал: "Ух ты!", или:

1. Перевод Н. Немчиновой.
2. "Брикорама" — сеть хозяйственных магазинов.

"Меня не парит", или: "Ни хрена себе!", или: "Мне по фигу", или: "Ё-мое!" Лично мне его "Да что вы!" напоминает "Воды-то, воды-то!" Мак-Магона[1]

Суббота

Когда девушка говорит, что это смертельный номер, значит, это очень хорошо. Когда женщина старше тридцати говорит, что это смертельный номер, значит, можно умереть от скуки. Следовательно, употребление слов "смертельный номер" помогает определить возраст собеседницы. Эти слова – своего рода углерод-14 современной женщины.

Вторник

Все хорошо, но дорога в ад вымощена произведениями автофикшн. Рассказывать свою личную жизнь в прессе, так сказать в прямом эфире, самый жестокий эксперимент. Франсуазе надоело, что она то и дело мелькает на страницах этой книги. Мы все время препираемся по этому поводу. У меня не хватает аргументов для защиты своего дневника. Будь он получше, он бы сам за себя постоял.

Среда

Возвращаюсь в Париж, чтобы сделать вид, что работаю. Вместо того чтобы задремывать под баюкающий шум прибоя, мы просыпаемся от гула противоугонных сирен. Я нацепляю рубашку в облипку, с открытым воротом, дизайн Тома Форда для Ива Сен-Лорана. Моя известность сейчас так же безупречна, как и мой загар: какая жалость, что я верный любовник! Сколько блондюшек коту под хвост! Юные создания бьют копытом и хлопают огромными коровьими глазами, глядя на мои бабки. Бери не хочу. На такой жаре мысли из штанов ударяют прямо в голову: если уж потеть, так с пользой, наполняя голодные рты! Я сажусь на диету в тот момент, когда все нажираются до отвала! Лето опасно для счастья, вот почему все супружеские пары расстаются в августе. Лето – это ежегодная оргия, организованная самим Господом! А Париж в настоящий момент просто "Остров искушений"[2]. Ну и пусть, я выше этого. Верные мужья дарят своим женам прекрасный подарок: они отказывают всем остальным. Верность – это ритуальное жертвоприношение: я кладу ракеты, самолеты и пушки на алтарь нашей атомной страсти. (Это мне напоминает ответ принца де Линя[3] своей жене: "Хранили ли вы мне верность? – Да, частенько".)

Четверг

Бертран Деланоэ[4] насыпал песку и посадил три пальмы на набережных Сены, и все зашлись в экстазе! Браво! Получился пляж в Париже. Ло-

1. Восклицание маршала Франции Патриса Мак-Магона при виде разлившейся Гаронны.
2. "Остров искушений" – популярное реалити-шоу.
3. Принц Шарль Жозеф де Линь (1735–1814) – австрийский фельдмаршал, бельгиец по происхождению, дипломат и писатель, личный друг императора Иосифа II.
4. Бертран Деланоэ – мэр Парижа.

жишься себе в шезлонг на берегу токсичной реки и вдыхаешь самый загрязненный воздух в Европе. А Ширак еще обещал в ней искупаться! Если бы он должен был сдержать только одно из своих обещаний, я бы выбрал это: оно самое забавное. Воображаю себе мокрого радиоактивного президента с использованным презервативом на носу! Напоминаю, что когда-то существовал бассейн под открытым небом — "Делиньи", и еще один в Шестнадцатом округе — "Молитор", они были разрушены, а муниципалитет и ухом не повел. Ну и ладно, удовольствуюсь бассейном "Поло", тут тусуется весь Париж. Да-да, господин мэр, вашему пляжу не хватает вип-зоны.

Пятница

Снимаюсь на журнальную обложку. Сколько же времени у меня уходит на то, чтобы не писать! Меня щелкают на фото и по носу.

Суббота

Преимущество отпуска для литературного критика состоит в том, что у него есть время почитать всякое старье и выудить там откровения, повышающие его квалификацию: "Я был замкнут в настоящем, как герои, как пьяницы; мгновенно затмившись, мое прошлое уже не отбрасывало передо мною тени, которую мы называем грядущим"[1]. Это, конечно, Пруст. "Конечно, Пруст" Просто слоган "Виважеля"[2]! Только Пруст не производил замороженной продукции.

Воскресенье

На днях Второй канал показывал "Обретенное время" Рауля Руиса. После этого фильма мне захотелось перечитать Пруста. Руис доказывает всем уклонистам, что Пруст — это богачи, трахающие шлюх, и светские педики, которых секут. И сразу Пруст перестает быть занудным! Там есть даже один персонаж (Сен-Лу), который смеется над теми, кто называет кокаин "коко" Как я ни ломаю голову, не могу понять, почему меня все время сравнивают с Бретом Истоном Эллисом. Ведь Пруст первым ввел в моду ночных трэш-тусовщиков.

Понедельник

С Франсуазой у меня происходит что-то странное: впервые я люблю кого-то *все больше и больше.*

Вторник

Благодаря моей загорелой роже у меня каждый вечер аншлаг. Я бы и не прочь изменить Франсуазе, но недостаток всех прочих женщин состоит в том, что они — не она.

1. Перевод Н. Любимова.
2. "Виважель" — марка свежезамороженных продуктов. Рекламный слоган гласит: "Конечно, 'Виважель'!"

Воскресенье

Читаю романы, вышедшие в этом месяце: дерьма немерено. Вспоминаю, что сказал Пьетро Читати[1] в "Культурном бульоне"[2], с сожалением глядя на меня: "Литература устала, она отдыхает" А что, если эта спящая красавица не проснется никогда?

Понедельник

Само собой разумеется, я поддерживаю предложение Франсуазы де Панафье[3] вновь открыть публичные дома. Есть товар – нет проблемы. В любом случае все мы шлюхи в мире наживы: "Lots of money? Love story. Got no money? I am sorry"[4] (кредо московского "Night Flight").

Среда

"Это конец света, и мне хорошо", – поет группа "REM", вот вам и краткое содержание современного мира. Климат разладился, Азию закрывает коричневое облако, засуха повсюду сменяется наводнением, лето похоже на долгую зиму, ураганы разрушают города. И никто, судя по всему, не находит в этом ничего предосудительного, предприятия по-прежнему производят продукцию, заводы задымляют планету, экономический рост правит бал, окружающая среда загрязняется. "It's the End of the World and I Feel Fiiiiine": Майкл Стайп – величайший философ современности. Мы не без удовольствия следим за собственным распадом. Среднестатистический человек XXI столетия – это денди-стоик, который тащится от собственных нигилистических подвигов. Раньше в эту элегантную позу вставали только лучшие представители писателей-пессимистов (Леопарди, Шопенгауэр, Амьель, Бенжамин, Чоран, Жаккар, Россе...). Отныне народные массы требуют собственной аннигиляции, пожирая второй десерт. Коллективное самоубийство пробуждает аппетит.

Четверг

В один прекрасный день, быть может, какой-нибудь чокнутый издатель соберет воедино эти записи. И тогда мой дневник прочтут со снисхождением, которого удостаиваются только психически неполноценные люди, или же со строгостью, пропорциональной моей лени.

Пятница

Доминик Фарруджа требует, чтобы я снова здесь о нем написал. Наконец-то желание, которое легко исполнить! Чтобы появиться на страницах моего дневника, достаточно просто предложить мне вести программу на Ка-

1. Пьетро Читати – итальянский романист и литературовед.
2. "Культурный бульон" – передача, которую много лет вел Бернар Пиво на Втором канале французского телевидения, обсуждая с участием авторов, критиков и читателей новые книги.
3. Франсуаза де Панафье – одна из лидеров ОПР, правящей партии Ж. Ширака, депутат Национальной ассамблеи.
4. "Много денег? Лав-стори. Нету денег? Сорри" (*англ.*).

нале+ и при этом не тащить меня в постель. Отмечу в связи с этим, что я сам все чаще фигурирую в произведениях моих собратьев по перу: в "Почему Бразилия?" Кристин Анго, в "One man show" Никола Фарга, "Дневнике бездельника" Ролана Жаккара, в "Автогамии" Тома Буватье и "Толстокожей" Элизабет Кин. Не писателем, так хоть героем романа стану.

Воскресенье

За неимением революций мы бунтуем против всяких пустяков. Я, например, решительно отказываюсь пристегиваться в машине, езжу без шлема на мотороллере, курю дурь в самолетах, писаю в бассейнах моих друзей — типа лью воду на их мельницу, — езжу зайцем на автобусе, ухмыляюсь, завидев фото Жан-Пьера Раффарена[1], и т. д. Недалеко то время, когда подрыв устоев сведется к переходу улицы на красный свет. Принято думать, что бубоны сочетают пристрастие к буржуазному комфорту и богемному прикиду, на самом же деле они стыдятся собственного богатства, и к этому стыду примешивается неловкость за свое нелепое бунтарство.

Понедельник

Воспользуемся современной порнографией, пока ее не запретили. Вчера я занимался любовью под японские и немецкие DVD сладчайшей мерзости. А Доминик Бодис[2] еще жалуется, что наша молодежь получает сексуальное воспитание из подобных фильмов... Черт возьми, надеюсь, что так оно и есть!

Вторник

Мое сексуальное воспитание в лицее Монтеня: непристойные слайды, схема со стрелочками, прыщавая училка в белой кофточке, произносящая ужасные слова типа "пенис", "член" "матка" "внутриутробный" "трубы". Я бы предпочел набираться знаний либо как предыдущие поколения (в борделе), либо как последующее (по видео).

Среда

Между 1935 и 1957 годами, то есть в течение последних 20 лет своей жизни, Валери Ларбо произносил только одну фразу: "Доброй ночи, подлунный мир" В ноябре 1935-го, после инсульта, случившегося на улице Кардинала Лемуана, его разбил паралич. Сидя в своем кресле, он неустанно повторял редким посетителям: "Доброй ночи, подлунный мир" (Его биографы считают, что инсульт явился последствием сифилиса, который он подхватил во время своих неоднократных посещений публичных домов в компании, в частности, Леона Поля Фарга[3].)

1. Жан-Пьер Раффарен — бывший премьер-министр Франции.
2. Доминик Бодис — бывший мэр Тулузы и председатель Высшего совета по аудиовизуальным средствам массовой информации.
3. Леон Поль Фарг (1876–1947) — французский поэт.

Четверг

"Доброй ночи, подлунный мир"? Есть у меня некоторые соображения по этому поводу. Я думаю, что Ларбо был симулянтом. В действительности же он просто не мог сказать ничего более интересного. Он писал замечательные стихи, потрясающие романы о молодых женщинах, о Риме, о любви и миллиардерах, он путешествовал, а потом притомился, устал и решил посидеть дома. И вовсе он не заговаривался. Просто-напросто фраза "Доброй ночи, подлунный мир" казалась ему финальной, подводящей итог всему — жизни, смерти, красоте мира, птицам, цветам и лесам, сексу, деньгам, течению времени, радостям и боли, всему тому, что в один прекрасный день у нас отнимут. Мне кажется, Валери Ларбо прошел идеальный писательский путь: надо всю свою жизнь марать бумагу в поисках одной-единственной фразы, а с того дня, когда она будет найдена, уже ничего больше не произносить (как Николсон в "Сиянии"). "Доброй ночи, подлунный мир" — это не лучшая фраза недели, это лучшая фраза жизни.

Воскресенье

Суровость критиков по отношению ко мне объясняется наверняка тем, что ни у кого не возникает желания дарить подарки избалованным детям.

Понедельник

Бессонная ночь, жуткий скандал, окончательный разрыв... На этот раз Франсуаза ушла навсегда, я ее потерял. Я в кусках. Она влюбилась в девушку, которую мы клеили вместе. Они уже несколько месяцев тайком встречаются и собираются жить вместе, семьей. А я-то подозревал Людо! Она говорила со мной с ужасающей холодностью, как будто я уже стал для нее пройденным этапом. "Я отвергаю тебя и всех прочих представителей твоего пола" Всю ночь я пытался умаслить ее, добиться отсрочки, выпросить последний шанс. Она извинилась по телефону, в эсэмэске и по Интернету, но не лично. Я стал ей чужим. Мне трудно дышать. Неужели весь этот год мы расходились, как в море корабли? Жили в параллельных мирах? Влюбленные задыхаются в двух случаях — когда любят и когда их разлюбили.

Вторник

В мире, который провозглашает эгоцентризм основной ценностью, гомосексуализм становится, логически рассуждая, нормой будущего. В нашу эпоху противоестественной является как раз гетеросексуальность. Надо любить тех, кто больше всего на нас похож. Желать только самого себя. И мне пора бы уж перестроиться. И выйти во что бы то ни стало за длинного близорукого парня. Вот тут-то я и стану настоящим romantic egotist.

Доброй ночи, подлунный мир.

Через тридцать лет гетеросексуалы станут сексуальным меньшинством, скандальным, нездоровым и возмутительным. На улицах будут свирепствовать гетерофобы. Нам отвратительно будет смотреть на че-

ловека, целующего взасос женщину на скамейке. Однополым парам будет неловко перед своими пробирочными детьми. Какой ужас — целовать в губы человека, столь не похожего на тебя! Как могут подобные пары вести нормальную жизнь, если они так страшно далеки друг от друга? Доброй ночи, подлунный мир. Доброй ночи, подлунный мир. Доброй ночи, подлунный мир. Доброй ночи, подлунный мир.

Среда

Я уже три дня ничего не ем. Глушу себя шумом. "Нобу" и "Корова" разорились, но "Кэб" и "Вип" никуда не делись... Я окунулся в понедельничные вечеринки в "Квин" в толпу тусовщиков, стриптизерок и завсегдатаев "Дуббис" Все тут как тут, в том же месте, в тот же час, только меня и ждали. Я-то считал себя выше этого, бедный я бедный. Они согревают меня, это моя настоящая семья. Началась моя новая жизнь без Франсуазы, и жизнь эта мне противна. Никогда я так не мучился, никогда в жизни. А ведь я как чувствовал! Мы вели слишком нормальную жизнь, я потерял воображение, я стал нерешителен, и она меня запрезирала. Я любил ее до того, как полюбил, люблю и после. Я недостаточно любил ее *между до и после.* Мы любим, только когда нас отвергают или ускользают от нас. Я мог бы полюбить Франсуазу, не будучи знаком с ней и не дотрагиваясь до нее, даже не появившись в ее жизни. Во всем виноват я: эта история закончилась, потому что в один прекрасный день я ее начал. Это история одинокого мужчины, который спрашивает себя, кто он такой и какого черта он тут делает. Он полагает, что свободен, влюбляется, познает счастье, потом счастье уходит, и он понимает, что ненавидит свою свободу. Банален даже слоган моей жизни.

"Ничто не меняется, и старость мира все больше давит мне на плечи" Валери Ларбо "Дневник А. О. Барнабута"

А я еще считал ее психопаткой! Франсуаза очень уравновешенная особа. Женщина, которая не выносит меня, очень уравновешенна. Она не бросила меня, она меня выжала досуха. Я решил больше никогда не быть ни эгоистом, ни романтиком. Уверен, что стану отличным алкоголиком.

Четверг

Я не в состоянии выполнить твою просьбу. Я никогда не смогу тебя разлюбить.

Любовь по-прежнему самый опасный наркотик. Ты вернула меня к жизни, я вновь ощутил вкус к чувствам. Куда бы я ни шел, я не видел ничего кроме твоих прохладных губ и задумчиво смотрел вдаль, когда тебя не было рядом. От жалких остатков невинности у меня краснели щеки. Начиная с этой минуты и до самой смерти, каждый раз, когда кто-нибудь произнесет в моем присутствии твое имя, взгляд мой, наверно, затуманится. Окружающие скажут: "Он перебрал, он не в себе" — но мне-то что, я буду уже далеко, утону в твоих объятиях в Лос-Анджелесе или запутаюсь в твоих солоноватых волосах в Порто-Эрколе, прижмусь к твоим сливочным грудям в Стамбуле, Москве и Амстердаме, в раю взаимной любви, в этой несбыточной мечте, к которой ты однажды допустила меня.

Пятница

Я перестал вести дневник, потому что теперь моя жизнь уже не представляет никакого интереса. Вы обратили внимание на инициалы Оскара Дюфрена – О. Д.? Я сам себе надоел. Я недалеко ушел от Овер-Дозы и Отстойной Дряни. Логически рассуждая, теперь, когда я стал богатым и знаменитым, то есть почти прекрасным, я должен был бы, чтобы сделать вам красиво, покончить с собой. Но я решил жить, так удобнее наблюдать за тем, что происходит. Предпочитаю исчезнуть на гребне славы. В обществе спектакля отсутствующий всегда прав. Больше вы не будете читать Оскара Дюфрена, поэтому начнете везде его искать. Чем больше я буду вас избегать, тем больше вам меня захочется. Я первый живой самоубийца со времен Исаака Альбениса (предка Сесилии Саркози[1], испанского музыканта, который заставил всех поверить в собственную смерть, чтобы прочесть хвалебные некрологи самых злейших своих гонителей). Оскар Дюфрен? Литературный зомби. Не надо убивать Ширака, Буша или Мадонну, чтобы войти в историю. Достаточно просто спрятаться. Не волнуйтесь, я буду по-прежнему за вами наблюдать, безопасного расстояния. Наступит же момент, когда все пойдет к чертям. В день конца света надеюсь быть в первых рядах.

Суббота

Время от времени я выглядываю из окна своей гостиницы, и всякий раз солнце встает над другим городом. Доброй ночи, подлунный мир. Иногда, поздно ночью, мне кажется, что мой мобильник начинает вибрировать в кармане пиджака, и я кидаюсь к нему, надеясь, что это ты, но выясняется, что он дрожал от низких частот в усилителях... Я знаю, что эта история неудачной любви – единственное, о чем я не пожалею никогда. Даже когда попаду в больницу и буду лежать под морфием в ожидании смерти, опутанный трубками и проводами, даже тогда я буду думать о ней и гордиться, что со мной такое было.

Воскресенье

Принято думать, что любовь преображает человека, но ее гипнотическое воздействие длится недолго. Мне только лучше, что меня бросили, в коитo веки все складывается в мою пользу, меня жалеют... Порой я проявляю великодушие и объявляю, что, если ты вернешься, я тебе скажу: "Оставайся со своей любовницей, я измучил тебя, тебе нужен не я, без меня тебе будет лучше, хочу видеть тебя счастливой" и прочий бред (пусть лучше несчастным буду я, но не могу же я сам себя бросить). Иногда приходят "друзья" Франсуазы и говорят мне гадости о ней и ее подружке. Когда они уверяют меня, что моя вульгарная соперница скоро ей надоест, мое разбитое сердце мурлычет, как мотор английского "седана"

– Вы так считаете? Думаете, она вернется? Думаете, это реально, даже если у меня один шанс на миллион? Боже мой, зачем я ее отпустил?!

1. Сесилия Саркози – жена Никола Саркози, министра внутренних дел Франции.

Тогда они отводят глаза.
Не выдержав моих жалких всхлипываний.

Понедельник

Людо, столкнувшись со мной в холле отеля, сразу переходит в атаку:

– Ты правда хочешь перестать вести свой дневник?

– Ну да... Неохота мне...

– Предатель! У тебя получалось искреннее, чем у Бриджит Джонс, блин!

– Нет, более по-мужски. Надо было, чтобы какой-нибудь мужик взялся за дело и ответил этой сучке. Чтобы втемяшить ей, что даже если мужики и хотят трахнуть всех баб, это еще не значит, что они не могут полюбить, и слава богу, потому что это самое прекрасное, что есть в нашем раздолбанном обществе...

– Но все-таки мы хотим всех их трахнуть!

– Ну да.

– Мне будет не хватать твоего цинизма.

– Это не цинизм, а честность. Могу тебе сказать, что из-за этого у меня было много неприятностей. "Честность, сладкая моя забота"[1]

– Ты уверен, что завязал?

– С дневником? Нет. Но с его публикацией – да. Теперь, когда я работаю на телевидении, мне надо скрываться. А то меня будет перебор. И вообще, как сказал Марсель Далио в "Правилах игры": "Такое у меня ощущение, что я уже насмеялся достаточно"

– Не надо! Просто телевидение тебе больше нравится! Изменяешь литературе с кино! Отступник! Хочешь, чтобы тебя прохожие узнавали! Мегаломан! Дезертир!

– Это всё цветочки. А есть еще и ягодки... Решено: с женщинами покончено. Ни Бога, ни любовницы! Скажи мне... А знаешь, у тебя красивые глаза... Что ты делаешь сегодня вечером?

– Послушай, Оскар, я согласен стать с тобой педиком, но при одном условии – мы никогда не будем спать вместе.

– Идет. Но будь добр, доставь мне удовольствие – сбрей свою ужасную трехдневную бородку: ненавижу целовать колючие щеки.

– Не дождешься, зато я согласен прогуливаться с тобой, взявшись за руки перед папарацци.

– Да, это пойдет на пользу твоему имиджу. Слушай, странно, ты не чувствуешь запаха? Нет? Не чувствуешь?

Вторник

Что мне остается в конце этой эпопеи? Запах. Аромат кожаной обивки в английских автомобилях моего отца. Роскошная вонь, вызывавшая у меня рвоту. "Ягуар" "даймлер", "астон-мартин" "бентли": от них несет одинаково. Помню, какое отвращение вызывали у меня пахучие бежевые сиденья. Мне хотелось нравиться плейбою, который мчал на всей скорости. То

1. Перефразированная первая строка из стихотворения Франсуа Малерба, а также название стихотворения Валери Ларбо: "Красота, сладкая моя забота..."

есть нравиться всем женщинам, как нравился он. А для этого мне надо было *кем-то* стать. Мне надо было, чтобы меня полюбил весь мир, потому что этот человек был частью всего мира. Тогда и он полюбит меня, как все остальные. Оскар Дюфрен не был холостяком в бесплодных усилиях любви. Это был маленький мальчик, ждущий отца. Вот она, великая несправедливость литературы: воспитала меня мама, а пишу я всегда об отце. В семьях прав всегда тот, кого нет, и мы пишем о призраках.

Понедельник, 9 сентября 2002

Печаль так переполняет меня, что выходит порой из берегов, как Сена. Свет фонарей отражается в черной воде, превращая старую реку в Млечный Путь.

Я вижу все, что потерял и что уже никогда не обрету вновь. На моем смокинге пятна. Я соскребаю грязь, но она не поддается.

Если мы все ничьи, тогда никто ни о ком не заботится и каждый будет сам за себя, во веки веков. Вот я и снова один; я поднимаю черное стекло, закрываю лицо руками, сидя на заднем сиденье безмолвного лимузина, который катит вперед, к моей кончине.

Фредерик Бегбедер приносит благодарность Франку Моберу, Марку Долизи и Жан-Мари Бюрну, без которых не было бы этой книги.

Дерек Уолкотт

Нобелевская премия 1992 года

Стихи из книги "Щедрость"

Перевод с ан ступлен Григория Кружкова

Дерек Уолкотт (р. 1930), поэт и драматург, лауреат Нобелевской премии, друг Иосифа Бродского (для русского читателя — рекомендация не менее важная), родился на маленьком острове Сент-Люсия в Вест-Индии. Редкая обзорная статья о нем обходится без цитаты, которую можно считать автобиографической.

Я просто рыжий негр, влюбленный в море,
Учившийся в колониальной школе.
Кто я — голландец, негр иль англичанин?
Я — или сам народ, или никто.

Это поставленное здесь для благозвучия "рыжий негр" точнее было бы перевести "негр с красноватым отливом": в жилах поэта, наряду с европейской, течет африканская и индейская кровь. Многое перемешано и в его поэзии. Кроме культурной традиции долгих веков и эпох, в ней живет и непосредственное, "туземное" ощущение свежести языка, когда поэт, подобно Адаму в раю, дарит вещам имена, наслаждаясь самим процессом возникновения речи.

В молодости Дерек Уолкотт был учителем в школе, писал для местных газет, основал на Тринидаде театральную труппу, писал для нее пьесы на актуальные карибские темы (всего им написано около тридцати пьес, многие из которых с успехом ставились в США и в Европе). Долгие годы он вел кочевую жизнь, но всегда чувствовал себя островитянином, выразителем судьбы и культурных традиций своей океанской родины. На этом всегда стоял, обретая силу в самой зыбкости своего двойственного положения (карибский поэт, пишущий по-английски).

© 1997 by Derek Walcott
© Григорий Кружков. Перево; ступление, 2006

Значение Уолкотта для современной английской поэзии следует особо подчеркнуть; выражаясь торжественно, он один из тех рыцарей, которые сберегли ее честь в смутную эпоху кризиса и утраченных ориентиров. С этой мысли Бродский начинает свое замечательное эссе об Уолкотте "Шум прибоя": "Поскольку цивилизации конечны, в жизни каждой из них наступает момент, когда центр больше не держит. В такие времена не войско, а язык спасает от распада. Так было с Римом, а до того с эллинистической Грецией. Скрепляющую работу в подобные времена выполняют провинциалы, люди окраин"

Провинция — сложный комплекс в душе человека, вырвавшегося на всемирную орбиту. Особенно в случае такой провинции, где вырос Уолкотт, — туристского рая, обители вечного лета. Можно ли всерьез относиться к этим отпускным краям, бутафорским пейзажам?

"Зима добавляет глубины и темноты в жизнь так же, как в литературу; а в бесконечном лете тропиков даже бедность и поэзия кажутся не способными затронуть слишком глубоко, — размышляет Уолкотт в нобелевской речи. — В серьезных городах, в воинственном холоде зим с коротким светлым временем суток дни, кажется, проходят мимо в застегнутых заиндевелых шинелях; каждое здание выглядит как казарма с зажженным светом в окнах, и когда начинает падать снег, кажется, ты попадаешь в русский роман девятнадцатого века... А у приехавшего на Карибы возникает впечатление, будто он попал в мир почтовых открыток. Такой поверхностный взгляд на культуру Кариб обычен"

Взгляд, конечно, поверхностный, но в чем-то верный. И не случайно любовь к своей, в буквальном смысле "малой", родине уживается в душе поэта с ностальгией по чужому и далекому. Никто в наше время так не воспел старые камни Европы, не передал шепот античности в волнах, плещущих в берега Атлантики, как это сделал Уолкотт.

Дерека Уолкотта можно назвать "современным эллином" Силой воображения он превратил Карибский архипелаг в Эгейский — не только в своей эпической поэме "Омерос", но и в других стихах, где слышится гул гомеровских гекзаметров, плеск весел Одиссеевых кораблей.

Между прочим, "никто" в приведенном выше четверостишии может быть и цитатой: так Одиссей назвался в пещере циклопа Полифема — "Никто" — не в порыве самоуничижения, но чтобы не выдать себя раньше времени.

Уолкотт — не только "эгеец", он также наследник римлян, их трезвого, стоического взгляда на мир. В этом он родствен Бродскому и многим другим поэтам. Перечитайте "Письма к Луцилию": в них уже содержится идеал человека, идеал благородного ума, за исключением, может быть, малого — жалостливой любви, умиления. Их нет и никогда не было в шуме океана, в свисте ветра. Их нет в ослепительных лучах южного солнца.

Зато они есть в христианстве, и не зря Уолкотт поминает тридцать третью песнь дантовского "Рая", кончающуюся знаменитой строкой: "l'amor che move il sole e l'altre stelle" ("Любовь, что движет солнце и планеты"). Язычество моря, укрощенное христианством сердца, — доминанта поэзии Уолкотта:

...ликованья Исайи
заставляют розу расти из песка.

Предлагаемая читателю подборка стихов взята из книги Дерека Уолкотта "Щедрость" В названии звучит эхо книги Уильяма Йейтса "Щедрость Швеции" (1924), в которой он опубликовал свою нобелевскую лекцию и впечатления от поездки в Стокгольм. Йейтсовские аллюзии пронизывают и стихотворение Уол-

котта "Пробудившись в Эдеме приморском... это и знаменитый *медный бук* в усадьбе леди Грегори в Куле, на коре которого до сих пор можно прочесть вырезанные инициалы Йейтса и его друзей, и *квадратная башня* в Баллили, и воспетые ирландским поэтом *лебеди в Куле*.

Книга Уолкотта написана на Тринидаде — на его любимых Карибах, в доме, построенном, как можно понять, на "шведские деньги" Поэт обласкан щедростью южной природы, жизни, удачи. Но удача совпала с утратой: открывающий книгу цикл элегий посвящен памяти умершей матери — Аликс Уолкотт.

Печаль смещает времена и масштабы, в "засоренном слезой" поле зрения оказываются муравьи, марширующие по песчаной тропинке к кладбищу, незаметно свершающие свой титанический труд, перенося земную жизнь в "пределы иного какого-то града" Возникает трогательная фигура Джона Клэра, английского поэта-крестьянина XIX века, всю жизнь мучившегося в нужде и умершего в лечебнице для душевнобольных[1], а за ним и образ бедного Тома-сумасшедшего, мерзнущего под ветром в степи вместе с королем Лиром. Человеческий удел в его щедрости и нищете, в сокровенных мечтах и несбывшихся надеждах охватывается расширяющимся зрением, и где-то там, на пределе памяти и понимания, рождается катарсис — необходимое всякой душе примирение и утешение.

***

Между рекламой туристского рая и истинным раем
пролегает пустыня, где ликованья Исайи
заставляют розу расти из песка. Тридцать третья песнь

облака заревые сияньем своим прорастают,
и хлебная пальма возносит до самых небес
хвалу — древо хлебное, счастье раба, мечта Джона Клэра,

бедного Тома-бродяги, поэта своей глухомани,
друга Бобров и Сверчков, зашнуровывающего башмаки
стеблем вьюнка, заворачивающего Бронзовика

тонкой соломинкой, Рыцаря Сороконожки,
облаченного в тонкую мглу — с городками, издалека
кажущими свои башни, как улитины рожки,

вольного духом, хоть скованы ноги струей ледяной.
Заиндевела стерня; он стоит посредине потока,
жестом Предтечи благословляя даль за рекой,

башни, улиток, рассвет и песчаную эту дорогу
на берегу — возле камня, под которым лежит моя мать,
и муравьев марширующую по дороге когорту.

1. С[illegible] о Джоне Клэре и его стихи см. [illegible], 2005, № 4. (*Прим. ред.*)

Ящерица на белой стене, чья застывшая тень —
иероглиф покоя, шуршащие луки и стрелы
пальм и чайки парящие — все это рифмуется вместе

со строкой: *In la sua volontà è nostra pace —*
Мир наш – в воле Его. Мир в каждом плеске
волн, в белых гаванях, в стройных, как музыка, мачтах,

в лунности дыни холодной, в египетских тяжких трудах
мурашей, волокущих изюминку, в зыбких тенях,
забредающих ко мне на балкон по пути от соседей,

в банке горчичных сардин, в легком лепете ветра
над материнской могилой и над плитой Джона Клэра
в белых осыпавшихся цветах миндаля. Эта щедрость,

бесконечная и удивительная, этот промысел тайный...
Бедный Том! Я, как ты, зачарованно, нежно смотрю
на возню муравьев. О, воистину это титаны!

***

Эти волны охрипли от накатов гудящей латыни,
звуков глухих и свистящих; прибоем намыты
строки элегий, как груды изломанных линий

водорослей, высыхают под яростным оком титана
и обращаются в тлен; их венчают не лавр и не митра,
а лишь корона сверкающих брызг океана.

Вот и решенье загадки — не стоило мучиться всуе:
всякое существование призрачно; если я даже
снова увижу ее (в длинной рубахе, босую,

очи к земле преклонившую), будет ли это
в неком подобии Форума, под тополями
и колоннадой — на фоне других силуэтов,

мреющих смутно? Вопрос, не имеющий смысла.
Под серафимским сиянием вечного неба
смертным не верится в ада пугающий призрак —

вроде ночного костра возле берега, что, догорая,
угольем пышет, трещит и взвевает летучие искры,
быстро гаснущие во тьме, как упования рая.

Но существует врожденный инстинкт — убежденье
или догадка, что нас посещает снова и снова:
души любимых не мыкаются, как тени

в бледном тумане, но, как муравьи переносят
эту жизнь в пределы иного какого-то града,
где мы увидимся с ними, когда — нас не спросят.

Верю ли в это? Наполовину не верю,
верить боюсь, боюсь неизвестного "где-то",
бездны робею у края могилы родимой —

дали непреодолимой, невыносимого света;
все мое существо противится превращенью
в облако газообразное; необходима

зрению линия горизонта, иначе — как в омут
вниз головою, как в обморок... Лица любимых
кажутся бездной отверстою. Вот отчего мы

видим в мерцáнье небес беспредельных не звезды,
не дотлевающий пепел пространства ночного,
не метеоры, не искры из ада, а слезы.

***

По весне, как себя схоронивший, зарывший медведь
воскресает и выкапывается обратно,
пруд растрескивается и превращается в карту,

первые крокусы, заикаясь, пробуют петь,
ледники оползают и громоздятся гармошкой,
с неба порой еще сыплется белая крошка,

но грачиные стяги уже развеваются, и луг зеленеть
начинает, и выдра выглядывает из-за коряги,
рвы, ручьи и канавы ревут, переполнены всклень

леденящей запястья водой, и высокий олень
замирает — и вдруг перепрыгивает невидимую перегородку,
белки возникают как вопросы, ни с того ни с сего,

зреют ягоды, и хохлатые птицы клюют их в охотку,
и повсюду творится какое-то невиданное волшебство
(кто бы ни был волшебник). Только у нас ничего

не происходит — в изумрудно-лазурном Эдеме,
точной копии сада, где когда-то погибели семя
зародилось впервые — из сухого надкрылья слепня

или мертвого жала пчелы, — здесь, на острове, нет
ни зимы, ни весны, ни сезонных примет, словно время
умерло вместе с ней, — ничего, кроме этого щедрого дня.

И как Том-бедолага делился последнею коркой
с замерзавшими птахами, как Джон Клэр у плетня
слушал этих нищих певцов с боязливым восторгом,

пусть научат меня муравьи их цепочке нервущихся слов,
ибо это — мое ремесло, исполнение долга
перед той, что учила своих сыновей-школяров

верить щедрости солнца и писать, не жалея стараний,
обо всем, что вокруг, что ты сызмала знал и любил:
о медлительном крабе, о реющем над волнами

альбатросе с крестом распростертых по воздуху крыл
и о древе со стволом изгвожденным и ветвями-скамьями,
где поет черный дрозд, потому что ее не забыл.

***

Пробудившись в Эдеме приморском под птичьи секвенции,
на приличной дистанции от злобы, довлеющей дневи,
воздаю благодарность, как Йейтс, этой "щедрости Швеции"
за мой дом возле мыса, за дымку в безоблачном небе,
за тропинки, петляющие вдалеке от заразы правительств;
благодарность моя — словно медного бука огромная крона,
из ирландского корня проросшая: смутно провижу
пруд в тумане, белеющих птиц — и поэт, осененный
нимбом славы и зыбких седин, бормоча непонятно,
то ярясь, то ликуя безудержно, ходит дозором,
ходит-бродит дозором около башни квадратной.
Здесь, у мыса, нет красно-янтарного леса, в котором
ветви вскрикивают от боли, когда их ломают,
есть лишь вечно шумящего моря накаты — да память
об ушедших друзьях; но в обители вечного, щедрого мая,
где волна, набегая, смывает любую коросту,
даже боль затихает. Я слышу шуршание медного бука,
вижу белых зимующих лебедей, почерневшие буквы
на коре вековой, чую дрожь, свет и воздух
тех высоких речей — и молитву полуденных стрелок
о скончанье ирландских тревог... Нет отраднее вещи,
чем прогулка вдоль края скалистого берега — в гуле
волн, что мерно вскипают и бьются о камни и плещут
белопенными крыльями, словно лебеди в Куле.

Сэм Шепард

Рассказы

Перевод с английского Т Табачковой

Голые деревья

ОНА внизу, дремлет в кресле, изредка поглядывая в телевизор, где идет "Третий человек"[1]. Она поджала под себя ноги, самые изумительные ноги, которые когда-либо обвивали меня. Я обнимаю ее за талию. "Привет", – говорит она голосом скучающего ребенка. Я сажусь на подлокотник и глажу ее светлые волосы. "Правда, хороший фильм?" – спрашивает она. Мы смотрим заключительную сцену в черно-белом цвете. Джозеф Коттен проезжает по проселочной дороге мимо Ингрид Бергман, но потом решает выйти из машины и подождать ее.

– Смотри, на землю падают листья, – говорю я (я только что это заметил). – Деревья голые, а листья все летят и летят.

Она соглашается. А я чувствую себя глупо из-за того, что своим дурацким замечанием нарушил очарование фильма. Ингрид Бергман продолжает идти на камеру. Походка у нее замечательная, исполненная величия; да и сама она такая статная, гордая, прекрасно владеющая собой. Джозеф Коттен закуривает. Ждет. В этом ожидании есть что-то надменное, чисто мужское. А листья всё падают, прямо перед объективом. Я размышляю о том, как снимают фильмы, о том, что остается за кадром. Какой-нибудь парень взбирается на лестницу так, чтобы оказаться над камерой, и начинает разбрасывать осенние листья. Искусственный ветер. Кто-то должен следить и за такими мелочами. Я просто случайно об этом подумал. Я не знаю сюжета и не испытываю ничего к героям. А она

© 2002 by Sam Shepa
© Т. Табачкова. Перевод, 2006

1. Фильм английского режиссера Кэрролла Рида (1906–1976) по роману Грэма Грина, в котором снимался знаменитый американский режиссер и актер Орсон Уэллес (1915–1985). (*Прим. перев.*)

смотрела фильм с самого начала, периодически задремывая. Ингрид Бергман проходит мимо Джозефа Коттена, даже не взглянув на него. Проходит мимо камеры своей особой походкой. И исчезает, оставляя его наедине с сигаретой. Куда только делась его надменность?! Он смотрит ей вслед, и во взгляде читается тоска и одиночество. Его глаза — глаза собаки, которая никак не может выспаться. Внезапно я оказываюсь в фильме и стою как раз там, где нужно режиссеру. Звучит музыка. Я верю, что эти листья — настоящие. Я пытаюсь преодолеть пропасть между чувствами женщин и мужчин. Я счастлив оттого, что я здесь, с любимой, глажу ее по светлым волосам. Идут титры.

— Почему Ингрид Бергман не остановилась, когда увидела, что он ее ждет? Она же видела.

— Это не Ингрид Бергман.

— Не она? А так похожа!

— Не она.

— А кто тогда?

— Кто-то, на нее похожий.

— Но это точно не она?

— Точно.

— Уверена?

— Абсолютно.

— Ну так почему она не остановилась?

— Наверное, считает его виноватым.

— Виноватым в чем?

— Ты знаешь сюжет?

— Я давно смотрел. В шестидесятых.

— Она винит его в смерти Орсона Уэллса.

— Правда?

— Ты же помнишь.

— Ну да, — лгу я. Я не помнил ничего, кроме пары сцен в Париже. Или это был не Париж?

— Помнишь, они помогали ему?

— Да, точно, — я опять лгу.

— А всех этих детей, умирающих от поддельной вакцины?

— Конечно.

— Я так устала. Пойду спать. Ты закроешь все тут?

— Закрою.

Она уходит, зевая и потягиваясь. Я беру пульт и выключаю телевизор. Смотрю ей вслед. Сквозь большое балконное окно видно, как небо озаряется вспышкой молнии. Я вижу реку, яркую, как день. Далеко в долине слышны раскаты грома. Пахнет рыбой и дождем. Собака скребется в дверь. Все они сразу пугаются, как только начинает греметь гром. Сколько времени прошло с того момента, когда я впервые ее поцеловал? Кем я пытаюсь казаться?

Дрожь

МОГУ поспорить: если бы она сейчас меня видела, то наверняка влюбилась бы. Спорю, что влюбилась бы. Как можно не влюбиться? Взгляните на меня. Взгляните, какой я. Если б она только уви-

дела меня таким. За много часов до встречи я жду ее, пытаюсь уловить любой ее знак или звук. Она бы заметила, как страстно я этого хочу. Она бы заметила отчаяние в моей груди. Если бы она сейчас увидела меня, издали, а я бы и не знал, что она смотрит, она бы поняла, какой я есть на самом деле. И как после такого остаться ко мне равнодушной? Равнодушной — наверное, нет. Вдруг... Вдруг — отвращение? Я точно не знаю, но вдруг возможно испытывать отвращение к тому, кто так хочет чего-то, остро, до боли. Не знаю. Дрожь. Нет-нет. Не то. Да и что это за слово такое "дрожь"? Интересно, помнит ли она, как мы целовались в поезде в Ноксвилл? Этот долгий-долгий прощальный поцелуй... Но неожиданно поезд тронулся, а я должен был остаться на станции. Собственно говоря, потому мы и прощались, думая, что не увидимся целую вечность, и в этой вечности пребывали, когда целовались, а поезд вдруг поехал. И я никак не мог сойти с него. Мелькали дома и деревья. Меня высадили на следующей станции, за много миль от моего города. И пришлось ждать обратного поезда несколько часов. Вот если бы она меня тогда увидела, как я стою и жду, она бы точно в меня влюбилась. Не понимаю, как можно не чувствовать такого. Не понимаю, что было причиной этой связи. Если связь вообще когда-нибудь была.

Дурной глаз

ОНА — младшая дочь женщины, чей прах покоится сейчас в темно-зеленой керамической урне на сиденье рядом. Ей нравится быть младшей, той единственной, которой доверили везти через всю страну останки матери на похороны в Грин-Бей. Наконец-то она вдвоем с мамой и теперь разговаривает с большой зеленой урной так, будто мать жива. Ехать ей через всю Юту. Голос звучит громко, а взгляд устремлен на необъятное белое море соли.

— Не знаю, мам, я думала, что чек для меня. Правда. Иначе бы ни за что не стала его обналичивать. А теперь Салли бесится, будто я чего-то у нее украла или сделала нечто ужасное за ее спиной. Все время бросается на меня. Ты ее никогда такой не видела. При тебе она сдерживалась, но со мной черт-те что себе позволяет. Ты велела обналичить чек. По крайней мере, я так поняла. Я просто решила, что этот чек мне. Решила, что ты так хотела. Он лежал на столе на самом виду, ну я и взяла его. А Салли говорит, что надо было поделить поровну. Но это всего лишь сотня, а она ведет себя, словно... Ладно, неважно. Не хочу, чтобы ты подумала, что я... Иногда я ей изумляюсь. Точно я ее злейший враг. Сейчас она будет на похоронах, и опять все повторится. С самого начала. Она ведь не отстанет. Да я бы с радостью отдала ей всю сотню, если б знала, что для нее это так важно. Мне-то на эти деньги плевать. Плевать. Да и потратила я их на машину. Она думает, понимаешь, вообразила, что у меня не было денег и потому я обналичила чек, не спросив ее. Вот что ее бесит. Ее бесит, что я с ней не посоветовалась. Она...

Но тут она что-то увидела на длинной пустынной дороге. Это "что-то" парит над прерывистой линией разметки. Она пытается сообразить, что это: разломанная картонная коробка; обрывок какой-то одежды; лопнувшая покрышка. Она сбрасывает газ и перестает думать о мертвой маме и о сестре-истеричке. Сейчас главное — сосредоточиться. Может быть, это перья. Крыло с красным кончиком то поднимается, то опуска-

ется на рябой асфальт. Да это гигантская птица, уже почти под колесами! Она вдавливает педаль тормоза в пол и сворачивает к обочине. Проезжая мимо птицы, видит глаз, пристально на нее смотрящий. Страшный глаз, похороненный в куче перьев и крови; птица судорожно машет огромным крылом, пытаясь взлететь. "Бог мой, да это ястреб! – вырывается у нее. – Какой красивый! Боже, что же мне теперь делать?" Она выпрыгивает из машины, захлопывает дверцу и сквозь бледную пыль, поднятую автомобилем, подбегает к птице. Останавливается и в ужасе закрывает рот руками – как герои любимых сериалов. От пыли она кашляет. Судорожно повторяет: "Боже! Боже! Боже!", будто это заклинание, которое может ей сейчас помочь. Огромный ястреб кричит и бьется об асфальт. Она озирается, но не видит ни одной машины. Ей приходится переминаться с ноги на ногу, потому что жар от асфальта проникает сквозь подошву легких теннисных тапочек. Мелкими детскими шажками, словно опасаясь упасть в глубокую яму, по-прежнему зажимая руками рот, она подходит к птице. Она заговаривает с ястребом тоном, каким общалась с щенками и черепашками: "Малыш! Ах ты бедненький! Все хорошо. Все будет хорошо. Какой ужас..." На секунду ястреб замирает, перья на шее разглаживаются, он вслушивается, будто чувствует облегчение от ее слов. Раненая грудь его вздымается. Желтый глаз часто моргает. Голова запрокидывается, истошный крик вырывается из груди, птица неистово хлопает крыльями, и струя крови бьет в пустое небо.

Она бежит обратно к машине, хватает с заднего сиденья хлопковую футболку, которую носила в старших классах. На футболке синими буквами написано "Мустанг" и нарисована белая лошадь, хвост и грива которой развеваются от воображаемого ветра прерий. Она снова оглядывает дорогу, но вокруг пусто, и лишь от соленого асфальта поднимается пар. Чайки летят на юг. Она идет к ястребу, держа перед собой, будто матадор перед молодым быком, футболку. Она не знает, как ухватить птицу: накинуть футболку сверху и взять в руки умирающего ястреба или просто, приподняв, обернуть его? Она никогда раньше не имела дела с ястребами. Она снова начинает повторять "Боже!", но вовремя останавливается – понимает, как беспомощно и жалко это звучит на бесконечной дороге. Опять пытается подбодрить птицу, но замолкает. Приходится смириться с тишиной. Тишина пугает ее до глубины души, пугает больше, чем крики ястреба и стон ветра над пустынной обочиной. Она подходит ближе и видит, что птица и вправду серьезно ранена. "Должно быть, машина сбила его, когда он взлетал, – подумала она. – Но почему же никто не остановился? Казалось бы, если собьешь такую птицу, надо остановиться. Такую необыкновенную птицу. Это же не ворона, не ласточка или что-нибудь подобное. Это ястреб! Вы только посмотрите на этого ястреба! Он огромный! Удивительный! Взгляните на его глаз!" Она никогда не стояла так близко к ястребу. "Не могу поверить, – шепчет она, – ты просто красавец. Ничего красивей я в жизни не видела. Ты великолепен. Нет, не делай этого! Не надо! Пожалуйста, не надо!" Ястреб пытается повернуться, взмахивает здоровым крылом. Она кидается к нему, хочет схватить гигантское крыло рукавом кофты, но ястреб отбивается клювом, царапается, ужасно шипя при этом. Она пятится, и внезапно ею овладевает желание упасть на колени и разрыдаться. Дать волю чувствам. Ей хочется свернуться в клубок, хочется, чтобы это все исчезло. Она кружится посреди пустынного шоссе; прыгает и похлопывает себя по бедру футбол-

кой. "Боже! Боже! Боже!" – выкрикивает она. Но ответа нет. Она замирает. Ястреб тоже застывает, уставившись на нее моргающим желтым глазом, в центре которого черный, холодный, будто камень, зрачок. Широко открыв клюв, судорожно дышит. Она видит его розовый треугольный язык, слышит вырывающиеся из горла звуки. "Дай мне просто взять тебя, хорошо? – просит она. – Дай завернуть тебя и отнести в машину. Я найду кого-нибудь, кто тебя вылечит, кто поможет тебе. Договорились?" Птица просто моргает. Водит головой из стороны в сторону. Это сбивает с толку. "Обещаю, что не сделаю тебе больно. Честно. Я лишь хочу помочь тебе, и все. Разве ты не хочешь жить?" Ястреб издает другие звуки, низкие потрескивания, а потом роняет голову на покалеченное крыло. Лапы его подрагивают, а здоровое крыло распласталось на белой разделительной полосе, подобно экзотическому японскому вееру. "Только не умирай, – молит она, – пожалуйста, не умирай. Я не вынесу этого. Я не хочу, чтобы ты умирал" Она бросается к птице, накрывает футболкой. Удивительно, как легко ей это удалось. Ястреб почти не сопротивляется. Он вертит головой, перья его взъерошены, открытый клюв прямо у ее подбородка. Снова слышно шипение. Она переворачивает птицу, обертывает футболкой. Руки у нее теперь по локоть в крови. Кровь странно пахнет – ржавым железом. Она бежит к машине, прижимая к себе птицу. Из ниоткуда появляется грузовик, но она не может бросить птицу и помахать ему. Полным отчаяния взглядом она смотрит на машину, направляющуюся в сторону Уиннемакки. Видит водителя, когда тот проезжает мимо. Он с высоты своего сиденья смотрит прямо на нее. Он видит девушку с окровавленной футболкой в руках, слышит панический крик. Она видит светлую бороду, голубые глаза и низко натянутую черную лыжную шапочку. Она кричит: "Остановитесь! Пожалуйста, остановитесь!" Грузовик замедляет ход и прижимается к обочине. Звук тормозов. Колеса замирают, и раздается скрежет. Пахнет жженой резиной. Но прежде, чем она успевает облегченно вздохнуть, грузовик вновь выруливает на дорогу и набирает скорость. "Подождите!" – кричит она, но грузовик уже далеко. Уехал, оставив хвост белой пыли, переливающейся лазурью и золотом в лучах яркого солнца. Птица дернула лапой, попала ей в живот. Она несет ястреба в машину и бережно кладет на заднее сиденье, предварительно проверив, хорошо ли он укрыт футболкой. Опять просит его потерпеть, не умирать. Она обязательно найдет кого-нибудь, кто ему поможет, и все образуется. Чудо должно случиться.

Она едет в Солт-Лейк, разговаривая по дороге с ястребом голосом, каким утешала младшего брата, когда тот попадал в беду (когда с ним что-нибудь приключалось, о чем не следовало знать отцу). Ястреб моргает не переставая. Она поправляет зеркало заднего вида, чтобы видеть желтый глаз птицы. Словно во сне, на ощупь, находит холодную зеленую керамическую урну, легонько ее поглаживает. Она понемногу приходит в себя, и ей становится удивительно спокойно от мысли, что теперь ответственность за раненого и мертвого целиком на ней. Она уверена, что вне зависимости от исхода событий сумеет помочь этому существу. Она включает радио на волне старых песен: Клайд Макфаттер чистым фальцетом поет "A Lover's Question" Его голос обволакивает ее и, похоже, оказывает такое же целебное действие на птицу. Она не может поверить: та вроде успокоилась! Она понятия не имеет, где искать помощь для раненой птицы, но почему-то ее это не волнует. Паники как не бывало. Она

то и дело подается вперед, смотрит в зеркало на мигающий глаз, проверяет, жив ли ястреб. Опять начинает думать о Салли и ста долларах. Эта мысль пристала к ней, как вредная привычка. Она думает о Висконсине и родственниках, которые ждут прах. Она почти видит их лица: дяди и тети, двоюродные братья и сестры, с которыми она уже давно потеряла связь; дети, степени родства с которыми даже не знает. Мысленно она уже на похоронах: рыдающие люди, цитаты из Библии, пение.

Неожиданно ястреб начинает буйствовать и срывает с себя футболку, дико кричит. Она поворачивается и видит, что он бьется о заднее стекло, раскинув крылья, а затем застывает, как средневековая гаргулья. Автомобиль слегка тряхнуло — она въехала в канаву, темно-зеленая керамическая урна падает на пол. На приборную доску просыпается пепел. Облако окутывает обивку сидений. Она вдыхает пепел, лихорадочно выворачивая руль. Ее мать попала к ней в легкие. Ястреба кидает вперед, черными когтями он ищет, за что бы зацепиться, царапает воздух и запутывается в ее рыжих волосах. Она кричит таким же чистым фальцетом, что и Клайд Макфаттер. Машина врезается в песчаный холм, двигатель продолжает работать. По радио все еще "A Lover's Question" Она выскакивает из машины — ястреб никак не выпутается из ее волос. Маленькими белыми кулачками она колотит по его окровавленному телу, падает, катится по песку, будто пытаясь сбить внезапно вспыхнувший огонь. Ястреб освобождается и взлетает, словно никакой раны и в помине не было. И вот он уже парит, изредка взмахивая крыльями, чтобы набрать высоту. Она следит за его полетом. По-прежнему играет радио. Работает двигатель. В пустом безжизненном небе стонет ветер. Она долго лежит на животе, восстанавливает дыхание. На лице у нее — пепел. Она проводит языком по губам — и там тоже. У ее мамы солоноватый вкус.

Через три дня она добирается до Грин-Бей; к этому времени она и думать забыла о ястребе. Улицы убраны золотыми и зелеными флагами. Сугробы все в грязи и дизельном топливе; "Дэйри Куин" "Таксидерми" "Пэкерс" — во всех магазинах распродажа, цены снижены до предела. Она пытается вспомнить, где живет тетя Дотти. Некоторые из этих улиц она помнит еще с детства. Помнит, как мама тащила их с сестрой по красному вагону, перед входом в который был деревянный порожек, приделанный для того, чтобы люди не падали. А вот отца она практически не помнит. Она проводит рукой по шелковистой поверхности урны, думая, что это последний раз, когда она с мамой наедине. Проверяет, плотно ли закрыта крышка. Ей удалось собрать почти весь прах. Сначала она смела его в свой теннисный тапочек, а потом пересыпала в урну. Но все равно часть пылинок осталась на резиновом коврике в машине, на приборной доске, а часть навсегда исчезла в бесконечной белой пустыне Юты. "Они и не заметят, — думает она, — никто не узнает, что здесь не весь прах" Она притормаживает у тетиного дома и сворачивает на узкую подъездную дорожку. Ей кажется, что она гораздо уже, чем помнилось. Неизвестно почему, сердце начинает бешено колотиться, будто она чувствует за собой вину. У крыльца стоит Салли, встречает ее, словно знала, когда ее ждать. Больше никого нет. Она выключает двигатель и обеими руками поднимает за горлышко урну, в душе молясь, как бы ее не уронить. Салли открывает дверцу и забирает урну, внезапно она чувствует, что эта урна их разделяет. Сестры улыбаются друг другу. Салли спрашивает: "Ты привезла мои сто долларов?"

Берлинская стена

Мой отец абсолютно ничего не знает о восьмидесятых. Нам в седьмом классе дали по обществоведению задание написать об этом времени. Я спрашиваю папу, а он не отвечает. Или говорит, что не помнит ни машин, ни причесок, ни одежды, ни музыки — ничего. Говорит, в экономике был упадок, а виной тому — республиканцы. Все остальное для него не существовало. Еще он говорит, что самым важным для него тогда были знакомство с моей мамой и рождение моей сестры и мое. Только это. И все. Когда я пытаюсь объяснить ему, что мне нужны не личные переживания, он удивляется: а что же в таком случае? Стиль, увлечения и вообще все, что тогда происходило. А он отвечает: это не имело ничего общего с тем, что было в действительности. А действительность — это "что у человека внутри", все остальное — мнимое, ложное. Как новости. Новости лживы, но они пользуются таким успехом потому, что выдают себя за истину, и люди склонны верить им, ведь в неправду поверить легче. Правда слишком тяжела. Так говорит отец. Я пробую растолковать ему, что мне просто задали написать о восьмидесятых, а не о "действительности" и "новостях", но, по его мнению, вопрос о действительности исключать нельзя, так как он важней вопросов о прическах, машинах, музыке и так далее. Потом он говорит, что не может даже припомнить, как жил в восьмидесятые, будто он и не жил тогда вовсе. Но нет, должен был жить, говорит он, раз помнит, как встретился с моей мамой и как мы с сестрой родились. Он часто это повторяет. Просто ненормальный. Серьезно. Я долго не понимал этого, но это факт. Даже моя сестра знает о восьмидесятых больше, чем отец, хотя она только на пару лет меня старше. Она в девятом классе. Она знает все. Не спрашивайте откуда. Знает, что штаны-"бананы" заправляли в ботинки на молнии, знает, что девушки носили чулки в крупную сетку со спущенными петлями и дешевые белые хлопковые перчатки, подражая Мадонне, которая, наверное, потрясла музыкальный мир того времени. А еще про Майкла Джексона, который тогда как раз начал превращаться в белого. Или про Боба Сигера, который, по-моему, стал известным исключительно благодаря своей немногословной песне "Like Rock" в рекламе "шевроле". Еще моя сестра знает, что тогда происходило в политике: про то, что Советский Союз уже больше не союз, а Берлинскую стену сломали. Как-то я спросил ее, откуда она все это знает. Я была там, ответила она. "Ну да, конечно", — не верю я. "Могу доказать", — она бросается к себе в комнату, возвращается с разрисованным куском бетона размером с чизбургер и кладет его на кухне прямо передо мной и папой. "Что это?" — спрашиваю. "Кусок Берлинской стены"

— Да, — говорит папа очень взволнованным голосом. — Так оно и есть! Невероятно! — Он берет обломок и переворачивает его, взвешивает в руке, будто это кусочек другой планеты. — Когда ты была у Берлинской стены, милая?

Сестра ошарашенно смотрит на него.

— Пап, ты что, не помнишь? — удивляется она. — Я ездила туда с мамой и тетей Эмми.

— Не помню, — отвечает отец. — Сколько тебе было?

Он ничего не помнит. Будто выжил из ума. Как можно такое забыть? Его дочь едет к Берлинской стене. Он не настолько старый, чтобы лишиться рассудка, но, похоже, дело к этому и идет.

— А я где был? — спрашивает папа.

— Дома, наверное.

— Наверное.

Интересно, как ей удалось добыть кусок этой стены. Сестра говорит, что как раз куда-то ехали по городу, когда увидели, что рабочие разбирают стену, раздавая куски всем желающим. По ее словам, это было похоже на праздник. Ей было всего три года, но она запомнила руки длинноволосых мужчин, которые совали в окна машин разрисованные куски бетона, будто пирожные. А она не понимала, что происходит. Я рассматриваю кусок, лежащий на кухонном столе. С одной стороны он гладкий, бирюзово-пурпурный с желтой полосой посередине. Похоже на граффити. С обратной стороны обколотый, неровный и видны маленькие камушки, будто собранные в лесной чаще, гравий и беловатый цемент и еще крохотные блестящие вкрапления. Ничего общего с американским цементом. Когда проводишь пальцем по краю, звук такой, будто это стекло, а не камень. Сестра предлагает мне взять его в школу и показать классу. Весьма великодушно с ее стороны. А папа берет тяжелый кусок и кладет в пакет с застежкой. "Зачем?" — спрашиваю. "Чтобы не потерялся" Отец говорит, что очень важно, чтобы он не потерялся и его не украли, так как это настоящая, живая часть современной истории. Ему-то что? Он и сам не уверен, что жил тогда и тем не менее называет живым кусок камня. Чушь. Он отрывает полоску серебряного скотча, наклеивает ее на пакет и черным маркером пишет: "Камень из Берлинской стены". Как в музее. "Сойдет", — он явно доволен.

Сестра все это время делает домашнее задание, не забывая поддерживать разговор о восьмидесятых. Она может делать несколько вещей одновременно. По-моему, она молодец.

— А еще к западу от Вашингтона было извержение вулкана, — продолжает она, — оно длилось целый год. Это ведь было в восьмидесятые, да, пап?

Не понимаю, зачем она его спрашивает. Откуда ему знать?

— Может быть, — отец смахивает мокрой губкой муравьев со стола. Не убивает их, а просто стряхивает на пол.

— Почему ты их не убьешь?

— Люблю муравьев. Они напоминают мне о лете и о теплых деньках. У меня всегда были муравьи, когда я был маленьким, — он так это говорит, будто речь идет о щенке или морской свинке.

— А еще выявили СПИД! — неожиданно вспоминает сестра. — Именно в восьмидесятых.

Она вошла в раж. Интересно, как устроен у нее мозг? Для меня это загадка. Как будто она сидит за компьютером и ищет там нужную информацию. СПИД? Где она о нем только услышала?

— И застрелили Марвина Гая, отец застрелил, да?

Папа вдруг замирает, как будто его огрели палкой по спине.

— Точно. Я помню.

— Правда? — удивляюсь я.

Папа стоит посреди кухни, с губки капает на пол, взгляд у него отсутствующий, словно он представил себе эту картину, когда-то подсмотренную в новостях, которые ненавидит.

— Я очень хорошо это помню, — наконец говорит он, — я был в Калифорнии не то летом, не то весной восемьдесят четвертого. Было жар-

ко. Марвина Гая застрелил собственный отец, который, по-моему, был священником. Так? Мне кажется, да. Церковник выстрелил сыну в голову из-за женщины. Там ведь была замешана женщина?

Он поворачивается к моей сестре, но та не понимает, что к ней обращаются, и продолжает листать учебник.

– Там ведь была замешана женщина? – повторяет отец.

Наконец сестра поднимает голову и видит, что вопрос адресован ей. Но голова у нее занята какой-то задачкой по математике.

– Не знаю, пап, – она возвращается к урокам.

Отец поворачивается ко мне, но я тоже не знаю ответа. Да и как я могу знать? Меня в то время еще и на свете не было. Тогда его взгляд устремляется в темное окно.

– Как странно, что я это запомнил.

Он бросает губку в раковину, подходит к окну и долго смотрит на лужайку и растущий на ней клен. С пруда за холмом доносится щебет птиц. Я беру пакет с камнем, рассматриваю обломок. Это просто кусок бетона.

– Смотри, не потеряй, – не поднимая головы, предупреждает сестра.

– Не потеряю. Там же теперь подписано.

Интересы фирмы

Он, Нолинг, говорит мне: "Три незаплативших клиента – и ты уволена" И это он заявляет в первый рабочий день. Три. И что прикажете делать? Я всего лишь одинокая женщина, в глуши, в двух милях от автострады, в добрых десяти – от города. На что он рассчитывает? Останавливается машина. На часах – четыре утра. Мне эта машина нравится. Судя по номерам, она из Индианы. Почти чистая. Белый парень с семейством. По крайней мере, похоже на семейство. Женщина с двумя малышами. Что я должна думать? Может, он их похитил. Обращаюсь к ним по громкой связи. Я одна. Пытаюсь, чтобы мой голос звучал грубо, как мужской. Солидно. Будто тут кроме меня есть кто-нибудь еще. Будто за мной стоит целая банда дальнобойщиков. Наблюдаю за ними из-за прилавка. Парень передо мной как на ладони. Стоит, уставившись на бензоколонку, на которой мелькают отсчитывающие литраж цифры. Ни разу даже не посмотрел в мою сторону. Ни разу. Причин для подозрений нет, правда? Его жена сажает одного из малышей на коленку, забавляет каким-то дурацким перышком или чем-то вроде этого, треплет по щеке. Ребенок хихикает. Я вижу. Мне отсюда замечательно все видно. Каждую бензоколонку видно. Да и машина здесь единственная. Парень моет даже ветровое стекло. Очень старательно; потом вытирает дворники бумажным полотенцем. Трет стекло, чтоб не осталось следов от капель. Чтобы блестело. На меня он вообще не взглянул. Ни разу. Обычно клиенты заигрывают, клеятся. Но уж точно не моют ветровые стекла. Этот, небось, прикидывает, как бы сбежать. Больно озабоченный. Нет, только не этот парень. Он занят своим. Наконец он домывает стекло, протирает фары, обходит машину, протирает габариты, моет заднее стекло, снимает и снова надевает дворники, садится в тачку и уезжает. Просто сматывается в ночь. Как ни в чем не бывало. И что мне прикажете делать? Уносить отсюда жирную задницу, истошно вопя

и размахивая руками? Стрелять? Разве его остановишь? Оружия у меня нет. Я всего лишь одинокая женщина. А Нолинг говорит, что еще двое таких — и он меня живьем сожрет. Так и говорит. Фирме придется вычесть из моей зарплаты. А если я в следующий раз попрошу водителя заплатить вперед (кредиткой, наличными — без разницы), он скажет мне, что это не законно. Уж такой в этом штате поганый закон. И я ничего не добьюсь. Что же делать? Он говорит, просто не допускай до такого. В мои обязанности входит оберегать интересы фирмы. Взять, к примеру, вчерашнюю ночь. Прикатили двое, поздно уже, судя по номерам — из Кентукки. Ну и потасканный был у них видок, скажу я вам. Помятый грузовик метров десять в длину, весь ржавый, бампер еле держится, грязь кусками отваливается, выхлопная труба барахлит. Ужас просто. Из этой развалюхи вываливаются двое, и поверьте, вместе они тянули килограммов на четыреста, честно. У меня неплохо получается определять вес на глаз. Прикидывая вес молодого бычка — у моего папаши были бычки, — могу ошибиться максимум на пару килограммов. У меня правда это здорово выходит. А уж четыре сотни килограммов на двоих у этих ребят точно набралось бы. Подходят, бороды клочкастые, волосы до задницы, татуировки. А носков нет. Я хорошо разглядела. Зрение у меня острое. Ну настоящие дикари из пещеры. Уж больно подозрительные. Они заправляются, а глаза так и бегают. То на меня уставятся, то на дорогу, то опять на меня. Я молилась, чтобы они побыстрей убрались и мне не пришлось бы с ними общаться. Представляете? Одинокая женщина, у черта на куличках, а тут эта парочка ошивается? Но я записала их номер, чтобы потом показать Нолингу, когда он вздумает стереть меня в порошок. Я опять на них посмотрела — а они и не собираются уезжать, наоборот, собираются войти! Идут прямо к двери, прямо ко мне! Оба. Не знаю, как я от страха не померла. Они и издали-то были чистые пугала, а уж вблизи и подавно. Ручищи огромные, сами грязные как черти, идут, молчат. Меня совсем доконало, что молчат. И за все время друг на друга ни разу не взглянули. А я здесь одна, понимаете? В магазине ни души. Если б они хоть переговаривались между собой, я б смекнула, что́ они замышляют, но они молчали как рыбы. А я тишины не выношу. Я всегда включаю радио или телевизор — чтобы слышать постоянный треп. И вроде как не одна. А когда тихо, я просто с ума схожу! И вот идут они, а я думаю: "Черт! Ну вот мне и конец!" Но вдруг они сворачивают и медленно, размахивая своими лапами, направляются к прилавку со сладостями. Они такие здоровенные, что своими ручищами могут солнечное затмение в ясный день устроить! Похожи на фаршированных индеек. И двигаются так же. Медленно-медленно, и только цепи на поясе позвякивают в тишине. Эти цепи были сплошь увешены малюсенькими гаечными ключами и складными ножами. А еще на шее у этих страшилищ висели крестики и большие железные кресты, вроде тех, что носят байкеры. Ну, знаете, которые разъезжают на этой немецкой дряни — "харлее" Все сходится. Бродят по магазину, выбирают конфеты. Ну и громадины! Неохватные, как жизнь. Похожи на тупых медведей, которые вылезли на шоссе из лесу и теперь мечутся. На меня они так и не взглянули. Занялись конфетами. Взяли "M&M", посмотрели на упаковку, подкинули пару раз, будто проверяя вес. Ничего не понимаю! Когда вы в последний раз проверяли вес пакетика "M&M"? А тут стоят двое громил и проверяют, полные ли пакетики. И по-прежнему ни сло-

ва. Потом берут "Пэй-дей" и снова-здорово: подбрасывают, смотрят этикетки и нюхают упаковки. Потом "Тутси роллз", потом "Элмонд джойс", потом ореховое масло. Туда-сюда по магазину, взад-вперед. Скоро у каждого уже полно конфет. Одинаковых. Мне из-за прилавка видно. Краем глаза я слежу, стараюсь запомнить, что они взяли — надо соблюдать интересы фирмы. И все время думаю, что сейчас они начнут грабить магазин. Эти конфеты — просто прикрытие, на самом деле они вынюхивают, что где находится. Камеры наблюдения, выход, сигнализация и так далее. В любой момент могут вытащить стволы и наставить на меня. Вот что я думаю. Но нет. Теперь они идут к чипсам и берут "Фритос" "Кул ранч", "Раффлз" и соленые крекеры. Глазам своим не верю. Оба берут одно и то же, будто боятся, как бы один не прихватил то, чего не будет у другого. Бородатые младенцы прям. Затем они поворачивают ко мне. Доходят до конца прилавка, останавливаются передо мной. Я понимаю, что вот теперь-то мне точно конец. Пришла моя погибель. Едой они загрузились по уши. И только черные зенки выглядывают из-за этой горы пакетов. До меня дошло: они близнецы! По глазам увидела. Вглядишься в их глаза, и станет ясно, они — родственники. Сердце у меня бешено стучит; боюсь, как бы они не заметили, что от этого прыгает табличка с именем на груди. Уверена, сейчас на меня наставят пистолет. Они идут к прилавку, бросают все, что набрали, достают огромный "Магнум" и направляют дуло прямо мне в рот. Ну точно, сейчас укокошат. Выхода нет. Я здесь одна. И что прикажете делать? Звонить 911? Пока явится полиция, я уже буду на том свете. Меня трясет. Подмышки взмокли. Пальцы холодные. Начинаю думать о маме. Я всегда о ней думаю, когда мне худо. Вижу, как она сидит на кровати, смотрит шоу Опры, курит, жует сырные крекеры и плачет горькими слезами, сочувствуя героям программы. Не знаю, что будет дальше, кто о ней позаботится, когда меня не станет, кто расскажет ей о том, что мне в Коноко вышибли мозги. Никого же нет. Я одна. Не знаю, почему со мной всегда так...

Кошки Бетти

— Ну, Бетти, что будем делать?

— А в чем проблема?

— В кошках, Бетти.

— Ну, это не моя забота.

— Это наша забота, Бетти. Твой трейлер опять собираются конфисковать, если ты ничего не предпримешь.

— Они не могут его конфисковать.

— Однажды смогли.

— Второй раз они этого не сделают.

— Бетти, тебя уже предупреждали. Если ты не избавишься от кошек, трейлер снова заберут. Все очень просто. Я не хочу, чтобы это повторилось. Куда ты денешься, Бетти?

— Что-нибудь придумаю.

— Если ты согласишься, я тебе помогу.

— Мне не нужна помощь.

— Но я хочу помочь.

— Не это сейчас главное. Хочешь, я тебе скажу, что самое главное?

– И что же, Бетти?

– Отдел здравоохранения – вот что.

– Они просто выполняют свою работу. К ним поступают жалобы из-за того, что тут дурно пахнет. И они должны что-то сделать.

– Ничего им не нужно делать.

– Но это же их работа. Они вынуждены разбирать жалобы. Когда Луис вышла из машины, первое, что она сказала: "Чем так пахнет?" А я ответил: "Это Беттины кошки"

– Луис?

– Да, она так сказала. Как только вышла из машины.

– Луис была здесь?

– Ну да, приехала со мной.

– Луис терпеть не может этих кошек.

– Ты не права, Бетти.

– Она ненавидит моих кошек.

– Неправда. Просто она почувствовала запах.

– Ты его чувствуешь?

– Все чувствуют.

– Это кошки.

– Знаю. О том и речь. Ну так что будем делать?

– Я их не выгоню.

– Тогда надо все тут вымыть. Это очень легко. Я приду и помогу тебе, Бетти, но потом ты сама должна будешь это делать. Прошлый раз, когда я здесь убирался, большой серый кот все время ходил за мной и делал свои дела прямо около меня. Это нехорошо, Бетти.

– Крикет?

– Серый – не знаю, как его зовут. У которого нет шерсти.

– Это Крикет.

– А что с его шерстью?

– Он таким родился.

– Это не болезнь?

– Крикет здоров.

– Если он болен, нужно от него избавиться.

– Он не болен.

– Никогда раньше не видел лысых кошек.

– Он таким родился.

– Ладно, значит, мы беремся за дело, Бетти.

– Я берусь.

– Нет, Бетти. Ты без конца получаешь предупреждения, но ничего не меняется.

– У меня других забот хватает.

– Каких?

– Трейлер стоит неровно, мне нужно шесть опор.

– Опор?

– Металлические опоры, чтобы немного приподнять его, выровнять. Мне нужно шесть штук.

– Я ничего не смыслю в домах на колесах, у меня никогда такого не было.

– А еще нужно, чтобы кто-нибудь подлез под него и прикрепил их. Сама я не могу.

– Может, найдем кого-нибудь на стоянке.

— Он чем-то болен. Лысая кош
— Крикет всегда был лысым.
— Похоже на чесотку или что-т
— При чесотке шерсть выпадае
— Но держать дома такую кошк
— Я не выкину Крикета.
— Тогда, может, другого? Рыжег
— Какого?
— У которого на морде смешна
— Барсука?
— Наверное. Я не знаю, как его
— Барсук стал папой.
— Надо было его кастрировать.
— Не надо. Он теперь папа.
— Тогда у тебя будет все больше
— Мы не можем запретить ко
чется.
— Потому котов и кастрируют.
— Что?
— Чтобы у них больше не было
— И не подумаю их кастрирова
— Ладно. Не знаю...
— Что?
— Не знаю, что нам с тобой дел
— Ничего.
— Я пытался помочь тебе. Мы с
— Вы не можете мне помочь.
— Мы не сможем помочь тебе,
— Правильно. Мне никто не мо
— Так что будем делать, Бетти?
— Ничего.
— Ты позволишь им опять забр
— Пускай забирают. Он все рав
шенный.
— Но ты сама довела его до так
— Я и не помню, чтобы он когд
мовым.
— Он стоял ровно, когда ты то
чисто. А таким он стал из-за кошек
— Возможно.
— Ты и сама знаешь, что это та
— Да, знаю.
— Так что же мы, черт возьми,
— Ничего.

— Он чем-то болен. Лысая кошка — это ненормально.
— Крикет всегда был лысым.
— Похоже на чесотку или что-то типа того.
— При чесотке шерсть выпадает, а у него никогда не было шерсти.
— Но держать дома такую кошку опасно для здоровья.
— Я не выкину Крикета.
— Тогда, может, другого? Рыжего, например?
— Какого?
— У которого на морде смешная белая полоса.
— Барсука?
— Наверное. Я не знаю, как его зовут.
— Барсук стал папой.
— Надо было его кастрировать.
— Не надо. Он теперь папа.
— Тогда у тебя будет все больше и больше котят, Бетти.
— Мы не можем запретить кошкам рожать котят, если им так хочется.
— Потому котов и кастрируют.
— Что?
— Чтобы у них больше не было котят!
— И не подумаю их кастрировать.
— Ладно. Не знаю...
— Что?
— Не знаю, что нам с тобой делать.
— Ничего.
— Я пытался помочь тебе. Мы с Луис пытались.
— Вы не можете мне помочь.
— Мы не сможем помочь тебе, пока ты сама этого не захочешь.
— Правильно. Мне никто не может помочь.
— Так что будем делать, Бетти?
— Ничего.
— Ты позволишь им опять забрать твой трейлер?
— Пускай забирают. Он все равно дерьмовый. И всегда был перекошенный.
— Но ты сама довела его до такого состояния.
— Я и не помню, чтобы он когда-либо стоял ровно. Всегда был дерьмовым.
— Он стоял ровно, когда ты только в него вселилась. И в нем было чисто. А таким он стал из-за кошек.
— Возможно.
— Ты и сама знаешь, что это так.
— Да, знаю.
— Так что же мы, черт возьми, будем делать, Бетти?
— Ничего.

Хироми Каваками

Приход весны

Рассказ

Перевод с японского Ксении Резник

Я сижу в "Кошкином доме". Давно я тут не была.

"Кошкин дом" – пивная. Здесь в одиночку управляется старушка по имени госпожа Канаэ. Оправдывая название пивной, при ней живет штук шесть кошек. В глубине тесного помещения – сидеть тут можно только у стойки – висит занавеска. Занавеска всегда наполовину сдвинута. За ней видна гостиная госпожи Канаэ: летом – циновки, зимой – котацу[1]. В гостиной сидят, мяукают, иногда залазят на шкаф и спрыгивают вниз те самые шесть кошек. Число кошек может уменьшиться до пяти, или могут родиться котята, и тогда оно увеличивается до десяти. Но проходит, наверно, с месяц, и кошек снова становится шесть.

– Шесть – это в самый раз, – всегда утверждает госпожа Канаэ. – Когда их семь или пять, это как-то действует мне на нервы, – высказалась она однажды по поводу кошек и их количества.

Я, кстати, не то чтобы спрашивала, просто, когда сидишь, облокотившись на стойку, молча попивая разбавленный кипятком сёчю[2] с толикой сливового уксуса (или сливовую наливку летом) и закусывая фирменными солеными сливами госпожи Канаэ, она обязательно подойдет поговорить. Так что спокойно выпить в ее заведении практически невозможно. Госпожа Канаэ сразу заводит с тобой разговор, если только ты не привел с собой кого-нибудь и не начал с ним увлеченно беседовать. К тому же в "Кошкином доме" всегда почти пусто.

Я стала бывать здесь с прошлого года. Обычно я не хожу в пивные рядом с домом, но тут возвращалась то ли с новогодней вечеринки, то ли еще откуда, и то ли мне захотелось продолжения, то ли что, но, заметив у дороги вывеску "Кошкин дом", я, непроизвольно, толкнула дверь и вошла.

В пивной не было ни одного клиента. В вышеописанной гостиной госпожа Канаэ смотрела с кошками телевизор.

– Извините, – подала я голос, и госпожа Канаэ, выключив и без того тихий телевизор, с возгласом "добро пожаловать" вышла к стойке.

– Ужасный холод, – приговаривает госпожа Канаэ и, намочив и отжав одно полотенце из стопки, протягивает его мне.

© Chuokoron – Shinsha, INC., 2001
© Ксения Резник. Перевод, 2006

1. Традиционно котацу – углубление в полу с очагом; в наши дни – столик с вмонтированным обогревателем, накрытый одеялом. (*Здесь и далее – прим. перев.*)
2. Крепкий алкогольный напиток. Изготовляется из картофеля или злаков.

Кроме стопки полотенец, на стойке есть еще кукла "Дарума" бонсай (не сказать, что в лучшей форме), несколько бутылок с наливками, банка молотого кофе, спички и много чего еще. Все вперемешку. Высунувшись из-за этого нагромождения вещей, госпожа Канаэ спросила:

– Что будем заказывать?

– Сакэ и сушеного кальмара, – отвечаю.

Госпожа Канаэ завертела головой.

– Сакэ у меня, конечно, есть. Но, скажу тебе честно, оно невкусное.

– Невкусное? – переспросила я от удивления.

– Оно местное. Если у них не покупать, у меня... возникнут проблемы... ну, ты поняла... Но оно невкусное.

– Аа-а.

– Возьми сёчю. И недорого.

Я взяла сёчю. Госпожа Канаэ добавила туда сливового уксуса, положила в стакан соленых слив (предмет ее гордости) и протянула мне. Так я стала ходить в "Кошкин дом". Ходить, чтобы выпить сёчю со сливами (или сливовой наливки летом).

– Весна пришла, – объявляет госпожа Канаэ, взяв из стопки на стойке полотенце и вытирая руки: она только что помыла посуду.

– Еще же холодно. Разве не говорят, что февраль – самый холодный месяц? – отвечаю я.

– А в настольном календаре сказано: "приход весны" Значит, уже весна.

– Аа-а, ну, если так, – я неопределенно покачала головой и вдруг закашлялась.

Госпожа Канаэ присела на корточки за стойкой – некоторое время ее совсем не было видно. "Чего это она?" – удивилась я. Но не успела я додумать эту мысль до конца, как госпожа Канаэ вновь возникла передо мной, сжимая какой-то серебристый пакетик в руке.

– Это самые лучшие леденцы от кашля, – она открывает пакет и кладет мне в руку несколько травянисто-зеленых леденцов.

– Остальные не помогают. А эти очень хорошие. Если брать в аптеке у вокзала, обойдутся всего в сто девяносто, а в магазинах они уже по триста.

Попробовала пососать – ужасно горький. Пахнет травой. Дососала леденец, начала есть картошку, присланную госпоже Канаэ из ее родной деревни. Госпожа Канаэ вытягивает шею в мою сторону:

– Видишь, больше не кашляешь. Помогают же.

– Помогают.

– Я же говорю. Только после них цитрусовые нельзя есть. Съешь что-нибудь цитрусовое, и кашель опять вернется, и еще сильней. Какой смысл тогда леденцы сосать?

– Хорошо, не буду.

– Не надо. Всякие там грейпфруты, мандарины... Нельзя.

Посетителей, как всегда, – одна я, и госпожа Канаэ болтает без умолку. Я принялась за четвертый сёчю, то есть была уже довольно пьяна, поэтому, что говорила госпожа Канаэ, помню неточно. В какой-то момент она вдруг начала рассказывать про свою жизнь. Она всегда болтала без умолку, но до сих пор никогда не говорила о себе.

– Ну, раз уж весна, – начинает госпожа Канаэ. – Раз уж весна, попробую рассказать.

И рассказала приблизительно следующее.

Дело было в пору самой ранней юности госпожи Канаэ.

Если точно, она была тогда молода настолько, что сама еще не замечала, насколько она молода.

В деревне, где она жила, выпадало много снега. Первый снег укрывал землю еще до конца осени. А весной, даже после "прихода весны" как его определяет госпожа Канаэ, всюду еще лежали сугробы.

Дом госпожи Канаэ был на краю деревни. Когда шел снег, днем госпожа Канаэ вместе со всей деревней разгребала сугробы, чистила крыши. Днем люди еще выходили из дому — на работу, в школу, за покупками, в центр развлечься. Но к вечеру все запирались дома.

Живя в такой деревне, госпожа Канаэ любила гулять по ночам. Вот уже скоро сядет солнце, скоро люди начнут прятаться в домах — в это время госпожа Канаэ быстрым шагом идет по дороге, начинающейся на окраине и уводящей в сторону от деревни. Идет быстрым шагом, и деревня наконец исчезает из виду. Тогда госпожа Канаэ достает из кармана пальто сигареты, снимает варежки, чиркает спичкой, подносит ее к сигарете. Глубоко затягивается, пепел стряхивает на снег. Если завтра или этим вечером снегопад продолжится, пепел утонет в глубоком сугробе, а если погода прояснится, он так и будет лежать черной пылью на заледеневшем снегу.

Выкурив одну или две сигареты, госпожа Канаэ опять надевает варежки, поднимает воротник пальто, поворачивается через правое плечо и таким же быстрым шагом возвращается домой. К тому времени, когда она дойдет до дома, будет уже совсем темно. Госпожа Канаэ аккуратно сбивает налипший на подошвы сапог снег. Тихонько стоит в сенях на земляном полу. Постояв сколько-то минут, она делает несколько глубоких вдохов и идет на кухню или в гостиную, туда, где пахнет человечьим духом. Госпожа Канаэ сама не знала, почему она каждый вечер уходит за окраину деревни.

В тот год, в день "прихода весны" или немного позже, госпожа Канаэ, как всегда, с наступлением сумерек направилась за окраину деревни. Она не помнит точно, хотела ли она пройтись новой дорогой. Хотя теперь ей кажется, что от деревни был только один путь. И все-таки в тот день она пошла по другой дороге. Дорога мягко вилась, вдоль нее тусклым светом освещали снег фонари. Госпожа Канаэ уже долго шла по этой дороге. Идет-идет, а фонари все не кончаются, так что нет предлога остановиться и покурить. Прошла еще сколько-то, и вдруг ей послышалось, будто где-то под землей звенит колокольчик. Сошла с дороги немного в сторону и оказалась на вершине холма. Посмотрела оттуда вниз — закружилась голова. Не сильно. Легкое такое головокружение, будто спать захотелось. Она поскользнулась, упала и стала съезжать вниз по склону.

Подумала: "Упала"

Потом подумала: "Падаю и падаю. Все еще падаю. Продолжаю падать"

Госпожа Канаэ со страшной скоростью скользит вниз по склону холма. Она давно должна была бы докатиться до подножия, но падение все не прекращается.

"Странно все это, — думает госпожа Канаэ. — А раз это все странно, то, наверно, там, куда я упаду, не получится жить обычной жизнью. И

умереть обычной смертью тоже не получится. Наверно, там будет что-то, чего я и представить не могу", — пришло вдруг ей в голову.

Так она скользила в течение часа, хотя, возможно, на самом деле все заняло не дольше тридцати секунд — даже теперь она не знает точно. Чем ближе к подножию, тем медленнее и мягче становилось скольжение. Потом жжих — и госпожа Канаэ остановилась у подножия склона.

Открывает глаза — кругом снег. Кроме снега — ничего. Оглянулась по сторонам — красиво, свежо, никого нет.

"Неужели тут я так и умру? — равнодушно подумала госпожа Канаэ. (Так она мне рассказывала.) — Но до этого — одну сигарету"

Медленно вдыхает дым, медленно выдыхает. Успела выкурить сигареты три, когда краешком глаза заметила какую-то тень.

— Э? — госпожа Канаэ вздохнула. И тут снова мимо промелькнула тень. На этот раз госпожа Канаэ успела ее разглядеть.

Тень принадлежала человеку. Молодому мужчине. Если точнее, мужчина был молод настолько, что сам себя считал уже немолодым.

— Иди сюда, Канаэ, — сказал мужчина.

Даже не спросив, откуда он знает ее имя, госпожа Канаэ послушалась мужчину и вошла к нему в дом. Так они стали жить вместе. Утром она просыпалась первой, растапливала печь, готовила еду, провожала мужчину. Днем подметала, до блеска натирала пол в коридоре, стирала. Вечером готовила мясо, рыбу, овощи, варила суп, нагревала воду для ванны, ждала, когда вернется мужчина. Мужчина иногда возвращался, иногда — нет. Когда возвращался, он люлькал и нежил госпожу Канаэ. В те вечера, когда он не приходил, госпожа Канаэ, ожидая его возвращения, засыпала у печки.

Пожалуй, уже начал таять снег, когда она впервые подумала, что ей одиноко.

Одиноко, когда мужчина не возвращается, когда его нет рядом.

Госпожа Канаэ удивлялась, что в ее странную жизнь в странном месте просочилось такое обычное чувство, как одиночество. Что там мужчина себе думает?

"Мне одиноко", — бывало, скажет ему госпожа Канаэ, а он в ответ — что-то совершенно постороннее, будто и не понимает, о чем речь. "И зачем я стала с ним жить?" — разочарованно вздыхает госпожа Канаэ, но когда мужчина ее нежит, это всегда так уютно.

— Кажется, я тебя люблю, — попробовала однажды госпожа Канаэ.

— Это как?

— Когда любят, скучают.

— Аа-а, понятно, — сказал мужчина и принялся нежить госпожу Канаэ.

— Когда любят, хотят, чтобы по ним тоже скучали, — продолжила разомлевшая госпожа Канаэ.

— Аа-а, понятно, — еще раз повторил мужчина и стал нежить госпожу Канаэ дальше.

Занеженная так, что больше некуда, госпожа Канаэ вдруг почувствовала то же легкое головокружение, что и тогда, когда она попала сюда, скатившись вниз по холму.

"А вдруг оттого, что я влюбилась, это место станет обычным?" смутно проплыло в ее кружащейся голове.

Головокружение стало совсем невыносимым, и мужчина вдруг исчез. Исчез так быстро, что она не успела даже понять, в какой стороне он пропал.

Головокружение прекратилось. Госпожа Канаэ стала искать мужчину по всему дому. Его не оказалось ни в шкафу, ни на чердаке, ни в подвале, ни в ванне. Чем больше госпожа Канаэ искала мужчину, тем сильнее она его любила. День искала, два, три — не может найти. И госпожа Канаэ смирилась.

"Ну что ж..."

Не успела она так подумать, раздался голос мужчины:

— Канаэ, Канаэ, мы еще встретимся. Приду, когда снег пойдет.

Голос как будто сыпался с неба. Послышался звон колокольчика, как тогда, когда она скатилась сюда по склону холма. Госпожа Канаэ оглянулась по сторонам: она стояла перед домом своих родителей.

Снег стаял, настольный календарь сообщал, что весна близится к концу.

— Вот это да. Ну и ну.

Я была потрясена: услышать такое от обычнейшей госпожи Канаэ. Я смогла лишь изобразить нечто, отдаленно напоминающее кивок.

— Я его любила, — сказала госпожа Канаэ и потрогала сетку на собранных в пучок волосах.

— Любили? Этого... мужчину?

— Существо, исчезающее, когда тает снег.

— Существо...

— Да, существо.

— Это существо, вы его любили?

— Нуу-у... Тогда, наверно...

Госпожа Канаэ слегка прикрыла глаза.

— Тогда я все думала: люблю его, скорее бы он пришел.

Произнося "все думала", госпожа Канаэ стала массировать виски указательными пальцами.

— Тут точки от головной боли. Только сильно не дави. Кстати, ты помнишь, что цитрусовые нельзя, когда кашель?

Про точки было третий раз за год, а про цитрусовые и кашель — пятый раз за вечер. Я положила в рот два травянисто-зеленых леденца, и госпожа Канаэ продолжила рассказ.

Случившееся с ней очень напоминало старые легенды. Вернувшись домой, она перечитала множество легенд и романов по их мотивам. Эти женщины, похищенные или заблудившиеся, о чем они думали, живя в чужом мире, будто коконом отделенном от здешних городов и деревень?

В книжках говорится, что, прислуживая мужчине, черту или зверю или принимая службу от него, все эти женщины как-то привыкали к своим мужчинам, чертям или животным. Ведь почти не бывало, чтобы женщина возвращалась в наш мир потому, что она сама изо всех сил пыталась вернуться.

В некоторых историях говорится, что героиня вернулась, спасенная каким-нибудь храбрецом из здешних. Чаще всего, правда, неясно, радовалась она или нет, уходя от своего мужчины, черта или зверя, к которому уже привыкла.

В таких историях женщины всегда остаются жить с теми, кто вернул их в этот мир. Что происходит у них в душе? Страдают они или, наоборот, счастливы? Госпожа Канаэ относится к первым. К тем, которые страдают от разлуки со своими мужчинами, чертями или зверями.

На следующий год, когда появились сугробы, госпожа Канаэ совсем потеряла покой. Свои вечерние прогулки за окраину деревни она совершала теперь и днем, и по утрам. Искала ту дорогу, но найти не могла. Она думала, что стоит найти ту дорогу, и она встретит мужчину. Но дорога не находилась.

И все же в один прекрасный день она неожиданно оказалась прямо на той дороге. Пройдя по ней, залезла на тот же холм, снизу раздался звон колокольчика, почувствовав головокружение, начала скатываться вниз по бесконечному склону. Внизу ждал мужчина.

— С возвращением, — сказал мужчина.

— Да, вот и я, — сказала госпожа Канаэ, и они обнялись.

Госпожа Канаэ с мужчиной зажили душа в душу. Про любовь госпожа Канаэ больше не заикалась. Боялась, что, если заговорит, придется снова расстаться. Вместо этого она сказала:

— Вот оно счастье.

— Счастье? — переспросил мужчина.

— Счастье! — ответила госпожа Канаэ.

— Счастье — это хорошо. Это все, что нужно, — сказал мужчина. И стал жить, как ему вздумается. Захочет — вернется, захочет — нет.

Госпожа Канаэ тосковала, когда мужчина не приходил, но помалкивала.

Потом начал таять снег.

Мужчина не появлялся семь ночей подряд.

Госпожа Канаэ уже чувствовала тоску во всем теле. Тело тосковало снаружи и внутри. Когда тоска распространилась на последние нетосковавшие части, госпожа Канаэ, обращаясь к отсутствующему мужчине, позвала:

— Вернись, пожалуйста!

В тот же миг у нее закружилась голова, и она обнаружила, что стоит на окраине своей деревни.

— А он хорошо устроился, — говорю я.

Госпожа Канаэ неопределенно покачала головой.

— Это не совсем так.

— Да? Разве он не жил, как ему вздумается?

— Ну, так тоже можно сказать, наверно...

Госпожа Канаэ вынула пробку из выставленной на стойке бутылки айвовой наливки, наполнила маленький стеклянный стаканчик, добавила туда немного кипятка и протянула мне.

— Это тоже хорошо от кашля. Даже кошки пьют.

— Кошки? А они не пьянеют?

— Я им столько не наливаю, чтоб запьянели. Так только, полизать.

— И что, каждый год, как начинались снегопады, вы уходили к тому мужчине? — спрашиваю.

Госпожа Канаэ кивнула.

— Пока совсем не состарилась. А до того лишь выпадет снег — я у него.

— Здорово, наверно? Когда не круглый год вместе... Свежесть отношений...

— Свежесть! Когда хочешь увидеть, а не можешь?

— Аа...

— Я злиться начала.

— Злиться? — спрашиваю.

Лицо госпожи Канаэ сделалось торжественным, и она снова начала рассказывать.

— Позовешь — приходится возвращаться, скажешь, что любишь, — приходится возвращаться. Это вроде того, как ты — с мужчиной, но дотронуться до него не можешь.

Госпожа Канаэ так боялась, что ее заставят вернуться, что старалась даже лишний раз к мужчине не прикасаться. Однако возвращаться все равно приходилось: то она по незнанию все-таки нарушит какой-нибудь запрет, то просто снег начинает таять.

С каждым ее уходом росла ее любовь к мужчине. Возможно, это и не было любовью. Возможно, это следует называть зависимостью или одержимостью. Она была сама не своя, так ей хотелось до него дотронуться.

— Больше не приду, — говорила она.

Но каждый год, только начинал идти снег, ноги сами вели ее за окраину деревни. Госпожа Канаэ никак не могла вырваться из своей сказки.

"Нельзя так", — решила она однажды и попыталась больше не думать о мужчине. Даже когда они жили вместе, госпожа Канаэ старалась на него не смотреть, не прикасаться к нему, не звать его, и постепенно ей стало все равно, есть он или нет.

"Наконец-то, — подумала она. — Теперь я точно смогу остаться"

Но в тот год ей опять пришлось вернуться домой. Только на этот раз никто ее не заставлял. Она сама ушла.

Какая необходимость жить с мужчиной, если тебе все равно, есть он или нет?

— Очень печально, — сказала я, потягивая айвовую наливку.

Госпожа Канаэ громко расхохоталась. Айвовая наливка была сладкой, и от нее приятно вязало во рту.

— Ну, ты глупышка! — госпожа Канаэ хохотала от души, сотрясаясь всем крохотным тельцем.

— А что потом-то было?

— Больше я к нему не ходила.

— Не ходила? Совсем?

— И переехала. Туда, где снега не бывает.

— Всей семьей?

— Да нет. Родители к тому времени уже умерли. Я одна.

Госпожа Канаэ рассказала, что этот бизнес она завела, когда осталась одна. Вопреки ожиданиям, у нее неплохо получалось: не то чтобы она процветала, но банкротство ей тоже не грозило. Напевая что-то себе под нос, госпожа Канаэ жарила мойву. В заведении было караоке, но я никогда не видела, чтобы кто-то пел в микрофон. Наверно, госпожа Канаэ не особо уважает караоке. Вполне могу представить, что стоит кому-то запеть, как она начинает приставать с разговорами.

— Упрямые мы были — и он, и я, — вдруг произнесла госпожа Канаэ.

— Да, упрямые.

— Молодые все упрямые. Ох-хо-хо.

— А еще раз попробовать не хотите? Вдруг теперь все по-другому получится? — спросила я осторожно у вернувшейся госпожи Канаэ. Она уходила положить мойву в миску для кошек.

— Да уж, наверно, по-другому, — госпожа Канаэ многозначительно хихикнула. — А может, и стоит, — сказала и скрылась за стойкой. Достала серебристый пакет, щедро насыпала из него на салфетку леденцов, свернула салфетку и сунула мне в руку.

— Так. Цитрусовые — нельзя. Кашель снова начнется. Яблоки — можно, а все, у чего сок кислый, — нет.

Я уже допивала шестой сёчю.

— Больше не могу, — говорю.

Заплатила по счету и пошла домой, по дороге вспоминая рассказанное госпожой Канаэ. Назавтра у меня было довольно приличное похмелье — до обеда не могла поднять голову.

В заведении госпожи Канаэ я не появлялась, пока совсем, а не только по календарю, не наступила весна. Занята была — конец финансового года.

В апреле прихожу — вывеска "Кошкин дом" сорвана. Подошла к заднему входу, ведущему в комнату госпожи Канаэ, — дверь заперта. Ни следа ни кошек, ни госпожи Канаэ.

Вернулась к парадному входу. Смотрю — в углу двери наклеена маленькая бумажка. На ней написано: "Мы приносим свои извинения — по личным причинам мы вынуждены закрыть нашу пивную. Сердечно благодарим вас за многолетнее доброе внимание. Желаем здоровья. Остаток жизни планируем провести в краях, где много снега. Кажется, теперь все получится по-другому. Администрация"

"Никто небось ничего не понял", — думала я, в который раз перечитывая записку. Интересно, кошек она взяла с собой? А тот мужчина, он тоже теперь дедушка? А сливы она в своей сказке будет солить? Много чего осталось спросить, но не у кого.

Отцветали волчьи ягоды, на вишне стали набухать почки.

— Что, госпожа Канаэ, страсти земные и подземные? — шепчу я и смотрю в весеннее небо. — Ишь какие мы страстные, — шепчу и смотрю, и смотрю на почки на вишне.

Паола Каприоло

Сон о ягненке

Роман

Перевод с итальянского Э. Двин

XXIV

Вечером все семьи собираются к традиционному предрождественскому ужину. На каждом празднично убранном столе — лучшие сервизы и приборы, а рядом с фужерами для воды — высокие бокалы, в которые, прежде чем произнести тост, взамен шипучего вина наливают какой-нибудь безалкогольный напиток. На каждом столе одно изысканное блюдо сменяется другим в соответствии со сценарием, разработанным хозяйкой дома. Но все почему-то едят без удовольствия. Нить разговоров надолго прерывается, и взгляды сотрапезников с сожалением обращаются к темному телеэкрану. Как сейчас был бы уместен концерт с веселыми номерами или одна из тех запутанных любовных историй, которые разворачиваются на экзотически-райском фоне, — чтобы семья могла приятно провести часы, остающиеся до полуночи! Так нет же, приходится сидеть, не зная, чем заняться и о чем говорить; даже дети с нетерпением ждут момента, когда наконец под елкой появятся подарки, — момента, сулящего не столько радость, сколько чувство освобождения.

— Так вы действительно не хотите больше торта?

— Спасибо, мамочка, он очень вкусный, но мы уже съели по два куска.

— Но кусочки были маленькие, почти прозрачные. Да и к индейке вы едва притронулись...

— Она была очень вкусная, мамочка.

— Да, вкусная... но не настолько, чтобы вы перестали капризничать. Ну хоть ты, дорогой, возьми еще кусок торта.

— Спасибо, дорогая, торт и впрямь замечательный, но я уже наелся.

И снова воцаряется тягостное молчание, а хозяйка начинает нервно убирать со стола.

— Ну-ка, лентяи, помогите мне, — говорит она с натужным смешком. — Да вы просто не заслужили такой индейки. Слава богу, что у нас есть Лоло: уж он-то оценит ее по достоинству.

— Кстати, дорогая, а куда подевался наш Лоло? За весь вечер он ни разу не показался.

— Куда он мог подеваться? Сидит небось под столом, ждет объедков.

— Но говорю же тебе, что я его не видел... Впрочем, можешь сама убедиться, — и хозяин дома приподнимает скатерть. — Пса здесь нет.

Окончание. Начало в "ИЛ", 2006, № 1.

– Да, действительно странно. Значит, он наверху, на своем месте. Позовем его, когда я уберу со стола.

– Мамочка, можно мы сами соберем объедки для Лоло?

– Ну, если вам так хочется... – отвечает мать, пожимая плечами.

Вряд ли им так уж хочется, но это лучше, чем просто сидеть за столом, уставившись в темный экран телевизора. Поэтому дети с радостью пользуются полученным разрешением: взяв остатки индейки, уносят их на кухню, намереваясь разрезать все на куски.

Мать спешит за ними.

– Подождите-ка, что вы себе вообразили? Это не только для Лоло: сначала я отрежу кусок для нас – съедим его завтра за обедом.

– Опять индейка? И завтра тоже? – недовольно морщатся дети, но мать не принимает во внимание их протест.

– Ну вот, этого псу будет вполне достаточно. Разрежьте все на кусочки, только поосторожнее с костями.

В то время как дети готовят еду для собаки, тщательно удаляя все кости, обитатели соседнего дома тоже задаются вопросом: куда подевалась Фифи? Ее ночные вылазки никогда не бывали столь долгими, особенно при такой погоде.

– Мог бы заметить раньше! – взрывается молодая жена.

– Ну, заметил бы я раньше, скажи, что бы это изменило?

– Ты бы мог пойти и поискать ее, а не ждать, пока стемнеет.

– Не знаю, заметила ли ты, моя радость, что сейчас все время темно. Вот уже несколько месяцев у нас темно весь день.

– Ладно, ты, как всегда, прав. Но сегодня я не хотела выпускать кошку и совершенно точно знаю, что дверь ей не открывала.

– Значит, для разнообразия скажем, что виноват я.

– О нет, дорогой, наверное, она сама открыла дверь: отодвинула засов, повернула ручку...

И так далее, в том же духе. Каждый не столько озабочен тем, как бы отыскать Фифи, сколько старается отплатить другому – той же монетой – за его сарказм. И в первом доме тоже начинается обмен злобными обвинениями – после того как индейку распотрошили, а Лоло так и не явился, сколько его ни звали.

– Ищите лучше, должен же он где-то быть.

– Ну и где он, по-твоему, мамочка? Мы уже всюду искали.

– Подумать только! Вы никогда ничего не можете найти – даже у себя под носом.

– Если ты такая умная, поищи сама.

– Как вы разговариваете с матерью! Да еще в рождественскую ночь!..

– Хорошенькое Рождество! Да, славное Рождество!

– Хорошее или плохое, а для вас это будет Рождество без новых игрушек, если вы и дальше будете себя так вести.

И другие белые кошки и палевые собаки тоже исчезли, как Фифи и Лоло, но никто не отваживается поискать их на улице. Разве что какой-нибудь особенно встревоженный хозяин, встав в дверях, оглядывается вокруг, хотя вряд ли можно что-нибудь разглядеть в этом черном тумане. Попытавшись пару раз позвать своего любимца, но так и не дождавшись его, он возвращается в дом, поеживаясь от холода.

– Вот скотина! Уйти в такую погоду!

Проклиная в душе выходку своей собаки или кота, он вновь отдается рождественским ритуалам. Вот-вот пробьет полночь, и всем уже не до исчезнувших домашних животных: нужно поскорее помириться с теми, кого ты обидел, но вовсе не из подлинного раскаяния или стремления к семейному миру, а ради той условной доброты, которая сегодня так же обязательна, как елка или фаршированная индейка. Нужно под каким-нибудь предлогом выпроводить из комнаты детей, которые только о том и мечтают, а затем, разложив подарки под елкой, позвать малышей, чтобы насладиться их деланным удивлением. Наконец, прежде чем отправиться спать, нужно постараться убедить друг друга, что все в порядке и что завтра утром сбежавшее животное обязательно будет ждать их под дверью дома — если только оно действительно сбежало, а не прячется в каком-нибудь новом укрытии, еще не известном хозяевам.

Но и назавтра ни Лоло, ни Фифи не возвращаются: в городке исчезли все кошки и собаки. Теперь, при слабом дневном свете, многие горожане начинают обследовать территорию, прилегающую к дому: прочесывают свои сады, заглядывают через металлическую ограду в соседний сад, ходят по аллеям, где встречаются со знакомыми, которые, как и они, выкрикивают имена домашних любимцев или шарят в кустах. Они уже поняли, что со всеми случилась одна и та же беда, но это не приводит к смягчению взаимной враждебности или к объединению усилий; наоборот, встречаясь, люди обмениваются подозрительными взглядами, словно возлагают вину за происшедшее на соседей, и в душе каждый радуется неприятностям, свалившимся на других — тех, кто в отличие от него действительно их заслужил.

— Так ей и надо, этой ведьме, — шепчет отец сыну, сопровождающему его в поисках. — Ничего ей не говори, даже если увидишь ее кота.

— Но я его не видел, папочка.

— Тем лучше. Очень надеюсь, что она его не найдет. Весь в хозяйку: только и знал, что объедать растения в нашем саду.

Сын никогда не думал, что любимец соседки придерживается необычной для котов вегетарианской диеты, но теперь и он тоже постепенно проникается мыслью, что дело обстоит именно так и что растительность на их клумбах пожухла именно из-за набегов прожорливого кота.

— Видишь, он не осмеливается даже взглянуть мне в глаза, — говорит жена мужу, указывая на его давнего партнера по бриджу. — Я уверена, именно он прячет нашего бедного Деде. А вдруг он с ним плохо обращается или, того хуже, убил его...

— Ничего не могу сказать, пока у меня нет доказательств, — хмуро отзывается муж. — Но если они вдруг появятся, лучше этому мерзавцу держаться от меня подальше...

Увлекшись интригами и взаимными обвинениями, люди не отдают себе отчета в том, что во всем городке не осталось и следа какого-нибудь животного. Мало того, что исчезли собаки и кошки, что непонятно каким образом опустели клетки канареек и хомячков и это надолго ввергло их хозяев в уныние, — даже воробьи и другие птицы, еще вчера своим неумолчным щебетанием приветствовавшие слабый дневной свет, теперь словно испарились.

Конечно, у этих-то пернатых тварей хозяина нет, они не являются чьей-то собственностью, и потому их судьба никого не заботит. Один лишь князь сразу же замечает отсутствие своего "будильника" – и, встревоженный, выходит из павильона, внимательно оглядывает голые ветки. А потом приближается к дереву, в дупло которого у него на глазах часто ныряла проворная белка, и осторожно запускает туда руку, но не нащупывает ничего, кроме нескольких орехов и горстки сухих листьев.

"Сбежали!" – думает князь, сам удивляясь своей мысли и тому, что так легко нашлось это слово, будто подобное бегство – в порядке вещей, будто оно – не чудо, не новое зловещее предзнаменование. "Да, сбежали – сбежали, чтобы спастись. До чего же мудрые эти маленькие существа!"

Между тем горожане не прекращают поисков – скорее из упрямства, нежели потому, что действительно надеются найти пропавших животных. Они двигаются парами или семейными группами и, обмениваясь с соседями враждебными взглядами, настойчиво повторяют свои призывы:

– Титти! Иди сюда, милая! Мы тебе кашки дадим!

– Где ты, Боби? Где же ты, дорогой?

В этом хоре нежнейших, прямо-таки медоточивых призывов каждый исполняет свою сольную партию, притворяясь, будто не слышит других голосов. Резким диссонансом звучит только голос какой-то девочки:

– Ай! Он укусил меня, проклятый! – кричит она, потирая ладонью коленку.

– Чего ты кричишь? Кто тебя укусил? – спрашивает ее брат.

– Комар! Наверно, забрался в брюки, дрянь такая.

– Не говори глупостей, какие еще комары в это время года!

– Ты думаешь, их нет? Тогда кто же меня укусил? Или это мне привиделось?

Брат в ответ только пожимает плечами.

– Титти! Титти! – продолжает он звать ласковым голосом. – Ну же, дорогая, иди есть кашку!..

XXV

В последующие дни жителям городка было уже не до того, чтобы переживать из-за пропажи животных, так как новое явление – не менее странное, но куда более тревожное – целиком захватило их внимание. Во время долгих поисков исчезнувших домашних любимцев не одна только маленькая хозяйка Титти почувствовала внезапный укус. Многие, особенно дети, испытали то же ощущение и, вернувшись домой, обнаружили на теле характерные волдыри.

И все же тогда никто еще не осознавал, что комары вернулись – прямо среди зимы...

– Нет, это невозможно. Просто ты, наверное, что-нибудь не то съел – таково единодушное заключение матерей, разглядывающих следы укусов. А когда у них самих вдруг начинает чесаться рука или нога, они объясняют это какой угодно причиной, только не той, что соответствует действительности.

Но нельзя же отрицать, что ночью, когда свет в доме не горит, над ухом часто раздается грозное гудение. Правда, стоит вновь включить свет, как оно прекращается. Люди вертят головой, оглядывают стены — и не обнаруживают ничего подозрительного на мелком рисунке обоев. Тогда они снова укладываются спать, прикрыв ухо подушкой, но сон их внезапно прерывается от укола тончайшей иглы.

Лишь постепенно, преодолевая собственную недоверчивость, горожане осознают, что стали жертвой невидимых преследователей. Может, они бы и не поверили, если бы в то же самое время на них не обрушились и другие напасти: с тех пор как пропали домашние животные, как покинули городок птицы и белки, стали неудержимо плодиться и все чаще проникать в дома твари низших видов. Тараканы — бич, ранее совершенно неведомый в этом царстве чистоты и порядка, — осаждают кухни, несмотря на применение самых разных средств для борьбы с насекомыми; скорпионы ползают по стенам длинными черными цепочками, а пауки упорно ткут свою паутину на потолках и в углах оконных рам.

Это самая настоящая агрессия, от которой нет спасения. Тщетно хозяйки пытаются самостоятельно справиться с проблемой, применяя — в огромных количествах — инсектициды; тщетно Дирекция организует специальные отряды, разбрызгивающие ядовитые вещества в местах возможного скопления насекомых. Паразиты тут же появляются вновь, чуть ли не с победоносным видом и прямо-таки издеваясь над людьми, а единственный результат принимаемых мер — новые опасности, угрожающие детям. Взрослым теперь приходится следить, чтобы малыши не прикасались к обработанным вредными веществами поверхностям и держались подальше от белых или желтоватых лужиц на полу.

И все же ни одна из этих неприятностей не идет ни в какое сравнение с досаждающими всем комарами. Что говорить, тараканы приносят мало радости — но они по крайней мере не жалят; скорпионы жалят, зато они хорошо видны, и человек может обезопасить себя от их укусов. А вот от комаров никак не спрячешься: упорные, невидимые, они сосут и сосут кровь горожан — пусть понемножку, но постоянно, забираясь даже под шерстяные одеяла или под теплую зимнюю одежду.

Чтобы защититься от них хотя бы во время сна, многие натягивают над кроватью противомоскитную сетку. Мера полезная, но недостаточно действенная, так как хитрые твари устраивают засаду и набрасываются на свою потенциальную жертву, едва та поднимется с постели, чтобы сходить в туалет или попить воды.

Понятно, что в подобных условиях нервы горожан, и без того напряженные до предела, напрягаются еще больше, нервозность оборачивается самой настоящей истерией, а раздражительность, похоже, автоматически выплескивается наружу, как только появляется такая возможность: теперь все — и взрослые и дети — испытывают особое удовольствие, когда им самим удается стать преследователями...

К сожалению, поскольку теперь этого жаждет каждый, найти объект для преследования становится все труднее. Если мать пытается срывать свою злость на детях, ругая их без всякого повода, то и дети быстро находят способ разрядиться, начиная в ответ грубить ей. Муж и жена, ссорясь друг с другом, повышают голос одновременно, словно повинуясь дирижерской палочке, и ни один из них не желает усмирить

свою злость, пока его противник не будет окончательно растоптан; более того, ни один не признает своего поражения, так что перепалки длятся бесконечно долго, пока не иссякнут силы.

Поистине, тут можно было бы впасть в отчаяние, если бы в городке не имелось удобной мишени для выплесков коллективной ярости — в лице князя. Дело в том, что князь — то ли по своей аристократической беспечности, то ли потому, что боится остаться без тех жалких средств к существованию, которые ему еще как-то удается раздобывать, — позволяет третировать себя, не реагируя на обиды, и на злобные выпады своих недавних хозяев отвечает либо молчанием, либо коротким кивком, в котором при всем желании нельзя усмотреть сарказма; в общем, он безропотно смиряется с ролью жертвы, и каждый — за небольшую плату — может позволить себе удовольствие поизмываться над ним.

— Не буду спорить, синьор, у каждого свое мнение, — невозмутимо отвечает князь на крещендо оскорблений. — А теперь, с вашего позволения, я закончу мытье стекол... Вы говорите, на них остались отпечатки пальцев? Правда? Гадкие следы моего присутствия? Что же, сейчас я их сотру. А вы пока, если это вас не затруднит, приготовьте мой пакет с завтраком...

Надо сказать, такое ожесточение против князя объясняется не одним только смирением, с которым он принимает уже ставшую для него привычной роль козла отпущения. Оглядываясь назад, многие приходят к выводу, что до его появления в городке всем здесь жилось замечательно, с той же поры, как появился этот странный тип, все, так сказать, пошло под откос — медленно, но неуклонно: словно в шестерни какого-то прекрасно отлаженного механизма попал камешек и застопорил ход. Князь пробыл в городке всего несколько недель — и на небе, на горизонте вдруг появилась розоватая дымка, позже превратившаяся в густую пелену тумана, которая сегодня так всех угнетает. Князь только-только пообвыкся, горожане приняли его с великодушием, пожалуй, даже чрезмерным, — и тут вдруг мертвый лебедь испортил праздник на берегу озера, а в аквариумах погибли рыбки. И что же? Может быть, когда на городок обрушились бедствия, этот человек — обогретый, накормленный и щедро обеспеченный всем необходимым — смутился, предложил свою помощь и счел себя причастным к общим бедам? Ничего подобного! Он продолжал держаться в стороне, вынашивая невесть какие планы, наблюдал за происходящим с ехидным любопытством, отделывался своими дурацкими фразами, которые не только не приносили людям утешение, а наоборот — лишь усиливали панику.

В общем, чем больше горожане вникают в ситуацию, тем труднее им избавиться от впечатления, что князь проник в их городок как носитель какой-то заразы или как шпион, засланный чужим враждебным миром: в лучшем случае — как человек, с откровенным удовольствием наблюдающий за их несчастьями, а в худшем — сам являющийся их непосредственной причиной, сеющий вокруг семена беспорядка и разлада, которых они, горожане, до его появления так старательно избегали.

Все это можно удачно резюмировать поговоркой о пригретой на груди змее — присказка эта то и дело приходит на ум горожанам, когда они думают о князе. А к змеям, как известно, всегда относятся с опас-

кой: особенно те, кто видит, как рушится их земной рай, в котором они до сих пор жили — или верили, будто живут.

Князь же, со своей стороны, ничего не предпринимает, чтобы развеять эти подозрения: наоборот, кажется, будто он намерен еще более усугубить всеобщее замешательство — своей отстраненностью, выражением лица, заслуживающим, на их взгляд, пощечины, невразумительными цитатами из Библии, которыми так и сыплет в самые неподходящие моменты. К примеру: на горожан обрушилось это бедствие, комары, и они ни о чем больше не говорят (когда вообще разговаривают друг с другом) — только о новых инсектицидах, сулящих потрясающие результаты, или о противовоспалительных кремах; а он не к месту цитирует непонятные стишки о какой-то "саранче" с зубами как у львов, железными бронями и жалящим, как у скорпиона, хвостом[1] — то есть о существах невероятных и устрашающих, чьи крылья в полете лязгают, как колесницы в бою. Ну скажите, кому это надо? И не поступает ли он так, просто чтобы посмеяться над мучениями других, чтобы к их подлинным тревогам добавить еще и надуманные ужасы?

Но они — пусть князь имеет это в виду — не дети; да, впрочем, даже ребятишки в их городке не отличаются наивностью и доверчивостью, обычно свойственными детскому возрасту. Нет, они не боятся какой-то там "саранчи" как ни старается князь расписать ее зловредные качества; они не станут терять времени на пустые фантазии, с них довольно реальной борьбы с комарами и тараканами. Пусть весь этот вздор, если ему так хочется, он рассказывает своей подружке, тоже чокнутой: может, эта девчонка, совершенно неспособная мыслить здраво, и станет его слушать...

Но, по правде говоря, никто не видал, чтобы князь или Сара чесались от комариных укусов; похоже, комары сговорились и решили их не трогать. И как знать, бесчинствуют ли полчища тараканов в павильоне на берегу озера, где живет бродяга, так же, как и у них в домах, — или князь вступил с насекомыми в какой-то тайный сговор. "Несомненно одно, — думают горожане, — князь не претерпевает такие муки, как мы, в противном случае его наглая физиономия не была бы столь отвратительно-безмятежной. Да и девчонка, вы только взгляните на нее, явно плевать хотела на нас всех — видите, как радостно бежит она навстречу этому ужасному старику? На месте ее тети..."

XXVI

Нам не дано знать, как повели бы себя жители городка, окажись они на месте Сариной тетушки. Что же до самой тетушки, то она продолжает относиться к племяннице со смесью равнодушия и антипатии, однако со временем антипатия определенно берет верх. Вот и сегодня утром, осторожно выбравшись из-под сетки от комаров и размахивая руками,

1. Откр. 9:7–10: "По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну, <...> а зубы у нее были как у львов. На ней были брони, как бы брони железные, а шум от крыльев ее — как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну. У ней были хвосты, как у скорпионов, и в хвостах ее были жала..."

чтобы отпугнуть насекомых, тетушка первым делом направляется в комнату, где спит девочка, и будит ее грубым толчком.

– Вставай! Уже семь!

Сара садится в постели и трет глаза.

– А завтрак уже готов?

– Нет, барыня, не готов. Тебе что здесь – гостиница? Можешь и сама приготовить, а я пока приму душ.

– Так я же опоздаю в школу.

– Конечно, опоздаешь, если не встанешь сию минуту.

И больше не удостоив племянницу ни единым взглядом, тетушка решительно направляется в ванную. А полусонная Сара плетется в кухню. Ей не впервые приходится готовить себе завтрак самой, и она уже умеет это делать, хотя пока еще не всегда успевает вовремя выключить газ под кастрюлей с молоком. Часто прямо у нее на глазах белая жидкость вздувается и переливается через край – и тогда уже поздно пытаться предотвратить потоп. Поэтому Сара предпочитает наливать молоко в чашку чуть подогретым, хотя это, конечно, не лучшее питье, когда тебе предстоит долгий путь по утреннему морозу.

Позавтракав, она терпеливо ждет, когда тетушка освободит ванную: уже двадцать минут восьмого, придется свести свое умывание к минимуму, но в последнее время даже такая возможность выпадает ей все реже, и девочка привыкла выполнять необходимые водные процедуры, словно соревнуясь с кем-то на скорость.

В половине восьмого Сара уже вылетает из ванной и бежит в свою комнату, где еще с вечера разложила белье и одежду в таком порядке, в каком все это следует надевать. В семь тридцать шесть, уже полностью одетая, пусть и не безукоризненно аккуратно, она мчится по коридору, хватает ранец, дожидающийся в прихожей, и – крикнув тетушке "Пока!", но так и не получив ответа – наконец выскакивает из дома.

Школьный автобус, как всегда, проезжает мимо ее калитки, не останавливаясь. "Непонятно, почему, – думает Сара, – водитель именно меня не замечает в тумане, хотя куртка на мне светлая, яркая – точно такая, как у других ребят. Но ничего не поделаешь: водитель сказал, что раз он меня не видит, значит не видит: не может же он на такой холодрыге выходить из автобуса и искать каждого школьника персонально"

Вздохнув и потуже затянув пояс, Сара, срезая путь, спешит через луг по тропинке, которая должна вывести ее к школе. Она шагает быстро – чтобы согреться и чтобы не опоздать; плутать в тумане – дело долгое и трудное, и учительница уже не раз упрекала за опоздания. Но сегодня Сара совершенно уверена, что придет вовремя: может, потому, что сунула в ранец свой талисман – ягненка. Девочка вовсе не собирается доставать и рассматривать его в классе, однако все бесконечно длящееся время занятий она будет сознавать, что ягненок здесь, с ней, и этого достаточно, чтобы поднять ей настроение.

И в самом деле, талисман – по крайней мере в том, что касается расписания, – действует безотказно: несмотря на густой туман, из-за которого часто приходится замедлять шаги, ровно в четверть девятого Сара с победоносным видом переступает порог школы. Она пришла даже раньше всех – и в классе видит только учительницу: та, погрузившись в исправление чьих-то домашних заданий, отвечает на ее приветствие лишь досадливым кивком.

Сара садится за отведенную ей парту — в последнем ряду, у самой стены. Девочка чувствует, что за ней следят (хотя учительница делает вид, будто не смотрит на нее), поэтому из-за безотчетного страха старается сидеть неподвижно. При мысли, что ее товарищи вот-вот войдут в класс, она даже испытывает некоторое облегчение. Сара слышит из коридора их звонкие выкрики, которые вскоре сменяются приглушенным перешептыванием.

Что такое, удивляется она, почему они не решаются войти? Непонятная заминка вызывает у нее тревогу, и она неуверенно смотрит на учительницу, но та невозмутимо продолжает читать.

Наконец на пороге показывается один из учеников. Он здоровается с учительницей, которая на этот раз отвечает, однако по-прежнему не поднимает глаз от своих бумаг. А мальчик по проходу между партами направляется к Саре.

"Почему он идет сюда? Может, хочет поздороваться и со мной?" думает девочка с приятным удивлением. Но тут она замечает, что у мальчика руки сложены так, будто он что-то несет в ладонях. Что-то приятное, если судить по его улыбке. "Подарок? — думает Сара, еще больше удивляясь. — Странно, сегодня у меня не день рождения..."

Но вот мальчик приближается к ее парте и выпускает что-то из рук. Перед Сарой — большой дохлый скорпион; он такой черный и так блестит на светлой деревянной парте... Девочку передергивает, но она не кричит, просто замирает от ужаса, а мальчик отходит, уступая место другому ученику. Этот тоже что-то сжимает в руках — и с такой же ехидной улыбкой кладет на Сарину парту полудохлого таракана; а учительница продолжает упорно смотреть в свои листочки, хотя уже не читает — девочка в этом уверена, — а украдкой за всем наблюдает и тоже улыбается.

Ученики один за другим подходят к Сариной парте: да это же целая процессия, хорошо отработанный ритуал: горка насекомых на крышке парты все растет... Девочка не сводит с нее глаз, не осмеливаясь даже пошевельнуться. Когда и последний мальчик, положив перед ней очередной "дар" садится на свое место, Сара, с трудом придя в себя, тихонько зовет:

— Синьора учительница!

Она произносит эти слова раз, другой — но учительница как будто не слышит. Только раздавшийся наконец звонок заставляет ее поднять глаза и окинуть учеников долгим удовлетворенным взглядом.

— Молодцы, ребята, я вижу — опоздавших нет.

— Синьора учительница!

— Пожалуйста, Сара, помолчи. Бери пример со своих товарищей. Почему тебе вечно надо высовываться?

— Но синьора...

Учительница, судя по всему, уверена, что уделила ей более чем достаточно внимания. Она раскрывает классный журнал и ровным голосом начинает перекличку: лишь когда очередь доходит до Сары, тон ее едва заметно меняется.

— Да, синьора, я здесь, но...

Продолжить фразу она не может, потому что учительница уже называет следующее имя. Смирившись, Сара отодвигается со своим стулом назад, как можно дальше от этих насекомых, которые кажутся ей таки-

ми страшными — из-за клешней, скрюченных лапок, твердых надкрылий...

"Сейчас я уйду, — думает Сара, бросая взгляд на лежащий у ее ног ранец, — прямо сейчас встану и уйду" Но одно дело — подумать об этом, и совсем другое — выполнить свое намерение при учительнице, которая следит за каждым твоим движением презрительно-удивленным взглядом, способным, кажется, пригвоздить тебя к месту, парализовать, превратить в камень. Такой взгляд был у того мифического существа, о страшной силе которого ей недавно рассказал князь. "Мне подняться и уйти?" — мысленно задает вопрос Сара, словно надеясь, что ягненок может подать ей из ранца разумный совет. Но ягненок молчит, в классе слышен лишь ровный голос учительницы, объясняющей что-то такое, чего потрясенная девочка не в силах уловить: ей сейчас все равно, о чем идет речь, — о геометрической ли теореме, грамматическом правиле или о каком-то важном историческом событии. За каждым произнесенным словом Сара слышит другие, непроизнесенные, чувствует благожелательность и одобрение, обращенные к ее товарищам, и ненависть, направленную на нее, Бродяжку, которая получила наконец по заслугам и впредь не станет "высовываться"

Неизвестно, действительно ли учительница испытывает сейчас эти чувства и действительно ли ее взгляд — как считает Сара — ничуть не менее губителен, чем взгляд Медузы. Как бы то ни было, девочка до самой перемены сидит, словно пригвожденная, за своей партой (стараясь держаться подальше от ее крышки) и больше не пытается обратить на себя внимание учительницы.

Только звонок освобождает ее от этих злых чар. Сара вскакивает, выбегает из класса, опережая остальных учеников, и продолжает бежать по коридору — туда, где не слышно их голосов. Вот она уже далеко — и наконец одна. Спрятавшись в каком-то закутке, она позволяет себе выплакаться.

— Теплые? Да разве они теплые! — бормочет она сквозь слезы, словно споря с князем, хотя он и не может ее услышать. Зато ее слышит преподавательница физкультуры, как раз проходящая мимо; но вместо того чтобы остановиться, она ускоряет шаги и быстро исчезает за поворотом. У нее хватает других дел, ей не до того, чтобы обращать внимание на все сумасбродства этого ужасного ребенка. Только святой способен со всем этим терпеливо разбираться, а нам, скорее всего, нужно принять какие-то более жесткие меры, чтобы поставить девчонку на место. "Да, более жесткие, — повторяет про себя учительница, сжимая кулаки. — Будь я ее тетей..."

XXVII

Дни идут за днями — такие одинаковые; они постепенно удлиняются, но это почти незаметно из-за густой завесы тумана, в котором рассеиваются солнечные лучи.

Зима очень суровая, самая холодная из всех, что остались в памяти у горожан: дети и взрослые лишь изредка выбираются из дома, закутавшись в многослойные одежды из свитеров, жакетов, очень теплых кур-

ток или пальто; воротники у всех подняты, на головах — плотные шерстяные шапки, и даже странно видеть выглядывающее из этой громоздкой оболочки посиневшее бледное лицо.

Подростки отдают предпочтение вязаным шлемам-маскам, позволяющим оставаться неузнанными и творить всякие бесчинства (которыми они так гордятся), совершать все более жестокие выходки, помогающие развеять скуку и мрачное отчаяние, охватывающие их всех, когда они остаются наедине с собой. Чтобы приглушить чувство одиночества, они сбиваются в ватаги, топчутся возле костров, пляшущие языки которых зловеще освещают поляны, некогда залитые солнечным светом и служившие местом встреч простодушных игроков в гольф; продолжают строить и укреплять свой ненадежный союз, проявляя дикую враждебность к остальному миру, а вернее — к той его части, которая заключена в тесные рамки горизонта, еще более суженные туманом (о том, что находится снаружи, эти мальчишки, как и все обитатели городка, давно перестали думать).

Засады в полутьме устраиваются все чаще, и хулиганы уже не просто натягивают веревки, но сами нападают на прохожих: один член банды удерживает несчастного, а остальные срывают с него пальто, шапку, бывает, и прочую одежду. После чего все разбегаются с этими трофеями, оставив в тумане дрожащую от холода и страха жертву.

Князю приходится особо остерегаться таких нападений. Сарина тетушка теперь запирает все шкафы на ключ, так что девочка уже не сможет раздобыть ему другое пальто, если у него отнимут то, что на нем. Так же обстоит дело с шарфом и шапкой, вместе составляющими элегантный комплект, и с розовыми шерстяными перчатками, которые Сара подарила ему перед Рождеством; правда, они оказались слишком маленькими, но князю не составило большого труда подогнать их по своим рукам, проделав дырки на конце каждого пальца. Старик очень старательно оберегает свои вещи, не оставляет их без присмотра, а когда ему случается выйти из дома, всем своим видом показывает, что скорее умрет, чем позволит их отнять.

Но опасности подстерегают его не только на улице. Однажды ночью, когда он спит у себя в павильоне, его покой вдруг нарушают странные звуки. По правде говоря, просыпается он не сразу: ему снится какое-то необыкновенное существо — белое, пушистое, оно передвигается на четырех ногах и откликается на имя Сара. Внезапно существо это исчезает — вероятно, испугавшись тех странных звуков, которые князь слышит, окончательно проснувшись. Вздохнув, он тянется за фонариком. И явственно различает что-то вроде приглушенного топота, раздающегося совсем близко.

Встревоженный князь поднимается, натягивает на себя пальто, выглядывает за дверь и медленно водит в темноте лучом электрического фонарика — а в это время вокруг него один за другим вспыхивают другие фонари.

— Кто здесь? — кричит он, но ответа не получает. Однако свет фонарей все ближе, и вот уже князь может разглядеть подростков, которые со всех сторон подступают к павильону и останавливаются в нескольких шагах от него, образуя широкий полукруг. Мальчишки улыбаются, но улыбки эти, как сразу догадывается князь, не сулят ему ничего хорошего.

— Что вам надо? — спрашивает он, стараясь, чтобы в его голосе не было и следа страха.

— Как это — что нам надо? — переспрашивает один из парней, самый высокий и крепкий.

— Вы явились глубокой ночью и окружили мой павильон...

— А что, это запрещено?

— Нет, не запрещено.

— Ну то-то же. Понимаешь, мы далеко не уверены, что этот павильон действительно твой, что ты имеешь право в нем жить.

— Считайте, — говорит князь, — что я живу здесь по праву давности.

Юноша смотрит на него со злобой.

— Ты что, смеешься над нами?

— Вовсе нет.

— Тогда скажи, как ты тут питаешься!

— Когда представляется такая возможность, я обычно ем, как и вы, пользуясь ножом и вилкой.

Фраза, несомненно, неосторожная, но князь спохватывается, когда она уже сорвалась с языка. К счастью, парень то ли не расслышал ее, то ли не уловил скрытого в ней сарказма: похоже, он окончательно вошел в роль главаря, которую уступили ему остальные. Разговаривая, он краем глаза следит за своими дружками, чтобы прочесть по их лицам, одобряют ли они его слова.

— В общем это не твой дом, — заявляет он грозно, — и мы можем ходить сюда сколько хотим.

— Конечно. Кто ж это отрицает? Только я спал, а вы меня разбудили...

— Неужели, князь? Мы сожалеем, что прервали ваш отдых, и нижайше просим вашу светлость простить нас...

— Я вас прощаю и желаю вам спокойной ночи. А теперь, с вашего позволения...

— Куда ты? Не надо так спешить. Знаешь, мне всегда хотелось посмотреть, что там, внутри павильона, — ну, как там все устроено.

— Уверяю тебя, там нет ничего особенного. Только матрас и несколько дырявых одеял...

— Одеяла? Уже интересно...

— Они, повторяю, все в дырках. Наверняка у вас дома одеяла получше.

Парень приближается к нему еще на шаг.

— Ты опять суешься не в свое дело. Что ты можешь знать о том, какие одеяла нам нравятся? Вероятно, ты прав, и у нас дома одеяла лучше, но, может, твои нам понравятся больше.

— В таком случае, — говорит князь, уже с трудом сдерживая себя, — я был бы рад с вами поменяться.

При этих словах подростки разражаются хохотом.

— Ты не так понял, — поясняет их главарь, — никто из нас не собирается ни меняться, ни торговаться с тобой. Мы просто заберем то, что нам придется по вкусу.

— Категорически исключено, что мои одеяла могут вам понравиться.

— Категорически. Вы слышали? Синьор позволяет себе категорические суждения! Что ж, значит, помимо одеял мы заберем у него еще и матрас.

– Блохи – наша слабость, – уточняет один из его приятелей, ухмыляясь.

– Прошу вас, будьте благоразумны...

– При чем здесь благоразумие? Благоразумие нам подсказывает, что если ты хочешь что-то сохранить, то должен уметь это защищать. Вот мы сейчас и посмотрим, умеешь ты или нет.

– Я вовсе не собираюсь предоставлять вам такую возможность.

– Да тебе только и остается, что убраться с дороги!

Небрежным движением, словно отгоняя муху, парень отталкивает старика от входа в павильон; другие члены банды, восприняв это как сигнал, тут же кидаются к двери. Некоторым из них удается протиснуться внутрь, другие толпятся снаружи и издали наблюдают за разгромом, подначивая своих товарищей выкриками. Князь, пользуясь тем, что хулиганы отвлеклись, отходит в сторону, готовый бежать, если им вдруг взбредет в голову отнять у своей жертвы еще и пальто.

Но – по крайней мере сейчас – с его мучителей вроде бы довольно того, что они нашли в павильоне; они выбрасывают наружу одеяла, затем матрас, сопровождая свои действия грубыми комментариями.

– Смотрите, какая гадость: самое натуральное блошиное гнездо!

– Что будем делать с этим барахлом? Надо запалить костер и все сжечь.

И пока одни, воодушевясь этой идеей, торопятся развести огонь, другие продолжают обыскивать жалкое жилище князя, выходя время от времени за порог, чтобы показать остальным какую-нибудь любопытную вещь. Так появляются на свет – а потом, после долгих споров, исчезают в чьих-то карманах – часы и давным-давно опустевшая фляга, коробочка конфет (подарок Сары) и розовые перчатки с продырявленными пальцами. Стул же оказывается слишком громоздким трофеем, и его несколькими прицельными пинками разносят в щепки. Не лучшая судьба уготована и деревянной рамке с фотографией девочки: фото и рамка летят в костер вслед за одеялами и матрасом, после чего, потрескивая, превращаются в пепел. У князя вырывается стон, но он утешает себя мыслью, что Сара наверняка еще подарит ему другую фотографию. К тому же главное – если хочешь спасти пальто, а может, и собственную шкуру – не привлекать к себе внимания. Поэтому он отступает еще дальше и прячется за куст, с немым отчаянием наблюдая оттуда за гибелью своего имущества.

Оргия разрушения – праздник для членов банды, что-то вроде пьянящего танца, и им хочется, как и всем людям, переживающим радостное мгновение, чтобы она длилась как можно дольше. Огонь мало-помалу затухает, но тут кому-то приходит в голову оживить его, бросив в костер найденные в павильоне книги. Прячась за кустом, князь со слезами на глазах наблюдает, как драгоценные фолианты, которые он хранил годами, страница за страницей летят в огонь и, прежде чем превратиться в прах, скукоживаются от жара.

"Вот теперь я действительно нищий, – думает князь, – гол как сокол. А они совсем обезумели..."

Но всякое развлечение, как известно, рано или поздно заканчивается: "Илиада" и Библия, "Король Лир" и "Пир" – эти осквернённые вместилища человеческого гения, способного, как всегда верил князь, облагораживать души и сдвигать горы, лишь ненадолго подпитывают

пламя, которое, слабо вспыхнув, вскоре совсем гаснет. Юнцы с разочарованием смотрят на кучу пепла, в которой еще тлеют несколько головешек. Князь тоже смотрит на нее не отрываясь, хотя здравый смысл подсказывает ему, что надо бежать, пока преследователи не вздумали сыграть с ним еще какую-нибудь злую шутку.

"Еще более страшную, еще более жестокую... — думает он. — Да, такое вполне возможно и даже вероятно. Почему же я не нахожу в себе сил, чтобы уйти отсюда?"

Князю действительно самое время уносить ноги, так как главарь банды, убедившись, что костер окончательно потух, уже подстрекает приятелей к новым подвигам.

— Мы забыли о старике: он тоже должен получить по заслугам.

— Да этот трус наверняка уже смылся куда-нибудь. Ну и пусть его!

— Жалкий дегенерат, — замечает третий. — Позволил забрать свое барахло не сопротивляясь...

— Иначе ему бы не поздоровилось, — со злостью отзывается главарь. — Но ваша правда: он наверняка уже где-то спрятался, и этой ночью мы вряд ли его отыщем.

— Тем более, что уже поздно, а у меня завтра контрольная по математике...

Не двигаясь, затаив дыхание, князь смотрит, как хулиганы один за другим проходят мимо его укрытия. Только когда они уже далеко, он выбирается из-за куста и наблюдает за удаляющейся цепочкой фонариков, свет которых все слабее пробивается сквозь туман. "Красивое зрелище, — думает князь, — похоже на звезды или на рой светлячков... Да, зрелище красивое, только смотреть на него лучше издали"

Старика обволакивает густая тьма, нарушаемая лишь мерцанием тех дальних фонариков и нескольких еще тлеющих головешек. Князь подходит к потухшему костру и наклоняется над пепелищем в надежде, что хоть одна книжная страничка да уцелела. А может, он просто хочет выполнить ритуал прощания...

Потом, покачав головой, старик возвращается к павильону. Завтра же, думает он, надо раздобыть висячий замок. И эта мысль вдруг вызывает у него приступ дикого веселья: "Да, замок! Уж теперь-то он точно необходим!.."

Так, смеясь, князь заходит в свое темное обиталище и укладывается спать на полу.

XXVIII

В последующие дни князь постепенно начинает понимать, что не может рассказать Саре о юнцах, которые ее сожгли, — не ее саму, конечно, а ее изображение. Лучше он откажется от надежды получить новую фотографию, но не будет лишний раз тревожить девочку, и без того страдающую от все более враждебного отношения товарищей и учителей. Поэтому он и не хочет говорить ей о событиях той ночи, о том, как налетчики уничтожили его одеяла и матрас. Спит он теперь на полу, завернувшись в пальто и подстелив для мягкости немного соломы, позаимствованной в чьей-то конюшне. Лошадям это, конечно, не повредит,

ведь они уже давно пропали вместе со всеми животными, а конюхи теперь занимаются разными другими делами и не появляются вблизи манежа.

Даже садовники — то ли из-за суровой погоды, то ли потому, что считают любое занятие бессмысленным, — перестали заботиться о поддержании порядка в парке и уже несколько месяцев не беспокоят князя, не стучат к нему в дверь, чтобы взять свой садовый инвентарь. Одна только Сара могла бы заметить перемены, происшедшие в павильоне, но старый друг под любыми предлогами не пускает ее туда. Впрочем, он и сам не любит теперь там бывать — после того как посторонние грубо нарушили неприкосновенность его жилища. Опасаясь новых нападений, князь обычно уходит спать куда-нибудь в другое место: тайком пробирается в раздевалки спортивного центра, или в пустой подвал, который хозяева забыли запереть, или в те самые конюшни, нынче совсем опустевшие. И всякий раз, уходя оттуда на рассвете, тоже тайком, он старательно устраняет следы своего присутствия. В общем, никто не догадывается, что он изменил свой образ жизни: "порядочные" обитатели городка, когда им случается проходить мимо павильона, по-прежнему бормочут проклятья или недовольно косятся на эту развалюху, не подозревая, что князь в ней практически уже не живет.

Как же изобретателен и осмотрителен этот князь: он старается никому не попадаться на глаза и тем избегать самых худших неприятностей. (Не бросаться людям на глаза очень важно, потому что человек, по которому видно, что он — жертва, неизбежно навлекает на себя все новые преследования.) Кроме того, он ухитряется так отвечать на настойчивые расспросы Сары, что и девочка не догадывается об истинном положении дел.

— Перчатки? Вероятно, я их потерял. Но это не беда, можно и без них обойтись. Ты разве не чувствуешь: в воздухе уже повеяло весной?

— Нет, не чувствую, еще только февраль начался.

— И все-таки весна уже близко, уверяю тебя. Вот почему я выхожу без перчаток.

Сара отступает перед этой — на первый взгляд безупречной — логикой, не понимая, что ее затягивают в порочный круг лжи. А на просьбу почитать ей что-нибудь из его книг князь скептически отвечает:

— Опять? Еще не надоело?

— Я, по правде говоря, думала, что и тебе это нравится...

— Да, нравилось, — отвечает князь каким-то странным тоном.

Саре кажется, что голос его слегка дрожит, но она, вероятно, ошиблась, потому что старик тут же с пренебрежением добавляет:

— Мне нравилось это в первый раз, и во второй, и, пожалуй, даже в третий, но сколько же можно... Однако если тебе действительно хочется опять услышать эту историю, то идти за книгой необязательно, я могу рассказать ее тебе и так.

— Теми же словами?

— Да, благодарение Богу. Почти теми же.

Диалог, который мы только что привели, не просто пример ухищрений, к которым прибегал князь, чтобы не огорчать свою маленькую подругу; это своего рода поворотная точка, начало новой кипучей деятельности. Произнося эти фразы, князь вдруг осознает, что в его памяти

хранится целая воображаемая библиотека, позволяющая ему с большой степенью приближения воспроизвести текст утраченных томов; но он также понимает: у книги, кроме души, должно быть и тело, конкретное физическое воплощение, чтобы этой книгой могли пользоваться и другие. Конечно, он, князь, сумеет повторить для внимательно слушающей Сары сцену бури из "Короля Лира" или диалог между Ахиллом и Приамом. Да — повторить много, множество раз, но ведь так будет не всегда. Безумие — целиком полагаться на свою память, не менее хрупкую и эфемерную, чем его тело: ведь память неизбежно будет слабеть и помрачаться, по крупицам теряя те знания, которые он, князь, с такой любовью копил всю жизнь...

И вот, чтобы оставить Саре богатое наследство, любимым же книгам даровать вторую жизнь (поскольку сейчас они существуют только у него в голове), а также на случай, если там, за стеной тумана, весь мир вместе с его библиотеками уже исчез, князь решает превратиться в Писца. Он исхитряется, ни разу не подойдя к кассе, запастись в канцелярском отделе торгового центра достаточным количеством авторучек и тетрадей и прячет свою добычу не в павильоне ("Один раз еще куда ни шло, но дважды я не позволю застать себя врасплох"), а в подвале пустого дома — правда, сырого, но зато стоящего на отшибе, почему князь и может приходить туда, не попадаясь никому на глаза. Там он почти каждый вечер сидит за старым кухонным столом и в свете фонарика методично осуществляет свой план, надеясь восстановить не только книги, уничтоженные пламенем, но и другие тексты, которые он когда-то знал и пока еще не забыл: главным образом стихи и стихотворные драмы — их легче удерживать в памяти, чем прозу; он, правда, и любимую прозу понемногу восстанавливает, делая это терпеливо и упорно, заполняя провалы памяти свободным изложением или — на худой конец — вынужденными многоточиями.

Князь не понимает, что для завершения такого труда понадобились бы годы — гораздо больше лет, чем, по-видимому, ему отпущено. А может, он и отдает себе в этом отчет, но поступает наперекор всему. Жаль только, что будущая наследница, ради которой он решился на такой подвиг, порой обижается, упрекая его за то, что он недостаточно ценит ее дружбу.

— Еще как ценю, дорогая.

— Не похоже, — возражает она, хмурясь и заносчиво выставив вперед подбородок. — Впрочем, поступай как знаешь: если тебе нравится вечером сидеть одному...

— Вечером, насколько мне известно, дети должны укладываться спать.

— Да, но не так рано, как ты думаешь. Мы могли бы быть вместе по крайней мере до десяти часов.

— До десяти — это чересчур: спроси у тети, если сама не понимаешь...

— Моей тете, — отвечает Сара, — хотелось бы, чтобы я не возвращалась ни в десять, ни в одиннадцать, а еще лучше — вообще никогда.

Князь робко проводит рукой по ее волосам.

— А мне хотелось бы, чтобы ты была со мной всегда. И если я иногда прошу на некоторое время оставить меня в одиночестве, то на это у меня есть причины, причем важные, очень важные...

Наконец Сара улыбнулась: ее забавляет серьезный тон, каким князь произносит эти слова.

– Ты говоришь загадочно...

– Конечно. Как и все интересные люди. Не будь я хоть немного загадочным, ты бы и взглядом меня не удостоила.

– Кто знает, может, и так. Только смотри не переборщи!

XXIX

В кухне, оснащенной всеми достижениями современной техники, Сарина тетушка готовит обед. Сегодня она решила запечь форель в сухариках, хотя и знает, что племянница не любит рыбу, а может – именно потому. Главное, думает она, что рыбу люблю я, девчонке же пора научиться без всяких капризов есть то, что ей дают. Да, пора кончать с Сариными выкрутасами. Тетушка и так уже слишком долго жертвует собой ради чужого ребенка, пусть и связанного с ней узами родства (слабеющими с каждым днем). Никакой голос крови, никакой настойчивый зов природы не может принудить тетю любить свою племянницу, а Сара, надо признать, никогда и не прилагала особых усилий, чтобы завоевать тетушкину любовь. Да, верно, тетушка считает, что обязана – ради памяти (уже потускневшей) о своей бедной сестре – дать приют ее осиротевшей дочери, но всякие обязательства имеют предел: девочка не должна злоупотреблять ее добротой.

Так она рассуждает, следя за тем, как запекается в духовке форель, через круглое стекло, отдаленно напоминающее иллюминатор космического корабля: "Рыба будет вкуснейшая, что бы об этом ни думала маленькая паршивка!"

Тут тетушка слышит шум в прихожей и узнает раздражающие ее шаги племянницы.

– Почему так рано? – кричит она и, не получив ответа, распаляется еще больше: – Может, ты все-таки подойдешь, чтобы мне не надо было срывать голос?

Через пару минут Сара появляется на пороге и останавливается, молча глядя на тетушку. Волосы у нее всклокочены, один рукав оторван, на правой щеке – здоровенный синяк.

– Святые угодники! Могу я узнать, что ты натворила? – прокурорским тоном вопрошает тетушка.

Сара продолжает молчать. Устало опершись о раковину, она достает тарелки, чтобы накрыть на стол прежде, чем тетя, как всегда, начнет упрекать ее в необоримой лени.

– Я, кажется, к тебе обращаюсь? – настаивает тетушка, в то время как Сара кладет рядом с тарелками приборы, как всегда неправильно – вилки справа, а ножи слева. – Ты ответишь мне или нет?

Девочка поднимает на нее серьезные глаза.

– Я больше туда не пойду, – говорит она наконец. – Не хочу больше ходить в школу.

Эти слова на мгновение повергают тетушку в шок. Она сейчас вовсе не настроена выслушивать Сарины жалобы, к тому же заранее знает,

что все это — просто капризы, очередная блажь. У ребенка, которому посчастливилось посещать их городскую школу, конечно, нет оснований жаловаться: он только может быть либо достойным, либо недостойным учеником. Очевидно, и девочка понимает, что с тетей этот номер не пройдет, поэтому даже не собирается ничего объяснять, а просто садится за стол и привычно ждет, когда ей дадут поесть.

"Ну и что мне делать? — думает тетушка, вытаскивая сковороду из духовки. — Устроить ей головомойку, которую она давно заслужила? Пригрозить чем-нибудь, чтобы оставила свои фокусы и ходила на уроки, как все нормальные дети?"

Но это было бы слишком утомительно, а тетушка бережет свои силы.

— Поступай как знаешь, — говорит она, равнодушно пожимая плечами. — Какой смысл загонять тебя в школу насильно?..

И сбрасывает ей на тарелку со сковороды целую форель — с головой и плавниками, — что вызывает у Сары гримасу отвращения.

Так они и сидят за столом одна против другой, молча. Тетушка жадно поедает свою рыбу, а Сара сковыривает корку и, преодолевая тошноту, с трудом проглатывает несколько кусочков. Она старается не смотреть на мутный рыбий глаз, уставившийся на нее с края тарелки. Девочка знает, что тетя, как всегда, будет ее ругать за каждый недоеденный кусок, напоминая о детях, умирающих с голоду где-то в далеких странах, которые приходят ей на память исключительно в таких случаях. Саре никогда не удавалось уловить тут логическую связь, понять, в силу какого таинственного закона съеденная без остатка порция может облегчить участь несчастных детей. Во всяком случае, глотать эти вот несъедобные корки с налипшей на них скользкой кожицей — выше ее сил; особенно сегодня, когда утреннее происшествие все еще мучает ее, не позволяя сосредоточиться на разделке форели: даже нож дрожит у нее в руке.

Между тем тарелка тетушки уже опустела.

— Ты закончила? — нетерпеливо спрашивает она племянницу.

— Да, спасибо, я уже сыта.

Тетушка убирает ее тарелку с недоеденной рыбой, на сей раз воздерживаясь от упоминания о голодающих детях. Вероятно, теперь они кажутся ей слишком далекими, слишком нереальными (затерявшимися где-то за стеной тумана, в чужом мире), чтобы использовать их в качестве назидательного примера; а может, тетя решила отныне строжайше придерживаться тактики молчания и потому не удостаивает племянницу даже выговором.

Резко наклонившись вперед, тетя чуть ли не швыряет на стол миску с салатом, после чего подает фрукты. Сара даже и к фруктам почти не притрагивается: сегодня у нее явно нет аппетита. Синяк на щеке болит, боль беспощадно и упорно возвращает ее мысли к тому, о чем бы хотелось забыть. "Хорошо бы, — думает она, — поговорить с кем-нибудь — но, конечно же, не с этой разъяренной мегерой, которая смотрит на меня с такой ненавистью, с таким презрением. А ведь тетя прекрасно знает, что у меня неприятности, — просто не может не знать. Видит же она и синяк, и порванное платье, но почему-то сегодня даже не отругала меня за взлохмаченные волосы..."

Есть только один человек, которому Сара может и хочет довериться. Покончив с едой, она идет в ванную, прикладывает к щеке

холодную примочку, но скоро бросает мокрый комок ваты. Потом, переодевшись в своей комнате, кое-как приводит в порядок волосы и, пользуясь тем, что тетушка о ней вроде как забыла, бежит искать князя.

Найти его нелегко: с тех пор как, по его же поэтическому выражению, "в воздухе повеяло весной", он больше не желает сидеть в павильоне. И все же Сара не падает духом: не достучавшись в дверь с новым замком (врезанным — чего она, конечно, не знает — именно для того, чтобы помешать ей войти), девочка долго слоняется по городку, пока наконец не находит своего друга. Они в буквальном смысле сталкиваются в тумане: не успев даже толком разглядеть старика, Сара налетает на его длинные ноги.

— Я как раз искал тебя, — говорит князь.

— А я — тебя.

— Какое замечательное совпадение! — радостно восклицает Сарин друг и осекается, заметив огромный фиолетовый синяк на ее щеке.

— Что с тобой, дорогая? Ты упала?

— Упала? Да, и упала тоже... Я, князь, решила: не пойду больше в школу!

— В таком случае я позволю себе предложить синьорине свои услуги — как частный педагог. Но пойдем, здесь за поворотом должен быть ручеек: надо приложить примочку к твоему синяку, как подсказывают мне мои слабые медицинские познания.

— Примочку я уже прикладывала.

— Еще одна тоже не помешает — тем более, что первая, как я вижу, не очень-то помогла...

Подойдя к ручью, князь вытаскивает из кармана ветхий шелковый платок, на котором вышита увенчанная короной монограмма, смачивает его в воде, тщательно отжимает и прикладывает к Сариной щеке.

— Вот, это уже похоже на примочку. Будь добра, прижми платок к синяку!

Сара следует его совету и вскоре говорит, что ей уже значительно лучше, — то ли просто из вежливости, то ли потому, что заботливость друга ей вправду помогла, смягчив не только обиду, но и физическую боль.

— Да, теперь мне уже не больно. Но в школу я все равно ходить не буду!

— Ты хоть объяснила бы, чем вызвано такое решение. Садись сюда и расскажи мне все по порядку.

И Сара, присев на скамейку рядом с князем, все ему рассказывает. Рассказывает, как сегодня утром на переменке она вместе с другими учениками задержалась в классе. Так бывало и раньше, но тут ей вдруг стало не по себе: она хорошо помнила историю с насекомыми и заметила, как странно ведут себя ребята, будто хотят сказать: "Погоди, мы тебе еще покажем, что к чему!" Пусть угроза и не была произнесена вслух, но их лица выражали ее достаточно ясно.

Поэтому Сара сидела за партой, стараясь ни на кого не смотреть и делая вид, будто ей срочно надо закончить рисунок. Но эти предосторожности оказались напрасными: краем глаза она успела увидеть, как

один из учеников медленно прикрывает дверь, — и тут кто-то вырвал у нее из рук лист бумаги...

— Глядите, что малюет наша Бродяжка! — закричал ее обидчик, завладев рисунком и размахивая им под всеобщий хохот. — Что бы могли значить эти каракули?

— Это девочка, — выдавила из себя Сара. — Девочка, которая играет в мяч...

— Ну, если это твой автопортрет, то надо признать, что он очень похож на оригинал. Вы только гляньте, какая уродина!

Сарины одноклассники сгрудились вокруг, и ее рисунок, совсем уже измятый, стал переходить из рук в руки.

— Да, это точно она! Надо же, какое сходство!

— Сгинь отсюда, уродина! — крикнул один из учеников, разрывая листок. Восприняв это как сигнал, остальные набросились на Сару и, окружив плотным кольцом, принялись избивать. Потом, чтобы бить было удобнее, вытащили ее из-за парты и швырнули на пол, прямо перед учительской кафедрой.

— Я, — рассказывает Сара, — прикрывала руками голову и все время смотрела на дверь, надеясь, что кто-нибудь войдет. И дверь в самом деле приоткрылась: я увидела учительницу.

— Что же сделала учительница?

— Ничего. Она ничего не сказала, отступила в коридор и опять закрыла дверь, а ребята продолжали меня бить. У нее было такое странное выражение лица, когда она заглянула в щелку. Ты не поверишь, но мне показалось, что она даже довольна...

— Я верю тебе, дорогая. А что было потом?

— Потом мне удалось убежать. Сама не знаю как, но — удалось. Я даже не помню, как попала домой, наверное, всю дорогу бежала, потому что сердце у меня колотилось. Только это и помню, и еще — противный рыбный запах в прихожей и голос тети, которая спросила, почему я пришла так рано.

Последние слова Сара произносит сквозь слезы, словно рыбный запах был последней каплей, пригоршней соли, высыпанной ей на рану...

— Они изверги, все они изверги, — всхлипывает она, объединяя этим словом и учеников, и тетушку — и тех, кто ее избивал, и ту, что не захотела утешить.

— Да, изверги, — соглашается князь, — и в школу ты больше не вернешься.

— За что они меня так ненавидят? Почему называют уродиной? Я ведь просто девочка, не хуже и не лучше других...

— Ты в этом уверена?

— Нет, — подумав, отвечает Сара, — не очень.

— На твоем месте я бы гордился тем, что не похож на них.

Сара медленно вытирает глаза еще совершенно мокрым платком князя, безуспешно пытаясь справиться со слезами.

— Боюсь, что они тебя ненавидят еще и из-за меня, — поколебавшись, добавляет старик. — Может, тебе лучше не встречаться со мной...

— Тоже еще придумал! — возмущается Сара. — Да я, если хочешь знать, горжусь тем, что дружу с тобой, да и тем, что не похожа на них...

Князь улыбается.

– Я, в свою очередь, польщен тем, что удостоился твоей дружбы, и даже более чем польщен... Как ты считаешь, слово "счастлив" – слишком напыщенное?

– Вовсе нет! Меня, во всяком случае, оно устраивает!..

– И все же ты не кажешься такой уж счастливой...

– Быть счастливой здесь – трудно.

– Да, трудно. Знаешь, я думаю, что эти люди спешат навстречу собственной гибели, прямо-таки навлекают ее на себя. Порой мне кажется, что следовало бы увести тебя отсюда, подальше от городка.

– А вдруг там, снаружи, больше нет ничего? Только одна темнота?

– Может быть, так, а может, и нет.

– Я знаю только, что тот мир плохой: там беспрерывно идет война, и там – эти дети, которые умирают от голода каждый раз, когда я оставляю рыбу недоеденной, и еще там есть множество злых людей, которые делают все, чтобы навредить другим.

– Как твои одноклассники?

– Да, как они, – с задумчивым видом соглашается Сара. – Во всяком случае мне было бы страшно оказаться там, очень страшно.

– Это я понимаю. И еще твоя тетя очень бы огорчилась...

Сара серьезно смотрит на него.

– Не надо надо мной насмехаться.

– Нижайше прошу меня извинить. Но, видишь ли, ты не очень много знаешь о том мире.

– Значит, то, что я сказала – неправда? Всего этого там не бывает?

– Бывает, бывает... Но есть там и кое-что совсем другое, я уже, кажется, говорил тебе.

– Здесь тоже есть кое-что другое.

– Например?

– Например – ты.

– Да, полезная гирька, если надо уравновесить чаши весов, – говорит князь со смешком.

– Смейся, смейся... Сам знаешь, что я права. Помнишь историю о Содоме? Там десять праведников могли бы спасти город...

– Однако десяти праведников не нашлось.

– Зато нашелся один, и, по-моему, этого вполне достаточно, чтобы...

– Как посмотреть... Во всяком случае я бы на твоем месте на это не рассчитывал...

XXX

"Видишь ли, когда я переселился сюда, все в городке поначалу казалось мне таким упорядоченным, правильным, идиллическим, что порой я с горечью вспоминал пеструю мглу того, запредельного мира. Зато теперь мне все больше не хватает некоторых тамошних обычаев и людей, совершавших благородные поступки, значительные и не очень, на которые здесь никто не способен. Я вспоминаю о гордых мудрецах, которые упорно защищали цитадели своих знаний, осаждаемые врагами, но так необходимые людям. Вспоминаю мужчин и женщин, готовых по-

жертвовать жизнью ради жизни другого человека, пусть даже чужого. И еще вспоминаю, с каким упорством и мужеством некоторые тамошние жители оберегали доверенную им искру добра...

Все это не имеет смысла в здешнем, таком идиллическом, таком правильном мирке, обитатели которого с течением времени утратили привычку к добру. Потому что если доброта, дорогая моя, — это инстинкт, то инстинкт куда более редкий и гораздо менее глубокий, чем инстинкт зла. А зло распространяется и пускает свои мощные корни, чтобы потом расцвести пышным цветом и обернуться бедой. Никто здесь уже не ждал беды и не думал, что надо пытаться ее предотвратить, но она с самого начала, незримо, гнездилась в каждом. Она сжилась с ними, присутствовала как тайный гость в их гостеприимных светлых особняках, невидимкой следовала за ними на площадки для гольфа, сопровождала играющих детей и работающих взрослых, участвовала в их долгих безмятежных прогулках по здешним приветливым и красивым окрестностям. Пожалуй, тебе следовало бы бояться этих людей уже тогда, когда еще никто не обращался к тебе с недобрым словом: ты могла бы распознать в их взглядах тупое самодовольство, которое так легко оборачивается презрением, ненавистью к другим. Они лишены воображения — и, следовательно, беспощадны. Мне кажется, я с самого начала это знал, даже во времена щедрых завтраков и теплых гаражей, куда меня пускали во имя абстрактного человеколюбия. Да, я никогда не заблуждался относительно их щедрот, знал, что они могут прекратиться в любую минуту, при любом неожиданном повороте судьбы...

Кто знает все это так, как знаю я — как теперь знаешь ты, — тот должен больше бояться уже известного, чем неведомого. Он должен понимать — и я уже давно это понял, — что любой ад предпочтительнее такого фальшивого рая, похожего на карточный домик, который вот-вот рухнет. Там, снаружи, Сара, мы, может быть, станем свидетелями ужасных страданий, но зато никто не заставит нас презирать тех, кто страдает. Мы там не будем застрахованы от опасностей и, возможно, даже подвергнемся обману или насилию, но, по крайней мере, это будет происходить не среди ухоженных лужаек, чистеньких домов и других декоративных ширм, которыми здешний мир маскирует признаки своего разложения. К тому же нам, если мы будем внимательными, может быть, повезет: мы сумеем разглядеть те искорки добра, о которых я тебе говорил, — и утешаться ими, что бы с нами ни случилось.

Вот что я хотел бы сказать тебе, дорогая моя подруга, но ты слишком нетерпелива, чтобы слушать такую длинную речь, ты сразу начала бы перебивать меня своими вопросами. Кроме того, мне хочется, чтобы ты подумала обо всем этом в одиночестве, ибо больше всего я боюсь, что — сам того не желая — склоню тебя к решению, к которому ты не готова. Поэтому, как видишь, я решил тебе написать — и присовокупить это мое письмо, в качестве длинного примечания, к Двадцать четвертой песне "Илиады", которую ты на днях попросила меня тебе прочитать и которую нынче вечером я, наконец, смогу тебе подарить. В сущности, тема ее не очень отличается от того, что я, пользуясь своими скромными возможностями, попытался здесь тебе изложить: в ней тоже идет речь о жестокости и сострадании, о том, как беда может посеять рознь, но и объединить людей, пусть даже на одну только ночь, и

пробудить в нас чувство, которое я только из-за присущей мне нелюбви к высокому слогу не рискую назвать словом 'гуманность'

Перечитай эту песнь еще раз, а потом погаси свет. Говорят, ночь подсказывает верные решения; не знаю, так ли это, но утешает она несомненно — по крайней мере тех, у кого еще сохранился крепкий детский сон. Итак, я передаю тебе пожелания доброй ночи — от Приама, и Ахилла, сына Фетиды, и всех прочих духов-хранителей, населяющих страницы сей древней книги, — добрых духов, которые отныне будут покровительствовать и тебе"

XXXI

Сару удивили, но не убедили слова, написанные для нее князем. Конечно, то, что он говорит о жителях городка, — чистая правда; как, вероятно, и его ностальгическое, проникнутое любовью описание мира, лежащего за стеной тумана; но девочка все равно не может представить себя живущей где-то в другом месте: слишком крепки узы — узы привычки, узы страха перед неведомым, — пока что связывающие ее с местом, где она родилась. Князь понимает это и старается не возвращаться к болезненной теме, позволяя себе лишь осторожные намеки, на которые Сара не откликается.

Теперь они почти все время проводят вместе. Сара не изменила своего решения и в школу больше не ходит, на что учителя никак не прореагировали: они, похоже, даже довольны, что девочка больше не попадается им на глаза, и очень скоро перестают называть ее имя во время переклички. Тетушке же и вовсе наплевать, что происходит с племянницей. Из дома она ее не выставляет просто потому, что жалко тратить на это свои силы. Впрочем, в такой мере и нет никакой надобности, поскольку Сара является домой все реже и после той истории с форелью добывает себе пропитание где-то в других местах, избавляя тетушку от необходимости для нее готовить (и угрожать тем, что больше не собирается этого делать). Где девочка болтается целыми днями, тетя не спрашивает: получается, что она — тетушка — сама, с беспощадным холодным безразличием, препоручила племянницу заботам князя, который, между прочим, относится к своей новой роли как нельзя более ответственно. Порой он даже проявляет строгость: когда, например, Сара отказывается от остывшей котлеты или не очень приятного на вид яблока, которое князь раздобыл с немалым трудом; или когда, наоборот, желает лакомиться бисквитами в самое неподходящее для этого время. В таких случаях князь напускает на себя столь грозный вид, что его подружке остается лишь расхохотаться и — послушаться: то есть играя выполнить то, чего она не сделала бы по принуждению. Он же уверен, что сумел воздействовать на нее исключительно благодаря своей "внушительности" — и, возможно, тут он не так уж и неправ, ведь послушание девочки действительно объясняется ее безграничным доверием к князю.

Изредка князь, как ни поглощен он своими новыми обязанностями попечителя, все же выкраивает время, чтобы записывать тексты утра-

ченных книг. А главное, теперь ему не удается делать это тайком от Сары: когда он с торжественным видом записывает в тетрадку слова, которые терпеливо выуживал из закромов своей памяти, девочка обычно пристраивается рядом, на стуле или на садовой скамейке, чтобы сразу читать написанное. Сперва князя раздражала такая назойливость, но очень скоро он к ней привык и теперь даже чувствует, как важно для него нетерпение, с которым девочка ждет следующей реплики в пьесе или завершающих строк какого-нибудь сонета.

— А что ответила ему Корделия?

— Погоди, сейчас узнаешь.

— Ладно, только пиши поскорее!

— Дорогая, такие тексты нельзя записывать кое-как: каждую букву надо выводить красиво. Пойми, это в твоих же интересах...

Такие сцены происходят обычно в заброшенном подвале, который князь использует как свой кабинет. Но теперь, в новой ситуации, стало невозможно не пускать Сару в павильон и по-прежнему скрывать от нее, какому опустошению подверглось жилище князя. В первый раз, когда он решился, наконец, повернуть ключ в замке и открыть скрипучую деревянную дверь, девочка была ошеломлена, увидев солому, рассыпанную в том месте, где раньше лежал матрас, и пустые полки, на которых прежде хранилось скудное имущество старика.

— Они что же — растащили всё?!

— Да, милая, но поверь, это не так уж важно.

— О чем ты говоришь! — с возмущением восклицает Сара. — Да им за это надо... Даже не знаю что...

— Могу запросто дать тебе пару советов.

— Тебя самого следовало бы наказать! Почему ты мне ничего не сказал, зачем скрыл это от меня?

— А ты не догадываешься?

— Не такая уж я маленькая, чтобы не догадаться, — говорит Сара, понурив голову.

— Я вовсе не думаю, что ты маленькая. Просто, общаясь с синьорами и синьоринами, каждый джентльмен должен соблюдать определенные правила приличия...

— То есть рассказывать им всякий вздор...

— Да, если это необходимо, — не моргнув глазом отвечает князь. — Если не перестанешь без конца вспоминать об этом печальном событии, ты только утвердишь меня в убеждении, что молчал я не зря...

— Ладно, больше не буду, — говорит Сара после секундной паузы.

В сущности, ей необычайно льстит, что с ней обращаются как с "синьорой" или "синьориной" Остается, правда, один вопрос, в котором ей хотелось бы разобраться: может ли настоящая "синьора" или "синьорина" испытывать страх; но Сара пока воздерживается от разговоров на эту тему. Как бы то ни было, она старается не отходить от князя ни на шаг. А если идет одна, сразу же меняет маршрут, едва завидев вдали любую группу подростков...

Между тем теперь уже не только князь, но и все горожане ощущают "веяние весны", улавливают в свинцовых февральских сумерках предвестия близкой оттепели, словно теплое время года посылает им — даже через толщу тумана — свои первые робкие сигналы. По мере того как дни становятся длиннее, а на лужайках проклевываются первые бледно-

зеленые ростки, в этих апатичных людей будто вливается новая энергия, пробуждая в них злобу; и — совсем как почки на еще голых ветвях — в городке день ото дня множатся ссоры, яростные вспышки гнева, другие проявления той грубой жизненной силы, которая утверждает себя любым способом за счет других.

Теперь все горожане проводят больше времени вне дома, хотя холод и слишком слабый дневной свет пока не позволяют им заниматься любимыми видами спорта. Зато, чтобы сохранить хотя бы внешние признаки нормальной жизни, Дирекция решила и в этом году провести в масленичную субботу карнавал с традиционным парадом масок — и завершить его грандиозным фейерверком. После карнавала в этом году, как всегда, собираются организовать ночной бал с танцами в Праздничном павильоне.

Эта перспектива отвлекает горожан от обычных дел, ибо теперь они заняты изготовлением карнавальных костюмов. Даже ватаги подростков на время отказались от жестоких игр с прохожими и обсуждают, какую форму наденут в нынешнем году: она ведь должна отражать и их общую принадлежность к своему клану, и решительное неприятие всех остальных. А главное, должна внушать ужас уже одним своим видом: металлическими заклепками и прочими устрашающими деталями.

Сара и князь, несмотря на свою обособленность, тоже знают о предстоящем празднике.

— Мы туда не пойдем, — решительно заявляет старик. — Этого еще не хватало...

— Но ведь так интересно, — возражает ему Сара, — любоваться парадом масок...

— Если хочешь, мы посмотрим на них, но только издали, с приличного расстояния. Было бы неосторожно смешиваться с толпой.

— Ты прав, но все равно жалко. Я еще не забыла прошлогоднего праздника. Такого чудесного: вместе с нами пришли учителя, а мне тетушка сшила костюм, которым все восхищались... Представляешь, я была Ромашкой в юбке из белых лепестков! Лепестки, хоть и не настоящие, казались совсем живыми.

— В этом году, если хочешь, можешь опять надеть костюм Ромашки. Ты ведь наверняка его сохранила.

— Да, он должен быть где-то в тетином доме. Но ведь нельзя два года подряд наряжаться одинаково.

— Нельзя? Кто тебе сказал? Прости, что позволяю себе с тобой не согласиться, но я уверен, что старый костюм — если он красивый — ничем не хуже нового... И если твой правда был так хорош, как ты утверждаешь...

— Он был потрясающим!

— Значит, он останется таким и в этом году. Я уж не говорю о том, что сам никогда не видел тебя в роли Ромашки: не можешь же ты лишить меня такого удовольствия!

— Ты прав. В конце концов, настоящие ромашки тоже из года в год выглядят одинаково, и никто их за это не упрекает...

— Вот именно, дорогая: вижу, мы поняли друг друга. Я бы охотно надел на себя костюм Ландыша, чтобы составить тебе достойную компанию, но даже не знаю, как к этому подступиться...

– Ой нет, какой из тебя Ландыш! – смеется Сара. – Да тебе и не нужен костюм, ты и так сойдешь...

– Комплимент несколько сомнительный, ну да ладно. Сейчас главное – разыскать твою "ромашку"

Эта операция в реальности оказывается гораздо более трудоемкой, чем они предполагали. Тетушка, услышав, что пришла племянница, как всегда притворяется, будто не замечает ее, – и продолжает вязать, удобно устроившись в кресле. Но услышав, как девочка хлопает дверцами стенного шкафа, тут же вскакивает и бежит к ней.

– Ты что там делаешь? – еще издали кричит тетушка. – Хочешь еще что-нибудь украсть для своего бродяги?

– Ничего я не хочу красть, – с достоинством отвечает Сара. – Я просто ищу свой карнавальный костюм.

– Ах, "свой"? Хорошенькое дельце! А кто тебе его сшил, кто покупал материю?

– Но тебе же он не нужен. Или ты сама наденешь его?

– Не умничай, если не хочешь, чтобы я вышвырнула тебя вон.

– Ну и пожалуйста, – говорит Сара, с трудом сдерживая слезы. – Я и сама сюда больше не приду.

– Это как понимать – как обещание?

– Да.

Тогда тетушка сама начинает лихорадочно рыться в шкафу.

– Вот, забирай свой костюм, и чтобы я тебя здесь больше не видела!

Она бесцеремонно хватает юбку из белых лепестков, лиф, полистироловую желтую шапочку – и швыряет их в коридор, прямо на пол. Сара торопливо все подбирает: костюм измят, испорчен, но, может, еще не совсем...

– Спасибо. Теперь я ухожу.

– Скатертью дорога!

– Но предупреждаю: я больше не вернусь.

– Ах как жаль! Какая ужасная потеря – не видеть больше эту неблагодарную девицу! Да к тому же еще и бездельницу! Твои учителя мне всегда это говорили. А я, глупая, все терпела твои выходки, в лепешку ради тебя расшибалась...

– Неправда, я не бездельница и не неблагодарная...

– Да ну? И кто это может подтвердить?

– Князь, – отвечает девочка вызывающе.

У тетушки руки так и чешутся, чтобы закатить ей пощечину.

– Говорю тебе – исчезни, пока я окончательно не потеряла терпение! Князь! Ишь ты – футы-нуты! Этот бездомный бродяга еще имеет какие-то суждения?!

– Нечего его оскорблять. Я уже ухожу.

Прижимая к груди костюм, Сара выходит в прихожую в сопровождении тетушки, которая, ясное дело, хочет проследить, чтобы девчонка не прикарманила какую-нибудь из разбросанных повсюду безделушек. Но Сара равнодушна к этим так называемым "ценностям" Девочка торопится – однако, переступив порог, она еще раз оборачивается и окидывает тетушку серьезным взглядом.

– Прощай, – четко выговаривает она.

В ответ тетушка громко хлопает дверью, и Сара слышит, как один за другим защелкиваются дверные замки. "Ну и пусть, – думает она, уходя

по аллее и больше не оглядываясь, — так даже лучше" И все же с досадой чувствует, что слезы, которых она всегда стыдилась, уже текут по щекам.

XXXII

В день карнавала старик и девочка проснулись пораньше. Спали они на серых матах в спортзале; вернее, спала Сара, а князь, опасавшийся какой-нибудь неприятной неожиданности, скорее дремал и вскочил бы при любом подозрительном звуке. Но, к счастью, благодаря предпринятым им мерам предосторожности их присутствие в школе осталось незамеченным: ведь все по-прежнему считают, что старик ночует в павильоне, предоставляя там приют и своей маленькой гостье, — он же всячески старается поддерживать это мнение. Поэтому друзья, ночуя в спортзале, наслаждаются относительным покоем и теплом, сохраняющимся здесь, даже когда калориферы выключены. Но сейчас им действительно пора сматываться отсюда, да побыстрее, пока не явились особо усердные служители, и князь пытается объяснить это сопротивляющейся подружке, мягко, но решительно не позволяя ей перевернуться на другой бок.

— Уже шесть, дорогая моя.

— Шесть! Подумаешь! — бормочет Сара сонным голосом.

— Поверь мне: если бы было можно, я бы и сам поспал до десяти...

— Так почему же ты не спишь?

Но настойчивость князя в конце концов одерживает победу. Малопомалу, стряхивая с себя сонное оцепенение, Сара тоже начинает понимать, что валяться на матах до десяти им нельзя. Больше того, до нее, наконец, доходит, что спят они не где-нибудь, а в школе; и тут в ее памяти всплывают учителя, ученики, все это маленькое сообщество, так единодушно ее ненавидящее. Девочку охватывает беспокойство.

— Господи, уже десять минут седьмого! — восклицает она, бросив взгляд на свои маленькие часики. — Почему ты не разбудил меня раньше?

— По правде говоря...

— Ладно, сейчас не время спорить. Надо поскорее убираться отсюда, если мы не хотим, чтобы нас застукал какой-нибудь служитель.

Вскочив с мата — с легкостью, которая свойственна только детям и вызывает у князя зависть и восхищение, — Сара стремительно скрывается в раздевалке для девочек. Князь, уже полностью одетый, ждет ее в спортивном зале, мобилизуя все свое терпение. Дело в том, что с тех пор как Сара перестала подчиняться режиму, навязанному ей тетушкой, она каждое утро долго и тщательно занимается своим туалетом, к тому же ей так приятно просто понежиться под горячими струями душа...

А когда девочка наконец выходит (большие часы на стене уже показывают шесть сорок), князь не может оторвать от нее растерянного взгляда: вместо обычного платья на ней — белая юбка-цветок из сильно накрахмаленного тюля и такого же цвета трикотажный лиф; а на голове — замысловатая желтая шапочка из зернистого полистирола, которая, видимо, должна изображать сердцевину цветка. Застыв на пороге в позе кинозвезды, дающей зрителям время насладиться ее эффектным

появлением, девочка смотрит на своего друга гордо и удовлетворенно. Она сделала все, чтобы до этого момента он не видел ее костюма, и теперь ждет от него выражений восторга и удивления. Но, к великому ее разочарованию, князь, довольно скупо похвалив костюм, просит ее сейчас же вернуться в раздевалку и переодеться.

— Как это?! Сегодня же карнавал!

— Ну и что? Еще не хватало, чтобы ты подхватила простуду!

— Какая еще простуда! Я чувствую себя прекрасно, и в этом костюме очень тепло...

— Позволь мне в этом усомниться. Но, как бы то ни было, ходить в нем весь день...

— Конечно, весь день! Именно так! А ты привыкай к тому, что рядом с тобой сегодня не девочка, а Ромашка...

— Боюсь, Ромашка завянет от холода, едва мы выйдем на улицу... Окажи мне такую любезность — надень хотя бы куртку и хорошенько ее застегни.

— Какой умный: тогда у меня будет виден только подол костюма.

— Ну и что? Мы-то с тобой ведь знаем, какая роскошная ромашка прячется под обыкновенной курткой. Это будет наш секрет.

Похоже, Сару доводы князя не убеждают:

— В прошлом году я пошла на праздник в одном этом костюме — и, как видишь, еще жива.

— Очень приятно, но я не хочу рисковать...

— А я не хочу портить себе все удовольствие.

— Прекрасно! Тогда мы остаемся здесь. Можешь упрямиться или похваляться своим костюмом, пока не придут служители.

— А когда они придут?

Князь пожимает плечами.

— Соображай сама!

— Ты меня шантажируешь, — возмущается Сара, — просто-напросто шантажируешь!

— А ты, прошу прощения, просто-напросто капризничаешь, — отвечает князь, но, увидев ее расстроенное лицо, примиряюще добавляет: Не переживай, ты еще успеешь показать свой наряд: и место будет, и время. А знаешь, он действительно очень хорош. Когда ты вышла из раздевалки, я тебя сперва даже не узнал.

— Не узнал? За кого же ты меня принял?

— Разумеется, за Ромашку!

Так, пуская в ход все свои дипломатические способности, князь постепенно восстанавливает мирные отношения и добивается того, что Сара все-таки надевает куртку, оставив незастегнутыми нижние пуговицы, чтобы не помялись длинные накрахмаленные "лепестки" Но у нее не остается времени торжествовать победу: стрелки настенных часов продолжают свой равнодушный бег и показывают уже семь часов. "Час служителей", — говорит Сара. Ее слова напоминают старику такие выражения, как "час ведьм" или "час вампиров"; впрочем, служителей они оба боятся ничуть не меньше, чем ведьм и вампиров вместе взятых.

Уже слышны шаги, гулким эхом отдающиеся в дальнем конце здания... Князь подносит палец к губам: излишнее предупреждение, потому что девочка сама замолчала и с тревогой смотрит в сторону коридора.

— Быстрее, — шепчет князь.

Он с трудом возвращает маты на место и разглаживает чехлы, чтобы на них не осталось вмятин.

— Быстрее, — повторяет он так же тихо. — Бежать мы можем только через окно: идти по коридору опасно.

Не теряя времени, он рывком открывает одно из окон и подсаживает Сару; потом, когда она благополучно спрыгивает на землю, тоже протискивается в широкую щель и не без труда вылезает наружу. Выпрямившись после прыжка, князь ловит на себе пристальный взгляд Сары.

— Тебе это ничего не напоминает? — спрашивает она.

— А что это должно мне напоминать?

— Ты совсем потерял память! Помнишь, однажды ночью ты — вот так же — подсаживал меня на подоконник.

— Ты имеешь в виду ту ночь... с ягненком?

— Да, именно ее. Забавно, как все повторяется...

— Это, дорогая моя, весьма интересная мысль, но на твоем месте я сейчас не стал бы ее развивать.

Взяв девочку за руку, он быстро уводит ее подальше от школьного здания, где уже хозяйничают служители.

— Подожди, — говорит она, сделав несколько шагов, — я хочу расстегнуть куртку и посмотреть, не измялся ли костюм.

— Посмотришь потом, сейчас не время задерживаться.

Сара со вздохом подчиняется. В это время суток — и в этом месяце — уже должно быть светло, но из-за тумана, не пропускающего солнечных лучей, в городке по-зимнему сумеречно.

— Подумать только, — говорит девочка, оглядываясь вокруг, — когда-то здесь было так красиво...

— Ты права, здесь все изменилось. Порой я боюсь, что уже ничего и никогда не будет таким, как прежде.

— Ты думаешь, лето не наступит?

Мгновение поколебавшись, князь отвечает:

— Как знать, может, где-нибудь и наступит — но не здесь.

XXXIII

Конечно, душевную атмосферу, которая сегодня царит в городке, праздничной никак не назовешь, она не имеет ничего общего с тем воодушевлением, с каким ждали карнавала в прежние годы. Горожане без всякой охоты занимаются последними приготовлениями, иногда равнодушно бросая взгляд в окно; настроение их не улучшается и к вечеру, когда они начинают извлекать из шкафов маскарадные костюмы — слишком пышные, с чрезмерно богатой отделкой: взрослые и дети надевают их так, словно выполняют надоевший и лишенный всякого смысла ритуал.

И все же стороннему наблюдателю, увидевшему их сейчас, когда они выходят из домов маленькими дисциплинированными группками, эти гномы и зайчики показались бы, как всегда, симпатичными, а придворные дамы — по-прежнему очаровательными; он увидел бы, как они пробираются в тумане, растянув губы в улыбке — правда, несколько на-

тужной, механической, и все же почти неотличимой от той, что приличествует людям, собирающимся на праздник. Пристрастие горожан к буколическим мотивам и пастельным краскам дает о себе знать и теперь, несмотря на застилающую небо черную пелену. Здесь и Коломбины, и Пьеро, и пастухи и пастушки, похожие на фарфоровые статуэтки, и японские гейши в пестрых шелковых кимоно, прикрывающиеся от солнца, которого нет, бумажными зонтиками. А среди малышей, помимо Ариэлей и самых разных зверушек, много пушистых медвежат и волшебниц со своими палочками — в общем, это забавные персонажи мультфильмов, будто бы сошедшие с навсегда погасших телеэкранов.

Вот они со всех сторон стекаются к главной аллее, освещенной по случаю праздника таким количеством лампочек, что кажется, будто сейчас полнолуние и ночной городок залит лунным светом. Пышные рукава соприкасаются, медленно плывущие кринолины иногда задевают друг друга, длинные плащи путаются в ногах, обутых в мушкетерские ботфорты или атласные туфельки, и эти немые диалоги костюмов полностью заменяют диалоги людей. Странно видеть всех этих собравшихся вместе горожан и не слышать ни единого приветствия, ни единого слова; искушенное ухо князя, вместе с Сарой наблюдающего за шествием с небольшого холма, улавливает в этом тягостном молчании жужжание злобных мыслей.

Девочка тоже думает: почему они молчат? — и не может унять дрожи. А все-таки это великолепное зрелище — такое великолепное, что дух захватывает: издали невозможно разглядеть костюмы во всех подробностях, но, попадая в светлый круг фонаря, маски на мгновение выныривают из тумана — такие яркие, — и всякий раз это приводит Сару в восторг. Некоторые горожане держат в руках бенгальские огни, которые рассыпают вокруг снопы искр; и кажется, будто золотая пыль оседает на карнавальные костюмы, делая их еще более роскошными.

— Я бы тоже хотела нарядиться, как они, — говорит Сара, окидывая свой костюм скептическим взглядом. — Ну что такое — какая-то Ромашка!

— Ты ошибаешься: она в самом деле прекрасна.

— Спустись я туда, меня бы никто и не заметил среди такого великолепия.

— Тебя, дорогая, слишком хорошо бы заметили.

Сара уже собирается что-то возразить, но тут ее внимание отвлекает какой-то долгий звук, глухой и прерывистый. Толпа у подножия холма тоже начала прислушиваться, а звук все приближается, с каждым мгновением нарастая: теперь уже ясно, что это монотонная барабанная дробь, больше напоминающая не музыку, а глухие раскаты грома.

Наконец из-за поворота аллеи появляется отряд подростков в черных обтягивающих свитерах с нашитыми на рукава птичьими перьями. Лица этих парней прикрыты серебристыми масками с загнутыми хищными клювами. Одни выбивают на барабанах зловещий ритм, другие размахивают зажженными факелами. Разумеется, это члены банды, уже давно терроризирующей жителей городка, о чем свидетельствуют одинаковые — зловещие — костюмы и грозный барабанный бой, издалека предупреждающий о появлении отряда.

— Они такие страшные, — шепчет Сара, пытаясь отыскать в полутьме руку князя.

— Да, страшные.

Проходя сквозь толпу, черные "хищники" разрезают ее надвое: все остальные маски сбиваются к обочинам, а потом следуют за этой группой, как бы признав в ней своего лидера. Барабанная дробь между тем не прекращается.

– Хорошо еще, что со мной мой талисман, – говорит Сара; и, чтобы убедиться в этом, сует руку в карман куртки: там ее пальцы сразу же нащупывают деревянную фигурку ягненка, вырезанную князем. Девочка крепко держит ее и отпускает лишь тогда, когда эхо барабанной дроби стихает вдали и на аллее вместо молодчиков в черных свитерах опять появляются люди в элегантных нарядах, которыми она недавно так любовалась. Еще большее облегчение испытывает Сара при виде детей в масках. Они примерно с нее ростом, и даже в тумане Сара безошибочно распознает их прелестные, забавные костюмы, непременно встречающиеся на любом карнавале: тут и герои мультфильмов, и персонажи ее любимых сказок – пестрые Арлекины, нежные феи с распущенными волосами и множество разных симпатичных зверей в плюшевых шубках, которые так и хочется погладить.

– Посмотри, как красиво! – восклицает она восторженно.

– Очень красиво, особенно когда смотришь издали.

– Думаешь, вблизи они некрасивые?

– Вблизи почти все оказывается некрасивым, дорогая.

– А я думаю, что все некрасивое становится еще некрасивее, а красивое – еще краше.

– А опасное, – добавляет князь, – еще опаснее.

Это предупреждение, но Сара его не улавливает.

– Мне хочется сейчас быть там, в этом светлом круге, или хотя бы немного поближе к нему.

– Почему бы нам не остаться здесь, на нашем бельведере? Здесь у нас отличный обзор, лучшего не найти.

– Смотри, они направляются к среднему пруду: скоро с твоего "отличного бельведера" не будет ничего видно.

– Боюсь, что слово "беспечность" неслучайно женского рода, – со вздохом замечает князь. – И это качество заявляет о себе сразу же, с самого раннего возраста...

– Смотри, они уже поднимаются по склону того холма, еще чуть-чуть – и хвост шествия скроется за гребнем.

– А может, это и к лучшему? Мне кажется, мы уже достаточно на них насмотрелись.

– Нет-нет! Скоро будет фейерверк, настоящий праздник еще только начинается.

– Настоящий праздник... – повторяет князь с вымученной улыбкой. – Ладно, если для тебя это так важно, мы тоже поднимемся на тот холм, но только когда убедимся, что остальные уже спустились с него.

Сара с нетерпением ждет, когда чересчур осторожный князь позволит ей переместиться на новую позицию. Она не разделяет его опасений – уж слишком ее захватили и сверкающие бенгальские огни, и пышные костюмы, которые превратили горожан в персонажей волшебной сказки, наделив их не существующими в действительности привлекательными чертами. Девочка совсем забыла – словно все это было не с ней – те злые выходки, которые ей приходилось терпеть от товарищей

по школе, забыла беспощадность тетушки и страх, еще до вчерашнего дня охватывавший ее при любой встрече с ватагой подростков.

Так что, когда князь, наконец, трогается с места, Сара не идет за ним следом, а с восторгом бежит вперед, вдоль подножия холма, потом по широкой площадке, где только что разворачивалась процессия масок, а потом — вверх по крутому склону, к гребню, пока еще не позволяющему увидеть пруд. Время от времени она, запыхавшись, останавливается и недовольно оглядывается на друга, который следует за ней своим обычным размеренно-неторопливым шагом.

— Ты что — не можешь скорее? Из-за тебя мы придем, когда все уже закончится!

— Подожди, Сара, не беги туда без меня.

Но девочка его не слышит. Чем ближе она к вершине холма, тем реже останавливается. Князь едва добрался до середины склона, а маленькая фигурка Сары уже маячит наверху, плохо различимая в тумане.

"Остановись!" — хочет крикнуть князь, но не успевает: его подруга уже исчезла по другую сторону гребня.

XXXIV

Князь, тоже наконец добравшийся до вершины холма, видит, как шествие масок медленно растекается по берегу озера, видит и группы, которые предпочли остаться на склоне и ждать фейерверка там; но Сары нигде нет — сколько бы он ни озирался по сторонам.

— Чертенок, а не девочка, — бормочет старик, качая головой, и принимается внимательно обследовать холм, по возможности прячась за живыми изгородями и кустами. На лужайках, по-праздничному освещенных фонариками, в стороне от скучающих семейств собираются группы юнцов, которые внушают смутный страх уже одними своими костюмами — сверкающими холодным металлом, или режущими глаз контрастно-яркой расцветкой, или, наоборот, совсем черными, в обтяжку, нарушающими гармонию светлых тонов, столь любимых горожанами. Лица закрыты — у кого масками животных, у кого — этакими жреческими личинами, бесстрастными, как взгляд сфинкса; но у всех, к какой бы группировке они ни принадлежали, в руках барабаны или горящие факелы.

От таких масок князь старается держаться как можно дальше, с меньшей опаской он приближается к семейным группам, которые, правда, постепенно утрачивают компактность: Пьеро, астронавты, маленькие феи отходят от родителей и затевают в траве свои суматошные игры, иногда завершающиеся самыми настоящими потасовками. Взрослые же смотрят на озеро, сохраняя свою обычную степенность, и, похоже, вовсе не собираются вмешиваться.

Каждый раз, оказываясь поблизости от дерущихся, князь внимательно приглядывается к ним, со страхом думая, что, возможно, эти дети избивают Сару, — но видит лишь лихорадочное мелькание картонного оружия, пинающие ноги, сжатые кулаки, удары, раздаваемые куда ни попадя и не направленные против определенной мишени. Убедившись в этом, он крадется дальше, испытав минутное облегчение, но все еще

тревожась о своей подружке. Он быстро перебегает от одного укрытия к другому и постепенно приближается к озеру, надеясь, что Сара не настолько беспечна, чтобы присоединиться к маскам; но, несмотря на эту надежду, упорно продолжает вглядываться в каждую детскую фигурку, попадающуюся ему на пути.

Даже фейерверк, вдруг с треском разорвавший пелену тумана, не может отвлечь его от поисков. Князь настолько поглощен ими, что поначалу не замечает большую группу масок, собравшихся неподалеку от его укрытия: он осознает их присутствие, лишь услышав голоса, и, оглянувшись, видит зловещих "хищных птиц", недавно выступавших впереди всего шествия.

Теперь барабаны смолкли, серебряные маски сверкают в свете факелов; юнцы собрались у подножия холма и о чем-то оживленно сговариваются, но как ни напрягает князь слух, ему удается разобрать лишь отдельные слова. Однако и услышанного довольно, чтобы он ощутил сильнейшую тревогу. Несколько раз прозвучало слово "князь", произнесенное презрительно, с издевкой, и старик инстинктивно прячется в самую гущу листвы. Какой-то юнец говорит, что у него есть прекрасная идея насчет павильона. Другие тут же поддерживают его одобрительными возгласами и смехом.

— Да! — выкрикивает один. — Идея что надо!

— Айда к павильону! — размахивая факелом, подхватывает его слова другой.

Князю страшно, он не ждет ничего хорошего от "прекрасной идеи" встреченной всей бандой с таким восторгом. Хорошо хоть, думает он, что меня там нет. Но тут же всплывает мысль, что там может оказаться Сара, и от ужаса у него перехватывает дыхание. Сперва князь боится, что ноги его не послушаются — их словно парализовало; но спустя несколько мгновений уже бежит. Наконец впереди, на фоне темно-серых древесных крон, вырисовывается черный силуэт павильона, но тут за спиной старика раздаются топот и дикие выкрики.

Князь — на бегу и несмотря на охватившее его смятение — вспоминает, что, покидая в последний раз свое прибежище, как всегда запер дверь на ключ. Но действительно ли он это сделал или только собирался? Может, он забыл об этой предосторожности, и Саре, чтобы войти, достаточно толкнуть дверь? "Надо вспомнить, — думает он, надо вспомнить..." Князь не успевает разрешить свои сомнения, потому что, когда он оказывается в нескольких шагах от павильона, на него вдруг падает сноп света, заставляя забиться в самую гущу кустов. "Птичьи головы" одна за другой проходят мимо, размахивая факелами, и очень скоро князь начинает понимать, что они — лишь авангард многочисленной процессии: Ариэли и медвежата, дамы в кринолинах и пажи в напудренных париках собираются вокруг павильона, охватывая его широким кольцом, и у глядящего на них старика сердце от страха чуть не выпрыгивает из груди.

Вдруг раздается оглушительный взрыв петарды, за которым следуют другие, такие же.

— Ну, — кричит кто-то, — выйдете вы или нет?

— Нет, сами нипочем не выйдут — нужно ломать дверь!

Услышав это, князь уже готов покинуть свое укрытие и бежать к павильону, но, немного замешкавшись, успевает заметить, что и по ту сто-

рону тропинки тоже кто-то прячется: с шумом продравшись сквозь ветки, прямо напротив него из кустов выглядывает Сара; их глаза встречаются. Князь угадывает на побледневшем лице девочки мгновенное чувство облегчения, и такое же облегчение неожиданным теплом разливается у него в груди. Жестом он велит Саре оставаться на месте, не выходить из укрытия, — и так, разделенные узкой тропинкой, оба наблюдают за происходящим.

Они видят, как одна из "хищных птиц" прокладывает себе дорогу сквозь толпу.

— Пустите меня, — твердо говорит маска, — я знаю, как их оттуда выманить, — и с этими словами подносит горящий факел к стене павильона.

С криками восторга остальные маски спешат на подмогу и суетятся до тех пор, пока не убеждаются, что деревянные стены загорелись.

— Теперь им придется выйти, хотят они или нет.

— Эй! Выходите! Или желаете, чтобы вас поджарили?

Однако дверь остается закрытой, и на мгновение что-то вроде растерянности тенью омрачает лица возбужденных юнцов. Они даже перестают кричать и через прорези в масках обмениваются недоуменными взглядами.

— Ну? — спрашивает кто-то. — Почему они не выходят?

— А тебе-то что? — обрывает его другой. — Пусть себе горят.

При этих словах последние сомнения отбрасываются прочь, голоса совести умолкают, и над толпой взвиваются дикие победные крики:

— Да, пусть горят! Так им и надо!

Князь спрашивает себя: кто же они такие, эти самодовольные палачи? Как ни трудно различать голоса, вырывающиеся из-под масок, ему показалось, будто он опознал владельца гаража, приютившего его в день, когда он впервые появился в городке, и еще — ту синьору, которая тогда столь заботливо склонилась к нему с тарелочкой бисквитов...

Видя, как языки пламени вздымаются все выше и уже весь павильон превращается в огненный сноп, взрослые смеются, дети от возбуждения приплясывают, а юнцы с птичьими головами громко кричат, похваляясь тем, что выдумали такую отличную забаву.

— Да, пусть себе горят, пусть оба зажарятся! — вопит какая-то женщина, и Сара, не удержавшись, вскрикивает:

— Тетя?!

При этом она, словно не веря себе, недоуменно смотрит на князя. Может, она ошиблась, может, вовсе это и не тетя? Во всяком случае, князь, энергично тряся головой, старается убедить и себя, и девочку, что такого быть не может.

— А я говорю — она!

— Ты лучше помолчи!

Вообще-то они могли бы говорить и во весь голос или даже выйти из своего укрытия, собравшаяся вокруг павильона толпа все равно бы ничего не заметила: она неотрывно, с восторгом упоения, следит за пожаром — который не утихает, а наоборот, разгорается все пуще, перекидываясь уже на ближние деревья...

Но тут, хотя князь ожидал и худшего, происходит нечто, к чему он совсем не готов. Сара настолько потрясена, что ею овладевает совершенно новое для нее мучительное чувство, в котором, будь девочка не такой наивной, она бы распознала отчаяние.

— Я хочу уйти! Хочу уйти немедленно!

— Прошу тебя, оставайся на месте.

— Пусть меня схватят, пусть бросят в огонь: мне все равно.

— Позволь заметить, что не все равно — мне.

— Я хочу уйти, — твердит Сара, — не могу больше терпеть, сейчас закричу.

— Вот уж чего совсем не следует делать, дорогая моя. Однако должен тебе признаться, что и мне хочется кричать.

— Тогда станет легче.

— Да, но за это нам обоим пришлось бы дорого заплатить. Так что молчи и старайся не двигаться: кажется, сюда кто-то идет.

Действительно, несколько факелов уже отбрасывают свет на тропинку, прокладывая путь небольшой группе масок.

— Я лучше убегу... — бормочет охваченная ужасом Сара.

— Нет, стой! — вскрикивает князь. Но поздно: по треску веток он понимает, что Сара, пытаясь убежать, продирается через кусты.

Приблизившиеся маски тоже обращают внимание на этот треск.

— Вы слышали? Что там такое?

— Что там может быть? Заяц небось или еще какое животное, что же еще.

— Тоже мне объяснение! Сам ведь знаешь: никаких животных больше нет.

— Да, верно. Тогда что же это?

Неизвестно, стали ли бы они шарить в кустах, чтобы разрешить свои сомнения, или просто передернули бы плечами, если бы в этот момент на тропинку в нескольких метрах от них не выбежала Сара.

— Гляньте-ка, значит, в павильоне ее не было?

— Нет, конечно нет!

И все бросаются в погоню; юнцы настолько захвачены охотой, что даже не замечают князя, который тоже покинул свое убежище и теперь бежит вслед за ними, выбиваясь из последних сил и уже не думая ни о какой опасности. Кто бы ни скрывался под масками, ясно, что это молодые ребята, и, конечно, запыхавшийся друг Сары, несмотря на свои усилия, все больше от них отстает.

Преследователи тем временем догоняют девочку. Они хватают ее на берегу озера, а князь еще далеко, он на тропинке, скрытой густой растительностью, которая не дает ему возможности видеть, что происходит. Он только слышит приглушенный расстоянием протяжный крик Сары...

Многие участники праздника так и не покидали берега озера и не присоединились — то ли по лени, то ли просто случайно — к набегу на павильон. Но теперь, услышав крик, все смотрят туда, откуда он донесся. Сначала не видно ничего, кроме беспорядочного мельтешения плащей, перьев, ярких тканей. Потом из этой разношерстной толпы вырывается маленькая фигурка в белом.

— А, — говорит какая-то синьора, разряженная à la мадам Помпадур, — это же та самая девочка, Сара.

— Правда? — откликается ее муж. — Да, похоже, именно она...

И оба продолжают смотреть, а внизу, на берегу озера, маски опять хватают свою жертву.

— Что там происходит? Мне плохо видно.

— Поднимают ее на руках. Думаю, хотят бросить в воду.

И они, дрожа от возбуждения, смотрят, как безжизненное (по виду) тельце Сары с глухим всплеском падает в озеро.

— Странно: кажется, будто она плывет...

— Да, странно. Но рано или поздно она все равно потонет, тут никаких сомнений нет.

— Девчонка не двигается, совсем... Думаешь, она потеряла сознание?

— Возможно. Но куда подевались наши дети?

— Именно — почему они отошли от нас без спросу?

— Сегодня праздник, имеют же они, бедняжки, право хоть на какую-то свободу... И потом, ничего плохого они не сделали: просто подошли к берегу, чтобы лучше было видно.

XXXV

Услышав крик Сары, князь еще быстрее побежал по тропинке, куда почти не достает свет горящих факелов. Он все бежал, пока не споткнулся обо что-то — то ли о ветку, то ли о большой камень — и не рухнул на землю.

Но вот он уже поднимается, что в его возрасте не так уж легко, и старается восстановить равновесие. Девочка крикнула только раз, и ее молчание тяжким грузом ложится ему на сердце. Он вновь пускается бегом, но страх, что уже слишком поздно, возрастает с каждой секундой. Наконец сквозь путаницу ветвей проглядывает поверхность озера, озаряемая последними вспышками бенгальских огней и фейерверка. Добежав до конца тропинки, князь сверху видит столпившихся на берегу горожан в масках, а в воде — белую фигурку, напоминающую птицу с большими распростертыми крыльями. Похоже, мертвую, так как крылья, выделяющиеся на темной поверхности воды, не оказывают никакого сопротивления волнам, которые уносят ее все дальше, на середину озера.

Князь кидается к берегу. Неподалеку он находит брошенную на траву куртку Сары и деревянного ягненка, который, по-видимому, не выполнил своей роли талисмана, — но не останавливается, чтобы их подобрать: он заметил небольшой участок берега, не запруженный толпой, и бежит туда. С каждым шагом все отчетливее видна фигурка на воде: теперь уже нетрудно различить лепестки юбки — белые крылья — и даже неподвижную голову Сары, удерживаемую на поверхности полистироловой шапочкой. Эта юбка, эта шапочка пока не дают волнам захлестнуть девочку, и князь, вероятно, мог бы немного успокоиться, если бы тело ее не выглядело таким безжизненным.

Добежав до берега, он быстро сбрасывает башмаки и пальто, кидается в воду и плывет к девочке, а маски указывают на него пальцами:

— Смотри, он плывет по-собачьи.

— И вправду смешно.

Вода холодная, ледяная, но князь этого не замечает: все его силы сосредоточены на желании доплыть до бездыханного тела, уносимого течением все дальше.

— Ничего у него не получится, — говорит молодой человек в костюме Арлекина, обнимая за плечи стоящую рядом грациозную "гейшу"

— А я говорю — получится, — возражает "гейша"

— Вот и нет.

— Вот и да.

— Спорим?

— А на что?

— Ты на что споришь?

— На первый на балу танец.

— Что до меня, — отвечает она со смехом, — то я готова отдать тебе все танцы, но не жалуйся, если проиграешь. Видишь? Еще несколько метров, и он до нее доплывет.

— Да он раньше утонет, — замечает молодой человек.

Но князь не тонет: вероятно, потому, что сегодня самой судьбе не угодно, чтобы Арлекин и гейша танцевали вместе. К великому разочарованию спорщика, князю наконец удается доплыть до Сары, оказавшейся уже почти в центре озера. Он подхватывает ее за талию, и сердце его сжимается, когда он чувствует, что тело повисает у него на руке безжизненным грузом. Глаза девочки закрыты: очевидно, она потеряла сознание, а дышит она или нет, князь сейчас определить не может.

Кое-кто из стоящих на берегу тоже задается этим вопросом.

— Так она живая или мертвая?

— Думаю, мертвая. Ты зачем сняла шарфик? Сейчас же надень, а то еще горло застудишь.

— Ох, мамочка, отстань, дай посмотреть.

— Можно прекрасно смотреть и с шарфиком.

"Дышит она или нет? Нужно поскорее вытащить ее из воды", — думает князь, — но, вглядываясь в берег, повсюду видит одни только страшные маски. Привлеченные редким зрелищем, они со всех сторон плотной массой обступили озеро, не оставив ни единого просвета.

— Ну и что он теперь будет делать? — спрашивает у приятелей с птичьими головами один из юнцов.

— Останется там, что еще? Пусть только попробует вылезти...

И князь действительно не пробует. Он остается на месте, перебирает ногами, одеревеневшими от холода, и время от времени поглядывает в сторону павильона, который еще можно различить благодаря зловещему красноватому зареву: оно понемногу расползается в небе и превращает туман в сверкающее облако. Тело Сары тяжелеет по мере того, как вода пропитывает ее костюм: лепестки накрахмаленной юбки медленно опадают, и князю приходится бороться с силой воды, влекущей девочку вниз.

Тянутся минуты, а князь по-прежнему ощущает на себе пристальные взгляды зрителей. Наконец что-то их отвлекает: над парком разносится танцевальная музыка, и все вдруг понимают, что пробил час долгожданного бала-маскарада. "Пускай себе эти несчастные тонут, — думают они, — а нам нужно спешить в Праздничный зал, где, созывая любителей танцев, уже заиграл оркестр, где, конечно же, сверкает иллюминация, а столы в ожидании гостей ломятся от бутербродов и сладостей" Все так захвачены этой мыслью и желанием как можно скорее попробовать разные вкусности — тем более, что развлечение, доставляемое Сарой и князем, им уже поднадоело и порядком затяну-

лось, — что очень скоро холм вновь оживает, заполняется масками; они спешат подняться по склону, подгоняемые бодрящим ритмом вальса. От торжественности, с которой они спускались к озеру, не осталось и следа: все приподнимают *подолы плащей и платьев, мешающие* им идти, и грубо отталкивают друг друга, когда не могут разойтись на узкой тропинке. Беспорядочная толпа удаляется, оставляя на освещенном фонариками берегу конфетти и карамельные фантики.

Приветливый свет разноцветных огней, льющийся теперь на опустевшие лужайки и обезлюдевшие дорожки, облегчает князю обратный путь. Преодолевая оцепенение, старик плывет к берегу, правой рукой поддерживая Сару, левой рассекая воду и изо всех сил стараясь не упустить из виду приближающийся холм. Поэтому никакой красоты в его движениях нет: привыкшие к спортивным занятиям горожане назвали бы такой стиль плаванья собачьим, но в настоящий момент это меньше всего тревожит пловца. Наконец, после многотрудного заплыва, старику удается достичь поросшего травой берега и положить тело девочки на землю. Князю кажется, будто на это ушли его последние силы, но ему даже некогда перевести дух. Подняв Сару на руки, он, шатаясь, направляется к зданию школы.

Сейчас это самое близкое и безопасное убежище, а в спортивном зале, хотя там не очень тепло, он надеется найти сухое белье и аптечку для экстренных случаев. Сейчас он не думает о том, что из-за его неосведомленности в медицине воспользоваться содержимым этой аптечки, по-видимому, будет непросто; не думает и о тысяче других препятствий, подстерегающих его на пути: о тьме, все больше сгущающейся по мере того, как он удаляется от озера; о холоде, сковывающем его тем сильнее, что одежда намокла, а идет он босиком. Во всем этом князь как-то не отдает себе отчета — главное, что маленькое тельце, которое он прижимает к груди, иногда проявляет слабые признаки жизни.

Добравшись до спортивного зала, он кладет девочку на маты и начинает шарить в шкафчиках учеников. Находит несколько полотенец и тренировочный костюм подходящего, как ему кажется, размера и с этой добычей поскорее возвращается к Саре: раздевает ее, закутывает в полотенца и энергично растирает маленькие руки и ноги, не отвечающие даже слабым движением. Потом натягивает на девочку костюм с таким же трудом, с каким ему пришлось бы одевать тряпичную куклу.

"Знать бы, как это делается", — думает он в отчаянии, снова укладывая свою подругу на маты. А поскольку он этого не знает, то делает все возможное, что только приходит ему на память. Несколько раз встряхивает Сару, потом ритмично двигает ее руками, прижимает свои губы к ее губам в надежде передать ей собственное дыхание; затем, хорошенько подумав, вспоминает, что Сара не умерла, а просто потеряла сознание, и неуверенно дает ей две-три пощечины. Никакого результата.

У него остается последний ресурс — шкафчик с лекарствами; к нему князь и подбегает, чтобы выбрать флаконы, которые кажутся наиболее подходящими, — и по очереди подносит их к Сариным ноздрям; когда и последний выбранный им флакон не оказывает никакого воздействия, князь хватается за другие, вроде бы ничего хорошего не сулящие, — и случайно находит действительно нужное средство.

Этот флакон чуть не вылетает у него из рук, когда он замечает, что Сара едва заметно поморщилась, почуяв едкий запах. Она снова и сно-

ва с бессознательной жадностью втягивает его в нос — и князь тоже наклоняется, чтобы понюхать, удивленно спрашивает себя, что же это за запах такой целительный, чем же он так привлекателен, что может вернуть к жизни человека, казалось бы с ней распрощавшегося.

Мало-помалу дыхание девочки становится глубже и ровнее: князь прислушивается к нему очень внимательно, обретая новую надежду, которая переходит в уверенность, когда Сара наконец открывает глаза.

— Что случилось? — спрашивает она, устремляя на друга пока еще затуманенный взгляд. — Почему ты плачешь?

— Я не плачу.

— Странно. А мне показалось... — она говорит, словно возвращаясь из далекого далека, из царства абсолютной неопределенности, словно только сейчас, понемногу, предметы обретают для нее знакомые реальные очертания.

— Я вовсе не плачу, — повторяет князь, украдкой вытирая слезы. — Слава богу, у меня нет для этого причин.

XXXVI

Но вот Сара совсем приходит в себя. Она долго лежит на матах, слушая князя, который рассказывает ей — как страшную сказку со счастливым концом — историю ее спасения. Рассказывает, какую благотворную роль сыграл в конечном счете костюм Ромашки, хотя князь в то утро по своей глупости счел его опасным для здоровья; рассказывает в эпических тонах и о долгом ожидании посреди озера, осаждаемого злобными масками, и о том, как, когда уже не было мочи держаться на поверхности воды, сама судьба помогла им, послав издалека мелодию вальса.

— Вот хорошо, вальсы мне всегда нравились... А потом ты принес меня сюда?

— Да, принес сюда. Но ты не желала приходить в сознание.

— Пока ты не отыскал этот волшебный пузырек...

— Дальше ты знаешь, я тебе уже рассказывал.

— Расскажи еще раз.

— По-моему, дорогая, нам следовало бы подумать о том, что делать теперь.

— Что делать? — повторяет Сара. И задумывается. — Князь, — наконец говорит она решительно, — что нам теперь делать, я не знаю. Знаю только, что не хочу больше видеть этих людей. Хочу отсюда уйти.

— Да, вот это и есть "что делать" Если б мы только решились раньше...

— Наверное, ты хочешь сказать, что, если бы *я* решилась раньше...

— Как знать, может, это делает тебе честь, что ты так долго колебалась. Но сейчас откладывать больше нельзя: нужно воспользоваться представившимся нам случаем...

— Каким?

Сара сразу нашла бы ответ на свой вопрос, если бы ее взгляд, проникнув сквозь толстые стены школы и преодолев часть прилегающей терри-

тории, достиг того здания, где собрались жители городка, чтобы достойно завершить праздник. Как они представляют себе достойное празднование, видно было уже по последнему школьному вечеру. Сейчас они ведут себя еще более агрессивно, и, хотя наступила глубокая ночь, никто пока не собирается покидать поле боя. Танцы просто "оживленные" уступили место бешеным пляскам, а те — беспорядочным дракам, поводы для которых никто не в состоянии вспомнить. Посеребренные маски сфинксов, хоть и сохраняют невозмутимость, теперь валяются на полу в окружении перьев, разбитых кубков, оторванных от костюмов искусственных драгоценностей. Зайчики ведут себя скорее как мелкие хищники — кусают за ноги всех, кто попадется им на пути, — а пираты и космонавты, похоже, осознали, что их подлинное призвание — война.

Жажду разрушения не скрывает уже никто — ни дети, ни взрослые, ни женщины, ни мужчины: она помрачает умы, оглушает сильнее, чем музыка (которая, впрочем, давно перестала звучать под украшенными гирляндами сводами); это чувство, словно непроницаемый щит, перекрывает доступ любым другим побуждениям. Все так захвачены своим буйством, что даже не замечают пламени, которое, вырвавшись из леса, добралось до домов и теперь бушует вокруг Праздничного павильона. Горожане не слышат заглушаемого их криками грозного треска, не ощущают ни усиливающегося жара, ни дыма, который уже проникает в зал сквозь высокие стрельчатые окна.

Ничего они не замечают, поглощенные борьбой не на жизнь, а на смерть, но Сара и князь, которые вышли из спортивного зала, надев — каждый — по два лыжных костюма, видят перед собой густой раскаленный туман, лишь отдаленно напоминающий ту розоватую дымку, что когда-то появилась на горизонте. В этой мгле с трудом угадываются почерневшие силуэты домов и — вдоль еще различимых аллей — отдельные охваченные огнем деревья.

Пожар пока полыхает где-то вдали, так что две плотно упакованные в лыжное обмундирование фигуры могут продвигаться вперед довольно уверенно, но Сара все же еще колеблется и часто оглядывается назад, хотя князь уговаривает ее не тратить времени на неуместные сейчас сожаления.

— Нет здесь больше ничего, о чем ты могла бы жалеть.

— Кое-что есть, — отвечает она серьезно. — Меня даже удивляет, что ты об этом не подумал.

— И что же это, скажи на милость?

— Попробуй угадать. Оно принадлежит мне, оно действительно мое.

— Костюм ромашки? Но ты же сама согласилась оставить его в спортзале.

— Нет, князь, не костюм. Удивительно, что ты не догадываешься.

— Тогда куртка? — пытается он угадать, борясь с нетерпением. — Знаешь, ее основательно попортили...

— А в кармане куртки кое-что было.

— Ягненок? Дорогая, не стоит из-за него огорчаться: как только будет возможность, я сделаю тебе другого, такого же.

— Я хочу этого, а не другого. Он же мой талисман.

— Как талисман, позволю себе заметить, он оказался не очень действенным.

— Разве? Тогда чем же ты объяснишь, что я еще жива? Смотри, пожар пока не добрался до берега озера, и если мы поторопимся...

— Ну давай поторопимся, раз ты так хочешь, — отвечает князь, смирившись. — Но позволь заметить, что твое чертовское упрямство с каждой минутой все громче заявляет о себе.

— А мы с каждой минутой теряем по минуте. За это время успели бы и туда сходить, и вернуться.

— Согласен. Сходим и вернемся. В сущности, это почти по дороге — было бы по дороге, если бы мы не собирались идти в противоположную сторону...

Несмотря на свои протесты, несмотря на сарказм, к которому он прибегает, чтобы переубедить Сару, князь чувствует, что требование ее в чем-то справедливо: ведь этот грубо обструганный кусок дерева, в котором с трудом угадываются очертания ягненка, — единственная частичка прошлого, оставшаяся у девочки после всех пережитых ею невзгод; а значит, он должен сопутствовать ей и в последующей жизни, где бы эта жизнь ни продолжалась...

И друзья идут к озеру. Лампочки давно погасли, но пожар, полыхающий в отдалении, освещает небо зловещим заревом, и этого света оказывается достаточно, чтобы начать поиски. Среди мусора, оставленного толпой, не так-то легко отыскать маленькую деревяшку, и князь с девочкой долго бродят по берегу, не отрывая взгляда от земли, отшвыривая ногами скомканную бумагу, чтобы увидеть, нет ли под ней того, что они ищут. Они движутся неторопливо, осматривают все тщательно и скрупулезно, ничего не опасаясь, так как вопли, долетающие из танцевального зала, свидетельствуют о том, что праздник, если его так можно назвать, еще в самом разгаре.

— Смотри-ка: мои башмаки! — восклицает князь, по-детски радуясь своей находке. Он тут же их надевает, с облегчением сбросив легкие спортивные тапочки, взятые из шкафчика какого-то гимназиста.

— А вон там, — говорит Сара князю, завязывающему потрепанные шнурки, — еще и твое пальто валяется. Вид у него, конечно, неважный: наверно, на нем топтались.

— Все равно оно еще пригодится, — замечает князь, подбирая свою одежду.

— Да, конечно, в нем тебе будет теплее.

— Теплее в нем будет тебе, дорогая, — по крайней мере, пока мы не отыщем твою куртку.

Тщательно встряхнув пальто в безуспешной попытке очистить его от налипшей грязи, князь набрасывает его на плечи Саре и укутывает ее им, как плащом.

— Нет, пожалуйста, — упирается девочка, — лучше возьми его себе. К тому же оно слишком большое, я в нем наверняка буду спотыкаться.

— Тебе так нравились шлейфы некоторых маскарадных костюмов, теперь шлейф будет и у тебя. Но все же рекомендую придерживать его при ходьбе.

Сара не очень успешно пытается следовать совету князя.

— Хорошо бы иметь маленького пажа, чтобы он нес мой шлейф.

— Знаю-знаю: отсутствие обслуживающего персонала всегда вызывало серьезные проблемы. Но чего ж вы хотите, Ваше Высочество, придется вам в силу необходимости проявить особую доблесть.

— Какой ты умный! — отзывается Сара, неуклюже ковыляя за ним.

Они продолжают поиски, теперь уже торопясь, так как яркое пламя все приближается. Наконец в нескольких метрах от кромки берега друзья замечают какую-то рвань, в которой Сара, не веря своим глазам, узнает любимую куртку.

— О господи! Смотри, что они с ней сделали!

— Это пустяки, дорогая, по сравнению с тем, что они сделали с тобой. Но думаю, ее еще можно носить, если не гоняться за модой: по крайней мере, она твоего размера. Ну, давай же, не будем терять времени, я вижу за холмом черный дым, и он мне очень не нравится.

Но Сара его не слушает.

— Если мы нашли куртку, значит, где-то здесь и ягненок.

Сбросив пальто, девочка начинает шарить в траве. Князь же стоит и со все возрастающим беспокойством вглядывается в горизонт.

— Дорогая моя, боюсь, что уже слишком поздно...

— Нет, не поздно, дай мне еще минутку.

Смирившись, князь тоже становится на четвереньки и включается в поиски. Он уже слышит легкое, но неумолчное потрескивание со стороны окружающих озеро холмов.

— Вот он! — вскрикивает Сара. — Я знала, что найду.

И она с победоносным видом показывает маленького деревянного ягненка, почти не пострадавшего, только чуть-чуть поцарапанного.

— Поздравляю. Но теперь нам нужно бежать.

Они быстро натягивают на себя кто пальто, кто куртку и выходят на открытое место.

— Нам придется пройти сквозь туман, — говорит Сара, с тревогой сжимая в руке свой талисман.

— Да, придется.

— Но мы ведь не знаем, что там, за ним.

— Зато слишком хорошо знаем, что оставляем здесь.

Теперь у них за спиной языки пламени — длинная раскаленная стена, пожирающая деревья и кусты, а впереди — сплошная плотная темень. Сара повисла на руке князя и вряд ли может сказать, чего она боится больше: надвигающегося пожара или этой черной стены, за которой ее ждет незнакомый мир.

— А вдруг это невозможно?

— Что, дорогая?

— Пройти сквозь туман и оказаться на другой стороне? И вообще, есть там что-то — на этой другой стороне?

— Когда-то было.

— Да, когда-то... — говорит Сара, вспомнив о темном телеэкране, который в нарядной тетушкиной гостиной казался по ошибке попавшей туда деталью траурного убранства. — Был бы сейчас день, я бы, наверно, не так боялась. Но ночь сегодня такая длинная, какая-то бесконечная...

— Бесконечных ночей не бывает. По крайней мере, я на это рассчитываю.

Уже давно они не слышат голосов из танцевального павильона: то ли потому, что ушли так далеко, то ли потому, что жители городка перестали кричать, а может, просто гудение огня заглушает все другие звуки. Ни князь, ни девочка не осмеливаются оглянуться. Они продолжают

шагать в тумане – еще более густом, еще более темном, – и по мере их продвижения свет огня, освещающего им путь, слабеет.

"Это хороший знак, – думает князь, – очевидно, мы идем в верном направлении. Однако как бы не заблудиться в такой кромешной тьме..."

Друзья неуверенно, будто слепцы, пытаются идти по прямой, и даже старик теперь сомневается в том, что когда-нибудь они увидят по ту сторону тумана и бесконечной ночи хоть проблеск света.

– Мы уже скоро выйдем?

– Надеюсь, дорогая.

– Знаешь, иногда надеяться очень трудно. Утомительно.

Старик не отвечает. Слишком хорошо знает он, что надеяться – это огромный труд, который порой кажется бессмысленным. И все же он продолжает шагать, увлекая за собой девочку, которая снова замкнулась в своем молчании, в своем страхе. Ступать им приходится осторожно, обходя камни, ямы и тысячи других препятствий, то и дело возникающих на этой запущенной земле, так не похожей на опрятные лужайки городка, казавшиеся продолжением ухоженных садов. Нетрудно догадаться, что здешней травы никогда не касалась газонокосилка, а в голых кронах деревьев, иногда угадывающихся в темноте, корявые необрезанные ветки перепутались в диком беспорядке.

– Если бы мы были в сказке, – говорит Сара, – то здесь обязательно встретили бы медведя или злую ведьму.

– Если бы мы были в сказке, – откликается князь, – то в конце концов увидели бы впереди маленький лучик света.

– Но ведь мы его не видим?

– Пока – нет.

Сейчас оба путника охвачены унынием, оно давит им на плечи, как тяжкий груз. Никакого замка, никакого волшебного дворца, ни даже живописной таверны "Золотой петушок" Ничто не сулит им пристанища, и они начинают верить, что за этой темнотой в самом деле ничего нет, что сырая стена тумана вокруг городка – это граница обитаемого мира.

Они до того подавлены, что даже не замечают, как туман понемногу рассеивается и сквозь него уже проникает слабый расплывчатый свет. Лишь некоторое время спустя их охватывает какое-то смутное предчувствие, и они прибавляют шаг, пока не осмеливаясь выразить свою надежду словами.

Они шагают, а туман как бы истончается, и все отчетливее проступает сияние – в котором они узнают, наконец, лучи утренней зари. В ее мягком свете открывается новый, более широкий горизонт, – за тем тесным, в плену у которого они находились так долго, – и когда последние следы тумана растворяются в воздухе, девочка с изумлением смотрит на этот открывшийся перед нею простор.

– А я и не представляла себе, что мир такой большой, – говорит она, окидывая взглядом раскинувшуюся перед ними бескрайнюю равнину.

Равнина действительно так обширна, что у девочки кружится голова, но князь ведет ее за руку, помогая шагать увереннее.

– Значит, вот что было за темнотой...

– Да, именно, – отвечает князь. – Ну и как оно тебе?

Сара нерешительно осматривается. Конечно, она не может сказать, что этот внезапно явившийся их взору мир прекрасен. Перед ними –

неухоженная земля, с разбросанными по ней — в некотором отдалении — сараями и еще какими-то ветхими строеньицами. Да, никаких особенных красот не видать, князь тоже так считает, но все же этот мир существует; нежданно-негаданно — еще существует, а с голых ветвей редких здесь деревьев даже доносится птичье пение.

— Кажется, можно попытаться здесь жить, — заявляет наконец девочка, будто взвешивая свои слова.

— Я тоже так считаю.

— Конечно, это не рай, но всякими райскими радостями мы с тобой уже сыты по горло...

Князь согласно кивает. Словно под воздействием Сариных слов он оглядывается назад. И девочка тоже оглядывается. Вдали туман, прежде стеной окружавший городок, уже превратился в сплошную огненную массу; над ней высоко, чуть ли не до самого неба, вздымаются трепещущие языки пламени. Потом на глазах у примолкнувших друзей это пламя начинает постепенно оседать и сжиматься. Оно отступает медленно, не оставляя за собой дыма, и за ним уже не видно ни домов, ни аллей, ни здания Центра, ни трех круглых озер. Не видно вообще ничего, кроме неба и травы: земля выглядит так, словно городка никогда и не существовало.

Сара долго смотрит, потом поднимает на князя удивленный взгляд. Ей хотелось бы задать ему вопрос или даже много вопросов, но они путаются у нее в голове, и она не может их сформулировать, ни одного. А встретившись с князем глазами, понимает, что на такие вопросы даже этот ученейший человек не нашел бы ответа. Он долго, внимательно и заботливо смотрит на девочку, не осмеливаясь нарушить ход ее мыслей.

Ждет, пока она сама — первая — заговорит.

— Ну, теперь можно идти, — тихо произносит Сара и решительно вкладывает свою ладонь в руку старика.

Объем нашего журнала не так велик, чтобы на его страницах целиком поместились все заслуживающие внимания новинки. В новой рубрике "Сигнальный экземпляр" мы будем публиковать фрагменты книг, которые вот-вот выйдут из печати. Те из наших читателей, кого текст заинтересует, смогут найти книгу на прилавках магазинов и прочесть ее полностью, а кому-то, вероятно, окажется достаточно и фрагментов...

Первый автор нашей рубрики — Мишель Уэльбек, открытый журналом для российского читателя пять лет назад (роман *Элементарные частицы*, "ИЛ", 2000, № 10). Роман Уэльбека *Платформа* также впервые появился в "ИЛ" (2002, № 11). Новый роман знаменитого француза *Возможность острова* полностью будет напечатан в издательстве "Иностранка"

Мишель Уэльбек
Возможность острова

Фрагменты романа

Перевод с французского И. Стаф

Часть первая
Комментарий Даниеля. 24

Даниель. 1.1

А что делает крыса, когда просыпается?
Принюхивается.

Жан-Дидье биолог

Я как сейчас помню минуты, когда впервые вступил на поприще комического актера. Мне тогда было семнадцать, и я довольно уныло проводил август в одном турецком пансионате, по формуле "все включено"; впрочем, с тех пор я уже не ездил на каникулы с предками. Моя сестрица, тринадцатилетняя вертихвостка, как раз начинала заводить всех мужиков. Дело происходило за завтраком; как всегда, выстроилась очередь за яйцами, до которых курортники почему-то были особенно охочи. Рядом со мной стояла пожилая англичанка — сухопа-

© Librairie Arthème Fayard, 2005
© И. Стаф. Перевод, 2006
Редакция благодарит Мишеля Уэльбека за любезно предоставленную возможность безвозмездной публикации фрагментов романа на страницах журнала.

рая, злая, из той породы, что будет живьем свежевать лису, чтобы украсить свою living-room[1]; она уже набрала полный поднос яиц и теперь ничтоже сумняшеся зацапала последние три сосиски, еще остававшиеся на металлическом блюде. Время — без пяти одиннадцать, завтрак кончался, о том, чтобы принесли новое блюдо сосисок, нечего было и думать. Стоявший за нею немец остолбенел; вилка, уже нацеленная в сосиску, застыла на полдороге, лицо побагровело от возмущения. Немец был огромный, настоящий колосс, под два метра и весом центнера полтора, не меньше. На какой-то миг мне показалось, что сейчас он вонзит свою вилку в глаз восьмидесятилетней старухе или схватит ее за горло и размозжит ей голову о стойку с горячим. А та как ни в чем не бывало, в своем бессознательном старческом эгоизме, уже резво семенила к столику. Немец взял себя в руки, я чувствовал, что ему пришлось сделать над собой огромное усилие, но мало-помалу по лицу его вновь разлился покой, и он, без сосисок, печально поплелся к своим сородичам. Из этого инцидента я сделал маленький скетч о кровавом бунте в курортном пансионате, вспыхнувшем из-за мелких нарушений формулы "все включено" — нехватки сосисок за завтраком и доплаты за мини-гольф, — и тогда же показал его на вечере под названием "Вы талантливы!" (раз в неделю вечернее представление составлялось из номеров, подготовленных не организаторами досуга, а самими отдыхающими), причем сыграл все роли сразу. Так я сделал первый шаг к "театру одного актера", амплуа, которому практически не изменял на протяжении всей карьеры. К вечернему спектаклю приходили почти все, делать после ужина было абсолютно нечего, пока не начиналась дискотека; в общем, собралось около восьмисот зрителей. Мой скетч имел живейший успех, многие хохотали до слез, мне долго хлопали. В тот же вечер, на дискотеке, симпатичная брюнетка по имени Сильвия сказала, что я очень ее насмешил и что ей нравятся парни с чувством юмора. Милая Сильвия. Вот так я потерял девственность, зато обрел призвание.

Сдав экзамены на бакалавра, я записался на курсы актерского мастерства; потекли довольно бесславные годы, я становился все злее и, как следствие, все язвительнее; при таких обстоятельствах ко мне в конце концов пришел успех, да такой шумный, что я сам удивился. Я начинал со скетчей об отчимах и мачехах, о журналистах из "Монд", вообще о серости среднего класса: мне отлично удавалось изобразить инцестуальные позывы интеллектуалов на пике карьеры, воспылавших к дочерям или падчерицам с их голым пупком и торчащими из-под джинсов стрингами. Короче, я был "едким наблюдателем современной действительности", и меня часто сравнивали с Пьером Депрожем[2]. Продолжая работать в жанре "театра одного актера", я время от времени соглашался выступить в телешоу — из-за их широкой аудитории и непроходимой пошлости. Я не упускал случая подчеркнуть эту пошлость, впрочем, поумному: ведущий должен был чувствовать угрозу, но не слишком серьезную. В общем, я был крепкий профессионал с чуть-чуть дутой репутацией. Но, в конце концов, не я один такой.

Это вовсе не значит, что мои скетчи не были смешными; смешными они как раз были. Я в самом деле был едким наблюдателем современной

1. Гостиная (*англ.*). (*Здесь и далее – прим. перев.*)
2. Пьер Депрож (1939–1988) — французский юморист, комический актер.

действительности; просто мне казалось, что это элементарно, что в современной действительности и наблюдать-то почти нечего, настолько мы все упростили, обкорнали, столько уничтожили барьеров, табу, ложных надежд и несбыточных чаяний; ничего почти и не осталось. В социальном плане были богатые, были бедные, а между ними несколько шатких ступенек: *социальная лестница* – то, над чем полагалось издеваться; плюс еще одна, более реальная возможность – разориться. В плане сексуальном были люди, будившие желание, и люди, не будившие никаких желаний: простенький механизм, пусть и с некоторыми более сложными модальностями (вроде гомосексуализма и прочего), который легко сводился к тщеславию и состязанию в нарциссизме, прекрасно описанному французскими моралистами еще триста лет назад. Конечно, существовали еще и *порядочные люди* – те, кто работает, кто занят в эффективном производстве потребительских товаров или кто несколько комически или, если угодно, патетически (но я-то был в первую очередь комиком) жертвует всем ради детей; те, у кого в молодости не было красоты, позднее – честолюбия и всю жизнь – денег и кто, однако, всей душой, искреннее, чем кто-либо, привержен ценностям красоты, молодости, богатства, честолюбия и сексуальности; так сказать, *соль земли*. На этих, как ни прискорбно, нельзя было даже построить *сюжет*. Иногда я вводил кого-нибудь такого в свои скетчи для разнообразия, для *реализма*; в реальности же мне это стало надоедать. Что всего хуже, я числился *гуманистом* – конечно, гуманистом *рассерженным*, но гуманистом. Чтобы стало понятно, вот одна из шуток, в изобилии украшавших мои спектакли:

– Знаешь, как называется сало вокруг вагины?

– Нет.

– Женщина.

Как ни странно, мне удавалось вворачивать подобные перлы и при этом иметь хвалебные рецензии в "Элль" и "Телерамме"; правда, с появлением комиков-арабов сальные шуточки в мачистском духе опять вошли в моду, а я пошлил не без изящества: отпущу вожжи и опять приберу, все под контролем. В конце концов, ремесло юмориста и вообще *юмористическое отношение* к жизни тем и хорошо, что позволяет безнаказанно вести себя как последняя свинья и в придачу стричь с собственной мерзости весьма недурные купоны, как в плане сексуальных успехов, так и наличкой, да еще со всеобщего одобрения.

На самом деле мой пресловутый гуманизм имел под собой весьма шаткие основания: вялый наезд на почтовых служащих да намек на трупы негров-нелегалов, выброшенные на побережье Испании, принесли мне репутацию *левака* и *правозащитника*. Это я-то левак? При случае я мог ввести в свои скетчи каких-нибудь борцов за новый мир, сравнительно молодых и не то чтобы откровенно антипатичных; мог при случае и подпустить демагогии: повторяю, я был крепким профессионалом. К тому же внешне я смахивал на араба, что сильно облегчало дело; в сухом остатке вся левизна в моих скетчах сводилась к антирасизму, вернее, к антибелому расизму. Не совсем, впрочем, понятно, откуда взялась у меня арабская внешность, с годами приобретавшая все более характерные черты: мать моя была по происхождению испанка, а отец, насколько я знаю, бретонец. Моя шлюшка-сестра, например, была выраженно средиземноморского типа, но в два раза белее меня и с прямыми волосами. Спрашивается, всегда ли мать свято хранила супружескую

Сигнальный экземпляр

верность? Может, моим родителем был какой-нибудь Мустафа? Или — еще вариант — даже еврей? Fuck with that[1]: арабы толпами ходили на мои спектакли, евреи, впрочем, тоже, хоть и в меньших количествах, и все покупали билет за полную стоимость. Что нас точно волнует, так это обстоятельства нашей смерти; обстоятельства рождения — второй вопрос.

А уж *права человека* мне точно были по барабану; в лучшем случае меня хватало на то, чтобы интересоваться правами собственного члена.

В этом плане моя карьера была, в общем, не менее удачной, чем дебют в курортном пансионате. Женщины, как правило, лишены чувства юмора, поэтому считают юмор одним из мужских достоинств; так что на протяжении всей карьеры я не испытывал недостатка в возможностях расположить свой половой орган в соответствующем отверстии. Честно говоря, во всех этих соитиях не было ничего сногсшибательного. Комиками обычно интересуются женщины уже в возрасте, лет под сорок, начинающие чувствовать, что дела их плохи. У одних был толстый зад, у других — обвислые груди, а у некоторых и то и другое вместе. Короче, заводиться особенно не с чего, а когда эрекция слабеет, становишься не таким озабоченным. Они были еще не старые, отнюдь нет; я знал, что на пятом десятке они вновь начнут искать легких, успокоительных, фальшивых отношений — но уже безрезультатно. А покуда я мог лишь подтвердить (честное слово, совершенно невольно, ничего приятного в этом нет), что их эротическая ценность снизилась; я мог лишь подтвердить их первые подозрения, внушить им, сам того не желая, безнадежный взгляд на жизнь, где их ожидала не зрелость, нет, а попросту старость; не новый расцвет в конце пути, а бесчисленные фрустрации и страдания, поначалу едва заметные, но очень скоро становящиеся невыносимыми; во всем этом было что-то нечистое, отнюдь не чистое. После пятидесяти жизнь только начинается, это правда; только вот кончается она в сорок.

Даниель. 24. 1

> Посмотри, там вдали копошатся маленькие существа; смотри же: это люди.

В угасающем свете дня я безучастно наблюдаю, как исчезает целый биологический вид. Последний луч солнца скользит по равнине, уходит за горную гряду, скрывающую горизонт на востоке, окрашивает пустынный пейзаж в красноватые тона. Поблескивает металлическая сетка ограды, окружающей виллу. Фокс тихо рычит; наверное, чует дикарей. Я не испытываю к ним ни малейшей жалости, никакого родственного чувства. Для меня они просто обезьяны, чуть более смышленые, а потому более опасные. Бывает, я отпираю ограду, чтобы помочь какому-нибудь кролику или бродячей собаке; но чтобы помочь человеку — никогда.

1. Зд.: к черту это все (*англ.*).

И уж тем более мне не придет в голову совокупиться с самкой, принадлежащей к этому виду. Если у беспозвоночных и растений межвидовой барьер нередко бывает территориальным, то у высших позвоночных он становится прежде всего поведенческим.

Где-то в Центральном населенном пункте изготовлено существо, похожее на меня; по крайней мере, у него мои черты лица и мои внутренние органы. Когда моя жизнь завершится, отсутствие сигнала засекут в течение нескольких наносекунд; будет запущен процесс производства моего преемника. И уже назавтра, самое позднее через день, ограждение вновь откроют, и мой преемник поселится в этих стенах. Моя книга написана для него.

Согласно первому закону Пирса[1], личность тождественна памяти. Личность содержит в себе лишь то, что поддается запоминанию (идет ли речь о когнитивной, оперативной или аффективной памяти). Например, именно благодаря памяти сон никоим образом не нарушает ощущения идентичности.

Согласно второму закону Пирса, адекватным носителем когнитивной памяти является язык.

Третий закон Пирса определяет условия непосредственно языка.

Благодаря трем законам Пирса рискованные опыты по загрузке памяти с внешнего информационного носителя были прекращены; вместо этого стали использовать, с одной стороны, прямой молекулярный перенос, а с другой — то, что мы сегодня называем "рассказ о жизни" Первоначально такой рассказ считался не более чем вспомогательным средством, паллиативом, однако в свете работ Пирса он вскоре приобрел весьма существенное значение. Любопытно, что этот решающий прорыв в логике привел к переоценке древней литературной формы, по сути, довольно близкой к тому, что раньше называлось автобиографией.

Какой-либо точной инструкции относительно рассказа о жизни не существует. Его началом может служить любая точка временно́й оси — точно так же, как первый взгляд может упасть на любую точку в пространстве картины; главное, чтобы из точек постепенно сложилось целое.

Даниель. 1.2

> Как посмотришь, какая пошла мода на все эти выходные без автомобиля, прогулки пешком по набережной, так сразу ясно,что будет дальше...
>
> Жерар, таксист

Сейчас я уже совершенно не помню, *почему* женился на своей первой жене; повстречайся она мне на улице, я бы, наверное, ее не узнал. Какие-то вещи забываются, реально забываются; напрасно мы думаем, что

1. Чарль Сандерс Пирс (1839–1914) — американский математик, логик.

где-то в тайниках нашей памяти хранится все: некоторые события, вернее, даже большинство, прекраснейшим образом *стираются* без малейшего следа, как будто их вовсе и не было. Так вот, возвращаясь к моей жене, то есть к первой жене: мы прожили вместе, думаю, года два-три; когда она забеременела, я почти сразу ее бросил. Я тогда был совсем безвестным актером, и алименты она получила ничтожные.

В день, когда мой сын покончил с собой, я сделал себе яичницу с помидорами. Живая собака лучше мертвого льва, прав был Екклесиаст. Я никогда не любил этого ребенка: он был тупой, как его мать, и злой, как отец. Не вижу никакой трагедии в том, что он умер; без таких людей прекрасно можно обойтись.

Когда я встретил Изабель, с первого моего спектакля минуло десять лет, отмеченных эпизодическими и не слишком завидными связями. Мне было тридцать девять, ей тридцать семь; публика носила меня на руках. Когда я заработал свой первый миллион евро (то есть реально заработал, за вычетом всех налогов, и поместил в надежном месте), то понял, что я не бальзаковский герой. Бальзаковский герой, заработав свой первый миллион евро, в большинстве случаев стал бы думать, как добыть второй — за исключением тех немногих, кто в мечтах уже считал бы их десятками. А я сразу же спросил себя, нельзя ли мне оставить сцену, но пришел к выводу, что нельзя.

На первых этапах своего восхождения к славе и богатству я иногда вкушал от радостей потребления, в которых наш век стоит на порядок выше всех предыдущих. Можно бесконечно полемизировать о том, были люди в прежние времена счастливее или нет; можно рассуждать об упадке религиозности, об отмирании любви, спорить об их преимуществах и неудобствах; ссылаться на рождение демократии, на распад социальных связей, на то, что не осталось ничего святого, — я и сам при случае занимался этим в своих скетчах, хоть и в юмористическом ключе. Вы можете даже усомниться в достижениях научно-технического прогресса, вам, например, может казаться, что по мере совершенствования медицинских технологий ужесточается социальный контроль и повсеместно угасает радость жизни. Все равно в плане потребления превосходство XX века неоспоримо: ни в какую иную эпоху, ни в какой иной цивилизации не найти ничего, что могло бы сравниться с изменчивым совершенством современного мегамолла. Так что я с удовольствием потреблял главным образом обувь; но постепенно мне это приелось, и я понял, что, если моя жизнь перестанет опираться на эти элементарные, но каждый день новые радости, она сразу перестанет быть простой.

К тому времени, как я встретил Изабель, у меня было около шести миллионов евро. Бальзаковский герой на этом этапе покупает роскошные апартаменты, набивает их произведениями искусства и разоряется из-за танцовщицы. Я обитал в обычной трехкомнатной квартире в Четырнадцатом округе и ни разу не переспал с топ-моделью; у меня даже не возникало такого желания. Однажды я для порядка совокупился с какой-то средней руки манекенщицей, но эта интермедия не оставила во мне неугасимого воспоминания. Девица была неплохая, с довольно большими грудями, но, в общем, ничего особенного; если уж на то пошло, она была более дутой фигурой, чем я.

Беседа состоялась в моей гримерке, после спектакля, который смело можно было назвать *триумфальным*. Изабель была главным редактором "Лолиты", а до того долго работала в журнале "Двадцать лет" Сначала я не горел желанием давать интервью, но, полистав журнал, все-таки поразился, до какой немыслимой похабени дошли издания для девушек. Тут было все: топики для десятилетних, белые шорты в обтяжку, откровеннейшие стринги, руководство по употреблению чупа-чупсов... "Да, но они так необычно позиционированы... – уговаривала меня пресс-секретарша. – К тому же к вам направляется сама главная редактриса, по-моему, это показатель..."

Наверное, не все верят, что при виде женщины вас может *как громом поразить*; вряд ли стоит понимать это выражение слишком буквально, однако факт остается фактом: взаимное притяжение всегда возникает очень быстро; с первых минут знакомства я уже знал, что у нас с Изабель будет связь, причем долгая, и знал, что она тоже это понимает. Задав для затравки пару вопросов – волнуюсь ли я перед выходом на сцену, как я готовлюсь и т. п., – она замолчала. Я снова пролистал журнал.

– Это не совсем Лолиты... – произнес я наконец. – Им всем лет по шестнадцать-семнадцать.

– Да, – согласилась она. – Набоков промахнулся на пять лет. Большинству мужчин нравится период не перед пубертатом, а сразу после. Вообще-то он не самый лучший писатель...

Я сам всегда терпеть не мог этого посредственного, манерного псевдопоэта, неуклюже подражавшего Джойсу, но лишенного даже того напора, который у полоумного ирландца иногда позволяет продраться через словесные завалы. Набоковский стиль напоминал мне непропеченное слоеное тесто.

– В этом-то все и дело, – продолжала она, – ведь если книга так скверно написана, к тому же изуродована грубой ошибкой относительно возраста героини, и тем не менее это очень хорошая книга, настолько хорошая, что превратилась в устойчивый миф и даже стала именем нарицательным, значит, автор наткнулся на что-то очень важное.

Если мы и дальше будем во всем соглашаться, интервью выйдет довольно-таки скучное.

– Мы можем поговорить за ужином, – предложила она. – Я знаю один тибетский ресторанчик на улице Аббес.

Естественно, мы переспали в первую же ночь; так всегда и бывает в серьезных отношениях. Когда пришло время раздеться, она на миг смутилась, а потом взглянула на меня с гордостью: тело у нее было невероятно крепкое и гибкое. О том, что ей тридцать семь, я узнал гораздо позже; в тот момент я бы дал ей от силы тридцать.

– Ты занимаешься какой-то гимнастикой? – спросил я.

– Классическим танцем.

– Не фитнесом, не аэробикой, или что там еще бывает?

– Нет, это все чушь. Уж поверь мне на слово, я десять лет пашу в женских журналах. Единственное, что в самом деле позволяет быть в форме, – это классический танец. Просто это тяжело, нельзя распускаться; но мне подходит, у меня скорее ригидная психика.

– Это у тебя-то ригидная?

– Да-да... Сам увидишь.

Сейчас, спустя годы, когда я вспоминаю Изабель, меня поражает невероятная откровенность наших отношений, с самой первой минуты, причем даже в таких вопросах, в каких женщины обычно проявляют скрытность, ошибочно полагая, что элемент тайны делает отношения более эротичными — хотя большинство мужчин, наоборот, жутко возбуждаются от прямого разговора на сексуальные темы. "Не такое уж трудное дело — доставить мужику удовольствие, — кисло сказала она во время первого нашего ужина в тибетском ресторане. — По крайней мере у меня это всегда получалось" Она говорила правду. Она говорила правду и тогда, когда утверждала, что ничего удивительного или невероятного в этом секрете нет. "Просто надо помнить, — продолжала она со вздохом, — что у мужчин есть яички. Что у мужчин есть член, это все женщины знают, даже слишком хорошо знают: с тех пор как мужчину низвели до статуса сексуального объекта, женщины просто одержимы его членом; но когда они занимаются любовью, то в девяноста случаях из ста забывают, что мошонка является эрогенной зоной. И при мастурбации, и при совокуплении, и при минете нужно время от времени класть руку на мошонку мужчины — либо погладить, поласкать, либо сжать посильнее, тогда понимаешь, затвердели яички или нет. Вот и все дела"

Было, наверное, около пяти утра, я только что кончил в нее, и все шло хорошо, действительно хорошо, спокойно и нежно, я чувствовал, что в моей жизни начинается счастливая полоса, и только тогда обратил внимание на убранство комнаты, просто так, без особой причины: помню, в этот момент лунный свет падал на старинную гравюру с носорогом, вроде тех, что встречаются в энциклопедиях XIX века.

— Тебе у меня нравится?

— Да, у тебя есть вкус.

— Тебя удивляет, что у меня есть вкус, а я работаю в каком-то говенном журнальчике?

Честное слово, от нее трудно будет скрывать свои мысли. Констатация этого факта, как ни странно, меня скорее обрадовала; по-моему, это признак настоящей любви.

— Мне хорошо платят... Знаешь, чаще всего этого вполне достаточно.

— Сколько?

— Пятьдесят тысяч евро в месяц.

— Да, это много; но я в данный момент зарабатываю больше.

— Это нормально. Ты гладиатор, ты всегда на арене. Нормально, что тебе хорошо платят: ты рискуешь своей шкурой, ты в любой момент можешь упасть.

— А... — тут я был не совсем с ней согласен; помню, что и это меня обрадовало. Полное согласие, взаимопонимание по всем вопросам — это прекрасно, а на первых порах даже необходимо; но хорошо и когда есть мелкие разногласия, хотя бы потому, что после короткого спора их можно устранить.

— Я так думаю, ты перетрахал кучу девиц, которые ходили на твои спектакли... — сказала она.

— Ну, сколько-то. — На самом деле не так уж много, ну, может, пятьдесят, максимум сто; но я не стал уточнять, что ночь, которую мы провели вдвоем, была лучше всех, намного лучше; я чувствовал, что она это знает. Не потому, что склонна к хвастовству или неумеренному тщесла-

вию, а просто интуитивно, потому что разбирается в человеческих отношениях; а кроме того, точно оценивает степень своей эротичности.

— Человек на сцене всегда вызывает у девиц сексуальное влечение, — продолжала она, — и не только потому, что они ищут известности; главное, они чувствуют, что, выходя на сцену, мужчина рискует своей шкурой, потому что публика — это здоровенное опасное животное, она может в любую минуту уничтожить того, кого сама породила, изгнать его, осыпать насмешками и обратить в постыдное бегство. В награду они могут предложить человеку на сцене свое тело; здесь все то же самое, что с гладиатором или тореро. Странно было бы думать, что все эти первобытные механизмы исчезли; я их знаю, я их использую, я ими зарабатываю на хлеб. Я точно знаю меру эротической притягательности регбиста, рок-звезды, театрального актера или автогонщика: тут действуют очень старые схемы, с небольшими вариациями, в зависимости от моды или эпохи. Хороший журнал для девушек тот, что умеет на полшага опередить эти вариации.

Я задумался; нужно было объяснить ей свою точку зрения. Это было важно, или не важно, короче, просто мне этого хотелось.

— Ты совершенно права, — сказал я. — Только у меня другой случай, я ничем не рискую.

— Почему? — Она даже села в кровати и с удивлением уставилась на меня.

— Потому что, если публике и вздумается погнать меня вон, она не сможет этого сделать; меня некем заменить. Я незаменимый.

Она нахмурилась, взглянула на меня; уже рассвело, и я видел, как ее соски колышутся в такт дыханию. Мне хотелось взять один из них в рот, сосать и ни о чем не думать; однако я сказал себе, что надо дать ей немного поразмыслить. У нее это не заняло и тридцати секунд; она действительно была умна.

— Да, — согласилась она. — В тебе есть какая-то абсолютно ненормальная откровенность. Не знаю, то ли жизнь у тебя сложилась как-то по-особенному, то ли ты так воспитан, то ли еще что-то; но вряд ли есть шанс, что подобный феномен повторится в том же поколении. Действительно, люди нуждаются в тебе больше, чем ты в них, — по крайней мере, люди моего возраста. Через несколько лет все изменится. Ты знаешь, в каком журнале я работаю: мы пытаемся создать ненастоящее, легковесное человечество, которое уже никогда не будет понимать ни серьезных вещей, ни юмора и вся жизнь которого, до самой смерти, уйдет на отчаянные поиски fun[1] и секса; это поколение законченных kids[2]. У нас это точно получится, и в новом мире для тебя не останется места. Но я так полагаю, это не трагедия, у тебя было время откладывать на черный день.

— Шесть миллионов евро. — Я ответил машинально, даже не думая; уже несколько минут у меня на языке вертелся другой вопрос: — Да, так вот твой журнал... Ты права, я действительно совершенно не похож на твою публику. Я мрачный, циничный, я могу быть интересен только людям, склонным к сомнению, уже окруженным атмосферой конца, по-

1. Веселье, развлечение (*англ.*).
2. Зд.: деток (*англ.*).

следней игры; интервью со мной не вписывается в твою издательскую политику.

– Верно, – сказала она спокойно. Сейчас, задним числом, я поражаюсь ее спокойствию: Изабель была такая откровенная и прозрачная, совсем не умела лгать. – Интервью и не будет; это просто предлог, чтобы встретиться с тобой.

Она смотрела мне прямо в глаза, и я возбудился от одних ее слов. По-моему, ее растрогала эта глубоко сентиментальная, человечная эрекция; она снова легла рядом, положила голову мне на плечо и начала мне помогать. Она действовала не спеша, сжимая мою мошонку в ладони, варьируя амплитуду и силу движений пальцев. Я расслабился, полностью отдавшись ее ласке. Что-то рождалось между нами, мы словно были безгрешны, похоже, я переоценил масштабы собственного цинизма. Она жила в Четырнадцатом округе, на холмах Пасси; вдали виднелась линия воздушного метро, пересекавшая Сену. День разгорался, уже слышен был шум уличного движения; струя спермы брызнула на ее груди. Я взял немного на указательный палец, дал ей пососать, потом обнял ее.

– Изабель, – прошептал я ей на ухо, – мне очень хочется, чтобы ты рассказала, как ты попала в этот журнал.

– На самом деле все началось чуть больше года назад, "Лолиты" вышло всего четырнадцать номеров. Я очень долго работала в журнале "Двадцать лет", занимала почти все должности; Жермен, главная редактриса, полагалась на меня во всем. В конце концов, как раз перед тем, как журнал был перепродан, она назначила меня зам. главного редактора; а что ей оставалось, я уже два года делала за нее всю работу. При этом она меня терпеть не могла: я помню, с какой ненавистью она смотрела на меня, когда передавала приглашение Лажуани. Ты знаешь, кто такой Лажуани, тебе это имя о чем-то говорит?

– Кажется, что-то слышал...

– Да, широкая публика его почти не знает. Он был акционером журнала "Двадцать лет", миноритарным акционером, но именно он заставил перепродать журнал; его купила одна итальянская группа. Жермен, естественно, уволили; мне итальянцы предлагали остаться, но раз Лажуани пригласил меня в воскресенье на завтрак, значит, у него было для меня что-то другое; Жермен не могла этого не понимать, потому и бесилась. Он жил в Марэ, недалеко от площади Вогезов. Когда я вошла, у меня просто был шок: там собрались Карл Лагерфельд, Наоми Кемпбелл, Том Круз, Джейд Джаггер[1], Бьорк... В общем, не совсем те люди, с какими я привыкла встречаться.

– Это не он сделал тот знаменитый журнал для педерастов?

– Не совсем; "Джи-кью" сначала ориентировался не на педерастов, скорее наоборот, на мачо в квадрате: девки, тачки, чуть-чуть военных новостей; правда, через полгода они вдруг обнаружили, что среди покупателей журнала огромный процент геев, но для них это была неожиданность, они вряд ли рассчитывали именно на такой эффект. Так или иначе, вскоре он его перепродал, причем сразил всех, кто имеет отношение к журналистике: он продал "Джи-кью" по максимуму, хотя все думали, что он еще подрастет, и запустил "Двадцать один" С тех пор "Джи-кью" захирел, по-моему, они потеряли процентов сорок в нацио-

1. Джейд Джаггер – дочь Мика Джаггера, актриса, певица.

нальном масштабе, а "Двадцать один" стал главным мужским ежемесячником, они только что обошли "Шассёр франсе" Рецепт очень простой: ни шагу за сексуальные рамки. Гимнастика, косметика, модные тенденции. Ни грамма культуры, ни грамма новостей; никакого юмора. Короче, я никак не могла понять, что он может мне предложить. Он очень любезно поздоровался, представил меня всем и усадил напротив. "Я очень уважаю Жермен", – начал он. Я едва не подскочила: *никто* не мог уважать Жермен. Эта старая алкоголичка могла внушать презрение, сострадание, брезгливость, в общем, что угодно, но не уважение. Я только потом поняла, что у него такой метод управления персоналом: ни о ком не говорить плохо, никогда, ни при каких обстоятельствах; наоборот, всегда осыпать других похвалами, пусть сколь угодно незаслуженными, – что, естественно, отнюдь не мешало ему при случае их уволить. Но я все-таки немного стеснялась и попыталась перевести разговор на "Двадцать один"

"Мы дол-жны... – у него была странная манера говорить, по слогам, как будто он изъяснялся на иностранном языке. – Мои кол-леги, по-моему, слишком увле-чены аме-ри-кан-ской прессой. Мы оста-емся ев-ропей-цами... Для нас обра-зец – то, что проис-ходит в Анг-лии..."

Ну да, "Двадцать один" был копией английского образца, но ведь и "Джи-кью" тоже; почему же он решил сменить один на другой? Быть может, в Англии проводились какие-то исследования, изучалось изменение спроса?

"Нет, на-сколь-ко я знаю... Вы очень красивы... – продолжал он без видимой связи. – Вас мож-но сильнее рас-кру-тить в ме-диа..."

Рядом со мной сидел Карл Лагерфельд, который без остановки ел: наваливал себе полную тарелку лосося, макал куски в соус со сливками и анисом и запихивал в рот. Том Круз время от времени бросал в его сторону взгляды, полные отвращения. Бьорк, наоборот, была в полном восторге; она, надо сказать, всегда пытается изображать что-то эдакое, поэзию саг, исландскую энергетику и т. п., а на самом деле жеманная и манерная до предела: конечно, ей стало интересно посмотреть на настоящего дикаря. Я вдруг поняла, что, если снять с кутюрье рубашку с жабо, галстук-бант и смокинг на шелковой подкладке и обрядить его в звериные шкуры, он будет отлично смотреться в роли первобытного тевтонца. Он выудил вареную картофелину, щедро обмазал ее икрой и повернулся ко мне: "Медиа надо любить. Надо быть медийной, хоть немножко. Я вот, например, *очень* медийный. Я крупная медийная шишка..." По-моему, он только что съехал со второй своей диеты, во всяком случае, про первую он книжку уже написал.

Кто-то поставил музыку, толпа зашевелилась, кажется, Наоми Кемпбелл начала танцевать. Я не спускала глаз с Лажуани, ожидая его предложения. Потом с горя завела разговор с Джейд Джаггер, мы говорили о Форментере[1] или еще о каких-то пустяках, но она произвела на меня хорошее впечатление, умная и простая девушка; Лажуани сидел, полуприкрыв глаза, и, казалось, дремал, но теперь я думаю, он наблюдал, как я буду держать себя с остальными – это тоже входит в его методы руководства персоналом. В какой-то момент он что-то проворчал, но я не расслышала, му-

1. Форментера – остров в Средиземном море (Балеарские о-ва, Испания), модное место отдыха артистической и литературной элиты.

Сигнальный экземпляр

зыка была слишком громкая; потом раздраженно покосился влево: в углу Карл Лагерфельд решил пройтись на руках; Бьорк смотрела на него и умирала со смеху. Кутюрье уселся на место, смачно хлопнул меня по плечу и заорал: "Ну, как дела? Все путем?", после чего проглотил подряд сразу трех угрей. "Вы тут самая красивая! Вы их всех сделали!.." – и сцапал блюдо с сырами; по-моему, я ему действительно понравилась. Лажуани изумленно глядел, как он поглощает ливаро[1]. "Ты не крупная, ты жирная шишка, Карл..." – фыркнул он, потом повернулся ко мне и произнес: "Пятьдесят тысяч евро". И все; больше он ничего не сказал.

На следующий день я пришла к нему в офис, и тогда он объяснил кое-что еще. Журнал должен называться "Лолита" "Тут все дело в возрастном сдвиге..." – сказал он. Я, в общем, понимала, что он имеет в виду. Например, "Двадцать лет" покупали в основном пятнадцати-шестнадцатилетние девчонки, стремившиеся выглядеть женщинами без комплексов, особенно сексуальных; в "Лолите" он хотел проделать то же самое, только в обратном направлении. "Нижняя граница нашей аудитории – десять лет, но верхней границы у нее нет", – сказал он. Он сделал ставку на то, что матери чем дальше, тем больше будут подражать дочерям. Конечно, несколько смешно, когда тридцатилетняя женщина покупает журнал под названием "Лолита", но ведь не смешнее, чем когда она покупает топ в обтяжку или мини-шорты. Он поставил на то, что боязнь показаться смешной, так сильно развитая у женщин вообще и у француженок в частности, постепенно сойдет на нет, сменится чистым преклонением перед безграничной молодостью.

Сказать, что он выиграл, – значит ничего не сказать. Средний возраст наших читательниц – двадцать восемь лет, и каждый месяц он еще подрастает. Отдел рекламы утверждает, что мы "входим в обойму" главных женских журналов, – говорю, что слышала, у меня самой это с трудом укладывается в голове. Я рулю, пытаюсь рулить, вернее, делаю вид, что рулю, но, по сути, я перестала что-либо понимать. Я действительно крепкий профессионал, это правда, я тебе говорила, что у меня ригидная психика, отсюда все и идет: в нашем журнале нет ни одной опечатки, фотографии правильно кадрированы, мы всегда выходим точно в срок; но содержание... Что люди боятся стареть, особенно женщины, – это нормально, это всегда было, но чтобы так... Это превосходит всякое воображение; по-моему, они все просто посходили с ума.

Даниель. 1.3

> Автомат налил нам отличного горячего шоколада. Мы выпили его залпом, не скрывая удовольствия.
>
> Патрик Лефевр, ветеринар

Спектакль "Мы выбираем палестинских марух!" стал бесспорной вершиной моей карьеры – само собой, в медийном плане. Мое имя в ежедневных газетах ненадолго исчезло из рубрики "Театр" и переко-

. Ливаро – сорт сыра.

чевало в раздел "Общество и право" На меня жаловались мусульманские организации, меня угрожали взорвать, в общем, жить стало веселее. Я, конечно, рисковал, но рисковал расчетливо; исламские интегристы, возникшие в начале 2000-х годов, в общем и целом разделили судьбу панков. Сперва их оттерли новые мусульмане, воспитанные, вежливые, набожные сторонники движения "Талибан" — что-то вроде "новой волны" если продолжить параллель; девушки тогда еще носили паранджу, но изящную, украшенную кружевами и прозрачными вставками, то есть на самом деле в качестве эротичного аксессуара. А потом, как и полагается, само явление постепенно сошло на нет: мечети, на строительство которых ухлопали огромные деньги, стояли пустые, а арабок вновь стали предлагать на сексуальном рынке наравне со всеми прочими. Все было заранее схвачено, а как иначе, мы же понимаем, в каком обществе живем; тем не менее на пару сезонов я оказался в шкуре *борца за свободу слова*. Что касается свободы, то лично я *скорее против*; смешно: именно противники свободы в тот или иной момент начинают нуждаться в ней больше всех.

Изабель была рядом и давала весьма остроумные советы.

— Тебе нужно одно, — сразу же сказала она, — чтобы вся шваль была за тебя. Если шваль будет на твоей стороне, на тебя никто не станет наезжать.

— Они *и так* за меня, — возразил я, — они же ходят на мои спектакли.

— Этого мало, надо добавить еще. Больше всего они уважают бабки. Бабки у тебя есть, но ты этого почти не показываешь. Тебе надо чаще швыряться деньгами.

В общем, по ее совету я купил "бентли-континентал-GT", "великолепный породистый" купе, который, как было сказано в "Автожурналь", стал "символом возвращения фирмы "Бентли" к ее изначальному призванию: предлагать покупателю спортивные автомобили класса люкс" Спустя месяц я красовался на обложке "Радикаль хип-хоп", вернее, не столько я, сколько моя машина. Рэперы по большей части покупали "феррари" отдельные оригиналы — "порше"; но "бентли" "бентли" умыл всех. Серость несчастная, никакой культуры, даже автомобильной. У Кейта Ричардса[1], например, был "бентли", как у любого серьезного музыканта. Я бы мог взять "астон-мартин", но он был дороже, да в конце концов "бентли" просто лучше, и капот у него длиннее, можно трех шлюх разложить без проблем. В принципе сто шестьдесят тысяч евро за него не так уж и дорого; во всяком случае, судя по реакции швали, я вложился удачно.

Помимо прочего, этот спектакль стал началом моей краткой, но весьма доходной карьеры в кино. В свое шоу я включил короткометражку. Уже первый проект, озаглавленный "Десантируем мини-юбки в Палестину!", был выдержан в том слегка исламофобском, бурлескном тоне, какой впоследствии весьма способствовал моей популярности; но по совету Изабель я решил сдобрить его капелькой антисемитизма, чтобы уравновесить вполне антиарабский характер спектакля; это был мудрый путь. В конце концов, я остановился на порнофильме — ничего нет лег-

1. Кейт Ричардс — музыкант из группы "Роллинг Стоунз".

че, чем пародировать этот жанр, — под названием: "Попасись в моем секторе Газа" (*мой толстый еврейский барашек*)" Все актрисы были самые настоящие арабки, с гарантией, из "девять–три": шлюхи, но в парандже, все как полагается; съемки проходили в дюнах Песчаного моря, в Эрменонвиле. Получилось забавно — для тех, кто понимает, разумеется. Люди смеялись; не все, но большинство. В ходе перекрестного интервью с Жамелем Деббузом[1] он назвал меня "крутейшим чуваком"; в общем, все обернулось как нельзя лучше. По правде говоря, Жамель меня купил еще в гримерке, прямо перед передачей: "Я не могу тебя мочить, чувак. У нас общие интересы" Фожиель[2], устроивший встречу, быстро понял, что мы стакнулись, и чуть не уделался со страху; надо сказать, мне давно хотелось обломить этого говнюка. Но я сдержался, я был на высоте — и впрямь крутейший чувак.

При подготовке спектакля мне пришлось вырезать часть короткометражки, действительно не самый смешной фрагмент; снимали его в одном полуразрушенном доме во Франконвиле, но дело будто бы происходило в Восточном Иерусалиме. Это был диалог между террористом из "Хамаса" и немецким туристом, принимавший форму то паскалевского вопрошания об основах человеческого "я" то экономических рассуждений, отчасти в духе Шумпетера[3]. Для начала палестинский террорист утверждал, что в метафизическом плане ценность заложника равна нулю (ибо он неверный), но не является отрицательной: отрицательную ценность имел бы еврей; следовательно, его уничтожение не желательно, а попросту несущественно. Напротив, в плане экономическом заложник имеет значительную ценность, поскольку является гражданином богатого государства, к тому же всегда оказывающего поддержку своим подданным. Сформулировав эти предпосылки, палестинский террорист приступал к серии экспериментов. Сперва он вырывал у заложника зуб (голыми руками), после чего констатировал, что его рыночная стоимость не изменилась. Затем он проделывал ту же операцию с ногтем, на сей раз вооружившись клещами. Далее в беседу вступал второй террорист, и между палестинцами разворачивалась краткая дискуссия в более или менее дарвинистском ключе. Под конец они отрывали заложнику тестикулы, не забыв тщательно обработать рану во избежание его преждевременной смерти. Оба приходили к выводу, что вследствие данной операции изменилась лишь биологическая ценность заложника; его метафизическая ценность по-прежнему равнялась нулю, а рыночная оставалась очень высокой. Короче, чем дальше, тем более паскалевским был диалог и тем более невыносимым — визуальный ряд; к слову сказать, я с удивлением понял, насколько малозатратные трюки используются в фильмах "запекшейся крови"

Полную версию моей короткометражки крутили несколько месяцев спустя в рамках "Странного фестиваля", после чего предложения от киношников хлынули на меня потоком. Любопытно, что со мной опять связался Жамель Деббуз: ему хотелось выйти из привычного комического амплуа и сыграть "плохого парня", настоящего злодея. Его агент

1. Жамель Деббуз — французский комический актер.
2. Марк-Оливье Фожьель — телеведущий с Третьего канала.
3. Йозеф Шумпетер (1883–1950) — экономист и социолог, с 1932 г. и до конца жизни — профессор Гарвардского университета (США).

быстро растолковал ему, что это будет ошибкой, и на том все и кончилось; но сама история, по-моему, показательна.

Чтобы стало понятнее, напомню, что в те годы — последние годы существования экономически независимого французского кино — все до единой успешные картины французского производства, способные если не соперничать с американской продукцией, то хотя бы окупать расходы на свое производство, относились к жанру *комедии* — изящной или пошлой, не важно. С другой стороны, признанием профессионалов, открывающим доступ к государственному финансированию и обеспечивающим правильную раскрутку в ведущих масс-медиа, пользовались прежде всего культурные продукты (не только фильмы, но и все остальное), где содержалась апология зла — или по крайней мере серьезная переоценка, так сказать, "традиционных" моральных ценностей, анархический "подрыв устоев", который всегда выражался с помощью одного и того же набора мини-пантомим, однако не терял привлекательности в глазах критиков, — тем более что он позволял писать классические, шаблонные рецензии, выдавая их за новое слово в искусстве. Короче, заклание морали превратилось в нечто вроде ритуальной жертвы, призванной лишний раз подтвердить господствующие групповые ценности, ориентированные в последние десятилетия не столько на верность, доброту или долг, сколько на соперничество, новизну, энергию. Размывание поведенческих правил, обусловленное развитой экономикой, оказалось несовместимым с жестким набором норм, зато великолепно сочеталось с перманентным восхвалением воли и "Я" Любая форма жестокости, циничного эгоизма и насилия принималась на ура, а некоторые темы, вроде отцеубийства или каннибализма, получали еще и дополнительный плюсик. Поэтому тот факт, что комик, причем признанный комик, способен, помимо прочего, легко и уверенно работать в области жестокости и зла, подействовал на киношников как удар тока. Мой агент воспринял обрушившуюся на него *лавину* – за неполных два месяца я получил сорок разных предложений написать сценарий — со сдержанным энтузиазмом. Он сказал, что я наверняка заработаю много денег (и он вместе со мной); но в известности потеряю. Не важно, что сценарист — главная фигура в фильме: широкая публика ничего о нем не знает; к тому же писать сценарии — нелегкий труд, который будет отвлекать меня от карьеры *шоумена*.

В первом он был прав: упоминание моего имени в титрах трех десятков фильмов, где я участвовал в качестве сценариста, соавтора сценария или просто консультанта, ни на йоту не прибавило мне популярности; зато второе оказалось сильным преувеличением. Я очень скоро убедился, что кинорежиссеры — народ незатейливый: им достаточно подкинуть идею, ситуацию, фрагмент сюжета, что угодно, до чего они бы сами сроду не додумались; потом добавляешь несколько диалогов, три-четыре дурацких остроты, я мог выдавать примерно по сорок страниц сценария в день, — представляешь готовый продукт, и они в экстазе. Дальше они только и делают, что меняют свое мнение обо всем: о самих себе, о производстве, об актерах, о черте с дьяволом. Достаточно ходить на рабочие совещания, говорить им, что они совершенно правы, переписывать сценарий по их указаниям, и дело в шляпе; никогда еще я не зарабатывал деньги с такой легкостью.

Самой большой моей удачей в качестве главного сценариста стал, безусловно, "Диоген-киник"; по названию можно предположить, что речь идет об историческом костюмном фильме, но это не так. В учении киников существовал один пункт, о котором обычно забывают: детям предписывалось убивать и пожирать собственных родителей, когда те утратят способность к труду и превратятся в лишние рты; нетрудно представить, как это ложится на современные проблемы, связанные с ростом числа пожилых людей. В какой-то момент мне пришло в голову предложить главную роль Мишелю Онфре[1], который, естественно, с энтузиазмом согласился; но этот жалкий графоман, так вольготно чувствующий себя перед телеведущими и безмозглыми студентами, перед камерой совершенно сдулся, из него невозможно было вытянуть что бы то ни было. Съемки благоразумно вернулись в накатанное русло: заглавную роль, как всегда, сыграл Жан-Пьер Мариель.

Примерно в то же время я купил виллу в Андалусии, в совершенно дикой зоне к северу от Альмерии, носящей название Природный парк Кабо де Гата. Архитектор действовал с размахом: пальмы, апельсиновые сады, джакузи, каскады; с учетом климатических особенностей (это самый засушливый регион Европы) его замысел отдавал легким помешательством. В придачу, о чем я даже не подозревал, это оказался единственный район на испанском побережье, куда еще не проникли туристы; через пять лет цены на землю здесь подскочили втрое. В общем, я в те годы несколько смахивал на царя Мидаса.

Тогда же я решил жениться на Изабель; наша связь длилась три года, как раз среднестатистический срок добрачных отношений. Церемония была скромная и немного грустная; ей только что исполнилось сорок. Сейчас я четко понимаю, что два эти события взаимосвязаны, что мне хотелось этим доказательством своих чувств немного сгладить для нее шок сорокалетия. Он у нее не проявлялся в каких-то определенных формах: она никогда не жаловалась, вроде бы ни о чем не тревожилась; это было что-то неуловимое и в то же время душераздирающее. Временами — особенно в Испании, если мы собирались пойти на пляж и она натягивала купальник, — я чувствовал, что, когда мой взгляд останавливается на ней, она чуть оседает, как будто ее ударили под ложечку. На миг гримаса боли искажала великолепные черты ее тонкого, выразительного лица — его красота была словно неподвластна времени; но на теле, несмотря на плавание, несмотря на классический танец, появились первые признаки приближающейся старости, признаки, которые (кому это знать, как не ей) скоро начнут быстро множиться, вплоть до окончательной деградации. Я не мог понять, что́ отражалось на моем лице, что́ заставляло ее так страдать; я бы многое отдал за то, чтобы она ничего не замечала, потому что, повторяю, я любил ее; но это явно было невозможно. Как невозможно было твердить ей, что она по-прежнему желанна, по-прежнему красива; я никогда не мог ей лгать, даже в мелочах. Я знал, как она потом смотрела на меня: это был покорный, печальный взгляд больного животного, которое отходит на несколько шагов от стаи, кладет голову на лапы и тихо вздыхает, потому что чувствует признаки близкой смерти и понимает, что не дождется жалости от сородичей.

1. Мишель Онфре — французский писатель.

Даниель. 1.4

Мы люди, а потому нам подобает
не смеяться над несчастьями
человеческими, но оплакивать их.

Демокрит из Абдеры

Изабель сдавала. Не так-то легко женщине, чье тело уже увядает, работать в журнале вроде "Лолиты", где что ни месяц всплывали все новые шлюшки, еще более юные, сексапильные и наглые. Помнится, первым заговорил я. Мы шли по скалистому гребню Карбонерас; черные утесы отвесно уходили в сверкающую ярко-синюю воду. Она не увиливала, не искала отговорок: да-да, конечно, ты прав, при такой работе нужно поддерживать атмосферу некоторого конфликта, нарциссического соперничества, а ей с каждым днем все хуже это удается. "Жизнь изгаживает" — замечал Анри де Ренье; нет, жизнь прежде всего изнашивает: безусловно, есть люди, которым удается сохранить в себе неизгаженное ядрышко, ядрышко бытия; но что значит этот жалкий осадок по сравнению с изношенностью тела?

— Придется обговаривать размер выходного пособия, — сказала она. — Не понимаю, как я смогу это сделать. К тому же журнал идет в гору, не вижу, под каким предлогом мне проситься в отставку.

— Пойди к Лажуани и объясни. Просто скажи ему то, что сказала мне. Он уже старик, я думаю, поймет. Конечно, у него есть деньги и власть, а эти две страсти угасают не так быстро; но судя по тому, что ты о нем говорила, он человек, чувствительный к износу.

Она так и сделала, и ее условия были безоговорочно приняты; надо сказать, что журнал был обязан ей практически всем. Что до меня, я пока не мог оставить сцену — в смысле оставить окончательно. Мой последний спектакль со странным названием "Вперед, Милу! В поход на Аден!" имел подзаголовок "100 % ненависти"; надпись как бы перечеркивала афишу, примерно как у Эминема. И это не было преувеличением. С первых же минут я препарировал тему ближневосточного конфликта — которая уже не раз приносила мне успех в массмедиа — каким-то, по выражению "Монд", особенно "кислотно-щелочным" образом. Первый скетч назывался "Битва букашек": в нем действовали арабы — "клопы Аллаха", евреи — "обрезанные блохи", и даже ливанские христиане, которых я наградил забавным прозвищем "вши лона Марии" В общем, как отмечал критик "Пуэн", все религии Книги были повержены "на обе лопатки" — по крайней мере в скетче; дальше в спектакле шла уморительная сценка под заглавием "Палестинцы смешны", где я изощрялся в бурлескных, сальных аллюзиях на колбаски с динамитом, какие шахидки из "Хамаса" обматывали вокруг талии, чтобы приготовить паштет из евреев. Затем я, обобщая, начинал регулярное наступление на все формы сопротивления, национальной или революционной борьбы, а по сути — на политическую деятельность вообще. Конечно, все шоу было выстроено в духе *правого анархизма*, типа "сильно выдающийся член партии", породившего шедевры франкоязычного юмора, от Селина до Одиара[1]; но я шел еще дальше, прилагая к совре-

1. Жан Одиар — режиссер и сценарист.

менной ситуации слова апостола Павла, учившего, что всякая власть от Бога, и временами поднимаясь до мрачной медитации, от которой уже недалеко было и до христианской апологетики. При этом я, естественно, избегал любых отсылок к богословию: моя аргументация была почти математически строгой и строилась главным образом вокруг понятия "порядок" Короче, спектакль получился классический, и его с самого начала признали таковым; это был, безусловно, мой самый большой успех у критики. По общему мнению, мой комический дар никогда еще не возносился так высоко — или, как вариант, не падал так низко, что означало примерно одно и то же; меня часто сравнивали с Шамфором[1], а то и с Ларошфуко.

Публика раскачивалась чуть дольше — ровно до тех пор, пока Бернар Кушнер[2] не заявил, что "его лично тошнит" от спектакля, после чего все билеты были немедленно распроданы. По совету Изабель я не поленился дать ответную реплику в "Либерасьон" в рубрике "Обратный пас", озаглавив ее "Спасибо, Бернар!" В общем, все шло отлично, просто лучше некуда, и я чувствовал себя тем более странно, что у меня это уже сидело в печенках, еще немного, и я бы все к черту бросил; если бы дело обернулось иначе, думаю, я бы сказал "пока" и сдачи не надо. Наверное, моя тяга к кино — иначе говоря, к мертвому *массмедиа*, в отличие от того, что пышно называлось "живым спектаклем" — была первым признаком моего равнодушия, даже отвращения к публике, да и к человечеству в целом. Я тогда прорабатывал свои скетчи перед небольшой видеокамерой, установленной на треноге и подсоединенной к монитору, на котором следил в реальном времени за своими интонациями, жестами, мимикой. Я всегда действовал по одному простому принципу: если в какой-то момент мне становилось смешно, значит, скорее всего, этот момент вызовет смех и в зрительном зале. Мало-помалу, просматривая свои кассеты, я понял, что мне становится дурно, иногда до тошноты. За две недели до премьеры я наконец осознал, отчего мне так нехорошо: я перестал выносить даже не собственное лицо, не одни и те же стандартные, неестественные гримасы, к которым иногда приходилось прибегать, — я перестал выносить *смех*, смех как таковой, внезапное и дикое искажение черт, уродующее человеческое лицо и вмиг лишающее его всякого достоинства. И если человек смеется, если во всем животном царстве только он способен на эту жуткую деформацию лицевых мышц, то лишь потому, что только он, пройдя естественную стадию животного эгоизма, достиг высшей, дьявольской стадии *жестокости*.

Три недели спектаклей были непрекращающейся Голгофой: я впервые по-настоящему ощущал знаменитую, гнетущую "печаль комиков"; я впервые по-настоящему понял природу человека. Я развинтил машину, и теперь каждое ее колесико вертелось так, как я хотел. Каждый вечер перед выходом на сцену я проглатывал целую упаковку ксанакса[3]. Каждый раз, когда публика смеялась (а я заранее предвидел эти моменты, я умел дозировать эффекты, я был признанный профессионал), мне

1. Себастьен Рош Никола де Шамфор (1741—1794) — знаменитый французский писатель и моралист.
2. Бернар Кушнер — министр здравоохранения Франции.
3. Ксанакс — препарат анксиолитического и антидепрессивного действия.

приходилось отворачиваться, чтобы не видеть эти *пасти*, сотни сотрясающихся, одержимых ненавистью пастей.

Даниель. 1.5

> Я расслабился, проделал небольшую гипервентиляцию; и все же, Барнабе, у меня из головы не выходили огромные ртутные озера на поверхности Сатурна.
>
> Капитан Кларк

Изабель отработала положенные по закону три месяца, и в декабре вышел последний номер "Лолиты", подписанный ею в печать. По этому поводу состоялось небольшое торжество, так, коктейль в помещении журнала. Атмосфера была несколько натянутой, поскольку всех присутствующих волновал один и тот же вопрос, который нельзя было задать вслух: кто сменит ее на посту главного редактора? Лажуани заглянул на четверть часа, съел три блина и отбыл, не сообщив никакой полезной информации.

Мы уехали в Андалусию под Рождество; потянулись три странных месяца, проведенных в почти полном одиночестве. Наша новая вилла находилась чуть к югу от Сан-Хосе, недалеко от Плайя-де-Монсул. Гигантские гранитные глыбы кольцом окружали пляж. Мой агент с пониманием отнесся к нашему желанию на время отгородиться от мира; он считал, что мне стоит немного отойти в тень, чтобы разжечь любопытство публики; я не знал, как сказать ему, что хочу уйти совсем.

Кроме него, почти никто не знал моего номера телефона; за годы успеха я, прямо скажем, не обзавелся большим количеством друзей; зато многих потерял. Если вы хотите лишиться последних иллюзий относительно человеческой природы, вам нужно сделать одну-единственную вещь — быстро заработать большую сумму денег; вы тут же увидите, как к вам слетается стая лицемерных стервятников. Но чтобы с ваших глаз спала пелена, важно именно *заработать* эту сумму: настоящие богачи, — те, кто богат с рождения и всю жизнь прожил в роскоши, — видимо, обладают иммунитетом против таких вещей. Они как будто унаследовали вместе с богатством нечто вроде бессознательного, врожденного цинизма, изначальное знание о том, что почти все, с кем им придется иметь дело, будут преследовать одну цель — всеми правдами и неправдами вытрясти из них деньги; поэтому они ведут себя осмотрительно и, как правило, сохраняют капитал в неприкосновенности. Но для тех, кто родился бедняком, подобная ситуация гораздо опаснее; в конце концов, я сам достаточно большой подлец и циник, чтобы понимать, чего от меня хотят, и чаще всего мне удавалось вывернуться из расставленных ловушек; зато друзей у меня не осталось. Те, с кем я общался в молодости, в большинстве своем были комедиантами, будущими комедиантами-неудачниками; но не думаю, что в другой среде дело обстояло бы как-то иначе. У Изабель тоже не было друзей, ее, особенно в последние годы, окружали лишь люди, мечтавшие сесть на ее место. Поэтому нам некого было

Сигнальный экземпляр

пригласить на нашу роскошную виллу; не с кем распить бутылку риохи, глядя на звезды.

Что же нам теперь делать? Мы ломали себе голову над этим вопросом, гуляя в дюнах. Просто жить? Именно в таких ситуациях люди, подавленные чувством собственного ничтожества, принимают решение завести детей; именно так плодится и размножается род человеческий, правда, во все меньших количествах. Конечно, Изабель была весьма склонна к ипохондрии, и ей уже исполнилось сорок; однако пренатальная диагностика в последнее время сильно продвинулась вперед, и я прекрасно сознавал, что проблема не в этом: проблема была во мне. Я не только испытывал то законное отвращение, какое чувствует любой нормальный мужчина при виде *младенца*; я не только был глубоко убежден, что ребенок – это нечто вроде порочного, от природы жестокого карлика, в котором немедленно проявляются все худшие видовые черты и которого мудрые домашние животные предусмотрительно обходят стороной. Где-то в глубине моей души жил ужас, самый настоящий ужас перед той непрекращающейся Голгофой, какой является человеческое бытие. Ведь если человеческий детеныш, единственный во всем животном царстве, тут же заявляет о своем присутствии в мире беспрерывными воплями боли, то потому, что ему действительно больно, невыносимо больно. То ли кожа, лишившись шкуры, становится слишком чувствительной к перепадам температур, по-прежнему оставаясь уязвимой для паразитов; то ли все дело в ненормальной нервной возбудимости, каком-то конструктивном дефекте. Во всяком случае, любому незаинтересованному наблюдателю ясно, что человек *не может* быть счастлив, что он ни в коей мере не создан для счастья, что единственно возможный его удел – это сеять вокруг себя страдание, делать существование других таким же невыносимым, как и его собственное; и обычно первой его жертвой становятся именно родители.

Вооружившись этими не слишком гуманистичными убеждениями, я набросал сценарий фильма под временным названием "Дефицит социального обеспечения", где обозначил основные слагаемые проблемы. Первые четверть часа на экране методично разносили головы младенцам из крупнокалиберного револьвера: я предусмотрел и замедленную съемку, и легкое ускорение, в общем, целую хореографию разлетающихся мозгов, в духе Джона Ву[1]; потом все несколько успокаивалось. В ходе расследования, которое вел весьма остроумный, но склонный к нетривиальным методам инспектор (я подумывал пригласить на эту роль Жамеля Деббуза), выяснялось, что существует целая сеть детоубийц, прекрасно организованных и исповедующих принципы, близкие к фундаментальной экологии. MEN ("Mouvement d'Extermination des Nains" "Движение за истребление карликов") выступало за уничтожение человеческой расы, оказывающей пагубное и необратимое воздействие на равновесие биосферы, и замену ее одним из видов в высшей степени разумных медведей: параллельно в его лаборатории проводились исследования с целью развить у медведей интеллект, а главное, научить их речевой деятельности (на роль медвежьего вожака я думал пригласить Жерара Депардье).

. Джон Ву – китайский актер, режиссер и продюсер.

Несмотря на столь убедительный кастинг, несмотря на мое громкое имя, проект не пошел; один корейский продюсер проявил было к нему интерес, но не сумел собрать необходимые средства. Этот необычный провал чуть было не разбудил дремлющего во мне (впрочем, вполне мирным сном) моралиста: если проект потерпел неудачу, если его отвергли, значит, все-таки остались какие-то *табу* (в данном случае на убийство детей), значит, не все еще безвозвратно потеряно. Однако человек мыслящий быстро одержал верх над моралистом: если существовало *табу*, значит, была и реальная *проблема*. Как раз в те годы во Флориде появились первые "childfree zones"[1] – шикарные особняки для раскомплексованных тридцатилетних, которые ничтоже сумняшеся признавались, что не в силах больше выносить рев, слюни, экскременты, в общем, все те житейские неудобства, какими обычно сопровождается присутствие *мелюзги*. Для детей младше тринадцати лет доступ в особняки был попросту закрыт; для контактов с семьей были предусмотрены переходные отсеки в виде ресторанчиков фаст-фуда.

Тем самым был перейден важный рубеж. На протяжении нескольких десятилетий снижение роста населения на Западе (впрочем, в этом процессе не было ничего специфически западного: то же явление повторялось в любой стране, с любой культурой, как только она достигала определенного уровня экономического развития) постоянно сопровождалось лицемерными и подозрительно единодушными стенаниями. Теперь же молодые, образованные, достигшие высокого социально-экономического статуса люди впервые публично заявляли, что *не хотят* иметь детей, не желают выполнять хлопотные обязанности, связанные с воспитанием потомства. Разумеется, подобная беспечность не могла не встретить сочувствия.

Даниель. 1.6

Существуют отличные игрушки для собак.

Петра Дурст-Беннинг

Одиночество вдвоем – это добровольный ад. Чаще всего в жизни семьи изначально существуют некоторые мелочи, легкие разногласия, которые оба партнера, не сговариваясь, обходят молчанием, в упоении полагая, будто любовь в конечном счете уладит все проблемы. В тишине эти проблемы понемногу растут, а через несколько лет прорываются наружу и делают совместную жизнь совершенно невозможной. С самого начала Изабель предпочитала, чтобы я брал ее сзади; каждый раз, когда я пытался испробовать другую позу, она сперва соглашалась, а потом, словно помимо воли, отворачивалась со смущенным смешком. Я списывал эту прихоть на какую-то ее анатомическую особенность, на угол наклона влагалища или еще не знаю что, в общем, на что-то, чего мужчинам при всем желании не понять. Спустя полтора месяца после нашего приезда, когда мы занимались любовью (я, как всегда, входил в нее сза-

1. Зд.: "дома без детей" (*англ.*).

ди, но в нашей комнате было большое зеркало), я вдруг заметил, что перед самым оргазмом она закрывает глаза — и вновь открывает их гораздо позже, когда акт уже завершен.

Я думал об этом всю ночь; я высосал две бутылки пакостного испанского бренди, вновь и вновь прокручивая перед глазами наши любовные акты, наши объятия, все те моменты, когда мы были одним целым; и каждый раз я видел, как она отводит или закрывает глаза. И тогда я заплакал. Изабель позволяла наслаждаться собой, доставляла наслаждение, но не любила его, не любила сами признаки наслаждения; она не любила их во мне — и тем более в себе самой. Все сходилось: если она восхищалась пластическим изображением красоты, речь всегда шла о художнике вроде Рафаэля и особенно Боттичелли, то есть о чем-то иногда нежном, но чаще холодном и всегда спокойном; она никогда не понимала моего абсолютного преклонения перед Эль Греко, никогда не одобряла экстаза, и я долго плакал, потому что в себе самом больше всего ценил именно это животное начало, способность целиком, безоглядно отдаваться наслаждению и экстазу; собственный ум, проницательность, юмор вызывали во мне только презрение. Нам никогда не узнать того бесконечно загадочного взгляда глаза в глаза, какой бывает у двух людей, единых в своем счастье, смиренно принимающих наличие органов и ограниченность удовольствия; нам никогда не быть настоящими любовниками.

Дальше, естественно, пошло еще хуже: тот пластический идеал красоты, которого Изабель больше не могла достичь, начал на моих глазах разрушать ее самое. Сперва она перестала выносить свои груди (они действительно стали чуть дряблыми); затем тот же процесс распространился на ягодицы. Нам все чаще приходилось гасить свет; а потом исчезло и сексуальное влечение. Она не выносила сама себя — и, как следствие, не выносила любви, казавшейся ей ложью. Я поначалу еще возбуждался, но, в общем, несильно, а потом и это прошло; теперь уже все было сказано, оставалось лишь вспоминать лжеироничные слова андалусского поэта:

> О жизнь, которую люди пытаются жить!
> О жизнь, какую влачат они
> В мире, где мы живем!
> Бедные, бедные люди... Они не умеют любить.

Когда исчезает секс, на его место приходит тело другого, его более или менее враждебное присутствие; приходят звуки, движения, запахи; и само наличие этого тела, которое нельзя больше осязать, освящать половым контактом, постепенно начинает раздражать; к сожалению, все это давно известно. Вместе с эротикой почти сразу исчезает и нежность. Не бывает никаких непорочных связей и возвышенных союзов душ, ничего даже отдаленно похожего. Когда уходит физическая любовь, уходит все; вялая, неглубокая досада заполняет однообразную череду дней. А относительно физической любви я не строил никаких иллюзий. Молодость, красота, сила: критерии у физической любви ровно те же, что у нацизма. Короче, я сидел по уши в дерьме.

Решение проблемы нашлось на одном из ответвлений автотрассы А-2, между Сарагосой и Таррагоной, в нескольких десятках метров от

придорожной забегаловки, где мы с Изабель остановились на ланч. В Испании домашние животные появились сравнительно недавно. В стране, культура которой традиционно основывалась на католицизме, насилии и культе мачо, к животным еще не так давно относились равнодушно, а иногда и с мрачной жестокостью. Но процесс унификации сделал свое дело — и в этой области, и в других: Испания приблизилась к общеевропейским, особенно английским нормам. Гомосексуализм встречался все чаще, воспринимали его уже спокойнее; получило распространение вегетарианство и всякие бирюльки в духе "Нового века"; и постепенно вместо детей в семьях появлялись домашние животные, которых здесь называли красивым словом mascotas[1]. Однако процесс только начинался, многим не повезло; нередко щенка, подаренного в качестве игрушки на Новый год, через несколько месяцев бросали на обочине дороги. Поэтому на центральных равнинах стали сбиваться стаи бродячих собак. Жизнь их была короткой и жалкой. Чесоточные, паршивые, они рылись по помойкам возле придорожных кафе в поисках пищи и, как правило, заканчивали свои дни под колесами грузовиков. Но самой ужасной мукой было для них отсутствие контакта с человеком. Отбившись от стаи тысячи лет назад, выбрав общество людей, собака никогда не сможет приспособиться к дикой жизни. В стаях никак не складывалось устойчивой иерархии, псы постоянно грызлись — и из-за пищи, и из-за обладания сукой; детенышей бросали на произвол судьбы, иногда их пожирали старшие собратья.

Я в то время все больше пил, и вот, после третьего стакана анисовой, направляясь на неверных ногах к своему "бентли", я с удивлением увидел, как Изабель пролезла в дыру в решетке и подошла к стае из десятка собак, обосновавшихся на пустыре возле паркинга. Я знал, что она от природы скорее боязлива, а животные эти считались опасными. Но собаки спокойно наблюдали за ее приближением, не выказывая ни агрессивности, ни страха. Маленький бело-рыжий метис с острыми ушками, от силы трех месяцев от роду, пополз к ней. Она нагнулась, взяла его на руки и вернулась к машине. Так в нашу жизнь вошел Фокс — а вместе с ним безусловная любовь.

Даниель. 1.7

Игра развлекает.

Петра Дурст-Беннинг

Собаки не только способны любить, но и, похоже, не имеют никаких неодолимых проблем с половым инстинктом: если им встречается сука, у которой течка, они спариваются, а в противном случае, по-видимому, не испытывают желания и не терпят особых лишений.

Собаки не только сами по себе предмет для постоянного восхищения, но и служат людям отличной *темой для разговора* — интернациональной, демократичной, не вызывающей антагонизма. Именно так я познакомился с Гарри, бывшим немецким астрофизиком, который гу-

1. Амулет, талисман (*исп.*).

Сигнальный экземпляр

лял с Трумэном, своим биглем. Мирный шестидесятилетний натурист, Гарри после выхода на пенсию наблюдал звезды — как он мне объяснил, небо в нашем регионе исключительно чистое; днем он возился с садом и иногда прибирался. Они жили вдвоем с женой, Хильдегардой, ну и, естественно, Трумэном; детей у них не было. Понятно, что, не будь собаки, мне не о чем было бы разговаривать с этим человеком — впрочем, даже и при наличии собаки разговор не слишком клеился (Гарри пригласил нас на обед в ближайшую субботу; жил он в полукилометре от нашего дома, то есть был нашим ближайшим соседом). По счастью, он не говорил по-французски, а я по-немецки: необходимость преодолевать *языковой барьер* (несколько фраз по-английски, какие-то обрывки испанского) в конечном счете оставила у нас ощущение *удачно проведенного вечера*, хотя мы битых два часа только и делали, что орали банальности (он был довольно-таки глуховат). После ужина он спросил, не хочу ли я взглянуть на кольца Сатурна. Ну разумеется, конечно, я хотел. Да, это было дивное зрелище, дарованное, то ли природой, то ли Богом, человеку для созерцания, в общем, что тут говорить. Хильдегарда играла на арфе, по-моему, она играла *дивно*, но, честно сказать, не знаю, можно ли вообще *плохо* играть на арфе — то есть мне всегда казалось, что этот инструмент по самой своей конструкции способен издавать только мелодичные звуки. Все это не действовало мне на нервы, видимо, по двум причинам: во-первых, умница Изабель, сославшись на усталость, выразила желание уйти довольно рано, во всяком случае до того, как я прикончу бутылку "киршвассера"; а во-вторых, я обнаружил у немца полное собрание сочинений Тейяра де Шардена в твердом переплете. Если и было на свете что-то, что неизменно рождало во мне печаль или сострадание, короче, повергало в состояние, исключающее любую форму злобы или иронии, то именно существование Тейяра де Шардена — впрочем, не столько само его существование, сколько тот факт, что у него есть или могут быть читатели, пускай и в ограниченном количестве. В присутствии читателя Тейяра де Шардена я чувствую себя настолько беспомощным и растерянным, что просто готов расплакаться. В пятнадцать лет мне случайно попалась в руки "Божественная среда", оставленная на вокзальной лавочке в Этреши-Шамаранд, видимо, каким-то обескураженным читателем. Через несколько страниц я взвыл; от отчаяния я даже разбил насос своего гоночного велосипеда о стену подвальной кладовки. Разумеется, Тейяр де Шарден был тем, у кого, как говорится, "крыша поехала", но впечатление от него оставалось откровенно тягостное. Он смахивал на тех немецких ученых-христиан, описанных в свое время Шопенгауэром, которые "едва отложив в сторону реторту или скальпель, начинают философствовать о понятиях, усвоенных во время первого причастия". К тому же он, естественно, разделял заблуждение всех левых христиан, да и христиан-центристов, скажем так, христиан, еще со времен Революции отравленных идеей прогресса, а именно верил в то, что похоть — вещь простительная, маловажная, неспособная отвратить человека от спасения души, а единственный истинный грех есть грех гордыни. Ну и где у меня похоть? Где гордыня? И насколько я далек от спасения души? По-моему, ответить на эти вопросы не составляло большого труда. Паскаль, например, никогда бы не позволил себе вещать подобную чушь: когда его читаешь, чув-

ствуется, что ему отнюдь не чужды плотские искушения, что он мог бы испытать сам все прелести либертинажа; и если он выбирает Христа, а не разврат или экарте, то не по рассеянности или неведению, а потому, что Христос представляется ему определенно более high dope[1], короче, это *серьезный* писатель. Если бы кто-нибудь вдруг обнаружил *эротические записки* Тейяра де Шардена, меня бы это в известном смысле успокоило; но я ни секунды в это не верю. Как же он умудрился так жить, этот возвышенный Тейяр, с кем он общался, чтобы составить себе настолько благостное и идиотское представление о человечестве — в то самое время, в той самой стране, где подвизались такие нехилые подонки, как Селин, Сартр или Жене? Зная, кому адресованы его посвящения, его письма, начинаешь догадываться: с изящными, прилизанными католиками, более или менее благородного происхождения, часто иезуитами. С чистыми, невинными младенцами.

— Что это ты бормочешь? — прервала меня Изабель. Только тут я осознал, что мы ушли от немца и теперь возвращаемся домой вдоль кромки моря. По ее словам, я уже минуты две разговаривал сам с собой и она почти ничего не поняла. Я коротко изложил ей суть проблемы.

— Быть оптимистом нетрудно, — желчно подытожил я, — хорошо быть оптимистом, когда не пожелал иметь детей и обошелся собакой.

— Ты сам такой же, но большим оптимистом почему-то не стал, — заметила она. — Все дело в том, что они старые, — продолжала она снисходительно. — Когда стареешь, хочется думать о чем-то спокойном, тихом и нежном. Воображать, что на небесах нас ждет нечто прекрасное. В общем, тренируешься понемножку, готовишься к смерти. Если ты не самый большой дурак и не самый большой богач.

Я остановился, посмотрел на океан, на звезды. На те самые звезды, которым Гарри отдавал свои бессонные ночи, покуда Хильдегарда предавалась импровизациям free classic на моцартовские темы. Музыка сфер, звездное небо надо мной; нравственный закон внутри меня. Я смотрел на этот кайф и видел все, что меня от него отделяло; и все же ночь была такая тихая и нежная, что я положил руку на ягодицы Изабель — они четко вырисовывались под легкой тканью ее летней юбки. Она улеглась на дюне, сняла трусы, раздвинула ноги. Я вошел в нее — лицом к лицу, в первый раз. Она смотрела мне прямо в глаза. Я четко помню, как двигались ее бедра, как она вскрикивала в конце. Я все четко помню — тем более, что тогда мы любили друг друга в последний раз.

Прошло несколько месяцев. Вновь вернулось лето, потом осень; Изабель отнюдь не выглядела несчастной. Она играла с Фоксом, ухаживала за своими азалиями; я плавал в море и перечитывал Бальзака. Однажды вечером, когда над виллой садилось солнце, она тихо сказала:

— Ты меня бросишь и уйдешь к молодой...

Я возразил, что ни разу ей не изменял.

— Знаю, — ответила она. — В какой-то момент я подумала, что у нас с тобой так и будет: ты снимешь телку, мало ли их крутится вокруг журнала, потом вернешься ко мне, потом опять снимешь телку, и так далее.

1. Букв.: сильный наркотик (*англ.*).

Мне было бы невыносимо больно, но, может, в конечном счете оно было бы лучше.

— Я однажды пробовал, девица не захотела.

Я помнил, как в то самое утро проходил мимо лицея Фенелона. Как раз началась перемена, им всем было лет по четырнадцать-пятнадцать, и все они казались красивее, желаннее Изабель, просто потому, что были моложе. Наверное, и между ними шло ожесточенное состязание в нарциссизме: одни считались у сверстников симпатичными, другие — никакими или вообще уродинами; не важно: за любое из этих юных тел мужчина на пятом десятке был готов платить, платить дорого, больше того, готов был в случае отказа поплатиться своей репутацией, свободой и даже жизнью. Решительно, человеческое бытие — такая простая штука! И притом такая безысходная... Зайдя за Изабель в редакцию, я попробовал снять какую-то, что ли, белоруску, ждавшую своей очереди фотографироваться для 8-й страницы. Девица согласилась пропустить со мной стаканчик, но запросила пятьсот евро за минет; я отказался. В то же время арсенал юридических способов борьбы с совращением малолетних пополнялся все более суровыми средствами; все чаще и энергичнее звучали призывы к химической кастрации. Разжигать желания до полной нестерпимости, одновременно перекрывая любые пути для их осуществления, — вот единственный принцип, лежащий в основе западного общества. Я это знал, знал досконально, построил на этом множество скетчей, и все равно вполне мог бы подчиниться общей закономерности. Я проснулся среди ночи и выпил залпом три больших стакана воды. Я представил себе, сколько унижений придется пройти, чтобы совратить любую девочку-подростка: сначала ее невозможно будет уговорить, потом она застыдится, когда мы вместе выйдем на улицу, станет колебаться, а стоит ли знакомить меня с друзьями, — и не раздумывая бросит меня ради мальчишки, своего ровесника. Я представил себе, как эта история повторяется, раз за разом, и понял, что это выше моих сил. Я отнюдь не считал, что меня минуют законы природы: тенденция к снижению эректильной функции, потребность в юных телах, чтобы приостановить этот процесс... Я открыл упаковку салями и бутылку вина. Что ж, буду платить, сказал я себе; когда до этого дойдет, когда мне нужны будут юные попки, чтобы поддержать эрекцию, я буду платить, но платить по существующим расценкам. Пятьсот евро за минет — да кто она такая, эта славянка? Это стоит от силы пятьдесят, не больше. В ящике для овощей я обнаружил заплесневелый стаканчик японской лапши. На этой стадии размышлений меня поражало не то, что малолеток можно достать за деньги, но что некоторых за деньги, по крайней мере за обозримые деньги, достать нельзя; короче, мне был нужен отлаженный рынок.

— Иными словами, ты не заплатил, — заметила Изабель. — И до сих пор, спустя пять лет, все еще не можешь решиться. Однако случится другое: ты встретишь девушку, не Лолиту, нет, скорее девушку лет двадцати-двадцати пяти, и влюбишься в нее. Она будет умная, симпатичная, довольно красивая, конечно. Девушка, которая могла бы стать моей подругой... — Наступила ночь, и я больше не видел ее лица. — Которая могла бы быть мною... — Она говорила спокойно, но я не знал, как понимать это спокойствие, в ее интонации слышалось что-то непривычное,

а у меня, в конце концов, не было никакого опыта в таких ситуациях, до Изабель я никого не любил, и уж тем более ни одна женщина не любила меня, кроме Толстожопой, но это другая проблема: когда мы встретились, ей было не меньше пятидесяти пяти, по крайней мере мне тогда так казалось, она годилась мне в матери, ни о какой любви с моей стороны речи не шло, мне такое и в голову не приходило, а безнадежная любовь — это совсем не то, конечно, это очень тяжело, но при ней никогда не возникает такой близости, такой чувствительности к интонациям другого, даже у безнадежно влюбленного, тот слишком погружен в свое лихорадочное, тщетное ожидание, чтобы сохранить хоть каплю проницательности, способности верно истолковывать какой бы то ни было сигнал; короче, я находился в ситуации, не имевшей прецедентов в моей жизни.

Никто не может видеть выше самого себя, пишет Шопенгауэр, поясняя, что между двумя личностями со слишком разным уровнем интеллектуального развития обмен мыслями невозможен. В тот момент Изабель явно могла видеть *выше меня*; я осмотрительно промолчал. В конце концов, сказал я себе, я могу и не встретить никакой девушки; если учесть, насколько узок мой круг общения, скорее всего, так оно и будет.

Она по-прежнему покупала французские газеты, не так чтобы часто, где-то раз в неделю, и время от времени, презрительно фыркнув, протягивала мне какую-нибудь статью. Примерно тогда же французские массмедиа развернули шумную кампанию за дружбу; открыл ее, кажется, "Нувель обсерватёр" "Любовь проходит, дружба — никогда" — примерно так звучала главная тема статей. Я не понимал, какой интерес пережевывать подобную ахинею; Изабель объяснила, что это *лапша*, которую каждый год, с некоторыми вариациями, вешают на уши читателям; идея сводилась к тому, что "мы расходимся, но остаемся добрыми друзьями" По ее словам, эта жвачка будет тянуться еще лет пять-шесть, а потом наконец можно будет публично признать, что переход от любви к дружбе, то есть от сильного чувства к чувству слабому, очевидным образом предваряет угасание всякого чувства вообще — само собой, в историческом плане, потому что в плане индивидуальном равнодушие было бы наилучшим исходом ситуации: обычно разлагающаяся любовь превращается не в равнодушие и уж тем более не в дружбу, а попросту в *ненависть*. На этой основе я набросал сценарий под названием "Две мухи на потом", которому суждено было стать кульминационной — и завершающей — точкой в моей кинематографической карьере. Мой агент пришел в восторг, узнав, что я вновь принялся за работу: перерыв в два с половиной года — это долго. Когда в руках у него оказался конечный продукт, восторгов поубавилось. Я не скрывал, что пишу сценарий фильма, собираясь выступить в роли его режиссера и сыграть главного героя; проблема не в этом, даже наоборот, сказал он; люди давно уже ждут, хорошо, если удастся их удивить, можно сделаться *культовой* фигурой. Но вот содержание... Нет, правда, неужели у меня не найдется чего-нибудь получше?

В фильме описывалась жизнь человека, любимым развлечением которого было бить мух резинкой (отсюда и заглавие); как правило, он промахивался — все-таки это был полнометражный трехчасовой

Сигнальный экземпляр

фильм. Второе, чуть менее любимое развлечение этого культурного человека, большого почитателя Пьера Луиса[1], состояло в том, что он давал сосать свой конец девочкам предпубертатного возраста — ну, самое большее лет четырнадцати; с девочками получалось лучше, чем с мухами.

Вопреки тому, что твердили впоследствии проплаченные массмедиа, этот фильм отнюдь не провалился с треском; в некоторых странах он даже встретил триумфальный прием, а во Франции сделал вполне сносные сборы, хотя и не достигшие тех цифр, каких можно было ожидать, учитывая, что до тех пор моя карьера была одним головокружительным взлетом; вот и все.

Зато у критики он действительно не имел успеха, причем мне и сейчас кажется, что незаслуженно. "Дурно пахнущая буффонада" — такой заголовок поместила "Монд" ловко отмежевавшись от более высоконравственных коллег, которые в своих изданиях первым делом ставили вопрос о запрете фильма. Конечно, дело шло о комедии, большинство гэгов были незамысловаты и даже пошловаты; и все же отдельные диалоги в ряде сцен задним числом кажутся мне лучшим, что я написал в своей жизни. Например, длинный панорамный эпизод на Корсике, снимавшийся на склоне холма в Бавелле: там герой (его играл я) привозил в свой загородный дом малышку Аврору (девяти лет), которую покорил на Диснеевском полднике в Морском парке аттракционов в Бонифачо.

— Какой смысл жить на Корсике, — бесцеремонно заявляла девочка, — если не можешь заложить вираж...

— Видеть, как мимо несутся машины, это уже немножко жить, — отвечал он (отвечал я).

Никто не смеялся; ни на предварительном показе, ни на премьере, ни на фестивале комического кино в Монбозоне. И все же, говорил я себе, и все же я никогда не поднимался до таких высот. Куда самому Шекспиру до подобного диалога? Разве пришло бы ему такое в голову, жалкой деревенщине?

За не слишком занимательным (или заниМАТТЕЛЬным, ха-ха, именно так я в то время изъяснялся в интервью) сюжетом о педофилии в фильме скрывалось нечто большее: это был пламенный протест против *дружбы* и, шире, против любых *не-сексуальных* отношений. Действительно, что еще оставалось *обсуждать* двоим после определенного возраста? Какой резон было двум мужчинам оставаться вместе, если, конечно, их интересы не пересекались или же их не объединяла какая-то общая цель (свергнуть правительство, построить шоссе, написать сценарий мультфильма, истребить евреев)? Очевидно, что в определенном возрасте (я имею в виду людей определенного интеллектуального уровня, а не состарившихся кретинов) *все уже сказано.* Разве такая пустая сама по себе цель, как *вместе провести время*, может породить в отношениях двух мужчин что-то, кроме скуки, неловкости и в конечном счете откровенной враждебности? Тогда как между мужчиной и женщиной всегда, в любом случае что-то остается: небольшое влечение, маленькая надежда, крошечная мечта. Слово, изначально предназначенное для спора и несогласия,

1. Пьер Луис (1870—1925) — французский писатель.

так и несет на себе клеймо своего воинственного происхождения. Слово разрушает, слово разделяет, и, когда между мужчиной и женщиной не остается ничего, кроме слов, мы справедливо полагаем, что их отношениям пришел конец. Когда же, наоборот, слово сопровождается, смягчается и в некотором роде освящается ласками, оно может приобретать иной, менее драматичный и более глубокий смысл, превращаясь в некое интеллектуальное сопровождение – отвлеченное, свободное, бескорыстное.

Тем самым в моем фильме звучал протест не только против дружбы, но и против всей совокупности социальных отношений, если они не сопровождаются физическим контактом; он был (и только журнал "Отстой" счел нужным это отметить) косвенной апологией бисексуальности и даже гермафродитизма. В общем, я возвращался к традиции древних греков. Под старость все мы вспоминаем о греках.

"И сей красотой полон круг земной"

Поэзия немецкого барокко

Переводы с немецкого
Вступление Александра Маркина

В 1624 году увидела свет "Книга о немецкой поэзии" силезского поэта-полигистора Мартина Опица (1597—1639) — первая поэтика на немецком языке, написанная по античным (Гораций) и ренессансным (Скалигер) образцам. Автор этой весьма небольшой по меркам той эпохи книги, апеллируя к авторитету итальянцев Петрарки и Ариосто, французских поэтов Плеяды (прежде всего Ронсара) и голландца Гейнзия — а все они сочиняли на своих родных языках, — призвал соотечественников последовать примеру прославленных европейских поэтов и начать слагать стихи на немецком.

Немецкий язык между тем находился в весьма плачевном состоянии: едва ли существовал единый свод грамматических и орфографических правил, язык был отягощен диалектизмами и многочисленными чужеродными заимствованиями и в ученых кругах считался малопригодным для поэзии по античным образцам. Все это крайне осложняло труд литераторов, и ведущим литературным языком оставалась латынь, в то время как рост национального самосознания и лютеранская идеология требовали от писателей обращения к родному языку. В 1601 году поэт Теобальд Хок (1573—1658) в стихотворении "О немецкой поэзии" (мы приводим его подстрочный перевод) негодовал: "У немцев есть особая манера / С прилежанием изучают они языки других народов / И хотят быть в них сведущими. // <...> Подобное рвение, конечно, весьма похвально. <...> Только коли бы таким рвением / Не принижали бы они / Свой собственный язык. // А то ведь другие нации не стыдятся / Хвалить и превозносить свои языки / И писать на них искусные стихи. // <...> Так почему же и мы не можем полюбить свой немецкий язык, / Приведя его в подобающую форму?" Хок тут же отвечал на свой вопрос: "Да потому что немецкий язык намного труднее / Всех остальных языков / И требует в работе больше усилий и усидчивости".

Изложенные в "Книге о немецкой поэзии" правила — от скупых разъяснений жанровой иерархии до указаний о том, какие размеры лучше всего подходят для немецкого стихосложения, и рекомендаций по унификации правописания — должны были помочь современникам Опица справиться с нелегкой задачей окультуривания почвы родного языка.

Усилия Опица почти моментально принесли плоды: его старшие конкуренты на поэтической сцене, например Георг Векерлин (1584—1653), поэт более виртуозный, нежели Опиц, поспешили привести свои сочинения в норму в соответ-

© Александр Маркин. Вступление, 2006
© Владимир Летучий. Перевод, 2006
© Алексей Прокопьев. Перевод, 2006

ствии с "опицианскими правилами" Среди членов многочисленных языковых обществ, которые образовывались в первые десятилетия XVII века при княжеских дворах (эти общества ставили перед собой цели, сходные с той, что сформулировал Опиц: приучить немцев к правильному языку, доказать его "эстетическую ценность" и поднять немецкую литературу до общеевропейского уровня), "Книга о немецкой поэзии" стала предметом тщательнейших штудий. Несмотря на непростое отношение аристократов к Опицу, сыну мясника из силезского городка Бунцлау, даже они не могли не признать его сочинение исключительно полезным. За этим литературным реформатором тотчас же с воодушевлением последовали молодые поэты, для которых "Книга о немецкой поэзии" стала основным подспорьем в их ремесле. Друг и преданный поклонник Опица Август Бухнер (1591—1661), преподаватель риторики и теологии в знаменитом Виттенбергском университете, начал читать лекции по поэтике, опираясь на книгу своего товарища. Бухнер собрал вокруг себя и воспитал многих будущих прославленных авторов: среди его учеников были Филип фон Цезен (1619—1689), романист и поэт, зарабатывавший на жизнь — что было в то время необычным — практически одним лишь литературным трудом, поэты Иоганн Клай (1616—1656) и Пауль Герхард (1607—1676). Последний позже снискал себе славу как один из родоначальников пиетизма, а его стихи перекладывали на музыку многие композиторы, в том числе Иоганн Себастьян Бах.

Бухнер значительно конкретизировал и систематизировал тезисы Опица. В еще большей мере, нежели силезец, он опирался на античную традицию, требовавшую от поэта неотступного следования канонам и строгим правилам. Правда, в своих лекциях ученый из Виттенберга, дополняя Опица, указал на возможность использовать в немецком стихосложении, кроме ямба и хорея, еще и трехсложные стопы. Это замечание Бухнера открыло поэтам путь к экспериментам со стихом — сделало стих более пластичным и способствовало обогащению немецкого поэтического лексикона. (Впрочем, главенствующим стихотворным размером немецкой поэзии после книги Опица стал и на протяжении почти полутора веков оставался александрийский стих: шестистопный ямб с цезурой после третьей стопы.) Кроме того, виттенбергский ученый уделял гораздо больше, нежели Опиц, внимания выразительной стороне языка. Поэзия в риторическую эпоху, последним пышным цветением которой было искусство барокко, во-первых, понималась как "говорящая живопись" ("слова сродни краскам, которыми рисует поэт") и, во-вторых, "доставляя наслаждение", должна была еще и "приносить пользу", ее целью было "забавлять и поучать" (prodesse e delectare). Искусное обращение со словом и виртуозное владение всем обширным арсеналом риторических приемов должно было сподвигнуть читателя к христианской добродетели, ведь "сам Господь и Сын его, наш Спаситель, говорили с апостолами и пророками посредством сравнений и эмблем"

Барочное слово в первую очередь выразительно, образно, направлено на внешний эффект. В лекциях по поэтике Бухнер отводит особое место звукописи. (Этой области Опиц в "Книге о немецкой поэзии" коснулся лишь вскользь, указав, что поэт может подобрать для описаний такие слова, которые будут подражать изображаемому явлению.) У Бухнера же и его учеников звукопись становится онтологией: в звучании немецких слов проступает не просто внутренняя суть обозначаемых ими вещей и явлений — посредством немецкого языка с нами, услаждая слух, вступает в разговор сама природа. И Бог — коли, как учит Лютер, "языки — это ножны духа" Протестантские ученые мужи утверждали, что немецкий язык является ближайшим наследником древнееврейского — языка Библии, языка, на котором говорили ангелы и прачеловек Адам. "С помощью не-

мецких стихов мы подражаем ангелам и, пусть лишь на один шаг, приближаемся к Богу", — писал нюрнбергский патриций, поэт и автор обширного теоретического труда "Поэтическая воронка" Георг Филипп Харсдёрфер (1607—1658).

Для бухнеровского ученика И. Клайя, основавшего в 1644 году вместе с Харсдёрфером "Пегницкий цветочный орден", одно из самых известных германских языковых обществ той эпохи, которое культивировало не только правильный язык, но и патриотизм и прочие "немецкие добродетели" (включая — в самый разгар Тридцатилетней войны! — религиозную терпимость), стремление к предельной выразительности связывается с мыслью, что исключительные звукоподражательные возможности — это та отличительная черта, которая ставит немецкий выше всех остальных древних и новых языков. Об этом он говорит в своей "Похвале немецкому языку", напечатанной в год основания ордена. Доказывая этот тезис, Клай в собственных стихах стремится достичь исключительных высот звукописи. В немецком тексте стихотворения "Приход весны" поэт, виртуозно играя словами и звуками, создает целый ряд звукообразов, как бы погружая читателя в шум пробуждающейся жизни. Читателя захватывает пьянящая радость прихода весны: до него доносится журчание ручьев, он слышит, как тает под теплыми лучами солнца снег, видит переливы света на лужайках, покрытых нежной весенней зеленью, ликование пастухов, кружащихся в хороводе. В каждой строфе поэт искусно выстраивает стих вокруг определенных созвучий, на которые опираются ассонансы и аллитерации. Точно так же в стихотворении "Приход зимы" искусные манипуляции поэта с сонорными и глухими согласными как бы уводят читателя в тишину, воспроизводя приглушенность звуков в заснеженном мире. Однако тематика этих стихотворений — смена времен года (а у другого барочного поэта, Андреаса Грифиуса, о нем речь ниже, — дня и ночи) — должна была напомнить о бренности всего земного. Даже в исключительно жизнерадостном стихотворении Клайя о начале весны находится место для предупреждения о неизбежности смерти: вторая строфа в оригинале гораздо более тревожная, нежели русский ее перевод, в ней говорится о сорванном цветке клевера, и если знать, что немецкое слово "Klee" ("клевер") созвучно фамилии поэта и было его псевдонимом в обществе "Пегницких пастухов", а употребленный здесь Клайем глагол "brechen" ("срывать") имеет еще и другие значения — "ломать", "ломаться", "замирать", "затихать", — то стихотворение начинает играть совсем иными красками.

Другой особенностью литературы того времени была ее близость к изобразительному искусству, к графике. В эпоху барокко чрезвычайную популярность получила эмблематика. Эмблемы — особые риторические образования, синтезирующие в себе изобразительное искусство и литературу. Обычно эмблема состоит из трех частей: краткого заголовка (motto, lemma, inscriptio), картинки (pictura, imago), на которой изображена конкретная сцена (из жизни животных либо на сюжет из античной или библейской мифологии), так или иначе соотносящаяся с заголовком, и подписи (subscriptio) — эпиграммы, — которая разъясняет нарисованное и соотносит заголовок-сентенцию с картинкой. Посредством установления связи между подписью и изображением выявляется некая жизненная мудрость, моральное правило. Конкретное, наглядное в эмблемах соотносится с абстрактным, всеобщим; "использование эмблематики покоится на убеждении, что мировой процесс исполнен раскрывающимися таинственными отсылками, скрытыми значениями и замаскированными смысловыми соответствиями, и на представлении о том, что все видимое имеет характер отсылки к более высокому, внутреннему, принципиальному смыслу миропорядка" (Г. фон Вильперт).

Трехчастная структура эмблемы находила соответствие в любимом лирическом жанре литературы барокко — сонете; заголовок здесь занимает место деви-

за, в то время как два катрена соответствуют картинке (нередко эти катрены были не чем иным, как словесным описанием эмблематического изображения), а терцина — подписи, суммирующей описанное в катренах и раскрывающей смысловую связь заголовка и изображения. Кроме того, эмблемы были чрезвычайно удобны в использовании: они всегда отсылали к традиционным, устоявшимся образам и их шаблонным истолкованиям, поэтому идеально подходили для литераторов того времени: в XVII веке поэт не ставил перед собой задачи выразить свой внутренний мир или лирические переживания с помощью новых, оригинальных описаний, главным в его деятельности было умение по-новому соединять и варьировать уже существующие, известные темы и образы. (В этой связи примечательно композиционное сродство многих барочных стихотворений с тогдашним излюбленным музыкальным жанром — фугой.) Расхожие темы и образы, стандартные сравнения, метафоры и т. п. как раз и заимствовались из широко распространившихся эмблематических книг и особых сборников, "поэтических кладовых", в которых были собраны "красивые слова и выражения, изысканные описания" — все необходимое для того, чтобы стихотворение приобрело "изящный и благородный вид". Подобное обращение с поэтическим материалом, между прочим, помогало литератору той эпохи соприкоснуться с вечностью: составляя текст из традиционных поэтических образов, нередко восходящих к древним или библейским текстам, поэт как бы погружался в Безвременное, становясь в один ряд с бессмертными авторами, и в то же время он сам гарантировал традиции дальнейшую жизнь.

Для барочного поэта не существует ничего индивидуального: любая вещь или явление раскрывают себя, лишь обнаруживая связи с Богом, любое событие исторической или частной жизни становится значимым лишь в соотношении со Священной историей; и как бы нам ни хотелось рассматривать некоторые произведения барочных поэтов в качестве своего рода биографических документов — так, например, долгое время воспринимали сонеты выдающегося силезского поэта Андреаса Грифиуса (1616—1664), — на самом деле они никогда не описывают внутренних, "настоящих", в понимании современного человека, переживаний. Известно, что Грифиус часто и тяжело болел, но сонеты "Слезы, пролитые во время тяжелой болезни", "Плачу во время тяжелой болезни", "К друзьям, обступившим мою постель", "К самому себе" имеют мало отношения к конкретным событиям в жизни поэта. Сонет "К друзьям, обступившим мою постель" является поэтической переработкой лютеранской проповеди. "Слезы" и "плач" в заглавиях других сонетов — это не знаки богатой внутренней жизни лирического героя — так слезы начнут восприниматься лишь столетие спустя, — но свидетельства религиозной аффектации, сопричастности страданиям Христовым. Все это — стихи о готовности вернуться в лоно Божье и впечатляющее напоминание о бренности всего сущего.

Композиция двух книг сонетов Грифиуса, дополняющих друг друга ("Сонеты. Первая книга", 1643; "Сонеты. Вторая книга", 1646), подчеркивает незначительность частного. Первая книга открывается двумя обращениями к "Богу Святому Духу" (эти стихотворения занимают место традиционного в риторической поэтике призыва к музе или покровителю), затем следуют четыре сонета, посвященные ключевым событиям Священной истории — и жизни Иисуса: "О Рождестве Иисуса", "О темнице Господней", "О теле Господа", "Распятому Иисусу". Все последующие сонеты — это примеры праведной или неправедной жизни, в них так или иначе варьируются одни и те же темы: мимолетность, тщета всего земного (vanitas), ничтожность человека, необходимость земной муки и страданий, сближающих человека с Господом и открывающих путь к вечной жизни. Вторая книга за-

вершается сонетами "Смерть", "Страшный суд", "Ад", "Вечная радость спасенных" — круг Священной истории замыкается, а поэт ясно указывает на место всего преходящего в высшем миропорядке: "Все суета" — так называется одно из самых известных стихотворений Грифиуса.

Характерным выражением тяготения барочной поэзии к живописности были и фигурные стихи, любимый жанр "Пегницких пастухов" и поэтов нюрнбергского круга, корнями уходящий в позднюю античность. Изображение, внешняя форма, в которую складывались здесь слова и строки, тесно связано с содержанием, такие стихотворения "стремятся зримо запечатлеть контуры смысловой цельности, насладить... всеобщей взаимосвязью смыслов" (А. Михайлов). Разумеется, написание подобного стихотворения требовало от поэта исключительного мастерства и виртуозных навыков владения разнообразными стихотворными размерами. Чаще всего фигурные стихотворения имели очертания яйца, кубка, сердца, креста, песочных часов — вещей непрочных, бьющихся, по самой сути своей напоминающих о неустойчивости бытия и поколебимости веры (XVII век начинался в германских землях с разрушительной Тридцатилетней войны между католиками и протестантами), — и вместе с тем наглядно показывали, что слово способно продлить существование даже очень хрупких предметов или тончайших движений души, ибо оно живет дольше вещей и человека.

Александр Маркин

Иоганн Гельвиг[1]

Монумент, или колонна чести

О
здесь
сам ход
пегницких вод
как оплот
встает,
так
в знак
новый дух
внес пастух.
И сей красотой
полон круг земной:
песни, сказы из былого
украшают край наш снова.
И богат родник вековечным знаньем,
коим утолять жажду не устанем.
Кто скорбит, тех живит,
вдруг забыв сей мотив,
средь забот вмиг пройдет
радость дней, груз скорбей.
В сем искусства суть в мудрости своей,
коя славы ждет в милости князей.
Впредь в потомках сей отзовется глас,
мужество и кровь грея всякий раз.
Счастлив, счастлив тот, кто легко несет
посох пастуха средь земных невзгод,
ибо пользу видит в том, сколь сия игра нужна,
так как желчность и тоску изгоняет прочь она.
Зов слушай пастуший, встречая, венчая и зная:
германское слово — основа родного народа и края.

1. Иоганн Гельвиг (1609–1674) родился в Нюрнберге, сперва учился в гимназии в Эрфурте, потом в Нюрнберге, с 1627 г. обучался медицине в Альтдорфе, с 1631 г. – в Страсбурге, потом – в Монпелье, Падуе и снова в Нюрнберге; с 1645 г. – член "Пегницкого цветочного ордена" и лейб-медик кардинала фон Вартенберга в Геренбурге.

В 1650 г. выпустил книгу "Нимфа Норис, представленная в двенадцати частях дня. С приложением многих красивых стихов..." (*Здесь и далее – прим. А. Маркина.*)

Песочные часы

О смертный, глянь, как днесь весть разглашаю я
о том, сколь краток путь земного бытия!
Злой * Наша жизнь, смотри, вечная война,* Ночь,
рой, но превратится в дым со временем она. День,
как Вера, время, труд беды перетрут; прочь,
звон, заботы, хвори нас гнетут. Тень,
звяк Как в стекле песок сгинь,
крон, истечет в свой срок, стынь.
Без так земля прейдет Бег
дна в свой черед вод,
без- и с ней век,
дна, Слава наших дней. Род.
Грех Призрак смерти — ах! — Скат,
всех; сеет страх взлет,
новь и сгибает ад
сил, или окрыляет, ждет.
Кровь то отсрочкою дарит; Ах,
жил; но никто здесь не забыт. Прах,
худ Нынче смерть придет за мной, мрак
вздор, а назавтра в дом нагрянет твой. Мук;
суд Сила не спасет, роскошь всех палат; враг,
скор. * Ум, богатство, честь — смерть они смешат.* друг.
Так думай, смертный, сам, как жить, ищи ответ:
до старости благой не так уж много лет.

Юстин Георг Шоттель[1]

Крест из хореических строк

Много боли
В сей юдоли,
И в кручине
Грешен ныне,
Сам же стражду, жить поскольку не могу я,
Как душа желает; ежедневно тщусь я всуе
Подчиняться только лишь небесной воле,
Внемлю коль я плотской воле боле.
Прочь, химеры,
В жажде веры,
Дай узреть
Бога впредь;
Благом истым
В небе чистом
Он сияет,
Нас спасает,
В состраданье
К каждой ране
Лик склоняя.
Днесь взываю
В слезной дрожи:
Сжалься, Боже.

1. Юстин Георг Шоттель (1612–1676) – родом из Айнбека; обучался торговому делу в Гильденсхайме, Гельмштадте и Гамбурге; в 1635 г. отправился в Нидерланды, возможно, посещал лекции Гренинге; в том же году приступил к изучению юриспруденции (в Лейдене). С 1642 г. член веймарского "Плодоносящего общества", также член "Пегницкого цветочного общества"· внес значительный вклад в развитие грамматики, языковедения, поэтики, философии морали и теологии (его теологические воззрения были проникнуты протестантско-мистическим духом).
Автор книг "Детальное исследование главного немецкого языка" (1641) и "Немецкие стихи, или Искусство рифмы" (1656).

Филипп фон Цезен[1]

К *глазам его любимой*

В ее глазах огонь! Огонь? Лучи рубина.
Ах, нет же! Молния! Грозой раскалена,
Из глаз ее сейчас вошла в меня она.
Не молния, нет-нет, се — дрот, и столь невинно
Она играет им, когда пред ней мужчина.
Не дротик — солнце, да; и им затмить вольна
Она весь белый свет; о, месть весьма страшна
Для провинившихся. Не солнце, но едино
С сияньем звезд; о нет! Что ж взор мой ослепляет?
Огонь не влажен так, рубин не так слепит,
И молния тусклей, так дротик не разит,
Нет в солнце столько сил, звезда не так сверкает.
Иль впрямь сойдешь с ума, заворожат когда
Огнь, молния, рубин, дрот, солнце и звезда?

Стихотворение-кольцо с рифмами обычного рода

За кругом круг. Пей, окорок вкушая,
В руке стакан, другой — стучу, взвывая
На истинно немецком, хоть, ей-ей,
Петь по-голландски впору глотке сей.
Отдельно с каждым пью, бредя до края,
Хотя в глазах из звезд чреда златая;
Горлань и дуй в рожок, всех заглушая:
Передохнем от вековых скорбей!
За кругом круг.
Пустой стакан на стол я опускаю,
Се значит: я вполне соображаю,
И от вина становишься мудрей.
Ура! Сосед, а ну еще налей;
Пьем, здравье Розамунды возглашая.
За кругом круг.

1. Филипп фон Цезен (1619–1689), предположительно с 1633 г. учился в Халле, с 1639 г. — в Виттенберге; побывал в Нидерландах (Лейден, Амстердам, Утрехт), Лондоне и Париже; член веймарского "Плодоносящего общества"; поэт, историк, знаток мифологии, романист, публицист и переводчик.
Прославился как автор книги "Предвкушение поэтического леса роз, или Радость для богов и нимф", вышедшей в Гамбурге в 1642 г.

Жанр обычного рода, снабженный женскими рифмами

Все, что сей шар и что нас окружает,
Все, что под красным солнцем созревает,
Идет, стоит, скользит, ползет, живет –
Свой знает час и свой круговорот.
Все, что на свет родится и готово
Стать от своей земли отъятым снова,
Свой знает час; когда взойти, пропасть,
Завянуть и в цвету купаться всласть,
Свой знает час; корчевка, рубка, кройка,
Посадка, врачеванье, ломка, стройка
Свой знает час; все, даже плач и смех,
Страданье, пляска, радость, боль, успех
Свой знает час; и верность, и измена,
Разброс и сбор камней попеременно,
Когда лобзать, печалиться, шутить,
Свой знает час; терять и находить;
Гнев, доброта, ревнивость, ласка, ярость
Свой знает час; и молодость, и старость,
Любовь и ненависть, мир и вражда –
Все знает час: за чередой чреда.

Пальма
в честь достойного высочайшей похвалы плодоносящего общества

Зрелые, спелые
плоды на дереве да растут,
и да будет пальма вечно нова,
и сами князья пускай песни поют,
обучают и с пылкостью множат права
немецких самых роскошных по своей красоте речений,
кои достойны во веки веков восхвалений,
высясь над языками, коим и счета нет:
как пред
страной,
чрез бой
и гром,
с трудом
взят сей
трофей,
ценней
всех благ,
как знак
начал
он подвиг увенчал.

Катарина Регина фон Грайфенберг[1]

Противошаг

Горе — мой всегдашний хлеб:
День без счастья бьет как цеп!
Но желанней мне сей цеп,
А не мой всегдашний хлеб.

Ах, гнетет житье-бытье,
Одиночество мое —
Одиночество мое
Все ж сластит житье-бытье.

Горе, что не превозмочь,
Все услады гонит прочь —
Стойкость духа гонит прочь
Горе, что не превозмочь.

Коль к страданьям долг ведет,
Превращается он в гнет —
Доброволен коль сей гнет,
То он к славе приведет.

Бой со злом все длится мой,
И неравен этот бой —
Как проигрываю бой,
Славит зло сей подвиг мой.

В море бедствий без Творца
Не дотянешь до конца —
Правь свой челн, не жди конца,
В море милостей Творца.

Тучи грусти по пути
Зрят, где плачем изойти —
Солнце может вдруг взойти
На безвыходном пути.

1. Катарина Регина фон Грайфенберг (1633—1694) родилась в семье австрийских аристократов-протестантов. В 1641 г. умер ее отец, и Катарина была отдана на воспитание его брату, Гансу Рудольфу фон Грайфенбергу. В 1662 г. Ганс Рудольф издал первую книгу стихов своей воспитанницы, еще два года спустя Катарина Регина вышла за него замуж. В 1663 г. под давлением католиков и из-за угрозы турецкого вторжения семья Грайфенберг покидает Австрию и переселяется в Нюрнберг. Катарина Регина, впрочем, неоднократно предпринимает поездки на родину с тем, чтобы обратить австрийского императора Леопольда в протестантство. В 1677 г. умирает муж Катарины Регины, и с тех пор поэтесса больше не покидает пределов Нюрнберга. Снискав себе славу пламенными религиозными стихами и виртуозным владением стихотворными формами, Катарина Регина фон Грайфенберг стала влиятельным членом нескольких немецких языковых обществ.

Если мне сулит пропасть
Скорби сумрачная власть,
Духа пламенная власть
Не позволит мне пропасть.

Готфрид Файнлер[1]

На день именин своего отца и Иоанна Крестителя 24 июля

О
Время
Златое! О
Жизни кипенье!
О
Светлая
Радость! О
Реющий глас,
Понятный сейчас
Для всех, как даренье
Блаженного неба! О счастье в груди!
Сгинь же уныние, сгинь, пропади!
Ныне вкушаем мы время веселья,
Светлый Иванов день люди узрели.
Громче, о смертные! Этот ваш крик
Днесь возглашает торжественный миг.
Пойте, пусть скрипки играют,
Арфы пускай не смолкают,
И возликуйте дружней,
Розы несите скорей,
Венцы обвивая.
Днесь, одаряя,
Славим тебя,
Сердечно любя,
Апостол, учитель,
О солнце-родитель,
Бога всех скорбных отец,
Чей столь торжествен венец,
Светом Иванова дня весь расцвечен:
Тысячу раз призывайте с мольбой
Благо души и счастливый покой —
Он благодатью небесной отмечен!

1. Готфрид Файнлер (1650–1704) родился в Гляйне близ Наумбурга; изучал теологию в Лейпциге и Йене, с 1696 г. был диаконом в Вийе-на-Унштруте и пастором в соседнем Гарнбахе. В 1677 г. выпустил книгу "Поэтический потешный сад".

Иоганн Клай[1]

Приход весны

Весенним цветеньем лужайки пленяют,
Пленяют, влюбляют, как жемчуг сияют,
И к талым зерцалам взор нимфы склоняют.
Дай сгинуть снегам
И плыть по морям,
Гадать по цветам.
И гибкие рыбки резвятся ликуя,
Несутся, смеются потоки и струи,
Встречаясь, сливаясь, друг друга целуя.
Щевронки поют,
Звон, шепот и гуд
Пастушек влекут.
И стадо так радо, на луг высыпая,
Танцуют, ликуют селяне средь мая,
Средь мая скликая все блага для края.
Стада за рекой,
Пес тявкает злой,
Душист перегной.

Приход зимы

Я стыну, не двину рукой, леденея,
И, маясь, склоняюсь под вьюгой к земле я,
От студы, как блюдо от жара, алея.
Сядь к печке скорей
И пальцы согрей,
Да кубок налей.
Трубите, скачите, о девы, верхами
На волю по полю, сшибаясь с кустами;
Все сами с усами, хвалясь закромами.
Там режут свинью,
И кличут родню –
Раздолье жранью!
Букеты от лета весне как награда,
А гений осенний – для лоз винограда,

1. Иоганн Клай (1616–1656) родился в городе Майсене. С 1634 г. изучал теологию и риторику в Виттенбергском университете у Августа Бухнера. В 1643 г. Клай приехал в Нюрнберг. Здесь – во многом благодаря своему риторическому таланту – он очень быстро стал вхож в круги патрициев, познакомился с Георгом Филиппом Харсдёрфером и вместе с ним основал языковое общество "Пегницкий цветочный орден", существующее до сих пор. В 1651 г. Клай стал пастором лютеранской общины города Китцингера и навсегда оставил литературную деятельность.
Клай был изобретателем "разговорной драмы" (Rededrama) – синтетического жанра, в котором особым образом соединялись драматические, эпические и лирические элементы и неотъемлемой частью которого являлось музыкальное сопровождение. Эти драмы игрались в церквах и в домах богатых нюрнбергских патрициев по большим праздникам.

А вьюги — подруги январского хлада.
Мир всеми забыт,
До времени спит,
Снегами укрыт.

Анакреотическая ода
Голос Марии Магдалины

Коль сверху ты сияешь,
Звезда, в сей вышине
И рожками киваешь
Поникшей в горе мне,
Ах, молви, что пропало,
О чем печалюсь я,
О том, кого не стало,
Кто так любил меня?

О звезды, вы горите
Вполсилы в вышине
И скрыться прочь спешите,
Лишь вспомните о дне.
Ах, что же отсияло
И чем утешусь я,
И как того не стало,
Кто так любил меня?

Леса, луга, долины
Дарящей жизнь земли,
Холмы, поля, равнины,
Как вы цвести могли,
Когда того не стало,
Кто так любил меня?
Ах, как душа устала
И как страдаю я!

Зеленые пустыни,
И ты, весенний цвет,
Пестреющий в кручине, —
Скажи, где милый след?
Фиалки, где сияя —
Ах! — путь его полег,
Того, о ком страдаю,
Кто сердце мне зажег.

Иоганн Людвиг Праш[1]

Полуправильно, неправильно

Ах, что ни делай мы, полдела выйдет вскоре,
И полу-служим мы, живем в полу-раздоре,
Мы полу-знатоки, поем полу-хвалу,
И полу-чтим богов, и жертвуем полу-,
Мы полу-варим снедь, полу-сгибаем выи,
Церера полу-жнет, и полу-шьют портные,
Приветствуем полу-, прияв полу-привет,
А на полу-вопрос даем полу-ответ,
Полу-оплачен труд, а лекарь полу-лечит,
Астрее[2] полу-чет являет полу-нечет,
И хочется тогда взять полновесный меч
И у половников по полглавы отсечь.

Пауль Флеминг[3]

К *себе*

Будь мужествен и прям. Беги от пустобая.
От счастья не жирей. И зависть презирай.
Сам ублажай себя, безропотно страдай,
Рок, время и свой край ни в чем не укоряя.

Живи, свою печаль лишь близким поверяя.
Покорствуя судьбе, не плачься, как слюнтяй.
Велений зря не жди, что должно, исполняй.
И греет пусть тебя надежда всеблагая.

1. Иоганн Людвиг Праш (1637–1690) был ученым-полигистором и, как большинство поэтов эпохи барокко, вынужден был служить. Почти всю жизнь он прожил в Регенсбурге, занимал должность синдика, считался влиятельнейшим членом городского совета. Последователь Юстуса Георга Шоттеля (1612–1676), прославленного ученого, занимавшегося изучением и популяризацией немецкого языка, Праш наряду с книгами латинских и немецких стихов выпустил несколько поэтик и лингвистических трудов.
2. Астрея (Звездная дева, *лат.*) – в античной мифологии дочь Зевса и Фемиды, которая в Золотом веке управляла миром. Когда в Железном веке нравы людей испортились, она возвратилась на небо и превратилась в созвездие Девы.
3. Один из самых значительных поэтов немецкого барокко, Пауль Флеминг (1609–1640) родился в семье саксонского лютеранского пастора. Флеминг изучал медицину в Лейпциге, там же он начал сочинять и в 1631 г. был увенчан лавровым венком за сборник латинских стихотворений. Поступив на службу к герцогу Гольштейн-Готторпскому Фридриху III, Флеминг принял участие в герцогском посольстве в Россию и Персию. Вернувшись на родину, он продолжил изучать медицину в Лейдене и получил докторскую степень. Намерением Флеминга было переехать в Таллин, где жила его невеста, но, направляясь из Лейдена в Таллин, он заболел воспалением легких и умер. Последовательный ученик Опица, Флеминг по таланту намного превосходил своего учителя. В его немецких стихах отразились впечатления от путешествий по России и Персии, а широкую известность ему принесла изысканная любовная лирика, изданная вскоре после его смерти.

Что хвалят, что клянут? Несчастие и счастье
У каждого свое. Суть всех вещей усвой.
Все находи в себе. Не путай явь с мечтой.

Спеша вперед, проверь: а нет ли там напасти.
Коль учишь сам себя и правишь сам собой,
То сей широкий мир тогда по праву твой.

В *гостевую книгу 15 марта 1631 года, в Лейпциге*

Нисходит с неба ветр. И вертит ветр землею.
Вода течет, струясь. То с солнцем, то с луною
Мчат кони вверх и вниз. И звездам несть числа.
Становится ничем избыточность тепла.
Где дом, там был прибой, где грады, были боры,
Дол, где сейчас холмы, поля, где были горы.
Год не похож на год. То с хладом, то с жарой.
Меняемся и мы. Был юн, а стал седой.
Как велико все то, что Феба окружает!
Сколь Солнце ни горит, а все не убывает!
У всех своя судьба во времени своем!
И постоянно лишь непостоянство в нем.

Эпитафия господина Пауля Флеминга, *доктора медицины, кою он сочинил сам в* Гамбурге *марта 28 дня лета 1640 на смертном одре, за три дня до блаженной кончины*

В искусстве, титулах велик я, путь торя,
Сын счастья, преуспел во всем я пред другими,
Честь рода возвышал, жил средствами своими.
Глас всюду слышен мой. Никто не пел, как я.
Я много странствовал, не тратил силы зря,
Беспечен, чуток, юн. Мое не смолкнет имя,
Пока не пропадет сей мир в огне и дыме.
Уйду, немецких муз за все благодаря.
Бог, мой отец, любимая, друзья, простите!
И доброй ночи всем, свой жребий не сужу.
Я сделал все, что мог, и в черный мрак схожу.
Смерть заберет свое, ее как ни корите.
Я не боюсь, когда дыхание прервется,
Во мне почти что нет, что жизнью здесь зовется.

Иоганн Михаэль Мошерош[1]

Алчность

Ах, банкир купил весь мир.
Как на свое добро, на мир,
На злате сидя, зрит банкир.
Прибрал весь мир
К рукам банкир:
Кто не банкир,
У тех отобран мир.

Когда искусство в дверь стучит,
Весь дом, как вымерший, молчит.
Приходит мудрость на порог –
Дверь запирают на замок.
А коль любовь и верность, то
Не откликается никто.
И не пускают правду в дом,
Пускай, мол, клянчит под окном.
Приходит тихо доброта –
Закрыты на засов врата.
А коль приходит шиллинг, то-то
Все настежь – двери и ворота.

1. Иоганн Михаэль Мошерош (1605–1660) родился в Вильштетте, с отличием закончил гимназию и Страсбургский университет, где изучал историю, политику, этику, юриспруденцию. С 1645 г. член веймарского "Плодоносящего общества" и основанного Цезеном "Благорасположенного к немецкому языку содружества" В 1645–1655 гг. – инспектор мест заключения Полицейского суда в Страсбурге; позже служил секретарем городского совета в Страсбурге, председателем Судебной палаты и советником на княжеской службе.
Автор сатирического сочинения в прозе "Диковинные и истинные видения Филандера фон Зиттевальда" (1640–1642) и книги "Неусыпная забота родителя" (1643), которую адресовал своим детям.

Квиринус Кульман[1]

Ночь рождения Господа

О ночь! великая, о ночь! ты дня светлей!
О ночь! ты — свет! ты ярче солнца стала!
О ночь! досель никто красы не видел сей!
О ночь! великим ты днесь чудом воссияла!

О ночь! песнь праотцев звучит до наших дней!
О ночь! все — говорит! не молкнут дол и скалы!
О ночь! *объять нельзя безмерности твоей*!
О ночь! над чьим дитем даль крылья распластала!

О ночь! как небеса склонились над тобой!
О ночь! когда луна и солнце расцветают!
О ночь! что и луну и солнце восславляет!
О ночь! где звездный хор что херувимов рой!

Богинею Тихе[2] хочу под звезды взвиться:
Со звездным небом сим возжаждал дух мой слиться!

Чередование обстоятельств человеческого бытия

Всё: ночь, дым, бой, хлад, шторм, ветр, жар, юг, ост,
вест, норд, луч, и — огнь взрыва;
Вслед — день, блеск, кровь, снег, штиль, страсть, зной, жар,
свет, студь, брег, пыл, гарь, скрип дрог;
И — скорбь, стыд, спор, спад, бой, ад, страх, плач, крест,
хлябь, боль, жуть, злость, срам, рок.

1. Квиринус Кульман (1651–1689) — уроженец Бреслау и сын ремесленника, изучал право и философию в Йене и Лейдене, после чего стал странствующим проповедником, называл себя "сыном Сына Божьего" и пророчествовал о грядущем "пятом царстве", где на руинах старых государств и церквей возникнет новый, справедливый мир, "как до грехопадения Адама" Кульман посетил Амстердам, Любек, Лондон, Париж, Женеву, Лозанну, Константинополь (где безуспешно пытался обратить в свою веру турецкого султана), Нидерланды, Мальту, Сицилию... 27 апреля 1689 г. он добрался и до Москвы, предварительно послав Петру I письмо, в котором изложил идеи своего мистического сочинения-утопии "О монархии иезуэлитской", где речь шла о государстве, в котором монархом являлся бы сам Христос. Однако своими проповедями Кульман испугал московских церковников и власти. Уже 4 октября 1689 г. он был арестован по доносу одного лютеранского пастора и вскоре сожжен в Москве как еретик.
Кульману принадлежит сборник стихотворений "Поцелуи любви", написанный, по словам самого автора, "не так, как принято", но сегодня стихи эти считаются шедевром немецкой барочной пиетистской поэзии.
2. Тихе — богиня счастья в греческой мифологии.

Вдруг: луч, честь, лад, взлет, мир, рай, щит, смех, приз,
твердь, сласть, тишь, гладь, олива.

Есть темь, кров, лань, лещ, клад, гон, цвет, сад, перл,
зной, сок, конь, бык и нива.
Есть свет, дом, лес, пруд, глубь, круг, мед, тук, блеск,
стынь, плод, луг, хлев, хлеб впрок.
Где меч, путь, труд, пот, цепь, взлет, блазнь, бриг, друг,
принц, месть, пир, крах и Бог,
Там цель, бег, сон, приз, страх, гимн, грех, порт, зов,
трон, яд, гроб, мзда — и диво.

Мир добр, тверд, чист, свят, прям, горд, юн, весь — даль,
полн, зряч, весь — честь, огонь, свет,
И — зол, дрябл, тускл, худ, крив, подл, стар, весь — близь,
пуст, слеп, лжив, глух к заветам;
И — смел, добр, чист, весь — ум, дух, друг, страсть, луч,
лад, толк, смех, блеск при этом,
Где страх, зло, грязь, дурь, плоть, враг, хлад, тьма, спор,
срам, боль, жуть, ржа — след в след.

Все посменно; и все любит; все надеется на утро:
Тот, кто думает об этом, тот и поступает мудро.

Об оплакивании смерти сына Бога – Иисуса *ΑΛΗΘΩΣ·ΘΕΟΥ·ΥΙΟΣ·ΗΝ·ΟΥΤΟΣ·*[1]

Твердь, тресни! Надвое! Принц принцев ныне пал!
Тот, кто нас сотворил, растерзан сбродом глупым!
И Бог, что вечен есть, уж пребывает трупом!
Из алебастра плоть пурпур запеленал!
Тот, не объять кого, того уж гроб объял!
Кто горы сдвинуть мог, тот на кресте бледнеет!
Ни с небом, ни с землей, в мученьях цепенеет!
Быв радостью Отца, вмещеньем скорби стал.
Затмилось солнце вдруг! На землю дрожь напала!
Небесный град застыл! И сокрушились скалы!
Ночь изгоняет день! Над миром ветр ревет!
И серных молний огнь как грозное предвестье!
Кто на кресте висит, сей круг днесь держит тот:
Твердь, солнце, небо, ночь, ветр, скалы, огонь — все вместе!

1671

Перевод Владимира Летучего

1. Воистину Он был Сын Божий (Мф. 27:54).

Андреас Грифиус[1]

Из Первой книги сонетов

VIII

Все суета

КУда ни посмотри — все суета на свете.
Один построит дом, другой его снесет;
Где ныне города — в грядущем там пасет
Овечек пастушок, с собой играя в нети:
Что для него в цвету — растопчут злые дети,
Утешный сердца стук — уже костьми трясет.
Что сохранит металл? Что мрамор нам спасет?
Где счастья смех звенел, гремят стенаний плети.
Деянья, подвиг, страсть прейдут, как быстрый сон.
Как, человек, тебе пребыть в игре времен?
Ах, что же есть все то, что почитаем ценным?
Да жалкое ничто, и ветр, и пыль, и тень,
Цветочек на лугу, увядший в тот же день,
А вечное узреть нет силы людям бренным.

X

Земные радости

ГДе радость, там и страх, где сладость, там стенанья.
На розу глядя, ты шипы лишь видишь в ней;
От своего креста бежать вовек не смей,
Какого б ни был ты сословия и званья.
Чем выше некто чтим, тем злей переживанья,
Кто из богатых стал в нужде других людей
Счастливей хоть на грош? Все глубже и сильней
Червь скорби душу ест и гложет упованья.
Я вовсе не шучу: с тех пор, как Гелиос
На лик мой свет пролил, ни дня я здесь без слез,
Без страха не провел, ни дня без сожаленья.

1. Сын лютеранского пастора из силезского города Глогау, Андреас Грифиус (1616–1664) рано потерял отца; его мать вторично вышла замуж за гимназического учителя. В 1628 г. в родной город Грифиуса вторглась Тридцатилетняя война: в Глогау пришли иезуиты, и упорные протестанты, к которым относились и родные Грифиуса, были вынуждены покинуть свои дома. В том же году умерла мать Андреаса.

В 1634 г. Андреас оказался в Данциге, который в то время был одним из крупнейших торговых, культурных и научных центров Европы. Там он занимался у прославленного астронома и поэта Петера Крюгера, а кроме того, был последователем М. Опица и популяризатором литературы на немецком языке. В 1638 г. Грифиус стал студентом Лейденского университета. Он изучал юриспруденцию, медицину, посещал лекции известнейшего поэта и историка Д. Гейнзия.

По окончании учебы Грифиус путешествует по Италии и Франции, а в 1647 г. возвращается в Силезию; два года спустя женится на Розине Дойчлендер, дочери фраустадтского советника и зажиточного купца. В 1650 г. Грифиус занял место синдика в Глогау. В этой должности он проявил недюжинный дипломатический талант, защищая протестантсткий город и его суверенные права от посягательств австрийской короны.

Грифиус умер в расцвете лет, 16 июля 1664 г., во время заседания городского совета.

Андреас Грифиус написал и опубликовал при жизни пять трагедий, считающихся ныне вершиной немецкой барочной драматургии, несколько книг сонетов, од и эпиграмм. Обширное рукописное наследие Грифиуса издал его сын Кристиан (1649–1706), ученый и поэт.

О бедствия юдоль, блажен, кто, не успев
Из лона в мир ступить, чтоб встретить Божий гнев,
Восходит в небеса в дома увеселенья.

XI

Ничтожность человека

НО что ж мы сами суть? Жестоких бурь жилище,
Мяч скачущий удач, обманный свет минут,
Театр горчайших мук, где плачут и поют,
Свечной огарок, снег — тепла скорейшей пищей.
Бежит из тела жизнь, как шутка — скукотищи,
Вот скинет плоть-камзол, и нет уж милой тут,
Уж загодя в смертей записана талмуд,
И вон — из всех сердец, где стало только чище.
Как бесполезный сон, забытый через миг,
Или поток, что льет, безудержен и дик,
Честь, слава, имя, звук исчезнут в полмгновенья.
А то, что нудило таить дыханье нас
И живо после нас, — сойдет в свой гроб в свой час.
О чем бишь? Все, как дым, прейдем от дуновенья.

XXVII

Земля моя плачет. 1636

МЫ все разорены, конец нам, мы пропали!
Набеги диких толп, военных труб содом,
Упитый кровью меч, картаун[1] дикий гром —
Наш хлеб, наш пот и труд, всю нашу снедь пожрали.
В дым церковь, тлит свечой, религия в развале,
От ратуши — лишь хлам, и телок бьют гуртом,
А девушек сквернят, оглянешься кругом —
Огонь, чума и смерть на наше сердце встали.
От свежей крови пьян и город, и редут.
Три раза по шесть лет как реки не текут,
Запруда трупов им воздвиглась в запрещенье.
Но что страшней чумы, и смерти, и войны,
Пожара, мора, буйств, безумия, вины —
Сокровищницы душ у многих в расхищенье.

XXXVI

К *звездам*

ВЫ — верхние огни, не наглядеться оку,
Вы — факелы, что ночь сумели отколоть
От черных туч, игра алмазных граней, хоть
И вышних рек цветы, склонившиеся току.
Вы — стражи, вам Господь, когда творил высоку
Вселенну, имя дал, Он, Мудрость, дал вам плоть,
Господь вам знает счет, вас знает лишь Господь.
(Мы слепы, смертны мы! Что от себя нам проку!)

1. Картауны — большие пушечные орудия XVII в.

Порука торжества, не спал я сколько раз,
Не отводя от вас чудесной ночью глаз!
Герольды тех времен, которые все ближе,
Когда же я, вас здесь забыть не в силах, вас,
Любовь чья в сердце днесь в уме моем зажглась,
Свободен от земных забот, внизу увижу?

XLII

К *Евгении*

КАк странник, если ночь густой покроет тьмой
Все: землю, воздух, лес, озера, водоемы, –
Блуждает, помрачен, и, ужасом ведомый,
Не знает, что начать и как дойти домой,
Вот так же мрачен я; когда ж луна порой
Свечу свою воткнет в заоблачны хоромы,
То путник ободрен, – и это мне знакомо,
Письмом утешусь я, и дух воспрянет мой.
Зачем же ты велишь сжечь сей залог удачи?
Чтобы меня в ночи увидеть, не иначе?
Душа моя, сгорев, ответит на вопрос.
Пусть нежит грудь мою бесценная бумага:
Пока не сгинем все, не станем пеплом... благо
Не от огня сгорит, так вымокнет от слез.

XLV

Плачу во время тяжелой болезни. 1640

МНе, даже не скажу, как тяжко, нету сил,
Стенаю, плачу я, боль, снова боль: их боле,
Чем тысячи, я жду и новых тысяч, воля
Слабеет, гаснет дух, я руки опустил,
Заходит сердце, глаз блистание (светил
Краса) преходит в мрак, так гаснут свечи в поле,
В душе штормит, как в март, как в море брызги соли.
Что эта жизнь! Кто я, кто вы, я бы спросил!
Что мним мы о себе? Что б мы иметь хотели?
Сегодня важны мы, назавтра в гроб поспели:
Цветы – теперь мы кал, мы ветер, пена, стон,
Туман, ручей, роса, снег, иней, тени бледны,
А как тогда назвать деяния победны?
Они – один лишь страх, наполнивший наш сон.

XLVII

К *друзьям, обступившим мою постель*

ЛЮбимые мои, отводите вы взгляд
В слезах от тех палат, что раньше были телом,
Теперь же стали мне рассохшимся пределом,
Но не скорбите так, я смерти даже рад.
Теперь, когда "прощай" сказал любимый брат,
Сто тысяч раз вздохнув, при расставаньи в целом
С землей – своей сестрой, когда пожаром белым

Окутан дом души и стены в нем горят,
Жизнь кончена во мне. Плоть, дар моих чудесных
Родителей, гниет, но не в могилах тесных
Каких-нибудь — туман вы видите, и хлам,
И призрак пред собой. Горячка запоздала.
Смерть не найдет меня, ее бессильно жало.
Встает мой новый день. Друзья, спасибо вам.

XLVIII

К *самому себе*

МНе вид ужасен мой, меня трясет, мне тошно,
Как только вижу нос, провалы глаз, темно
В глазах, хотя не сплю, тяжел мой дух, равно
Как веки тяжелы, недвижны как нарочно.
Жжет черный мой язык, лепечет он оплошно,
Все путая слова; душа зовет давно:
Утешитель, приди! Кал — моя плоть, говно.
Ушли врачи, меня исследовав дотошно,
И снова больно мне. Я — жилы, кожа, кость.
Сидеть мне — смерть, лежать — мучение и злость.
Ногам самим нужны носильщики не хуже.
Что слава, юность, честь, искусства и краса?
Когда твой час пробьет, все только дым, роса.
Все замыслы твои он умертвит к тому же.

XLIX

К *миру*

ПОтрепанный корабль, игрушка злых штормов,
Мяч, скачущий в волнах, мой парусник усталый,
Что знал песок, и мель, и пену волн, и скалы,
До срока в порт, куда велит душа, готов.
Как часто в клочья ночь рвала мощь парусов!
И молния их жгла! Как часто мыслью шалой
Я путал норд и зюйд и думал: все пропало!
Все в щепки: мачта, шприт, шверт, киль — уж нету слов!
Сойди, усталый дух, сойди скорей на сушу!
Земли сей не страшись, она отпустит душу
Без страха, жутких мук в чудесный мир иной.
Прощай, проклятый мир: ты — море штормовое!
И здравствуй, отчий край, пристанище покоя,
Свет-замок, луч-дворец, о здравствуй, вечный мой!

Из Второй *книги сонетов*

VI

О*диночество*

В Дни одиночеств сих, что много одиноче
Замшелых уголков, болот, покрытых мхом,
Я вижу ту скалу, где никого кругом,

Лишь совы да иных молчащих тварей очи.
Вдали от всех дворцов, от публики, охочей
До радостей, гляжу, как, суетой влеком,
Вдруг человек погиб! Так: на песке наш дом,
Кто утром был нам друг, хулит нас ближе к ночи.
Грот, мрачный лес, стена, мрак, череп, камень, кость
Обглоданная — кем? не временем ли в злость?
В душе моей кипит мысль без числа и счета.
Люблю руины я, пусть невозделан клок
Земли, он мне родит, когда со мной мой БОГ,
А там, где Духа нет, все топи да болота.

VII

Sicut[1]

ДРовами станет лес, что зеленел когда-то.
Для колоса уже наточен серп кривой.
В давильне виноград. Лев загнан, чуть живой.
Утратив дар летать, тварь падает крылата.
С условием в сей мир явились мы — заката
Небес тяжелых ждать, и платим головой.
От тленного — всегда удел растленный твой.
Смерть заодно с грехом — и плоть же виновата.
Обрек себя на крест Господь, дал бичевать,
Для мук в земной нужде Его родила мать.
И медлила, в скорбях и в ужасе, тревожна.
Чего ждет человек, когда ИИСУС страдал?
В гоненьях на князей какой уж там привал?
Что командир творит, то и солдату можно.

L

Илия

КТо с молоком всосал грудным ребенком пламя,
Кто ревности огнем священным воспылал,
Кто ярость, гнев царя прилюдно осмеял,
Огнем открыв обман, натешась над дворцами.
По слову же его огонь шел небесами
Сквозь воздух раскален, тех, кого царь послал,
Сжигая вмиг; сей муж, когда ГОСПОДЬ призвал,
Взят вихрем в небеса, как пламени струями.
Он правит, невредим, ведь кони, колесница
Не могут сжечь того, кто сам горит, стремится
Огнем разжечь сердца, как бы гранит куском.
Кто сам огонь, тот взят огнем на небо вживе,
Одежда не горит? О наш рассудок лживый!
Давно уже должна была сгореть на нем.

Перевод Алексея Прокопьева

1. Поскольку (*лат.*).

Владимир Гандельсман
Поэзия как религия. Рильке

Бог детства тот, кто позволяет бытию быть. Только в этом его сотворчество: быть прозрачным для света, не отбрасывая собственной тени.

Таков *ранний* Бог, а в искусстве поэзии — *ранний* Аполлон, еще не взбаламученный и не затемненный вопрошаниями поэта. Он пребывает *до* диалога, ему нечем заняться, кроме собственной прозрачности, его уста "упиваются своей улыбкой, как будто песню собственную пьют"[1] ("Ранний Аполлон").

По сути дела, пока только Бог единый и есть.

Явление, замкнутое на себя, — будь то вещь, божество или человек, — явление, всякий раз обреченное в себе умирать или в страстном усилии вынужденное перерастать самое себя, выйдя за пределы, отпущенные разумом, — таков предмет, предстоящий жизни и поэзии.

Есть на этом пути завоевания или нет, но лоб Аполлона еще холоден для лавров, а брови не превратились в розарий, когда "листья, каждый по себе, растут"

Следом как начало человека появляются слезы, и мир, вещный и вечный, предстает в их преломлении. Слезы суть избыток. Маятник качнулся влево или вправо, в сторону радости или горя, в сторону равнодушия или пристальности ("и даль свободную романа я сквозь магический кристалл еще не ясно различал..."; этот кристалл, та же слеза вглядывания) — не важно, куда качнулся маятник, и *почему* качнулся — неведомо.

Но герметичности больше нет, роса выпала, жизнь началась.

Слезы — это и слезы прощания с недостижимой отныне цельностью "таинственного детства" Почему недостижимой? Почему прощание неизбежно? Вопрос равносилен вопросу происхождения жизни. И смерти. Плачущая девушка знает только, что "во мне, меня осилив, воем воет жажда крыльев или, может быть, конца" ("Плач девушки").

(Как сказал один писатель:"Если мы плачем *без всякого повода*, это признак того, что мы все поняли" Чистая душа, не затемненная опытом, так и плачет, хотя ее понимание вне ее разумения.)

Если счесть происхождение жизни вольным или невольным избытком Бога[2], то сама жизнь обречена — тогда это попросту в ее крови — быть в попытке превосхождения или самоумаления себя, неравенства самой себе. В попытке вдохнуть себя в то, чего нет в ее измерении, и поймать за хвост время, бессмертие, тайну мира. Как, опираясь на собственные ребра, выскочить из себя? Стихи с повторением однокоренных слов — "воем воет" — в той же неотвратимой и мучительной попытке[3].

© Владимир Гандельсман, 2006

1. Цитаты из Рильке, кроме особо оговоренных случаев, даны в переводах В. Летучего.
2. Из Рильке ("Маргиналии к Ницше"): "...Музыка (ритм) — это свободный избыток Бога, еще не исчерпавший себя в явлениях, и, пользуясь им, художники в слепом натиске пробуют задним числом восполнить мир в том смысле, в каком действовала, продолжая созидать, эта мощь, и творят картины тех миров, что только еще могли бы быть сотворены ею"
3. Переводы взяты в основном из трехтомника Рильке (Харьков: Фолио, М.: АСТ, 1999), Избранного (М.: РИПОЛ классик, 1998), "Новых стихотворений" (М.: Наука, 1977) и "Сонетов к Орфею" (СПб.: Urbi, 2000); если в немецком нет отмеченного повторения однокоренных слов, то это происходит в других стихах; мне важно указание на принцип избыточности, присущий поэзии Рильке в целом ("Настоящая поэзия начинается за пределами поэзии. То же самое с философией, да и со всем на свете", — примерно так); то же будет и в других случаях: общий принцип, а не буквальное соответствие оригиналу.

Блаженства остановки и равенства себе нет. О, песнь любви сладка, но она тем более не убаюкивает: "Что сделать, чтобы впредь душа моя / с твоею не соприкасалась? Как / к другим вещам ей над тобой подняться?" ("Песнь любви").

Обретение себя в чувстве к любимому, в любимом; обретение равенства означает невозможность возвращения духа к самовозгоранию, точнее – к ощущению себя, переполняющего себя собой, к самовозрождению. Любовь (и любое человеческое, то есть разделенное с другим) есть укрытие от сути себя.

"Пока в объятьях прячемся устало, / как знать нам, что из нас самих грозит / прорваться то, что до сих пор пугало, – / предательство, и нас не пощадит" ("Восточная песнь дня"). Предательство друг друга во имя героического духовного движения в одиночку. Движение совершается не из осмысленной точки равенства (в ней оно умирает), но из абсурдной точки тождества. Из тупика тождества: ничего, кроме тебя, нет. Ты причина себя. Ты же и следствие себя. Здесь зияет такая дыра апатии, что в ней либо исчезнет то, чего нет, либо из ничего завяжется узел жизни.

Один из определяющих моментов в развитии человека, которого он, как правило, не помнит – постижение впервые своего отражения в зеркале как *своего*. Расщепление атома сознания. Ветвистая реакция взрыва (воплощенная в нашем случае в поэтических строках), ведущая к полной тишине. Почему к полной тишине? Не обязательно, но весьма часто поэтическая вера иссякает. Человек словно бы устает находить себя в точке живого бытия, а скорее – устает узнавать себя в ней как событие, каждый раз заново. Пока лягушка молода, она прыгает в кувшине со сметаной и сбивает ее в масло, а в старости... Хайдеггер, прикрывшись пледом, смотрит футбол. Если он и видит свое отражение, то в экране телевизора, и оно спасительно заштриховано беготней национальной сборной. Возможно, он устал, и его герой уже не Рильке или Гёльдерлин (и он уже не "рилькает и гёльдерлинит", по выражению К. Свасьяна), а Беккенбауэр[1].

Давида согревает молодая жена Ависага. "Он зяб. И вслушивался в смутный ход/ своей последней крови, как собака" ("Ависага"). Человек в образе собаки держит свой след до конца, и образ, судя по всему, будет зарыт там же, где человек. Вот путь: от первого чистого отражения в зеркале (или в воде) до последнего, когда зрение угасает, – в собственной крови. Неотступное полагание на себя. Впасть в собственную смерть, чтобы почувствовать то, о чем Давид поет перед Саулом: "Чувствуешь, как нас преобразило/ и как плоть становится душой?" ("Давид поет перед Саулом").

Не где-то вовне, но внутри самого вещества зарождается сила вещества.

Иисус Навин говорит перед вождями. "Как под Иерихоном, скаля зубы, / весь многотысячный собор затих, / но только в нем самом гремели трубы, / расшатывая стены жизней их..." ("Наказ Иисуса Навина"). Всевластие человека таково, что *он* повелевает Богом. Он создал Бога, не наоборот. "И Бог пошел, напуганный, как раб, / и солнце, как фонарь держал над сечей / людских племен, покуда не ослаб, – / так захотел сей пастырь человечий" В Библии, конечно, *Господь* ведет Иисуса Навина и народ его.

Как тут не вспомнить апокалиптический абсурд "Чевенгура" и слова Дванова: "Ибо несомненно – после завоевания земного шара – наступит час судьбы всей Вселенной, настанет момент страшного суда человека над ней". Не человека судят, *человек* судит.

Мир, отграниченный от всего потустороннего, от Бога, концент-

1. Хайдеггер говорил, что вся его философия – комментарий к поэзии Рильке, особенно к "Дуинским элегиям" О том же соотношении философии и поэзии в книге К. Свасьяна о Гёте, где приводятся слова Фихте: "К Вам, – пишет он Гёте, – обращается философия. Это значит: если Вам нет места в ней, то да будет ей место в Вас".

рируется целиком в человеке и набирает критическую массу. Взрыв и разбегающаяся Вселенная его неизбежны. И совершенно закономерно (наблюдая на самом деле себя!) ученый приходит к теории большого взрыва как к моменту образования мира.

Воспевается не возвращение блудного сына, но его уход. Причем уход "ото всего" "...От несмиренья, / от сущности своей, от нетерпенья, / от тайных упований и тоски – / и все, чем полон, в чем твое начало, / все это вдруг отбросить и презреть / и одинокой смертью умереть. / Но этого ль твоя душа алкала?" ("Уход блудного сына").

Нарушается любой мыслимый предел. Если бы герою стихотворения сообщили, что не он один избрал такой уход и такую смерть, то он отрекся бы и от этого варианта (недаром Рильке преследовала идея *своей* смерти: каждый несет в себе лишь ему предназначенную смерть, и умереть надо *своей* смертью). Если бы стихотворение могло длиться вечно, то длилось бы вечно и отрицание, ибо любая остановка – утрата свежести и неповторимости *не быть никем*. Уйти ото всего, что хочешь. И если твоя сущность – бунт и несмиренье, уйти и от них. Уйти "от сущности своей" Зачем? Чтобы потом, словно бы удвоив бесконечность, спросить: "Но этого ль твоя душа алкала?" Оказывается, что он не хотел того, что он хотел: уйти "от сущности своей"

Есть безостановочное движение, есть сплошная бесприютность, и это похоже на непрерывное обращение к Богу, которого непрерывно нет, чей отклик был бы губителен, потому что если Бог есть, то мне не надо, мне надо то, что ЗА любым явлением, и потому я тороплюсь, я не хочу дожидаться отклика (а вдруг ответит? и тогда никакого "за" не будет), и, опережая его возможность, я иду и иду... В отваге? в трусости? в героической трусости?

Похоже, что блудный сын здесь – подобие Иисуса Христа, отрицающего в конце концов себя, но – смертью смерть поправ... Не Иисус Христос, а подобие. Ибо мгновение, в которое по двум Евангелиям Иисус возопил перед смертью "Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?", стало для блудного сына вечностью. Некоей *спасительной* вечностью. Не было ли это величайшей милостью Христа – даровать человеку право *такого* сомнения, зная, что неприкаянность ему сподручней смирения (того, что есть в двух других Евангелиях: "Отче! в руки Твои предаю дух Мой" и "Свершилось"). *Так* усомниться – не этого ли и требует другой бог – Аполлон? Не потому ли: "Пока не требует поэта к *священной* жертве Аполлон..." И это уже Аполлон отнюдь не *ранний*.

Поэт нового времени – блудный сын канонической религии (и он же, конечно, вечный жид – Цветаева своего брата в Рильке признает не случайно).

В "Гефсиманском саду" происходят странные вещи. "...И как скажу я, что ты есть, отец, / когда нигде не нахожу тебя я?" По некоторой современной привычке мы, конечно, покорены таким заявлением. Но оно скорее отважно, чем истинно. Можно ли обратиться к Тому, Кого нет? Или просто к тому, кого нет. Ежедневно мы окружены тенями умерших и ведем с ними беседы. Но разве их нет? Их присутствие – какая разница, физическое или духовное? – зачастую реальнее, чем присутствие живых[1]. Или мы не в себе? Чем мы заняты, когда разговариваем с ними? Из абсолютной реальности призрака отца Гамлета начинается жизнь трагедии, в которой, возможно, меньше достоверности, чем в его сокрушительно отсутствующем присутствии.

1. Одна из иллюстраций на эту тему: вернувшийся Одиссей не признается отцу в том, что это он, пока не растравляет в нем воспоминаний о погибшем, как полагает Лаэрт, сыне. Быть может, эта бессмысленная жестокость символизирует подлинное возвращение Одиссея, делает его событием духовным: пережив смерть сына, Лаэрт чувствует всю внезапно завершившуюся и таким образом извлеченную из медленных и ослабших надежд интенсивность его жизни, жизни, как бы собранной в один кулак, заново.

Даже если мы по-бесовски одержимы разговором с ничем и сотворением мира из ничего и говорим: "дыр бул щыл", — эта чушь мгновенно обретает смысл[1].

Ничто не может удержаться в несуществовании[2]. Несуществования нет. Небытия нет. Нет несуществующего Бога.

Если нами произнесено слово — Он мгновенно есть. И наоборот: если произнесено Слово, есть мы. Может быть, человеческая жизнь есть просто ответ на обращение Бога к точке, в которую, условно говоря, Он сию секунду смотрит. Оттого, покачиваясь на волновой теории и задремывая на ней, мы иногда пробуждаемся от дискретных вздрогов ясности — Бог взглянул, не иначе. (И *эта* теория, как теория большого взрыва, — закономерное следствие постижения своего существа, а не поведения частиц в реакторе.)

Обратиться к тому, чего или кого нет? Это нонсенс. Что же значит: "...и как скажу я, что ты есть, отец, / когда нигде не нахожу тебя я?" Создание своего и Божьего мира *из себя*. Такова, казалось бы, абсурдная амбиция, в которой пребывает сознающий эту абсурдность, воспитанный в христианской культуре, но обращенный к Аполлону поэт и в которой зарождается драматизм его поэзии. (Вспомним Гершензона в статье о Пушкине: "...он просто древнее единобожия и всякой положительной религии, он как бы сверстник охотникам Месопотамии или пастухам Ирана".)

Высверливание смысла и здесь подтверждено корневым сверлением слова: "Он поднимался из последних сил, / *седей* маслин, *седеющих* на склоне, / — и лоб, покрытый *пылью*, погрузил / в горячие и *пыльные* ладони"

Вот — собор. "Кафедральный собор" Казалось бы, достаточно его мощь воссоздать, сказав: "...в тех старых городках мы вдруг поймем, / насколько все, что льнет со всех сторон, / переросли соборы..." (Это перерастание всего, и себя в том числе, встречается постоянно: "И дерево себя перерастало..." перев. В. Микушевича, "...земле мала / околица, она переросла / себя и стала больше небосвода...", перев. Б. Пастернака, в "Детстве" "...там самый малый миг очеловечен и переполнен сущностью своей" и т. д.) Но нет, следует мгновенное удвоение-отражение: "...их подъем / безмерен так же, как безмерен взгляд, / что погружен в себя самозабвенно..." Едва мы измерили высоту собора и оценили его мощь и стать, как выяснилось, что ему этого мало и что он не намерен уступать глубине и безмерности нашего взгляда, в который и обрушивается всей статью и мощью.

Культурно-историческая память, впитанная стенами собора, и духовная память человека, его сосредоточенность и способность созерцания не только взаимно сопоставлены в своем величии, но и образуют некую бесконечность, когда невозможно сказать, что первее.

Такое ощущение, что на наших глазах то и дело пытаются создать вечный духовный двигатель. Иногда тем не менее кажется, что душа не сообщается с вечностью, что она в замкнутом пространстве и, словно бы отражаясь от стен земной обители, умножается в самой себе. И хотя изобретательность и сложность выживания этой самодвижущейся "системы" нас удивляет, все же не покидает и чувство опасности: вечный двигатель вот-вот заглохнет.

Замкнутое пространство и одержимость им. Замкнутое пространство, пытающееся выкрутиться из себя, как выкручивается из себя лента Мёбиуса, а значит — простран-

1. Пусть это всего лишь провокационный смысл создания письма, свободного от так называемой инцестуальной связи с текстом-смыслом-традицией, от связи с текстом-надсмотрщиком, обязующим читателя к привычным ассоциациям и усыпляющим его; ничто не удержит внимания читателя, если он хочет спать, а "дыр бул щыл" тем более.

2. Стоило бы парадокса ради сказать: ничто не может удержаться в новизне несуществования; как заметил философ, мы всегда в ситуации, когда что-то уже совершилось: связи установлены, и к шарфу тянется рука, а не нога.

ство, перебирающее в себе каждый атом.

Следом за пространством собора — пространство морга. Живое тело собора, из которого может по крайней мере возноситься молитва, — и мертвое тело, которое должно решать задачу замкнутости своими "силами" Выдержит ли стихотворение испытание безнадежностью? Возможно, Рильке полагает, что чем безнадежнее, тем бóльшие ресурсы должно обнаружить исследование. Поэтому у покойника "глаза под веками перевернулись/ и всматриваются теперь в себя" ("Морг"). Смерть всматривается в смерть. Слепота — в слепоту. Возможно, дело в выявлении новых и новых ресурсов, в их неисчерпаемости, в том, наконец, чтобы исследование никогда не завершилось и не выдало своего знания: завершаться нечему.

Одиночество узника всматривается в одиночество узника ("Узник").

(Так слова всматриваются друг в друга глазами созвучий и вслушиваются ушами смыслов; так в Библии мы находим, например: "Я слышал о тебе *слухом уха...*" и множество подобных тавтологических усилений.) Здесь тоже сцена разыгрывается предельным образом. Из человека, совершенно по-беккетовски, вычитается все: настоящее, прошлое и будущее; в разности остается пульсация тела, за которым в глазок злобно наблюдает тюремщик Господь. Неудивительно, что остается представить невообразимое: "...теперь представь, что ты — еще живой"

(Библейский Иов, проклиная день своего рождения и помышляя о небытии, говорит: "Там узники вместе наслаждаются покоем и не слышат криков приставника" И дальше восклицает, подобно тому, как мог бы воскликнуть рильковский узник: "*На что дан свет* человеку, которого путь закрыт и которого Бог окружил мраком?")

Пантера кружит по клетке до тех пор, пока безысходность не вспыхивает озарением: "Упругих лап покорные движенья/ в сужающийся круг влекут ее, / как танец силы в медленном сближенье / с огромной волей, впавшей в забытье" ("Пантера"). Вот ради "огромной воли, впавшей в забытье", и стоило кружить.

Эти слова как будто направляют луч туда, где они не могут воплотиться словами, заговорив на языке логики или прорицаний, в точку "реального, которая заводит язык в тупик"[1]. Сужающийся круг, спираль, скручивающаяся в точку, указывает со всей страстью путь к свободе, путь, по которому двигаться невозможно, потому что "сила" и "воля" изнемогли в себе, забылись и уравновесились собой же с противоположным знаком — *отсутствием* силы и воли, "забытьем" Инерция животного инстинкта — жить во что бы то ни стало! — сколь бы сильна ни была, не может заговорить. Пантера во вторую сигнальную систему не впрыгнет, и мы, физически чувствуя эту безысходность, переносим ее на человека, поэта или себя, читателя, в котором наша собственная безысходность кружения внутри себя вспыхивает и гаснет, не успев осветить *новую* реальность. На новое не хватило дления, которое, возможно, обернулось бы смертью. Дления, похожего на медитацию, из которой не выбраться.

1. В книге Алана Бадью "Апостол Павел" речь идет о благовествовании: "Благовествование должно осуществляться без "превосходства слова или мудрости", чтобы "не упразднить креста Христова" Что значит в данном случае упразднить событие, знак которого крест? Это значит, событие просто-напросто имеет такую природу, что философский логос не в состоянии его провозгласить. Подразумеваемый тезис заключается в том, что один из феноменов, по которому событие узнается, подобен точке реального, которая заводит язык в тупик. Изобретение нового дискурса и субъективности, которая не является ни философской (греческий дискурс), ни пророческой (иудейской, требующей знамений божественной силы), но апостольской, предписывает, что лишь ценою этого изобретения событие обретается и существует в языке. Для утвердившихся языков этот дискурс неприемлем, поскольку в них он невыразим".

То же кружение в "Карусели" чьи седоки обречены гнаться друг за другом и никогда друг друга не догнать, и в "Испанской танцовщице", исступленно ввинчивающейся в собственный танец. Заметим, что слепота кружения пантеры – "лишь изредка она приоткрывает / завесы век – и в темноту нутра / увиденное тотчас проникает, / и в сердце гаснет, как искра", – слепота животного вдруг обретает хрупкость духовного прозрения в человеке ("Слепнущая"): "Она шла медленно, как по слогам, / как будто опасаясь оступиться, / и так, как будто за преградой, там, / она вздохнет и полетит, как птица" В человеке – и это существенно для Рильке – физическая слепота и духовидение единокровны. Как в традиционных образах Гомера или Эдипа.

Стихи "Орфей. Эвридика. Гермес" и "Алкестида" подобны двум сообщающимся сосудам. Удивительна изобретательность, с которой испытываются наполняющие их пространство и время, и еще более удивительно не то, как выстроена, но как выстрадана эта игра.

В первом случае происходит движение из смерти в жизнь. Из царства Аида вслед за Орфеем идут бог-вестник за руку с Эвридикой.

Во втором – движение из жизни в смерть: из царства жизни (во время свадебного пира) бог-вестник уводит в смерть Алкестиду, за ними остается ее возлюбленный Адмет, за которым, собственно, бог приходил, но которого, струсившего, подменила Алкестида.

Еще в области смерти Орфей оборачивается – и Эвридика кротко и молча удаляется обратно.

Еще в области жизни оборачивается Алкестида – и Адмет "...лицо закрыл он, чтобы после этой/ улыбки больше ничего не видеть"

В обоих случаях взгляд – в первом Орфея, во втором Алкестиды – возвращает действие к исходной точке, соответственно к смерти и к жизни.

Так замыкается каждое из двух пространств, но в некоторой мыслимой точке соединения жизни и смерти (не такой уж и мыслимой), на стыке двух стихотворений, эти пространства перекручиваются все той же лентой Мёбиуса, образуя математический знак бесконечности.

То же происходит и со временем.

В "Орфее" действие разворачивается вне времени, и лишь в момент, когда Орфей оборачивается, часы начинают тикать. Испытание в области смерти закончилось.

В "Алкестиде" – наоборот, все длится во времени до прощального взгляда героини. Поворот – и часы останавливаются. Испытание в области жизни завершено.

Эвридика "как будущая мать ушла в себя" Она полна до краев смертью, ее "беременность" вот-вот разрешится смертью окончательной, едва провалится попытка Орфея. Она сновиденчески цельна и исчезает, как сон при пробуждении. Ее незаинтересованность и кротость, ее, по сути, целенаправленное отсутствие – синонимы благородства, глубокого неведомого смысла и новизны. ("И инобытие/ ее переполняло. / Как плод – и сладостью и темнотой, / она была полна огромной смертью, / столь непонятной новизной своей".)

Адмет, когда не вымолил у бога отсрочки, "закричал, не сдерживая крика, / как мать кричала при его рожденье" (перев. К. Богатырева). Крик рождения знаменует собой начало истерики жизни, трусливого метания, готовности на любую низость, ничтожество и бессмыслицу, – и все это старо как мир и сопровождается страстным желанием вымолить хотя бы мгновенье, желанием, столь же огромным в своем унижении, сколь унизительна цена, которую оно согласно уплатить: откупиться родителями, другом, женой. Вся сцена напоминает сон, с той разницей, что в том, первом сне времени нет, и он тихий и страшный, а здесь время идет, и это настоящий кошмар.

Античность, дважды приснившаяся христианству. (Но и не дваж-

ды, и не трижды, она — никогда не прекращающийся его сон)[1].

Рильке "изматывает" доступные смыслы до такой степени, что они обретают почти недоступную многозначность, в языческом пределе стремящуюся к единому и непостижимому Богу. Отсюда не только построение вещи в целом, но и попутные попытки удвоений, взаимных отражений и т. д.

"...Пруд, огромный, серый и слепой, / висел над собственным далеким дном..." — Бродский увидел это как плоскостную картинку на школьной доске, мне видится как раз *пространственный* пейзаж, который никак визуально не может завершиться и потому головокружительно и неотвязно преследует читателя. Пруд есть нечто небольшое и строго очерченное берегом. Но если есть берег, то в аксонометрии мы не увидим дна, если же берега нет, то в воображении повисает одна нескончаемая плоскость над другой, и они не могут воплотиться в образе пруда. Речь достигает недостижимости.

Затем — раздвоение чувств у Орфея. Взгляд его забегает вперед (скоро ли конец пути?) и возвращается, а слух отбегает назад (идут ли за ним Эвридика с богом-вестником?) и вновь его настигает.

И наконец, искусство Орфея, которое, возникнув из страдания и плача по любимой, создало мир заново: "Из-за нее, любимой, убиваясь, / всех плакальщиц перерыдала лира, / и сотворился целый мир из плача, где / все повторилось снова: и леса, / и долы, и дороги, и селенья, / поля и реки, птицы и зверье; / над плачем-миром, как вокруг другой / земли, ходило солнце, небо, звезды..." — происходит не только *перерастание* себя, но *сотворение* мира из плача, его удвоение. В этом есть сила окончательного бессилия и отчаяния, и это уже совершенно не те слезы счастливого преизбытка, которые были пролиты в начале книги "Новые стихотворения"

В "Алкестиде" стоит обратить внимание на заключительный монолог героини. Она говорит существеннейшие для Рильке слова: о полноте смерти. О совершенном ее смысле. О той же смерти, которой до краев полна Эвридика. В чем смысл? В том, что она, Алкестида, в своей смерти, уходя, забирает *все*. Что — *все*? *Всю* жизнь, без остатка. Она говорит: "...Я прощаюсь. / Прощанье сверх прощанья" То есть ее расставание с Адметом (и миром) сверх его расставания с ней. Она забирает все, включая его прощанье и унося с собой и его горе (не только счастье).

И потом она уходит с вестником в смерть: "И вдруг / он снова увидал лицо любимой, / когда она с улыбкой обернулась, / светла, как вера или обещанье / вернуться взрослой из глубокой смерти/ к нему, живущему..." Концовка (из другого перевода): "...Он стоял, / глаза прикрыв руками, на коленях, / чтоб с той улыбкой быть наедине" (перев. К. Богатырева).

Рильке пытается наделить смерть смыслом сосредоточенной и безвозвратной глубины, которым не обладает жизнь.

Единственный вопрос: как может быть смерть больше жизни, если она лишь мысль последней? Мо-

1. Античность снилась предшественнику Рильке (и тоже герою Хайдеггера) — Гёльдерлину: "Эта Греция мила мне повсюду. Она носит цвета моего сердца. Куда ни взглянешь, везде могила радости". В другом месте: "...и в полудреме отдался качанию лодки, воображая, будто лежу в челне Харона. Пить из чаши забвения так сладостно..." "Гиперион" (Гёльдерлин никогда не был в Греции. Но только так и можно вернуть умерших богов). Не это ли столкновение — христианства и античности — привело поэта к безумию? Возможна ли одновременная вера в Христа и в Диониса, как, скажем, у В. Иванова? Вероятно. Если избежать крайностей чувственного восприятия и христианской аскезы. (Вечные поэтические угрызения совести, подобно пушкинским слезам в "Воспоминании", — разве не из того же "кастальско-иорданского" источника?) Но едва ли можно говорить о какой-то половинчатости восприятий в случае Гёльдерлина, или Ницше, или Рильке. Об опасности поэтического поприща Хайдеггер пишет в статье "Гёльдерлин и сущность поэзии": "Чрезмерный свет толкает поэта в темноту. Требуются ли еще доказательства высшей опасности его 'занятия'? Все уже сказано собственной судьбой поэта. Как пророчество звучат тут слова из гёльдерлиновского "Эмпедокла": '...Тот, через кого говорил дух, должен вовремя уйти'".

жет ли мысль помыслить что-то, превышающее ее самое?[1]

Об этом великая поэзия. Поэзия как религия.

В завершении первой части "Новых стихотворений" Рильке подносит нам "Чашу роз" Образ избыточности здесь достигает предела и в одном из русских переводов звучит с косноязычием почти обессмысливающе-пародийным, но именно поэтому и выражающим тот совершенный тупик, одновременно смысловой и лексический, в который поэт сам себя загнал, чтобы слово или совершило прыжок в невыразимое, или исчезло.

"...Взгляни на чашу роз — на воплощенье / предельности бытийства и упадка, / отдачи без возможности отдаться, / отдельности, что хочет стать твоей / предельностью тебя же самого. <...> И разве не одних себя они / в себя вмещают, если в них самих / и этот вешний мир, и дождь, и ветер <...> вплоть до неясного влиянья звезд — / как в пригоршне, все в них съединено. / В раскрывшихся неосторожно розах"

Эта замечательная "предельность бытийства и упадка" выталкивает нас во вторую часть "Новых стихотворений", где Рильке со страстной сосредоточенностью исчерпывает возможности замкнутого пространства вещи, взывающей к нему всей своей глубиной и темнотой[2].

И в ответ на зов предмета ("чтобы расти ему в ответ") происходит перерождение созерцателя — тема, которая набирает силу во второй части.

Вторая часть зеркальна не только по отношению к первой (это видно хотя бы из названий стихов: "Ранний Аполлон" "Архаический торс Аполлона", "Будда" — "Будда во славе", "Лебедь" — "Леда", "Окно-роза" "Сокровенное роз", "Слепнущая" "Слепой" и т. д. и т. п.); ее зеркальность и во взаимном вглядывании творца и вещи друг в друга в пределах одного стихотворения.

В "Архаическом торсе Аполлона" автор всматривается в произведение искусства — в изваянного бога, точнее — в то, что от него осталось, — в его торс.

Мощь произведения такова, что каждой своей точкой оно встречно вглядывается в поэта. Притом — *всем* существом. В каждой точке торса — *весь* Аполлон, как в семени — *всё* растение[3]. Сосредоточенная страсть скульптора распространилась на каждую крупицу скульптуры, потому в крупице этой — *цельное* существование бога, она пересоздает себя в цельности.

"Сумей себя пересоздать и ты" зритель, поэт, по образу и подобию бога и его скульптурного воплощения. А пересоздать себя — значит умереть и вновь родиться.

И тут же в соседнем стихотворении, в "Леде", — обратный и поразительный ход: пересоздание богом себя по образу и подобию живой твари и словно бы урок перерождения тому созерцателю-поэту из "Архаического торса Аполлона"

Поразительна уже первая строка: "Бог испугался красоты своей, когда в обличье лебедя явился" (Мы мимоходом вспоминаем блоковское "Красота страшна..." или того же Рильке

1. Фет обращается к смерти ("Смерти" 1884): "...Пусть головы моей рука твоя коснется / и ты сотрешь меня со списка бытия, / но пред моим судом, покуда сердце бьется,/ мы силы равные, и торжествую я. / Еще ты каждый миг моей покорна воле, / ты тень у ног моих, безличный призрак ты; / покуда я дышу — ты мысль моя, не боле, / игрушка шаткая тоскующей мечты"

2. Мир вещи, глубокий и темный, — отражение внутреннего мира человека; А. Мацейна о Рильке (и о Хайдеггере): "...внутренний дух, на котором держится поэзия Р. и философия Х., один и тот же. Один и тот же мир, бесконечно чужой и далекий; один и тот же человек, заброшенный в сегодняшнее существование и в нем запертый без просвета в иное существование — по ту сторону; одна и та же жизнь, постоянно движущаяся к смерти как к совершенному концу..."

3. Вновь вспоминается Фет; в стихотворении "Добро и зло":

И как в росинке чуть заметной
Весь солнца лик ты узнаешь,
Так слитно в глубине заветной
Все мирозданье ты найдешь.

"Каждый ангел ужасен...") Почему — испугался? Не только потому, что красота ослепительна, но и потому, что она бренна (Адриатические волны, о, бренность...), и, главное, ты должен с ней расстаться по собственной воле. Правильнее сказать: совершив бессознательный и героический шаг любви к красоте вещного мира, чтобы в нем исчезнуть и, значит, утратить и себя, и его красоту.

Если говорить не в античной, а в библейской терминологии, дьявол — это, вероятно, нечто, не справившееся со своей красотой, оставшееся навсегда при ней, нечто, ею соблазненное и соблазняющее.

В нашем случае (уместное слово) бог устремляется в обличье лебедя к Леде прежде, чем успевает осознать себя преображенным, но — как раз — навстречу преображению окончательному и совершенному, из которого нет возврата к красоте и ее эксплуатации. Героический акт любви-исчезновения совершен.

"...И к ней приник, / накрыл ее, и в сладостное лоно / своей возлюбленной излился бог. / И испустил самозабвенный крик / и явь перерожденья превозмог"

В оксюморонном *самозабвенье ума* (или разума) — художническая правда, преподанная поэту высшими силами, или — помня Уайльда — преподанная поэтом высшим силам.

Все та же зеркальность. Рильковский дельфин ("Дельфины"), прошивающий стежками морскую гладь, одновременно и собственное отражение в виде орнамента, "плывущего" по окружности вазы. Жизнь заныривает в искусство и обретает в нем форму.

Идея взывающего к тебе *невидимого* ("...невидимое составляет высший разряд реальности", из письма Рильке) более изощренно, чем в "Архаическом торсе Аполлона", озвучена в "Острове сирен" (А до этого: "Гладкий встречный ветер легких ланей, — /ты ее лепил..." — сказано о богине в прекрасно сработанных по звуку строках "Критской Артемиды" (перев. К. Богатырева). Еще одна категория невидимого — ветер. Он невидимый ваятель, и Артемида, преображенная, спускается в долину.) В "Острове сирен" речь идет уже не о "невидимом" вещи, но о "невидимом" тишины, то есть о невидимом, невидимого (и даже неслышимого!). Волшебное пение сирен беззвучно льнет к матросам (Одиссей, зная от Цирцеи об опасности этого пения, приказал заткнуть им уши), и вот как определяет Рильке эту тишину: "...весь простор заполнившая тишь, / словно тишина — изнанка пенья, / пред которым ты не устоишь" (перев. К. Богатырева).

Лучше бы сказать не определяет, а исследует. И исследование для него равносильно одухотворению. Рильке — естествоиспытатель мысли, и поскольку познание невидимого неизбежно выходит за свои пределы, то есть за пределы познанного, постольку оно в поэтическом воплощении грозит превратиться в одно нескончаемое стихотворение. Поэтому Рильке так скрупулезно ограничивает себя в "Новых стихотворениях" сюжетом — античным, библейским или повседневным — в пределах одной вещи, каждая из которых имеет свое название.

Эстетика возможна, если вещь помилована автором в ее борьбе за свое право на самостояние и непознанность, на возможность быть лишь чувственно облюбованной и присвоенной, на "вещь в себе" (эстетика атеистична), тогда как этика религиозна, перемещая ее в познание и растворяя в потоке этого познания, снимая грани и различия, утверждая тем самым единую сущность всех вещей, иными словами — обожествляя, но и переводя в разряд "невидимого"

Книга как единый этический порыв, все же дискретно замыкающий себя в каждом стихотворении на эстетику конструкции как форму общения.

Но и внутри каждого стихотворения направление порыва очевидно.

"Смерть возлюбленной", зеркально перекликаясь с темой Орфея — Эвридики из первой части,

обживает пространство смерти. Герой спускается за возлюбленной (а лучше сказать: поднимается к ней) не с тем, чтобы ее вывести оттуда, направление их движения противоположно орфеевскому: дальше в смерть. Его любовь одаряет подругу благостью и покоем в загробном мире и понуждает его не просто породниться с мертвыми, но ощупью *прокладывать* "путь, где идти любимой предстояло" Орфей, которому не удалась первая попытка, совершает попытку № 2 в лице безымянного героя "Смерти возлюбленной"

Изобретательность мыслительного аппарата отнюдь не сухая умственность. Она выстраданна. У нас не возникает сомнений, что путь, который прокладывает стихотворение герою, истинный.

Создание стихотворения подобно сотворению самого сознания, которое есть возможность мышления. Начинаясь как безмысленная (не бессмысленная!) констатация или эмоция, раскидываясь сетью ритма (музыкой или тем самым "свободным избытком Бога", "в слепом натиске", по словам Рильке), сознание порождает *само*сознание, то есть мышление; как это происходит? Это происходит не *как*, а *потому что*. Потому что если возможность не станет реальностью, то нет и мира. И если ритм не *скажется*, нет поэзии. Бог создает человека, чтобы человек поведал о Боге. Иначе Его нет.

Музыка, предшествующая стиху и постепенно обретающая словесное воплощение, являясь прообразом сознания, таит в себе самые непредвиденные мыслительные ходы[1]. Поэт знает, что его творение живородяще, и он позволяет ему свершиться в том направлении, в котором оно задышало и которое самому поэту, скорее всего, неведомо. Его дело — отвести вышедшую из берегов реку в столь глубокое русло мышления, сколь — как ему подсказывает интуиция — плодотворен толчок ответившегося ритма[2].

Потому область невидимого, куда мы устремлены невероятным событием жизни, в которой главное "невероятие" — смерть, предполагает исследовательское напряжение всего нашего существа.

Смерть — главное "невероятие" для *познания*, но при этом она непререкаема для *знания*. Она *есть* без всяких "вероятий-невероятий" в мире — и ее *нет* в понимающем постижении. Пробуждая мышление, она заводит его в тупик и либо бросает там, приговаривая к изощренному философствованию, либо понуждает к рели-

1. Мандельштам в "Silentium" ратует не за молчание, но за таимую в нем "всего живого ненарушаемую связь":

Она еще не родилась,
Она — и музыка, и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.

Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись,
И, сердце, сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито!

Прозвучавшее слово не должно ни на мгновение забыть, какая возможность ему была предоставлена предшествующей музыкой, так же как музыка должна помнить поручения тишины. А иначе — "сердце, сердца устыдись"

2. "Гроза, моментальная навек" Б. Пастернака — буквальный пример пейзажного (музыкального) разбега к сознанию. Причем двойного разбега (в две строфы) к двойному озарению рассудка. Стоит взглянуть подробнее на то, как это происходит:

А затем прощалось лето
С полустанком. Снявши шапку,
Сто слепящих фотографий
Ночью снял на память гром.
Меркла кисть сирени. В это
Время он, нарвав охапку
Молний, с поля ими трафил
Озарить управский дом.

И когда по кровле зданья
Разлилась волна злорадства
И, как уголь по рисунку,
Грянул ливень всем плетнем,
Стал мигать обвал сознанья:
Вот, казалось, озарятся
Даже те углы рассудка,
Где теперь светло, как днем!

Решающий момент, когда судьба гениального финала была предрешена и поэт бессознательно позволил стихотворению окончательно свершаться в мышлении, доверившись интуиции, — это, конечно, "грянул ливень всем плетнем". Есть в этом сравнении отчаянная, последняя решимость, энергетический предел изображения. (Дело не в мимоходной алли-

гиозному взрыву и выходу за все мыслительные и мыслимые пределы[1].

Скажем так: жизнь обладает доступностью, тогда как "смерть — это отвращенная от нас, недоступная для нас *сторона жизни*" (Рильке, из письма). И вопрос для Рильке в том, чтобы принимать "смерть" без отрицания, ибо как часть жизни она не может быть чем-то незначительным и негативным.

Познать смерть при жизни — а именно это и происходит в "Смерти возлюбленной", — одно из вечных притязаний человека. Одушевить невидимое как единое мне. Разве умершая возлюбленная не часть мира? Если мое мышление не может оторваться от себя как от нее, невидимое есть одушевленная реальность.

Едва коснувшееся мышления эмоциональное восприятие мира — это изумление.

Не может быть, что я есть. Не может быть, что я смертен. Не может быть...

(Толстой в пору своей любви к жене записал в дневнике: "Не может быть, чтобы это все кончилось только жизнью".)

И это чувство изумления отделяет меня от мира. (Ведь дерево ничему не удивляется.) Тогда как спокойное и безэмоциональное мышление говорит о том, что я с ним — одно целое.

Поэзия устанавливает единство меня и мира, изживая эмоцию, ни в коем случае не задерживаясь на ней, но лишь используя ее для разгона и ввинчивания и вживления своего существа в мировую ткань[2].

Известно, что Рильке любил рассматривать надгробия. "Рассмотрел" он и свое надгробие, написав автоэпитафию. "Роза, о совершеннейшее из противоречий (букв.: чистое противоречие), / блаженство ничейного сна / под этим множеством век" (перев. Н. Болдырева в книге Ганса Хольтхаузена "Р. М. Рильке"). Болдырев пишет в примечаниях: "...даже столь простое трехстишие вызывает при переводе массу разночтений. Вот самый "альтернативный": "Роза, о своеволие, радость / под столькими веками все же / не быть чьим-то сном"

Перевод В. Бакусева: "Роза, о чистое противоречие, наслаждение быть ничьим сном под столь многими веками"

(Тот же Болдырев пишет: 'веки' (Lider) несут двойной смысл, означая не только защитный покров человеческого глаза, но и 'Lieder' (песни)... Кстати, перевод неожи-

терации, хотя мы замечаем, как "ливень" и "лето" стали "плетнем".) Конечно, приметы "человеческого" мелькают в одушевлении грома, между вспышками молний. Это и фотограф, вылезающий из-под черной накидки старинного фотоаппарата (из-под шапки), это и снятие крышки (шапки) с объектива. Это и шапка-невидимка: снимешь с головы — и обнаружишь себя; тут же и мелькнувший парадокс (некогда дотошествовать, сейчас грянет гроза): да, видим, все осветилось, но фотографии — "слепящие", а значит, ничего не видим. Мгновенная стереоскопическая (эпитет В. Набокова, думавшего, что он уничижительный) передышка — "меркла кисть сирени"; что она делала до того, как мерно мокла? мёрзла? округло и блекло мерцала? — так мы успеваем увидеть звук: мгновенная передышка и — второй заход. Но после того как "грянул ливень всем плетнем", попытка либо обессмыслится, либо оправдает себя. И рассудок объявляется. Замечательно, что он объявляется в плоти самого стихотворения, буквально, и в поэте Пастернаке, пишущем это стихотворение.

(Сопоставление с Пастернаком напрашивается само собой. О своей зависимости от Рильке он писал в конце жизни: "Я всегда думал, что в моих собственных опытах, во всей моей творческой деятельности я всего лишь только переводил и варьировал его мотивы...")

1. При всей необъяснимости явления "жизнь" мы не можем удостоить ее чести быть столь же невероятной, потому что она есть условие разговора "о чем-то" Если же разговор о невероятном мы предваряем невероятностью предпосылки разговора, то говорить придется "ни о чем" Впрочем, философы "ни о чем" и говорят. "О, только бы ты говорил!" Залог "непрекращаемого разговора", иными словами — философии, в том, что все может быть отрефлексировано как мышление и превращено во внеконтекстуальную мастурбацию.

2. Штейнер в "Философии свободы": "Мышление есть элемент, посредством которого мы соучаствуем в общем свершении Космоса; чувствование — это то, посредством чего мы можем идти на попятную и стягиваться в тесноту нашего собственного существа"

В "Сонетах к Орфею", в № 3: "Но что напев для нас, коль движет *он* / над нашим *быть* светил небесных сферы? / Не *то*, что мнят в нем юноши, когда / им голос жизни горло рвет: химеры / земной любви пройдут — и навсегда" (перев. А. Пурина). По Рильке, мир во всей своей новизне возникает из пения Орфея. И его суть — "не то, что мнят в нем юноши..."

данно и простодушно возмещает потерю: "под столькими веками" можно читать и с ударением на втором слоге, расширяя смысл высказывания не в сторону, указанную Рильке, но все же.)

В этом образе есть нечто необъяснимое: чистое противоречие розы в том, что у нее столько век, и — прикрытая этими веками-лепестками — она тем не менее не воплощает чей-то (включая свой собственный) сон. Сон, снящийся никому, — как образ смерти.

Духовно мыслимая, невидимая сущность розы (как это должно быть и с любой вещью, данной в смертности пространства и времени) обретает абсолютную реальность, и именно потому *абсолютную* и *реальность*, что несуществование (сон, снящийся никому) невозможно увидеть по-разному и тем придать ему относительность содержания (а невозможно увидеть его по-разному потому, что невозможно увидеть вообще). А между тем все это *есть*.

Как легко и как трудно здесь блуждать (и блудить), скажет ироничный эстет. И заблудиться даже не в трех соснах, но в лепете лепестков одной розы. И это не только *великая* бесконечность сознания, скажет он, но и *дурная*.

(" Через многие годы Себастьян напишет, что созерцание звезд вызывает у него тошноту и брезгливость, как бывает, когда видишь вспоротое брюхо животного" В. Набоков. "Подлинная жизнь Себастьяна Найта".)

Разве не возникает желания одним махом выскочить из *розо-говорения* и повторить стих Ангелуса Силезиуса: "Роза не спрашивает 'почему' она цветет, потому что она цветет"?

Замечательно, но размышлению не прикажешь. Возможно, речь в эпитафии идет об окончательной красоте и радости освобождения от красоты и радости. (В каком-то смысле это "бабочка Чжуан-цзы", но наоборот: не бесконечность пресуществления, но бесконечность развоплощения.) В этом и состоит *чистое противоречие*. Чище и противоречивей не придумаешь.

Попросту говоря, как представить себе, что поэт, видевший красоту в стихосложении и положивший на создание этой красоты жизнь, возрадуется безличной свободе ничего этого не знать, более того — не знать и этой свободы?

Есть ли этому объяснение?

"Наслаждение быть ничьим сном" По-моему, все ясно. В этой строке наслаждение умножается в духовном событии от слова к слову. Наслаждение Быть. Наслаждение Быть Ничьим. Наслаждение Быть Ничьим Сном.

Такой Сон предполагает совершенно творческое мышление, свободное от чувственно-телесного, прижизненного, загроможденного надеждами и разочарованиями наслаждения[1]. Добавлю: все ясно, но объяснения этому нет.

Может быть, заглядывание в недоступность всякий раз изобличает порог допустимого как порок: душа скучает на данности, *не верует?* Ведь истинная вера не любопытствует, не заглядывает *за*, но принимает видимое как тайну и ритуал, не подвергая его испытанию собой и себя — им. Может быть, тайное понимание этого влечет поэта к обезличенной свободе как к искуплению и отказу от словоговорливого порока, от истерики самопознания? Может быть. Вот только истерики нет: эпитафия глубока и спокойна[2].

Слово не может стать вещью, например розой. Но оно может стать

1. Поэт, которого Рильке любил и переводил, Поль Валери: "...мир поэзии обнаруживает глубокое сходство с состоянием сна... <...> Сон показывает — когда нам удается восстановить его в памяти, — что наше сознание может быть возбуждено и заполнено, а также утолено совокупностью образований, поразительно отличающихся по своим внутренним закономерностям от обычных порождений восприятия"

2. Этот "коан" я задал поэту Валерию Черешне, который разрешил его так: "Речь идет о "ничейном сне" бытия, о его великой потенции, сгущенной сомкнутыми веками-лепестками розы, блаженном, поскольку таит в себе возможность пробуждения (раскрытия век-лепестков). Сон и пробуждение, смерть и жизнь, бутон и цветение — все в одном образе".

постижением розы, ее сущностью. Роза — это не только лепестки, стебель, цвет или запах конкретного цветка, она не есть что-то уничтожимое до тех пор, пока живет мое сознание, и стихи являются даже не средством выражения этого неуничтожимого, но самим способом его существования, духовной жизнью, когда я и предмет постижения соединяются в духе. Тогда, оказываясь в пространстве однородного просветления, где любая сущность божественна, мы, дойдя до глубины постижения, можем потерять различающие смыслы. В этот момент "ученого не-знания" (Н. Кузанский) стихотворение может впасть в некое беспамятство, в священный лепет и бормотание, подобно волне, закипающей на гребне, что и происходит у некоторых великих, и — никогда у логиков, имитирующих ах-радость ах-бытия. Эти "закипания" не прихоть поэта, но *естественное* продолжение познания, когда разум как бы "теряет сознание", это молитва и медитация. Но едва ли стоит прибегать к метафорам и называть молитвой или медитацией то, что называется поэзией. А поэзия состоит из слов, которые тяготеют к смыслу. Так же как глубокая медитация опасна для жизни, так поэзии опасен лепет, даже если он священный. Опасен окончательным развоплощением, утратой предметности, полным растворением в духе. Это устремление просматривается в "Дуинских элегиях", когда, похоже, грань перейдена и хрупкое равновесие между "ученым знанием" и "ученым не-знанием" нарушено в пользу последнего. (Путь от "Новых стихотворений" к "Дуинским элегиям" — это путь от Аполлона к Дионису.) Но есть стихи, где любишь словно бы не сами стихи, но автора, его духовное усилие[1].

В "Сонетах к Орфею" и "Дуинских элегиях" цикличность, свойственная "Новым стихотворениям", размыкается. Речь не о форме, строгая форма сонета, точно так же, как вольная форма элегий, оказывается не в состоянии "удержать" стихи в поле земного притяжения к вещам. Рильке совершает свой путь, и дело не в том, что он слишком опережает читателя, а тот безнадежно отстает (если придать поэту роль "водителя" "вестника" божественного, как это делает Хайдеггер), а в том, что он совершает слишком *свой* путь, где попутчиком может оказаться лишь тот, кто проделал *свой*, совершенно, быть может, отличный от пути Рильке, но соизмеримый по сосредоточенной страсти аскетизма.

Он прикован к постижению и приятию смерти: "Сонеты к Орфею" написаны как надгробие для девушки, а в первой же Дуинской элегии сказано: "...мы поневоле / ищем тайн, ибо скорбь в сочетании с ними / помогает расти. Как тут быть нам без мертвых?" (перев. В. Микушевича). Без постижения и приятия смерти свидетельствовать о целостности бытия нельзя. Нельзя "воспевать"

Поэзии, которую Хайдеггер понимал как богоискательство — и, вероятно, был прав, поскольку видел перед собой "Дуинские элегии", в которых песня несется *над* землей, почти погибая в беспредметности (А. Фет: "Не так ли я, сосуд скудельный,/ Дерзаю на запретный путь, / Стихии чуждой, запредельной, / Стремясь хоть каплю зачерпнуть?"), — противостоит поэзия как свидетельство и воплощение Бога.

1. Бесконечные трактовки, допустим, стихов Мандельштама — результат безуспешности этих трактовок. Критика пользуется логикой там, где ее законы неприменимы. Единственной доблестью ее было бы указать на ту область, в которой поэт "заговаривается" и в которой она бессильна. Пауль Целан в письме к Глебу Струве о Мандельштаме: "...впечатление безусловной правды, которая обязана своей смысловой наполненностью и своими контурами именно соседству чего-то предельного и тревожащего — того, что беззвучно и вместе с тем внятно со-глаголет с нею — а возможно, даже глаголет что-то сверх и помимо самого стихотворения. <...> ...(он) хотел сделать само слово в стихотворении "вещно-крепким"; не допустимо ли и мыслимое таким образом слово во многих случаях понимать под знаком некоей "предельной" вещности? Но где, скажите мне, в великой поэзии речь не идет о предельных вещах?"

Кто из смертных смеет сказать, что Бог умер? Как же он, человек, тогда живет? Заниматься богоискательством? Но если мы ищем Бога, значит мы знаем, что он есть. Если же он есть, не надо искать, ибо как мы найдем непостижимое? Только — *принять*. А принять означает *воспеть*. И вот тут возникает вопрос: как воспеть непостижимое? И с ним — порочный круг и, как следствие, головокружение богоискательства с поташниванием. Выход есть, и он единственный.

В этой точке либо происходит мгновенное пресуществление содержания в форму, либо — смерть. (Смерть в идеях, "идеи — дети бесплодных матерей", и блужданиям их нет конца. Бесконечная смерть.)

Вместо неуловимых, не могущих ни во что воплотиться, находящихся в непрерывном перевоплощении друг в друга Чжоу и бабочки, абсолютно неоспоримое сияние данности:

> О бабочка, о мусульманка,
> в разрезанном саване вся —
> жизняночка и умиранка,
> такая большая, сия!..

Домашняя данность. Домашняя, но и *сиятельная*. Разгадка в том, что лишь *невероятность* формы устанавливает бесконечность содержания в конечном — в образе. Образ — это скачок, в котором перегорает вольфрамовая нить времени, и значит, это вспышка света. Содержание должно быть приостановлено в творении. В ином случае оно никогда не *станет*. Оно будет прибывать не пребывая, в высокомерии бесконечности. Это смыкается с идеями Хайдеггера: бытие-праоснова выбрасывает из себя существование, которое, в обратном натяжении, к центру бытия, устанавливается в форме. В направлении, *встречном* бытийствованию.

Энергия художника должна быть (если здесь возможно долженствование) направлена на чудесность образа, а не на самоупоенное богоискательство.

Домашняя данность и узнаваемость вещи (у Мандельштама — бабочки), но — в озарении ясности и безумия, или в "безумной ясности"[1; 2].

("...Пересмотрел все это строго: / противоречий слишком много, / но их исправить не хочу..." Если полагание на себя и свои силы, богооставленность поэта казались мне поначалу тупиком, из которого не выйти, то затем они же обернулись гарантией выхода как непрерывного становления, роста и перерастания себя. Возможно, эта противоречивость даже полнее отражает путь Рильке, и, возможно, так им и заповедано.)

1. Уточнил мои слова и привел их к формуле, которая, по-моему, безукоризненна — "безумная ясность", В. Черешня; уже закончив статью, я наткнулся на изречение в интервью Набокова 1969 г.: "...Объективно говоря, в жизни не встречал более *ясного*, более одинокого, более гармоничного *безумства*, чем мое"

2. С причислением поэта к лику какой-либо религии, как правило, ничего не получается. То он верующий, но не церковный, то религиозный, но не верующий, то все вроде на месте, но к исповеди не ходит... Не получается прежде всего у самого поэта, если, конечно, он не осознает поэзию как религию. Такое осознание было бы естественно, потому что воистину ничего другого он не исповедует.

Не зря Роберт Музиль заметил в "Речи о Рильке": "Он был в известном смысле самым религиозным поэтом после Новалиса, однако я не уверен, была ли у него вообще какая-либо религия" О том же свидетельствует и сам Рильке: "Бог — самое древнее из творений искусства. Он скверно сохранился..." или: "Тот, кто не творит, должен иметь религию..." — Рильке хочет сказать, что творящему она не нужна, она уже есть. (Кафка тоже не видел разницы между молитвой и искусством: "Человек бросает себя в темную световую дугу между прехождением и становлением, чтобы уложить бытие в колыбель своего маленького "я" Это и делают наука, искусство и молитва".) Не случайно стихи не выдерживают богоискательства, противятся ему, а сдавшись на милость упорствующего поэта, не удаются.

Встреча переводчиков

В мае 2005 года в Кракове на Всемирном конгрессе переводчиков собрались 180 человек почти из 50 стран. Продолжавшийся три дня конгресс был прекрасно организован, официальные мероприятия сведены к минимуму, кроме общих пленарных заседаний, состоялись многочисленные "встречи по интересам" — переводчики могли принять участие в работе разных "мастерских": послушать известных польских литературоведов, критиков, издателей, задать вопросы, обменяться мнениями. И конечно, чрезвычайно полезными были беседы в кулуарах, когда люди, занимающиеся одним делом и прекрасно понимающие друг друга, сумели пообщаться на "родном" польском языке — а тем для бесед, естественно, было в избытке. Одна из таких встреч должна представлять интерес для читателей "ИЛ", где во втором номере 2005 года опубликован роман Дороты Масловской "Польско-русская война под бело-красным флагом", впоследствии вышедший отдельной книгой в издательстве "Иностранка" В Кракове за одним столом собрались: Дорота Масловская, переводчики ее книги на французский, немецкий и русский языки и редактор "ИЛ" Ксения Старосельская. Запись их беседы мы предлагаем вниманию читателя. Стоит отметить, что в основном говорили переводчики, Масловская, очаровательная девочка (иначе ее трудно назвать, хотя у нее уже есть крохотная дочка) с милой улыбкой (ямочки на щеках) и крепким, мужским рукопожатием, больше слушала — с явным интересом.

Ксения Старосельская. Я очень рада, что представился случай собраться вместе автору книги и нескольким ее переводчикам — такое редко бывает. Итак, передо мной Дорота Масловская и три переводчика ее "Войны... — Ирина Лаппо (Россия), Зофья Бобович (Франция), Олаф Кюль (Германия). Переводчиков на другие языки в Кракове, к сожалению, не обнаружилось. Кстати, в скольких странах опубликованы переводы вашей книги, пани Дорота?

Дорота Масловская. Венгрия, Чехия, Словакия, Италия, Америка, Голландия. И вот теперь русское издание.

К. С. Книга необыкновенно сложна для перевода: она написана на молодежном жаргоне, и конечно же переводчик, работая над ней, сталкивался с большими трудностями. Мне бы хотелось на этом заострить внимание. И начать с перевода названия. На русском языке сохранен польский заголовок, а во Франции и Германии книга названа совершенно иначе. По-французски, в частности, "Polococtail party" Интересно, почему Зофья Бобович так назвала книгу, обсуждалось ли название с автором?

Зофья Бобович. Прежде всего хочу сказать, что я горжусь тем, что перевела "Войну..." одной из первых в мире. Книга вышла в Польше в 2002 году, вокруг нее сразу поднялся шум (как-никак роман — весьма своеобразный и вдобавок написан очень юной особой), появилось множество разноречивых рецензий, о чем я, разумеется, знала. Все, кто высказывался о "Войне..." сходились в одном — роман непереводим. Тем сильнее мне захотелось его прочитать. И буквально с первых страниц я убедилась, что книга исключительно оригинальна, ничего похожего в польской литературе сегодня нет —

никто не показывает так ярко и откровенно маргинальную молодежную среду. Кроме того, я уловила карикатурный характер повествования, поняла, что это пастиш, гротеск, пародия на современную провинциальную молодежь с искаженными, левацко-анархистскими представлениями о реальности, с националистическим, ксенофобским душком, радостно приветствующую проведение в городе праздника "День без русских" и притом далекую от политики, – это типичные представители общества потребления, лишенные каких бы то ни было высоких идеалов и подлинного интереса к тому, что происходит за пределами их узкого мирка. И описано все с поразительным для такого юного автора мастерством – необыкновенно легко, образно, смешно. Я с восхищением прочитала книгу с карандашом в руке, подчеркивая непонятные и кажущиеся непереводимыми места, и начала заниматься ее "продвижением": перевела 10-15 страниц самого текста, наиболее обстоятельные рецензии и интервью с автором и начала переговоры с издательствами, оказавшиеся очень непростыми – издатели проявляли чрезмерную осторожность (к тому же лучшие переводчики с польского на французский поддерживали их в убеждении, что книга непереводима). Мне повезло: на Лондонской книжной ярмарке выяснилось, что американцы уже купили эксклюзивные права на "Войну..." и наши издатели решили не отставать.

Что же касается названия... В книге речь идет о вымышленных угрозах, вымышленных опасностях, никакой польско-русской войны нет, это мираж, причина чему – стереотипы, давно сложившиеся и до сих пор сохраняющиеся в странах Восточной Европы, в чьей истории много сложностей и недоразумений. Французскому читателю, незнакомому с историческим контекстом, это непонятно и соответственно не может быть понятен и иронический смысл названия. К тому же польское название, с моей точки зрения, недостаточно ясно показывает, что книга разоблачает ксенофобские, популистские настроения, весьма распространенные в Польше и мешающие необразованной молодежи разобраться в сегодняшней сложной действительности. Я долго ломала голову, даже поехала в Гданьск, много ходила по городу, пытаясь проникнуться реальной атмосферой, которая так ярко отображена на страницах книги, и окончательно убедилась в том, что название надо придумать другое. И придумала: "Polococtail party" Ведь коктейль – это, как известно, смесь, а в умах польской молодежи полный сумбур, мешанина. С другой стороны, речь в книге идет о некоем "национально-ярмарочном" празднике – отсюда ироническое "party" К тому же в Гданьске в июле 2003 года я попала на пышную презентацию польского напитка "polococta" (массовые развлечения, танцы, украшенные цветами автобусы, рекламирующие этот напиток, и т. д.). Все это, как видите, и отражено в названии.

Прежде чем приступить к переводу, я связалась с Масловской, она разъяснила мне непонятные места, после чего работа пошла очень быстро. И немудрено: хорошо написанную книгу всегда легче переводить. А еще мне помогало то, что текст очень смешной. Масловская сама рассказывала, что постоянно смеялась, когда писала, – встревоженная мать время от времени заглядывала в комнату к Дороте, чтобы понять, почему та все время громко смеется. Короче говоря, переводить роман было сущим удовольствием.

К. С. А теперь я передаю слово Ирине Лаппо. Несколько лет назад я прочла ее перевод книги Рышарда Шуберта. В 70-е годы этот писатель очень ярко заявил о себе, опубликовав две отличные книги, а потом, к сожалению, замолчал. У Шуберта есть что-то общее с Масловской – в первую очередь, образный, живой язык, необычайно трудный для перевода. Поскольку

Ирина замечательно справилась с текстом Шуберта, я предложила ей взяться за книгу Масловской, тем более, что живет Ирина в Польше и молодежный язык знает не понаслышке. Я не ошиблась – перевод получился очень удачным. Это отметили все рецензенты, отозвавшиеся на нашу публикацию, даже те, кому "Война..." не понравилась.

Ирина Лаппо. Я сразу "влюбилась" в книгу Масловской, но бралась за нее с опаской: именно потому, что последние десять лет я живу в Польше, русский язык волей-неволей отступает на второй план. И все-таки рискнула. Я совершенно согласна с Зофьей Бобович: меня привлекли гротесковость повествования и юмор Масловской, я тоже смеялась вслух, когда читала книгу. Конечно, персонажи карикатурны, но эта карикатурность только усугубляет реальность образов, их правдоподобие. К тому же автор не язвит, не насмехается над ними.

К. С. А что скажет автор о своих героях, как они рождались?

Д. М. Уже не помню, давно эту книгу не читала. Но, конечно, ни о какой злобной язвительности там нет и речи.

З. Б. Согласна, ирония Дороты Масловской отнюдь не злобная, скорее теплая. В этом, кстати, проявляется несвойственная молодежи (автору было 19 лет, когда книга вышла) снисходительность к человеческим слабостям. К тому же Масловская чрезвычайно наблюдательна: достаточно ухватить несколько специфических психологических черточек, чтобы создать полнокровный образ.

К. С. А как автор относится к молниеносно пришедшей славе, к огромной популярности – это обременительно или, скорее, приятно и доставляемое удовольствие перетягивает?

Д. М. Конечно, обременительно, просто мешает жить. Но я как-то приспособилась.

Олаф Кюль. Осенью 2002 года мне порекомендовали прочитать роман Масловской. Я прочел несколько страниц и... выбросил книгу в мусорную корзину. Она показалась мне поверхностной, претенциозной, этакой "модно-молодежной"

К. С. А почему же вы все-таки взялись за перевод?

О. К. Несколько месяцев спустя ко мне обратилось одно немецкое издательство с предложением перевести "Войну..." Я уехал на выходные в польскую деревню и там прочитал все от начала до конца уже "пристрастно" И увидел, что был глубоко не прав. Книга буквально меня заворожила. Собственно, в восхищение я пришел уже в том месте, где одна из героинь, Анжела, начинает блевать камнями. Я убедился, что Дорота обладает огромной силой поэтического воображения, образным, метафорическим мышлением. И понял, что стиль книги – не калька молодежного жаргона, а высокохудожественный, новый поэтический язык, как бы надстройка над сленгом, языком рекламы и потребления, и источник его – в польской романтической традиции.

Над названием тоже пришлось немало потрудиться. Дословный перевод издательством был отвергнут – с таким названием в Германии книгу никто не стал бы покупать.

Д. М. В Польше на мои первые авторские вечера приходили ветераны польско-советской войны 1920–1921 года и были горько разочарованы, убедившись, что в книге речь идет вовсе не об этом.

О. К. Вот именно. Я придумал новое название: "Schneeweiss und Russenrot" (дословно "Снежная белизна, русская краснота"). В нем присутствуют цвета польского флага, снег как метафора кокаина и слово "русский". Кроме того, оно отсылает к названию сказки братьев Гримм "Schneeweiss und Rosenrot" (в русском переводе "Беляночка и Розочка"), только вместо "розовая" появилась "русская" Кстати, в Голландии воспроизвели немецкое название. Полагаю, что популярность книги в Германии (она разошлась в 30000 экземплярах) свидетельствует, что с названием я попал в точку.

К. С. А не показалось ли переводчикам, что в романе перебор вульгаризмов, не смутила ли ненормативная лексика?

О. К. Для меня наибольшей сложностью было несоответствие славянских и германских бранных слов. Если у славян в этой языковой сфере преобладает отнесение к гениталиям, то у немцев ругательства носят скорее анальный характер, их любимое слово Scheisse (дерьмо). Не знаю, можно ли это как-то объяснить, исходя из теории Фрейда, или дело в национальных психологических особенностях. Так или иначе, чтобы показать богатство словаря Масловской, пришлось многое выдумывать. Судя по тому, что некоторые рецензенты хвалили меня за то, что я сумел "спасти" в переводе своеобразие польского языка, мне это удалось. Никто не заметил, что целый ряд слов – вымышленные.

И. Л. Я не считаю, что в книге "перебор" вульгаризмов. Масловская сумела найти адекватный язык для описания мира своих героев. Язык искусственный, выдуманный, в некотором роде заумь, но вот заумь эта не только уместна, а и весьма правдоподобна, поскольку основана на подлинных языковых реалиях. Море нелепостей и арготизмов. Блестящая образность и остроумие, смеховая экспрессия на всех языковых уровнях. Недаром сама Масловская говорит: "Мир является мне как язык, и именно языком я его воссоздаю" Может быть, я несколько преувеличу, если воспользуюсь сравнением, позаимствованным с самой высокой литературной полки, но Беккетт сказал о "Finnegan's Wake"[1] Джойса: "Не спрашивайте, о чем это, потому что оно само и есть это *что-то*" Пожалуй, то же можно отнести и к книге Масловской, где мир пропущен сквозь смеховую арготическую призму неграмматической, красочной в своем косноязычии, исковерканной и спародированной речи. Язык в романе – способ "обезвреживания" внешнего мира через его осмеяние. Можно говорить об ущербности, вырождении речи героя "Войны... Сильного, но можно увидеть в ней богатство и яркость, карнавальную вседозволенность, не ограниченную ни грамматикой, ни семантикой, буйное словесное творчество (сродни детскому). Пути этого творчества неисповедимы: Сильный, как ребенок, творит не сознательно, а потому, что не умеет иначе, "по-взрослому" Сплошь и рядом читатель обнаруживает несогласование времен, многочисленные тавтологии и явную избыточность речи, очаровательные в своей нелепости уточнения, в которых сильное определение уточняется слабым ("это их совершенно ошарашило, даже, можно сказать, несколько озадачило"), логические ошибки на обоих (жизненном и языковом) уровнях, нарушение синтаксической и смысловой связи, контаминации идиоматических конструкций ("даже если они будут вешаться мне на шею, как мухи – на варенье"), самые странные формы глагольного управления, особенно с "умными" словами ("Как представлю себе, какую огромную фрустрацию ему пришлось вложить в организацию всего этого бедлама с двумя неудачными дочерьми"). Если Сильный знает какое-то умное слово, вовсе не обязательно, что ему понятен смысл – он запросто использует это слово по своему усмотрению. Его ведет почти поэтическое наитие.

Скорлупа мата и вульгаризмов, в сущности, довольно тонка, и пробиться сквозь нее, к радости неграмматического раблезианского взгляда на мир, не столь уж и сложно. Язык, создающий видимость настоящего, непосредственно списанного с жизни, подслушанного на остановке или с балкона, – на самом деле конструкция искусственная, хотя и хорошо мотивированная психологически. Язык этот – скорее детище телевидения и прессы, чем порождение улицы. А отсюда следует, что довольно неприятный тип, который рассказывает нам "за жизнь",

. "Поминки по Финнегану" (*англ.*).

создан не столько улицей, сколько постоянно окружающим его информационным шумом.

К. С. А как была принята книга в ваших странах?

З. Б. Французам показалась узнаваемой и пришлась по вкусу эта сатира; заинтересовала их и юная писательница: несколько авангардных журналов отправили своих корреспондентов в Польшу, чтобы взять у Масловской интервью и попутно написать репортажи о той стране, в какой — по их представлению — обитают герои книги. Французы ценят легкость и фантазию как средство избавиться от налета излишней драматичности при восприятии мрачного мира. А поскольку в известной во Франции польской литературе такое редко встречается, книга получила громкий резонанс: в печати на нее появилось больше рецензий, чем на какой-либо другой из переводов последнего времени. Был мгновенно распродан весь трехтысячный тираж (для Франции это немало), допечатано еще 1000 экземпляров, издательство "Points-Seuil" приобрело права на карманное издание.

О. К. В Германии "Война..." вышла огромным тиражом и хорошо продается. Надо отметить, что успеху немало способствовала рекламная акция, предшествовавшая публикации книги. Не говоря об упоминаниях в прессе, отрывки из нее читались по радио в исполнении известных актеров, в частности популярной актрисы иранского происхождения. Надеюсь, что и я внес некий вклад в судьбу немецкой версии "Войны...": в этом году мне была присуждена (в том числе и за эту работу) самая почетная награда для переводчиков польской литературы на немецкий язык — премии имени Карла Дедециуса[1]. Только что вышла вторая книга Дороты Масловской "Павлин королевы", написанная частично в ритме хип-хопа. Эта книга подтвердила мою убежденность в том, что мы имеем дело с молодым гением — иначе нельзя сказать об авторе, столь блестяще владеющим искусством стилизации. Я также вижу огромное достоинство Дороты в том, что она выступает с жесткой критикой общества потребления, постсоциалистической цивилизации, при том что юный возраст никак не позволяет подозревать ее в ностальгии по коммунистическому прошлому.

К. С. Что ж, остается только пожелать автору новых успехов, а переводчикам — возможности познакомить своих сограждан с очередными книгами Дороты Масловской.

1. Карл Дедециус (р. 1921) — крупнейший переводчик польской и русской прозы и поэзии, основатель Института польской культуры в Дармштадте.

Михаил Шишкин

Вильгельм Телль как зеркало русских революций

Опыт сравнительной монументологии

Дырки в пейзаже

В Швейцарии бросаются в глаза дырки в пейзаже, заполняемые в России памятниками. В русской деревне может не быть водопровода, телефона и других признаков цивилизации, но обязательно будет обелиск – в память о тех, кто ушел на войну и не вернулся. Перст, показывающий русскому прохожему его путь на небо. Дорожный указатель, напоминающий тебе о твоем предназначении. Дорожка к журавлиному бессмертию. Здесь этого нет.

Главной швейцарской святыней является луг, на котором некогда была принесена клятва верности отцами-основателями первого союза кантонов. И трава, и коровы настоящие. Комментарий Василия Жуковского, подплывшего на лодке к лугу Рютли, "покрытой зеленым дерном площадке": "На ней нет памятника; но свобода Швейцарии еще существует". В стране идей луг был бы принесен в жертву памятнику лугу.

Бог вкладывает в плоть душу, человек в камень – идею. Как и люди, памятники бывают живые и мертвые. Как смерть человека не означает прекращения существования ни для души, ни для тела, так и памятник может оставаться живым и через сотни лет после своего физического уничтожения, а может появиться на свет мертворожденным. Так идея Вавилонской башни живет и через тысячи лет после ее физического разрушения. Так снежная жена Франциска Ассизского, давным-давно растаяв, и сейчас является сгустком любви к Творцу.

Признак жизни памятников – не столько поклонение им, которое чаще всего является мертвым ритуалом, но скорее борьба с ними, начиная от хулиганского пачканья или террористических попыток их взорвать и кончая их сносом, с восстановлением в том или ином виде следующими поколениями.

В России, где идеи, похоже, не умирают, а витают как призраки, неистребимые в старых домах и являющиеся каждому новому поколению, пугая обывателей, памятники бессмертны и без конца вмешиваются в жизнь смертных. По количеству снесенных монументов в мире лидирует Россия. Только при жизни последних поколений там прокатилось столько волн их уничтожения, что хватило бы иной стране на много веков исторического развития. Ускорение круговорота идей в России обещает скорое возвращение железных и каменных людей на свои постаменты. Они живее живых.

© Михаил Шишкин, 2006

Памятники являются временной телесной обителью идеи. Идеи противопоставлены быту, более того — враждебны ему, ибо требуют жертвы. Памятник есть всегда в практическом быту нечто бесполезное, ненужное, пустая трата материала и труда. Роль идей в жизни нации отражается в размерах памятников. Чем величавее пирамиды и каналы, тем ничтожнее их строитель.

"Место, где жил Вильгельм Телль, — читаем дальше у Жуковского, — означено часовнею. Этот обычай строить вместо великолепных памятников скромные алтари благодарности Богу на местах славы отечественной трогает и возвышает душу... На вершине Риги стоит простой деревянный крест, и маленькая часовня Телля таится между огромными утесами, но они не исчезают посреди этих громад, ибо говорят не о бедном могуществе человека, здесь столь ничтожном, но о величии души человеческой, о вере, которая возносит ее туда, куда не могут достигнуть горы своими вершинами"

Обычай отмечать какие-либо славные события строительством храмов присущ, как всякой христианской стране, и России. Памятник, ставший символом страны, — Храм Христа Спасителя. История его жизни, смерти и воскрешения — песня о главном. Притча о жертве. Непостроенный монумент, по сравнению с которым Вавилонская башня — кулич в песочнице, приносят в жертву бассейну, быту, удобствам частной жизни, приоритетам индивидуума. А затем — сакральное умерщвление бассейна как идеи важности маленьких радостей отдельной личности и воскрешение Храма как восстание из гроба идеи могущества империи.

Юродивый генералиссимус

Для нашего опыта сравнительной монументологии забавно проследить судьбу памятника, соединившего в себе и Россию, и Швейцарию. Этот своеобразный каменный сиамский близнец — 12-метровый крест, вырубленный в скале у Чертова моста. История его такова. Идея увековечить к столетнему юбилею память соотечественников, защищавших высшие интересы отечества в Альпах, принадлежала князю Сергею Михайловичу Голицыну. В октябре 1892 года он обратился в Министерство иностранных дел с предложением установить на свои средства памятный крест Суворову в ущелье Чертова моста. Запрос был направлен швейцарскому правительству. Официальный Берн ответил отказом. Негоже свободолюбивым гельветам устанавливать на своей земле памятники чужим полководцам.

Верность идее, однако, вступает в противоречие с сулящей прибылью: жители общины Урзерн, наоборот, заинтересованы в русском памятнике на своей территории в надежде, что такая достопримечательность привлечет в их бедные края богатых туристов. Выход находится: раз идея, мешающая реальной жизни, выражена в формулировке, то нужно изменить

формулировку. С русской стороны поступает новое прошение, но теперь речь идет об увековечении памяти павших русских солдат. На такую формулировку Федеральный совет дает свое согласие. Совет общины Урзерн объявляет о безвозмездной уступке России участка земли для памятника. С тех пор этот кусок скалы в Альпах является, как ни странно это звучит, суверенной территорией России.

Памятник Суворову у Чертова моста торжественно открывается в сентябре 1898 года. На открытии присутствуют военные делегации России и Швейцарии. После панихиды по павшим, отслуженной у памятника, от имени Голицына в Андерматте дается торжественный банкет. Русский посланник в Берне сообщает в Петербург об этом событии и приводит речь представителя швейцарской армии: "Мы счастливы, что этот крест над могилою русских воинов, столь драгоценной для всякого солдата, воздвигнут теперь среди укреплений Готарда, предназначенных для того, чтобы обеспечить нашу независимость. Русские могут быть уверены, что мы свято будем охранять этот крест и никто не нарушит его святыни..." Олдерман, представитель общины Урзерн, в своем выступлении выразил надежду, что строительство памятника привлечет на благо общины русских туристов.

Увы, надежда швейцарцев использовать царского генерала в качестве туристической рекламы не оправдалась. Жители глухой альпийской деревни ввязались в русскую войну памятников и поставили не на тот. В катившейся к революции России непобедимый генералиссимус вызывал какие угодно чувства, только не восторг. Вот пример типичного для того времени отношения к памятнику, который находим в воспоминаниях Германа Сандомирского, студента, вместе с товарищами путешествовавшего пешком в начале века из Женевы в Цюрих: "Я забыл еще упомянуть о том, что мы проходили мимо знаменитого "Чортова моста" запечатлевшего баснословную жестокость русского полководца Суворова, положившего здесь много тысяч солдат, которых он заставлял в полном вооружении взбираться по отвесным скалам. Говорят, что тысячами солдатских трупов заполнялись пропасти между этими скалами и по ним проходили оставшиеся в жи-

вых. Здесь кем-то поставлен памятник погибшим жертвам. Этот памятник служит символом гнуснейшего самодержавного режима"

Подобное отношение новой власти в России к прошлому напрямую отразилось на состоянии швейцарского памятника: после революции суворовский крест с годами пришел в запустение и стал потихоньку разваливаться. Но и памятник-эмигрант испытал на себе судьбу своих отечественных каменных и железных собратьев – за смертью приходит возрождение. С превращением революционной России в советскую империю менялось и отношение к Суворову. С началом войны всячески возрождается культ царского генерала. Следует вал книг, фильмов, орденов, памятников, посвященных Суворову, а после войны вспомнили и о суворовском кресте в далеких Альпах. Революционное отречение от имперского прошлого сменилось благоговейным почитанием, и Советский Союз выделил средства на ремонт, которым занималось советское посольство в Берне.

После перестройки события в России пошли в убыстренном темпе – ускорилась и неспешная жизнь памятников. Так получилось, что возрождение имперского духа на советских развалинах совпало с 200-летней годовщиной суворовского похода. История вековой давности повторилась буквально: круговорот русских идей совершил свой оборот точно к юбилею. Столетия срифмовались: снова в сентябре был открыт памятник Суворову, но на этот раз уже на перевале Санкт-Готард.

На этот раз швейцарцы были более покладистыми, несмотря на то, что памятник представляет собой конную статую иноземца-военачальника, попирающего землю свободолюбивых гельветов. Более того, и деньги на памятник царскому генералу дали альпийские жители, что можно объяснить лишь знаком благодарности швейцарских банков за те миллиарды, которые им принесли за последние годы частные клиенты из России. Русский монумент на перевале оказался побочным продуктом большой стиральной машины по отмывке денег.

Сам памятник, исполненный скульптором Тугариновым, вызвал у официальной делегации из Москвы неудовольствие, но кто же будет портить себе поездку в Швейцарию за казенный счет из-за такого пустяка, как трактовка образа Суворова? А образ и создает интригу: полководец изображен не суперменом, а юродивым. Скульпторы обычно направляют взгляд героя на завоеванную, вернее, на освобожденную землю, и рука, как правило, поднята в угрожающем или указующем на врага жесте. Здесь все не так. На полуживой кляче примостилась курицей сумасшедшая старуха, в которой трудно узнать привычный молодецкий образ народного любимца-генералиссимуса. Глаза устремлены в небо, а рука вознесена в крестном знамении. Альпийский крестьянин-проводник с сожалением и сочувствием смотрит на уставшую, изможденную лошадь. Вольно или невольно скульптор создал метафору двух мироощущений: русская мессианская идея, оседлав народ, гонит его Бог знает куда, а швейцарский пастух, не глядя в небо, пытается найти надежную тропинку среди скал и пропастей.

Теллъ *против* Кутузова

Два наиболее известных швейцарских монумента – люцернский Лев и памятник Вильгельму Теллю в Альтдорфе.

Идея увековечить память швейцарских гвардейцев, погибших при штурме Тюильри в 1792 году, вот уже два столетия навевает на русских путешественников задумчивость. Так, например, уже вскоре после открытия монумента писатель и журналист Александр Тургенев смущен сутью совершенного героическими швейцарцами поступка: "Мне все что-то больно, когда думаю, что этот

памятник воздвигнут швейцарцам и, конечно, за прекрасный подвиг, но этот подвиг внушен не патриотизмом, а только солдатским point d'honneur[1] и швейцарскою верностью. Они умерли за чужого короля, защищая не свою землю, не свое правительство — не за свое дело, — а в чужом пиру похмелье" А Салтыков-Щедрин более чем через полвека интерпретирует латинскую надпись на памятнике "Helvetiorum virtuti ac fidei" ("Доблести и верности швейцарцев") так: "Любезно-верным швейцарцам, спасавшим в 1792 году, за поденную плату, французское престол-отечество"

Понятие чести как верности заключенной конвенции, исполнения подписанного договора, добровольного подчинения урегулированному порядку и, как следствие, героической гибели "за поденную плату" трудно все это переварить русскому рассудку. После практической оккупации Наполеоном альпийской республики Швейцария вынуждена была поставить ему войска для завоевания России. "Служба в наполеоновской армии, которую несли молодые швейцарцы в соответствии с договором, была им ненавистна", комментирует стандартный швейцарский учебник истории. Но как это соотносится с тем, что написано в следующем абзаце той же истории о походе Великой армии? "В ее рядах отправились в Россию 10 000 швейцарских солдат. Они отличались в походе своим наступательным духом и большой выдержкой. Когда кампания завершилась неудачей, "красные швейцарцы" мужественно прикрывали переправу остатков наполеоновской армии через Березину. Из 10 000 швейцарцев на родину из России вернулись только 700 человек, израненных и изможденных"

Если ты вынужден служить в армии, да еще "ненавистной", то почему ты обязательно должен быть героем, проявлять "наступательный дух" и жертвовать собой ради иностранного завоевателя? Благодаря швейцарским солдатам, самоотверженно сражавшимся против русских войск, которые стремились захватить Наполеона и остатки его армии на Березине, французскому императору удалось уйти от пленения, и война в Европе продолжалась еще два года, и стоила еще десятков тысяч человеческих жизней. Но у потомков Телля свое представление о чести.

Почему яблоко, а не мальчик

О швейцарце Вильгельме Телле, стрелявшем из арбалета в яблоко на голове сына, слышали все, но редкий читатель знаком с первоисточником. Впервые легенда упоминается в 1570 году Эгидусом Чуди "Хроникой Гельветикум" Итак, некий крестьянин не оказал почтения символу власти — повешенной на столбе шляпе австрийского наместника Геслера, и на него донесли. "В понедельник послал он (Геслер. — *М. Ш.*) за Теллем и с гневом спросил, почему тот не подчиняется указам и не поклонился шляпе, оскорбив тем самым честь императора и его наместника. Телль отвечал: "Господин мой, произошло это не из злого умысла, а по недосмотру. Будь я благоразумный человек, меня не прозвали бы Теллем (*диал.* "простак" — *М. Ш.*). Я прошу Вашу милость простить мне и приписать этот проступок моей дурости. Это никогда более не повторится"

Легенда о Телле — это инициационный миф. Первобытный этап развития, когда царит право кулака, завершен, сознание народа вступает в пору взрослого понимания необходимости конвенции, добровольного подчинения порядку, законам, пусть и не самым приятным, но необходимым. Это миф о добровольном подчинении договору и наказании за его нарушение.

1. Дело чести (*франц.*).

Шляпа законодателя и исполнителя данных законов — символ порядка, правил, которые могут быть нам неприятны, но лежат в основе сосуществования, делают возможным частную жизнь, нормальное функционирование общества. Мы поклоняемся этой шляпе, например, тем, что платим налоги. Герой мифа нарушает порядок, преступает закон, вовсе того не желая, и готов понести за это наказание, то есть осознанно принести жертву ради сохранения порядка, который он невольно нарушил. Готовность по приказу Геслера стрелять в сына есть свободный выбор подчинения договору, готовность принять условности закона, существующих правил. Из пространства нечаянного нарушения договора герой хочет вернуться путем добровольного понесения наказания обратно в рамки закона, на прочную территорию договора. Свобода как осознанная потребность жить по установленным правилам. В этом смысле Телль, послушно выполняющий приказание стрелять в своего собственного сына, и есть борец за свободу.

Фридрих Дюрренматт сформулировал это понимание свободы в звонкой метафоре: "Швейцария — это тюрьма, в которой каждый заключенный доказывает свою свободу тем, что является собственным охранником" Это, пожалуй, самое удачное определение демократии, которая может существовать только как результат самоограничения, самоконтроля.

Приказ самодура стрелять в ребенка — лучший момент для восстания против существующего порядка. Именно здесь любой из нас, имеющий собственных детей, нарушил бы условия общественного договора, каким бы законопослушным тот ни был. Но именно сохранить договор — цель Телля. Ослушаться властей, нарушить закон — черта, через которую не может переступить национальный герой Швейцарии. Бог на его стороне: стрела пронзает яблоко, доказывая правоту его законопослушной жизненной позиции. Отец нации искупил свою вину и остался в рамках существующих правил.

Нарушает же договор именно Геслер. Он не сдерживает своего слова отпустить удачливого стрелка на свободу и велит снова схватить Телля. Нарушение своего слова наместником и является в этом мифе нарушением закона. Преступление против порядка совершает иностранец, и за это должен быть наказан. Убийство Геслера и есть восстановление законности руками духовного основателя Швейцарии.

Тюрьма как памятник

Если бы был объявлен конкурс на тему "Памятник Швейцарии", я предложил бы тюрьму. Не метафорическую тюрьму Дюрренматта, а самую обыкновенную.

Кто-то сказал: хочешь понять людей, посмотри на их тюрьму. Я отправился в тюрьму в Аффольтерн-ам-Альбис на экскурсию. То, что я увидел, вызывало ассоциации вовсе не с тюрьмой, а, скорее, с домом творчества союза писателей. Только в сравнении со швейцарской тюрьмой дом писателей явно проигрывал. Что не удивительно, если учесть, что содержание одного заключенного обходится налогоплательщикам в 400 франков (около 300 долларов) в день.

Начальник тюрьмы — местный крестьянин, который увидел объявление о том, что ищут человека на должность директора местного исправительного заведения. Подал заявление о приеме на работу, прошел конкурс и получил это место. Огромный деревенский увалень, в котором и сейчас, через много лет тюремного опыта, осталось что-то добродушно-крестьянское. Он водил меня по тюрьме, как по своему хозяйству, о котором с любовью заботился. Он знал всех своих заключенных и их семейные подробности, при встрече похлопывал по плечу. В кабинете на стене, напро-

тив списка зэков, – указания, когда у кого день рождения, чтобы не забыть сделать подарок, кто чем болен, кто мусульманин и не ест свинины. Заключенные, если хорошо себя ведут, получают возможность работать, и деньги посылают к себе домой – в Албанию, Косово, Африку. Там не было ни одного швейцарца. Разумеется, это не говорит о том, что швейцарцы не грабят, не режут, не убивают.

Я спросил бывшего крестьянина, в чем тот видит свою цель как начальник тюрьмы. Он подумал и ответил: "В том, чтобы мои заключенные были довольны". И уточнил: "Если они довольны едой, работой, бытовыми условиями, начальством, охраной, то у них нет повода для эксцессов, мятежа и прочего. Это люди, и я уважаю в них человеческое достоинство"

Странно мне было все это. Смысл тюрьмы в наказании. Наказание здесь заключается не в физических мучениях плохой едой, темнотой, холодом, плохими условиями сна, тараканами, избиениями, цель которых унизить, растоптать в тебе человека, а в лишении свободы, то есть в лишении возможности осознанно, свободно подчиняться существующим правилам. Тюрьма в Швейцарии должна лишить человека того, чего у него и так нет ни в Албании, ни в Африке. Ни в России.

Потом в столовой мы ели все вместе – заключенные, начальник, экскурсант. Было вкусно.

И унизительно.

Эшер фон дер Линт, известный швейцарский инженер, гуманист и политик, сказал два века назад: "Нам отраднее видеть счастливых граждан и богатых подданных на площадях, нежели красивые памятники"

Может быть, послать эти внятные слова на конкурс русской идеи?

Загадочная англосаксонская душа Ивлина Во

Ивлин Во *Насмешник* / Перев. с англ. В. Минушина. — М.: Вагриус, 2005

Сборник Ивлина Во, вышедший в мемуарной серии "Мой XX век", стоит приобрести прежде всего из-за включенной в него автобиографии "Недоучка" (1964), оказавшейся последним произведением английского писателя.

Читая ее, я не раз вспоминал ламентации из эссе "Кембридж", написанного в 1921 году студентом Тринити-колледжа Владимиром Набоковым: "Между ними и нами, русскими, — некая стена стеклянная; у них свой мир, круглый и твердый, похожий на тщательно расцвеченный глобус. В их душе нет того вдохновенного вихря, биения, сияния, плясового неистовства, той злобы и нежности, которые заводят нас бог знает в какие небеса и бездны; у нас бывают минуты, когда облака на плечо, море по колено — гуляй, душа! Для англичанина это непонятно, ново, пожалуй, заманчиво. Если, напившись, он и буянит, то буянство его шаблонно и благодушно, и, глядя на него, только улыбаются блюстители порядка, зная, что известной черты он не переступит. А с другой стороны, никогда самый разымчивый хмель не заставит его расчувствоваться, оголить грудь, хлопнуть шапку оземь... Во всякое время — откровенности коробят его"

Положим, и сам Набоков, сделавшись профессиональным писателем, не так чтобы уж очень часто "оголял грудь" и если по молодости позволял себе "расчувствоваться" в иных стихотворениях, то в прозе, особенно в зрелых вещах, сделал все, чтобы скрыть от читателей свою личную жизнь. Однако по сравнению с автобиографией Ивлина Во набоковские "Другие берега" — самая настоящая "исповедь горячего сердца" (да простят меня правоверные набоковоманы за реминисценцию из Достоевского).

По волнам своей памяти Во путешествует как истинный английский джентльмен — застегнутым на все пуговки, не позволяя управлять собой потоку воспоминаний и не заносясь ни в какие небеса и бездны. Любители лирических излияний и исповедальных саморазоблачений могут не беспокоиться: "Недоучка" написан явно не для них. Отказываясь идти "в кильватерной струе психологических спекуляций нового поколения" (как и Набоков, Во не слишком жаловал "венскую делегацию"), писатель редко позволяет себе расслабиться и не балует читателей откровениями интимного характера. Стопроцентный англичанин, он обладал искусством скрывать истину, не сказав ни одного слова неправды. Так, повествуя о раблезианских развлечениях студенческой юности (из-за них он забросил учебу и в итоге вышел из Оксфорда, недоучившись до магистра, всего лишь с дипломом бакалавра), автор ни словом не обмолвился о своем гомосексуальном опыте (о том, "было или не было", заинтересованным лицам приходится судить, изучая посмертно опубликованные дневники и письма Во) и к тому же умолчал о многих скандальных проделках, которые, кстати, оставили неизгладимое впечатление в памяти его приятелей. (Один из них долго еще помнил, как ночью стены баллиолского колледжа дрожали от громовых восклицаний подвыпившего Ивлина: "Декан Баллиола трахается с мужиками! Декан

Баллиола трахается с мужиками!!!"[1])

Из книги мы узнаем куда больше о культурно-бытовом укладе и нравственном климате эдвардианской и георгианской Англии, нежели о внутренней жизни автора, так что "Недоучка" прельщает нас, как выразился бы Владислав Ходасевич, "силой колорита", а не "диалектикой души" и интенсивностью самокопания.

Автобиографический материал подобран так, чтобы наше внимание сосредоточилось на окружении юного Во и на подробностях внешнего мира, запечатлевшихся в его сознании. Эти подробности постоянно соотносятся пожилым автором с современными реалиями и фактами давней истории: неповторимая мелодия единичного существования вплетается в "шум времени", что позволяет воспринимать всю вещь не столько как автобиографию знаменитого писателя, сколько как культурно-исторический очерк английской жизни в период заката могущественной Британской империи.

Особенно богата такими сопряжениями вторая глава, "В кругу семьи", посвященная детству будущего классика английской литературы. Живописуя идиллические пейзажи лондонского пригорода и традиционные прогулки с отцом, автор показывает ландшафт, каждая деталь которого насыщена историческими реминисценциями. Вот перед нами "мрачный пустовавший дом, в котором некогда заточил себя Питт Старший. В доме, в башенке, была комната с двойными дверьми, туда ему приносили еду, когда он запирался там в приступе тоски и ярости"; далее мы видим "замок Джека Стро, возле которого... дважды были разбиты отряды мятежников, один раз во времена Уота Тайлера, когда они направлялись на Лондон, в другой — во время восстания Гордона, когда они шли на Кенвуд, чтобы сжечь его. Более свежий и действительно реальный случай произошел как раз за трактиром: Сэдлир, злостный железнодорожный спекулянт, который послужил прототипом диккенсовского Мердля, хлебнул синильной кислоты из серебряного кувшинчика для сливок и был найден на песчаном карьере — ноги его торчали из земли". Даже дерево, возле которого отец и сын регулярно встречали слепого нищего, имеет свою историю: его "посадили, чтобы отметить место, где стояла виселица, на которой казнили убийцу по имени Джексон там, где он совершил свое преступление"

В книге есть немало анекдотических эпизодов и исполненных едкой иронии зарисовок (чего стоит хотя бы описание ненавистного декана Хартфорд-колледжа: "Он курил трубку, которая торчала из его толстых губ, словно приклеенная коричневой слюной. Когда он вынул ее изо рта и взмахнул, словно желая, чтобы мне стала понятней его невнятная речь, блестящая нить потянулась за мундштуком, пока не лопнула, оставив мокрый след на его подбородке. Когда впоследствии он говорил со мной, я ловил себя на том, что думаю: как далеко может протянуться эта нить слюны, и часто не слышал его"). И все же по контрасту с хогартовской манерой большинства произведений Во, тяготеющих к гротеску и карикатуре, "Недоучка" поражает обилием описаний, пристальным вниманием к вещному миру, окружавшему впечатлительного мальчика, который особенно трепетно относился к приметам, казалось бы, столь недавней, но уже едва ли не мифологической викторианской эпохи, будь то "ширмы и шитые панно на резных ножках" в старом доме тетушек или увиденные там же архаичные газовые рожки, "шеффилдский фарфор, фамильные портреты кисти неизвестных живописцев", "два застекленных шкафчика, заполненные всяческими 'древностями' — веерами, табакерками для нюхательного табака,

1. P. Quennell. A Kingdom of Cokayne. In: Evelyn Waugh and His World. Ed. by David Pryce-Jones. — London: Weidenfeld & Nicolson, 1973, p. 37.

орехами с выпиленным узором, старинными монетами и медалями"; и еще "заключенный в футляр, тщательно обложенный ватой и снабженный этикеткой обгорелый кончик трости, опираясь на которую, некий родственник совершил восхождение на Везувий", и "прядь волос Вордсворта (подлинность под вопросом)"

В детских главах автобиографии с ностальгией воскрешаются те зрительные, осязательные и слуховые впечатления, которые по каким-то таинственным иррациональным причинам навсегда врезаются в память, образуя сокровенное ядро человеческого сознания. Воссоздавая в памяти викторианский дом своих тетушек, автор вспоминает целую симфонию запахов: "там вечно присутствовал неистребимый запах газа, масла для ламп, плесени и фруктов; в одной части дома пахло запущенной церковью, в другой — людным базаром"; рассказ о первых школьных годах вызывает образ немецкой учительницы, которая вдалбливала маленькому Во стишок о пуделе, выпившем молоко. "И тот бессмысленный стишок, — меланхолично замечает автор, — до сих пор звучит у меня в голове..."

Нечаянные лирические всплески, оттеняющие нарочито суховатый стиль изложения, придают автобиографии элегический тон и лишний раз позволяют нам увидеть в том жестоком и циничном насмешнике, каким Во представлялся многим современникам, тонкого и глубоко чувствующего человека, чья загадочная англосаксонская душа нет-нет да и подавала признаки жизни, прорываясь сквозь панцирь чопорной сдержанности и ледяной иронии.

При этом Ивлина Во нельзя обвинить в лакировке воспоминаний или подтасовке фактов из желания приукрасить себя любимого. По отношению к самому себе в прошлом автор занимает трезвую, отстраненно-ироничную позицию и не скупится на критические замечания.

"Большинство юношеских дневников наивны, банальны и претенциозны; мои в этом смысле просто ужасны. <...> Если то, что я написал, — верный мой портрет, то я был самодовольным, бессердечным и осмотрительно злобным. Мне бы хотелось верить, что даже в этих личных записях я был неискренен, скрывал свою более благородную натуру, что тогда я абсурдно считал цинизм и злость признаками зрелости. Я молюсь, чтобы это было так. Но убийственное свидетельство — вот оно, передо мной: фраза за фразой, страница за страницей, неизменно вульгарные. Я не чувствую ничего общего с мальчишкой, который написал все это" Шестидесятилетний мемуарист не только сурово оценивает свой претенциозный юношеский дневник, но и неоднократно показывает себя и школьных приятелей в довольно неприглядном виде: "Мы не были хулиганами в старомодном смысле этого слова, то есть теми, кто жесток по отношению к слабым. С младшими мы вели себя как благосклонные феодалы. Но одногодков и непосредственное начальство из их числа преследовали, как небольшая свора собак"

Издевательства над однокашниками — неизбежные атрибуты закрытых школ, — студенческие дебоши и экстравагантные выходки вроде лая под окнами декана колледжа, спьяну заподозренного в зоофилии, — подобных забав мы встретим немало на страницах "Недоучки"

Не обошлось в книге и без сенсационных признаний. Прочитав "Недоучку", друзья Во и даже его родной брат Алек с удивлением узнали о том, что в юности он едва не покончил с собой: хотел утопиться в море, оставив возле одежды записку с красноречивой цитатой из Еврипида: "Θάλασσα κλύζει πάντα Τ'ανθρώπων κακα"[1]; лишь прозаический ожог медузы вывел Ивлина из возвышенно-суицидального настроения и заставил его повернуть к берегу. Об этом инциденте сообщается

1. "Грехи с людей смывает только море" Еврипид. Ифигения в Тавриде. Перевод И. Ф. Анненского.

в последней главе, рассказывающей о самом тягостном периоде в жизни Во, когда он, погрязший в долгах лоботряс и недоучка без каких-либо высоких жизненных целей и перспектив, вынужден был тянуть учительскую лямку в "образцовой до уныния" валлийской школе, ставшей прообразом лланабской школы в его дебютном романе "Упадок и разрушение" (1928).

Тем не менее подобные признания – скорее исключение, чем правило. Писатель как зеницу ока оберегал свое "privacy" и из-за него довел повествование лишь до 1925 года, так и не показав чудесное перерождение забубенного пьяницы и кутилы в одного из лучших английских прозаиков XX века.

"Недоучка" должен был стать первым томом автобиографической трилогии. Ивлин Во засел было за вторую часть, но, написав всего семь страниц, оставил затею: ему предстояло описать крах скоропалительного брака с Ивлин Гарднер (она изменила мужу, когда тот, уединившись, дописывал "Мерзкую плоть"). Изжить психологическую травму писатель так и не смог (неслучайно отголоски адюльтерной истории различимы во многих произведениях Во: прежде всего в рассказе "Любовь на излете" романах "Пригоршня ~~пр~~аха", "Не жалейте флагов", "Меч почета") и уж тем более не захотел бередить незаживающую рану перед публикой.

К сожалению, вторая вещь, вошедшая в сборник, мало что добавляет к автопортрету Ивлина Во, да и значительно уступает "Недоучке" по своим художественным достоинствам. Путевые очерки "Турист в Африке" (1960) были изготовлены по заказу пароходной компании "Union Castle Line", отвалившей писателю две тысячи фунтов и оплатившей двухмесячный круиз Генуя–Порт-Саид–Аден– Момбаса– Занзибар–Дар-эс-Салам–Танганьика–Ндола–Солсбери (тот, что в Зимбабве, разумеется)–Кейптаун–Саутгемптон.

Книга, представляющая собой наспех обработанные дневниковые записи января–марта 1959 года, написана вялым пером отяжелевшего, усталого, не очень здорового человека, потерявшего вкус к приключениям и едва ли не через силу обозревающего достопримечательности Центральной и Восточной Африки. "Беженец от английской зимы" выше всего ценит комфорт и предпочитает экскурсиям покой корабельной каюты: в то время как его спутники совершают "изнурительный бросок к Сфинксу", он сибаритствует на пароходе. Когда же уютное однообразие плавания заканчивается, повествователю приходится окунуться "в ужасающую жару Танганьики" и совершать запланированные путешествия в глубь континента, во время которых он чаще всего проявляет "вялый интерес к окружающему"

"Безжизненная, раскаленная дорога, то и дело пересекающая железнодорожную ветку. Ничего интересного по сторонам"; "монотонный безлюдный пейзаж за окнами машины навевал скуку" – такого рода увлекательные наблюдения, разбавленные взятыми из вторых рук историко-этнографическими сведениями, в конце концов навевают скуку и на читателя.

А бесстыжие панегирики благодетельной пароходной компании ("'Родезия' – пароход чистый, обладающий превосходными мореходными качествами, следующий точно по расписанию, располагающий плавательным бассейном, кинозалом и всеми современными удобствами, но без претензий на класс люкс"), не слишком актуальные для нас советы, так же как и настойчивые рекомендации посетить тот или иной национальный парк, придают путевым заметкам сходство с безнадежно устаревшим, а потому и бессмысленным рекламным буклетом, изданным департаментом по развитию туризма.

Несколько оживляют повествование публицистические рассуждения об апартеиде и колкости в адрес

лейбористского правительства, чья близорукая политика, утверждает пристрастный автор, способствует развалу колониальной империи, что пагубно отразится и на судьбах белых колонизаторов, и на жизни аборигенов: "Ирония в том, что Британскую империю разрушают самими же нами импортированные чужеземные принципы либерализма XIX века. Основы империи часто являются причиной горя; их разрушение – всегда" Небезынтересны и некоторые исторические анекдоты, которые пересказывает автор. Вот один из них: с восставшим племенем кикуйю англичане боролись с помощью воинственного племени масаи; чернокожим наемникам приказали напасть на бунтовщиков и "принести сколько смогут оружия кикуйю; на другое утро вокруг палатки командира лежали груды отрубленных рук" – простодушные туземцы плохо знали английский язык, на котором слова "оружие" и "руки" пишутся и произносятся одинаково – "arms"

В целом же "Турист в Африке" редко когда поднимается выше уровня заурядного путеводителя, так что по прочтении книги возникает законный вопрос: чем был обусловлен выбор составителей? Ведь даже доброжелательно настроенные английские критики посчитали "Туриста" слабейшим творением писателя, а тираж книги "распродавался по бросовой цене и пылился на полках книжных магазинов вплоть до семидесятых годов, пока наконец его не разыскали коллекционеры"[1]. Сам автор воспринимал это сочинение как ремесленную поделку, состряпанную исключительно ради денег, и когда его многолетняя корреспондентка Нэнси Митфорд попросила прислать дарственный экземпляр, чистосердечно ответил: "Я не выслал тебе экземпляр моей африканской халтуры, потому что стыжусь ее и потому что не посылаю ее уважаемым мною друзьям"[1].

Может быть, стоило отобрать для книги что-нибудь более интересное и содержательное, показывающее писателя с лучшей, а не с худшей стороны: избранные эссе и критические статьи, отрывки из дневников и писем или же фрагменты из антологии "Когда не ездить было – грех" (1947)[2], вобравшей лучшее, что было написано Ивлином Во в жанре путевой прозы?

Культурная память не беспредельна, и вряд ли стоит загромождать ее переводами третьестепенных вещей пусть даже и первоклассных авторов.

Николай Мельников

1. Evelyn Waugh. The Critical Heritage. Ed. by Martin Stannard. – London, Boston etc.: Routledge & Kegan Paul, 1984, p. 51–52.

1. The Letters of Nancy Mitford and Evelyn Waugh. Ed. by Charlotte Mosley. – Boston, N.Y.: Houghton Mifflin Company, 1996, p. 427
2. В "ИЛ" печатался перевод главы из этой книги (1999, № 2).

Буря в театре и "Птам"

Драматургия Польши. XX век: Пьесы / Перев. с польск.; Сост. И. Кучер, Ю. Фридштейн. – М.: Новое дело, 2004 (Библиотека "Герольда")

"Ах, пане-панове, ах, пане-панове... что было, то сплыло, того уж не вернешь" Но оказалось, старая любовь не заржавела, отношения российской и польской культуры пошли на новый виток. 2004 год был объявлен "Годом России в Польше", нынешний, 2005-й – "Годом Польши в России" Выставки, концерты, спектакли, книги. Поэзия, проза и даже драматургия, а она проскакивает только в периодике (альманах "Со-

временная драматургия"). Мы соскучились по польскому театру, по польскому кинематографу – нашему "окну в Европу" Нежную "Варшавскую мелодию", написанную Зориным на исходе 60-х, в конце 90-х продолжила его же "Варшавская мелодия-2". Но она получилась горькой – Россия каялась в своей вине перед Польшей. И мы вспомнили про них, и поляки, дышащие в западно-европейско-американскую сторону, вспомнили про нас. Про то, что мы во многом похожи. Про то, что друг у друга под боком. Про кровавую историю, которой повязаны. Одним словом – "братья славяне", как говорил фронтовой народ.

Я думаю, именно поэтому театральная фирма "Кайрос" (а Кайрос, как вы помните, божество счастливого случая), задумав серию современной драматургии, начала с польской книги.

На самом деле, несмотря на политику или независимо от политики, театральная ниточка до конца не рвалась никогда. Уже лет сто польский театр нельзя вообразить без Чехова. А последние годы поляки публикуют и активно ставят современную российскую драматургию. Они видели пьесы Олега Богаева, Ивана Вырыпаева, Евгения Гришковца, Александра Железцова, Николая Коляды, Василия Сигарева... Наш зритель знает, пожалуй, только Славомира Мрожека, "театрального короля" восьмидесятых–девяностых годов (у нас ставились его "Эмигранты", "Стриптиз", "Танго", "Портрет", "Любовь в Крыму"), пару постперестроечных пьес Януша Гловацкого ("Замарашка", "Антигона в Нью-Йорке") да Витольда Гомбровича с "Ивонной, принцессой Бургундской"

Интересно, что все трое – эмигранты разной волны. История отъезда у каждого своя.

В 1981-м, как раз в момент введения в Польше военного положения, Гловацкий поехал в Лондон на премьеру своей пьесы; не решился вернуться и осел в Америке. Однако, чтобы его там признали, потребовалась рекомендация Артура Миллера. Без рекомендации его пьесы, совсем как у нас, оседали балластом на столах американских завлитов, или как там они называются.

Мрожек, с ходу, с первых же произведений, заявивший о своих антитоталитарных принципах, в начале 60-х поехал в Италию лечить жену. Однако после резкого выступления по поводу чехословацких событий писатель уже не мог вернуться домой и остался в Париже. Жену вылечить не удалось, она умерла. Много лет спустя он женился на мексиканке и оказался в Мексике. После тридцати лет отсутствия, в 1996-м, признанный миром классик вернулся на родину – но это была уже другая страна. Его помнили и чтили, но стилистика театра абсурда, условность персонажей Мрожека и суровые политические разборки на сцене... как бы сказать поделикатнее... уже выходили из моды.

Гомбрович тоже прожил почти тридцать лет вне родины. В 1939-м он с группой писателей и художников отправился в дальнее путешествие – в Аргентину, где его и застала Вторая мировая. Уехать уже не получилось, и он застрял в Буэнос-Айресе на четверть века, страдая от одиночества, разрыва с польским читателем и обыкновенной бедности. Мало чем помогли его аристократическое происхождение, диплом Варшавского университета, степень магистра права и литературное имя. Он страдал, что не в состоянии покупать выходящие в Европе книги – необходимейшая для писателя пища! От родины Гомбрович так никогда и не отлепился, всегда оставался польским писателем, писал о польской литературе, публиковался в эмигрантских изданиях. С Аргентиной распрощался только благодаря стипендии фонда Форда, в 1963-м. Жить ему оставалось три года, и он провел их в Европе, но не в Польше.

Естественно, эти авторы представлены в сборнике "Драматургия Польши. XX век" своими самыми известными пьесами: Гомбрович – "Ивонной, принцессой Бургунд-

ской" Мрожек "Эмигрантами" (обе в переводе Л. Бухова), Гловацкий – "Антигоной в Нью-Йорке" (перевод И. Щербаковой). Пьесой "Картотека" давно вошедшей в Польше в школьную программу, заявлен живой классик Тадеуш Ружевич (перевод З. Шаталовой).

Один из самых ярких, самых парадоксальных литераторов довоенной Польши, Станислав Игнаций Виткевич (псевдоним – Виткаций), российской театральной публике не известен вообще. Наши режиссеры не отваживаются ставить его абсурдистские, фантасмагорические пьесы. Виткаций не знает никаких ограничений, он разрушает границу меж явью и бредом. Его персонажи скорее похожи на героев сновидений, чем на людей. В сборник вошла переведенная К. Старосельской пьеса Виткация "В маленькой усадьбе", одна из наиболее "нормальных". При жизни автора она имела три постановки, включая ту, что он сделал сам. А умер он в 1939-м, узнав о начале войны.

Поэта Юлиана Тувима российский читатель знает. Его стихи на русский переводили очень хорошие поэты. Он и сам много занимался переводами, перевел "Слово о полку Игореве", "Горе от ума", "Ревизора", некоторые стихи Пушкина, Некрасова, Пастернака, Маяковского. Заразившись российской сумасшедшинкой как серьезной болезнью, Тувим взялся за гоголевскую "Шинель" и сочинил сатирическую комедию с трагическим финалом. Ее тема – вертикаль власти, механическая, бездушная лестница, где каждый занимает свою ступеньку. Когда с Башмачкина срывают шинель, он криком будит будочника. Тот советует написать прошение по инстанциям, причем обязательно – с гербовыми марками. "И шинель найдут?" "Ну нет, найти-то они не найдут, ведь сам подумай – если бы они находили, то зачем тогда людям красть? Но зато, брат, будешь знать, что власть твоим делом занимается". Башмачкин напоминает чаплинского героя, есть даже ремарка: "Уходит походкой Чаплина". А чего стоит сцена с портным, который не просто напивается в стельку, а пьет с тостами за императора. Как мушкетеры пили за каждого Людовика по порядку, так этот портной пьет за все титулы Российского императора по отдельности: "Божьей милостью император Всероссийский (выпивает), царь Казанский (выпивает), Сибирский (опять выпивает), Херсонеса Таврического (выпивает дважды – после каждого титула)..." Точно выверенный перевод Леонарда Бухова создает ощущение не перевода, а оригинала.

Для польской драмы очень важна тема противостояния человеческой личности диктату государства. На конфликте между долгом и совестью строится сюжет пьесы "Прощай, Иуда..." Ирениуша Иредынского (перевод И. Щербаковой). Излюбленная антитеза этого автора – повиновение и неповиновение. Написанный в 1962 году "Иуда" из той же плеяды, что и "Стриптиз" и "Эмигранты" Мрожека.

Тремя десятилетиями позже на рытье тех же окопов бросил свои силы писатель другого поколения – Ингмар Вилквист. Его главный посыл я трактую так: призрак ходит по Европе – призрак тоталитаризма. Вилквист (это псевдоним) – очень интересный автор, его пьесы шли во многих театрах Польши, потому что оказались точно ко времени. К сожалению, в книгу они не вошли, как не вошли и пьесы Тадеуша Слободзянека, одного из самых известных в Польше нынешних сорокалетних, автора знаменитого "Пророка Ильи" и других остросоциальных пьес.

Любовь, как видно, сейчас отошла на дальний план, уступила первенство пьесе-протесту, пьесе-обличению. Тем не менее есть в сборнике мелодрама Агнешки Осецкой "Вкус черешни" (перевод З. Шаталовой). Она была очень популярна тридцать лет тому назад. Во-первых, потому что в спектакле театра "Современник" играл Олег Даль. Во-вторых, из-за очаровательных песен в вольном переводе Б. Окуджавы, которые тогда все распевали ("Ах, пане-панове...").

Не знаю, есть ли в польской драматургии последних лет лирическая тема, но вот что сатира преобладает — это точно. "Кетчуп Шрёдера" Домана Новаковского — проклятие западному стилю жизни, его буржуазным ценностям, *продаваемости* и *покупаемости* всего и вся. В "Кетчупе" нас допускают в замкнутый, живущий по американским лекалам мирок рекламного агентства. Там все расставлено по ранжиру, согласно иерархии, а она строга: creative manager не станет якшаться с каким-то media planner'ом. Но и тот и другой и все прочие сотрудники обязаны соответствовать лозунгу хозяина-американца: "Вместе бороться и умирать за фирму"

Доман Новаковский, наверно, самый молодой из авторов сборника — ему нет сорока. Его биография кажется мне типичной и для российских драматургов этого поколения. У него очень мало пьес. И хотя они отмечены премиями и успешно идут и за пределами Польши ("Губы Мика Джаггера" поставила в Нижнем Новгороде Елена Невежина), он пишет в основном сценарии телесериалов.

Каждый автор, за исключением Мацея Войтышко, известного режиссера и драматурга, представлен в сборнике одной-единственной пьесой. Войтышко — двумя. Одной детской, "Как чуть не съели принцессу Булочку", другой взрослой. Она называется "Булгаков", но писатель в ней ни разу не появляется (как Пушкин в булгаковских "Последних днях"), а появляются энкавэдэшники, Василий Качалов, Николай Эрдман, Ольга Книппер-Чехова и жена писателя Елена Сергеевна Булгакова. Время действия — 1940 год, последние месяцы жизни писателя. Он уже написал свою самую слабую пьесу "Батум", поддавшись уговорам подольститься к власти, и теперь работает "для себя" над романом "Мастер и Маргарита" Держит это в тайне, но зловещий НКВД знает все...

Пристрастное внимание драматурга Войтышко к Булгакову объясняется тем, что режиссер Войтышко всю жизнь его ставил: "Кабалу святош", "Театральный роман", "Последние дни", "Мастера и Маргариту" У режиссера-драматурга-в-одном-лице есть преимущество: сам написал, сам поставил. В России, несмотря на всенародную любовь к Булгакову, пьеса пока никого не вдохновила.

Учитывая нашу бедность по части детского репертуара, составители включили в книгу четыре пьесы для детей. Одна из них, "Буря в театре Гого" Анджея Малешки, построена на тайных детских страхах. Она — о девочке, которую в результате колдовства разлюбили родители. Вторая — очаровательная, живая, озорная одноактовка "Птам". Ее сочинила поэт и автор множества детских пьес Кристина Милобендзкая (вместе с целым коллективом Познанского Театра куклы и актера). Перевела обе пьесы Е. Курант. В остальных пьесах для детского театра действуют традиционные принцессы и драконы, поэтому о них говорить не так интересно.

Всего в книге представлены четырнадцать пьес тринадцати авторов. Многие из них безусловно заслуживают внимания. Жаль, что за пределами сборника, как мы уже говорили, остались Вилквист и Слободзянек. Их пьесы имели немалое значение для польского театра девяностых годов прошлого столетия и начала нынешнего. Объясняется это просто: составители исходили из того, какие пьесы у лучших наших переводчиков-полонистов уже были переведены заранее, шли в наших театрах. Новых переводов здесь мало, иначе издательство вообще не потянуло бы книгу. А выпустили ее без гранта, без чьей-либо материальной поддержки. И так, по сегодняшним реалиям, это смелый и рискованный поступок. По-моему, сборник удался. Он хотя бы отчасти утолит наш голод на польскую драматургию.

Светлана Новикова-Ганелина

А какую задачу мы решали?

Уильям Шекспир *Сонеты*: Антология современных переводов / Сост. В. Николаев, А. Шаракшанэ. — СПб.: Азбука-классика, 2004

Кто я такой, чтобы рецензировать книгу переводов сонетов Шекспира? Если трактовать этот вопрос не как риторический, проклятый и русский, а буквально, то исключим для начала гиблые варианты. Я не шекспировед, не специалист по переводам и не такой уж уникальный в масштабах Москвы знаток английского языка. Я могу только одно — в рамках своей компетенции освидетельствовать, как встраиваются представленные современные переводы Шекспира в здание современной русской поэзии. Здание, если уж длить эту метафору, давно не храмового назначения, постоянно надстраивающееся и (извините) перестраивающееся. Или, если без метафор, но с рабоче-крестьянской прямотой: куда нам приторочить к нашим сегодняшним русским стихам еще эти несколько сотен? *Сегодняшних русских стихов*. А уж из какого сора или сэра они взросли, это вопрос второй и не нам.

Однажды я был на концерте Даниила Крамера, и его из зала попросили исполнить джазовую импровизацию на тему, кажется, "Yesterday" Крамер замешкался — и объяснил залу причину своих колебаний. Должна быть, сказал он, за каждым культурным движением своя цель. И целью не может быть джазовая импровизация на тему "Yesterday" Крамер сказал, что он должен понять, зачем он это делает. Видимо, к концу вечера он этот вопрос для себя решил и исполнил искомую импровизацию, разумеется, с блеском.

Это я к тому, что нет такой общекультурной цели — издать антологию современных переводов Шекспира. Или издавать время от времени. Могут быть такие специальные проекты — безразмерно растущий в Сети ежегодник при Шекспировском обществе (если таковое существует), учебный альманах при переводческом факультете. Но не для нас — скромных и неангажированных любителей поэзии.

В обстоятельном предисловии составители объясняют нам, что такое сонеты и кто такой Шекспир. Упаси боже, никакой иронии "знатока" — ну, встретил знакомый факт, ничего страшного. Наоборот, спасибо, честь и хвала. Более того, интонация настолько заразительна, что тоже хочется пробежаться по привычным гаммам.

Точный перевод — это не хорошо метризованный подстрочник, не сошедшийся кроссворд, а стихотворение, с наименьшими потерями передающее впечатление от подлинника, настроение подлинника. Как по характеру, так и по силе. Если поверить в то, что сонеты Шекспира — великие английские стихи, то адекватные их переводы — великие русские стихи, потому что оценивается именно сила впечатления. Чем лучше стихи, тем медленнее они стареют. Можно предположить, что существующие переводы Шекспира — именно как русские стихи — очень хороши, но не идеальны, и языковая почва из-под них неуклонно вымывается. Энергия перетекает в смежные слова, в синонимы. Сейчас правильнее (сильнее) будет сказать иначе. При этом современные поэты-переводчики должны сознавать, чей вызов они принимают.

Так был устроен наш литературный процесс в XX веке (продолжаем немного банальную, но трудноопоримую вводную часть), что переводами часто занимались не специально заточенные люди, а поэты первого ряда. А теперь мы эту нехитрую мысль слегка усилим немного нестандартным путем.

Допустим, современный переводчик нашел хит мировой культуры, за который не взялись ни Пастернак, ни Тарковский, ни Заболоцкий — далее по списку. Кажется, вот она — зона небольшого послабления

творческой ответственности. Но раз мастодонты не взялись за перевод этого хита, стало быть, их в каком-то смысле устраивал существующий перевод. И, реформируя Брюсова или Эллиса, мы все равно тянемся к ним через плечи титанов — тех же Пастернака, Ахматовой и т. д.

Что отличает поэта первого ряда как переводчика от переводчика первого ряда? Я бы сказал так: некоторая *непочтительность* к автору оригинала. Чтобы меня не заподозрили в футуризме, уточню: на месте *почтительности* могут быть гораздо более мощные и конструктивные чувства. Об этом у Мартынова в его стихотворной статье "Проблема перевода":

"Нет, господа, коварных ваших строчек да не переведет моя рука, понеже ввысь стремлюсь за облака, вперед гляжу в грядущие века. И вообще, какой я переводчик! Пусть уж другие и еще разочек переведут, пригладив вас слегка.

Но если бы, презрев все устрашенья, не сглаживая острые углы, я перевел вас, — все-таки мишенью я стал бы для критической стрелы, и не какой-то куропетушиной, но оперенной дьявольски умно: доказано бы было всё равно, что только грежу точности вершиной, но не кибернетической машиной, а мною это переведено, что в текст чужой свои вложил я ноты, к чужим свои прибавил я грехи и в результате вдумчивой работы я всё ж модернизировал стихи. И это верно, братья иностранцы, хоть и внимаю вашим голосам, но изгибаться, точно дама в танце, как в дансмакабре или контрдансе, передавать тончайшие нюансы Средневековья или Ренессанса — в том преуспеть я не имею шанса, я не могу, я существую сам!"

Леонид Мартынов походя очерчивает *специальную* задачу, которую он отказывается решать. Передавать тончайшие нюансы. Переводить работу в плоскость кропотливого научного исследования. В отличие от (53 фамилии), вслед за (35 фамилий) диссертант считает, что здесь должно стоять "омерзительный", а не "отвратительный" Прекрасно, но этим мы заниматься не будем. Мы = я в рамках рецензии и "широкий" читатель поэзии.

Целиться — долго; стрелять — быстро. Возвращаясь именно к рецензируемой книге — я не встретил в ней переводов, заглушивших несколько звучащих (гудящих) в моем черепе: "Ее глаза на звезды непохожи...", "Ты говоришь, что нет любви во мне...." "Оставь меня, но только не теперь..." В антологии почти нет стихотворений, по органичности, внутреннему упругому натяжению выходящих на этот уровень. Иное дело, что, вглядываясь в каждое провисание, в каждую русскую неуклюжесть, я понимаю, как они возникают в гравитационном поле другого языка и исходного точного смысла. Но понимание не заменит результата.

Был возможен другой культурный маневр. Вот знаменитый сонет № 66 в переложении Сергея Шабуцкого:

Когда ж я сдохну! До того
достало,
Что бабки оседают у жлобов,
Что старики аскают по вокзалам,
Что "православный" значит "бей
жидов"
Что побратались мент и
бандюган,
Что колесят шестерки в
"шестисотых"
Что в загс приходят по любви к
деньгам,
Что лег народ с восторгом под
сексота.
Что делают бестселлер из говна,
Что недоучка лепит монументы,
Что музыкант играет паханам,
Что учит жить быдляк
интеллигента.
Другой бы сдох к пятнадцати
годам —
А я вам пережить меня не дам.

Это стихотворение может нравиться и не нравиться (мне скорее нравится, но, повторяю, дело даже не в этом). Это русский текст, имею-

щий прямое отношение к сонетам Шекспира, который не мог быть написан еще десять лет назад. В данном случае — по лексическим и тематическим соображениям. В более интересных случаях — по стилевым. Так или иначе, мы могли бы иметь дело с некоей сущностной, не побоимся умного слова, имманентной современностью, выраженной не в дате под переводом, а внутри стихотворения. К сожалению, этого вещества в антологии нет или исчезающе мало. Она насквозь *почтительна.* Само собой, Шабуцкого там тоже нет.

Вывод довольно бледен, но точен. Я не подарю эту книгу своему знакомому, потому что не понимаю, каким кратким девизом могу ее сопроводить. Довольно просто устроенная критическая искренность призывает меня не отделять моих знакомых от читателей "Иностранки" Так что и вам я не советую соотноситься с Шекспиром по данной антологии. Это не значит, что она плоха; может быть, другой посредник сумеет рассмотреть ее в неведомом мне ракурсе и обнаружить то, чего я не нахожу, — внятный культурный смысл.

Леонид Костюков

У книжной витрины

с Константином Мильчиным

Уэльбек М. *Остаться в живых: Стихи* / Пер. с франц. — М.: Иностранка, 2005. — 343 с. — (The Best of Inostranka). 5000 экз.

Ну вот, наконец-то, на русском языке вышла отдельной книжкой поэзия Мишеля Уэльбека (отдельные стихи из этого сборника печатались в "Иностранной литературе"). В стихах Уэльбек тот же, что и в романах, — мрачный и циничный. И лирический герой у него все тот же — жертва нашего времени. Уэльбековеды и уэльбекофилы ликуют — теперь можно проследить весь творческий путь кумира от первых стихотворений начала 1990-х до последних романов-бестселлеров. Русский перевод новейшего прозаического опуса Уэльбека "Возможность острова" — книги, едва не получившей этой осенью Гонкуровскую премию, — уже на подходе.

Проклятые поэты / Сост., ст., коммент. М. Яснова. — СПб.: Наука, 2005. — 495 с. — (Библиотека зарубежного поэта). (п) 2000 экз.

Верлена или Рембо читал всякий. Ну или, по крайней мере, слышал о них. А вот сочинения тех поэтов, которым тот же Верлен придумал общее определение (именно оно дало название сборнику), в таком объеме на русском языке публикуются впервые — и на высочайшем уровне: сборник начинается с внятной и изящной статьи составителя, Михаила Яснова, а кончается его содержательными комментариями. В книгу вошли не только переводы стихов Корбьера, Кро, Нуво и Лафорга; все поэты представлены также своей прозой, а кроме того, следом за сочинениями каждого автора идет подборка отзывов о нем: статья Верлена или Реми де Гурмона, отрывки из переписки современников. Сборник открывает новую серию "Библиотека зарубежного поэта", и тот, кто скажет, что этот первый блин вышел комом, ничего не понимает ни в блинах, ни в поэзии.

Гумбрехт Х. У. *В 1926 году: На острие времени* / Пер. с англ. Е. Канищевой. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. 568 с. — 2000 экз. (п.)

Все про 1926 год. От "Автомобилей" и "Аэропланов" до "Телефонов", "Убийств" "Хронометров" и "Шестидневных гонок" Полное погружение в 1926 год, середину беспечных двадцатых годов. Раны Первой мировой зализаны, до Великой депрессии еще далеко. Мир с восторгом следит за раскопками гробницы Тутанхамона и слушает джаз. Модницы начинают носить мужские прически, а в Европе женщина впервые пересекает Ла-Манш вплавь. Традиционные гендерные коды нарушаются.

Но книга Гумбрехта не просто очередной набор фактов под шапкой "История повседневности", но и рефлексия о том, как именно историк XXI века должен изучать эту ушедшую повседневность, избегая крайностей как позитивизма, так и нового историзма.

Келли Дж. *Порох. От алхимии до артиллерии: история вещества, которое изменило мир* / Пер. с англ. А. Турова. — М.: КоЛибри, 2005. 340 с. — (Вещи в себе). 5000 экз. (п)

На самом деле никакого пороха в пороховницах давно уже нет.

Старый добрый порох, который изобрели в Китае и который в свое время изменил лицо мира, практически вышел из употребления. Начинка современных патронов имеет мало общего с классическим порохом эпохи Тридцатилетней войны или Гражданской войны в США. Но порох был царем военного дела почти 600 лет. И, как считает американский писатель Джек Келли, стал двигателем прогресса. Книга про порох получилась очень интересной, хотя автор, пожалуй, слишком увлекается своим "героем" и оценивает его роль в истории слишком высоко. Не одна стрельба двигала историю.

Смит З. *Белые зубы*: Роман / Пер. с англ. О. Качановой, М. Мельниченко. – М.: Издательство Ольги Морозовой, 2005. – 672 с. – 5100 экз. (п)

Очень большая и очень странная книга очень красивой темнокожей англичанки Зэди Смит. В Англии мисс Смит пользуется огромной популярностью и у читателей, и у критиков, один из ее романов добрался до шорт-листа Букера. Какая судьба ждет ее книги в России, пока сказать трудно. Сюжет романа скачет по времени и пространству. Повествование охватывает историю нескольких семей – три поколения. В итоге роман распадается на отдельные фрагменты и смешные бытовые сценки. Стиль и юмор мисс Смит доставляет большое удовольствие, но вот все вместе... Как-то длинновато.

Дикки Дж. *Коза Ностра: история сицилийской мафии* / Пер. с англ. А. Башкирова, Ю. Яблокова. – М.: ЭКСМО; СПб.: Мидград, 2005. 512 с. – 5000 экз. (п)

Редкий случай: по-настоящему толковая книга о сицилийской мафии. Мафия возникла почти одновременно с единым итальянским государством. Виновата ли тут сложная история Сицилии, или социальные проблемы острова, но так или иначе вот уже почти полтора века мафия остается позором Италии. Рассказ о борьбе с мафией – это рассказ о мужественных людях, полицейских и карабинерах, прокурорах и судьях, которые раз за разом бросали вызов преступникам, но из раза в раз все их усилия сводились на нет коррумпированной бюрократией и инертностью итальянской государственной машины. Италия – это страна "добродетельного меньшинства" и пассивного большинства. Сейчас "Коза Ностра" переживает не лучшие времена благодаря личному мужеству магистратов Джованни Фальконе и Паоло Борселлино, которые в конце 1980-х отправили за решетку огромное количество мафиози – и поплатились за это жизнью.

Бенаквиста Т. *Мясорубка для маленьких девочек*: Сборник рассказов / Пер. с франц. И. Волевич. – М.: FreeFly, 2005. – 224 с. – (Французская линия). 5000 экз. (п)

Полные мрачного юмора пятнадцать коротких рассказов знаменитого французского детективщика Тонино Бенаквисты. Падающие балконы, отравленные завтраки, ярмарки преступлений, где кражи и убийства продаются с гарантией выполнения "под ключ" виолончелисты, погибающие от собственной музыки. Жанр "нуар" во всем своем черном великолепии. Возьмите любой детектив Бенаквисты (тем более что они друг на друга весьма похожи), сожмите его до текста размером в двадцать страниц – вот вам и типичный рассказ из нового сборника. Тот, кто любит манеру Бенаквисты, прочтет "Мясорубку" с большим удовольствием.

Никифор II Фока *Стратегика* / Пер. со среднегреч. и комм. А. Нефёдкина. СПб.: Алетейя, 2005. 288 с. (Византийская библиотека) 1000 экз. (п)

Историкам Древней Руси византийский император Никифор II Фока (963-969) известен прежде всего как полководец, воевавший на Дунае с русским князем Святославом. Но историки-византинисты больше ценят его труд "Стратегика" военный трактат о тактике византийских войск в бесконечных войнах с арабами во второй половине X века. Описано все, включая молитвы, которые воины должны произносить перед боем. Сам трактат небольшой — меньше тридцати страниц. Зато за ним следуют подробнейшие комментарии и исторические исследования об арабо-византийских войнах.

Бадантер Р *Отмена смертной казни* / Пер. с франц. О. Ивановой. — М.: NOTA BENE, 2005. 272 с. — 2000 экз.

Французский адвокат, бывший министр юстиции, бывший сенатор, бывший председатель Конституционного суда Робер Бадантер (кстати, более правильно было бы именовать его по-русски Бадентером) девять лет бился за отмену у себя на родине смертной казни. И вот великий день настал — 30 сентября 1981 года во Франции ее отменили, после чего и остальные страны Европы прекратили казни. В своей книге Бадантер описывает эти девять лет борьбы день за днем, неделю за неделей. Как убеждали элиту, как вербовали сторонников среди политиков, как пробивали законопроекты. Для историков XX века книга представляет большой интерес, ведь это свидетельство непосредственного участника событий. В качестве очевидца Бадантер безупречен. Но вот его аргументы против смертной казни не всем покажутся убедительными.

Бессант К. *Перевод с кошачьего: Научитесь разговаривать со своей кошкой* / Пер. с англ. Е. Мигуновой. М.: РИПОЛ классик, 2005. — 256 с. — (Перевод с кошачьего). 10000 экз. (п)

Я редко пишу про книги, которые условно можно отнести к серии "Хозяйке на заметку" Но про книгу крупной английской кошатницы Клэр Бессант я все же решил написать. Сошлись три причины. Во-первых, я очень люблю кошек. Во-вторых, книга действительно толковая. А в-третьих, как только я сел эту книгу читать, ко мне на колени прыгнула моя кошка Пуся и стала громко урчать. И я увидел в этом знак судьбы. Если герои интересуются, значит, и нам не грех. Книжка славная и написана с большой любовью к кошкам и со знанием дела. Все о кошачьих характерах, привычках, воспитании. И даже небольшой человече-кошачий разговорник.

Переводные новинки конца 2005 года

Выбор главного редактора

Барикко Алессандро *Легенда о пианисте (Novecento: Un monologo)* / Перев. с итал. Натальи Колесовой. — СПб.: Симпозиум, 2005. — 96 с. — 4000 экз.

"Легенда о пианисте" — пронзительное повествование о музыканте, ни разу не сходившем с корабля на берег, — одно из самых известных произведений итальянского писателя. Книга послужила основой для фильма (режиссер Дж. Торнаторе).

В "ИЛ" публиковались романы Алессандро Барикко *Море-океан* (1998, № 1) и *Шелк* (1999, № 6).

Вассму Хербьёрг *Бегство от Франка (Flukten fra Frank)* / Перев. с норвежск. Л. Горлиной. — М.: Б.С.Г.-Пресс, 2005. — 384 с. — 3000 экз.

Популярная норвежская писательница Хербьёрг Вассму — лауреат множества литературных премий. Ее книги изданы в двадцати странах, в том числе и у нас в России. Роман "Бегство от Франка" (2003) на русском языке издается впервые. Острая современная проблематика, отточенный стиль, обаяние главной героини, отважно сражающейся с собственными слабостями и с тяготами, посланными ей судьбой, наверняка никого не оставят равнодушными.

В "ИЛ" (1994, № 6) публиковался роман Хербьёрг Вассму *В поисках Дины (Сын Счастья)*.

Дэвис Майлс *Автобиография (Autobiography)* / Перев. с англ. Е. Калининой. — М.: Ультра.Культура; София, 2005. — 544 с. — 5000 экз.

Майлс Дэвис — один из самых великих джазовых музыкантов XX века. Будучи учеником Чарли Паркера, он стал отцом-основателем таких джазовых направлений, как модальный джаз, кул-джаз, джаз-рок, а многие знаменитые ныне джазмены стали известны благодаря участию в ансамбле Майлса Дэвиса.

Елинек Эльфрида *Алчность (Gier)* / Перев. с нем. Татьяны Набатниковой. — СПб.: Амфора, 2005. — 464 с. — (Амфора 2005). — 5000 экз.

Не признающий никаких табу роман нобелевского лауреата Эльфриды Елинек — это безжалостное и наполненное неожиданными ассоциациями произведение об алчности, женоненавистничестве и мещанстве.

В "ИЛ" Эльфрида Елинек публиковалась в 1993, № 11 (*Излишество – не роскошь*) и в 2005, № 7 (эссе *Досужими путями мышления*, Нобелевская лекция *В стороне* и беседа с ней Александра Белобратова *Я ловлю язык на слове...*).

Жиру Франсуаза *Лу. История свободной женщины (LOU. Histoire d'une femme libre)* / Перев. с франц. Елены Мурашкинцевой. – М.: КоЛибри, 2005. – 160 с. – (Жизнеописания). 5000 экз.

Франсуаза Жиру (1916–2003) – известная французская журналистка и писательница – в свое время возглавляла журнал "Elle", была создателем еженедельного журнала "L'Express", входила в состав кабинета министров Франции.

Лу Саломе – одна из самых известных женщин в истории Европы. Она была "Великой русской революцией" в жизни Ницше, ее боготворил и воспевал Рильке, ею восторгался Фрейд, ее собеседниками были Ибсен и Толстой, Тургенев и Вагнер, с ее именем связывают самоубийства Виктора Тауска и Пауля Рэ.

"Она – воплощенная философия Ницше", – говорили о ней ее современники, и, как утверждают многие биографы, именно ее образом вдохновлена знаменитая книга "Так говорил Заратустра".

Ирвинг Джон *Четвертая рука (The Fourth Hand)* / Перев. с англ. Ирины Тогоевой. – М.: Иностранка, 2005. – 464 с. – (The Best of Иностранка). 5000 экз.

Американский писатель Джон Ирвинг – мастер психологической прозы и блестящий сценарист. Фильмы, поставленные по его романам, не сходят с экранов всего мира. Это и оскароносный "Мир глазами Гарпа" ("Мир от Гарпа" в нашем прокате), и "Отель Нью-Хэмпшир", и "Правила виноделов" – за сценарий к нему Ирвинг тоже получил "Оскара", а режиссер Лассе Хальстрем номинировался на эту премию. Теперь они вместе работают над экранизацией романа "Четвертая рука".

Герой Ирвинга – красавец, любимец женщин – успешно поднимался по карьерной лестнице, когда с ним случилась прискорбная история. Репортаж видели миллионы телезрителей, и журналист стал знаменитостью. Его будет оперировать лучший врач-трансплантолог, а безвестная вдова отдаст для пересадки руку своего погибшего мужа – но с одним условием, и каким!

В "ИЛ" (1987, № 4) публиковался рассказ Джона Ирвинга *До Айовы рукой подать*.

Кертес Имре *Самоликвидация (Felszamolas)* / Перев. с венг. Юрия Гусева. – М.: Текст, 2005. – 192 с. – (Квадрат). 2500 экз.

Действие нового романа И. Кертеса начинается там, где заканчивается "Кадиш по нерожденному ребенку" (русское издание: "Текст", 2003). Десять лет прошло после падения коммунизма. Писатель Б., переживший в Освенциме, кончает жизнь самоубийством. Его друг Кешеро обнаруживает среди бумаг Б. пьесу "Самоликвидация". В ней предсказан кризис, в котором оказались друзья Б., когда надежды,

связанные с падением Берлинской стены, сменились разочарованием. Медленно, шаг за шагом, перед Кешеро открывается тайна смерти Б.

В "ИЛ" (2003, № 5) публиковалась Нобелевская лекция Имре Кертеса *Эврика!*

Дай Сы-цзе Комплекс Ди / Перев. с франц. Натальи Мавлевич. — М.: Иностранка, 2005. — 351 с. — (В иллюминаторе Франция). 5000 экз.

Дай Сы-цзе (Dai Sijie) родился в Китае, а в 1984-м, получив именную стипендию, уехал во Францию, где закончил школу кинематографии, стал режиссером и поселился навсегда. Впрочем, думает и пишет он все равно о Китае.

"Комплекс Ди" — роман ироничный и пародийный. Имя Ди отсылает к известному персонажу, символизирующему скрещение Востока и Запада, легендарному судье Ди, считавшемуся эталоном мудрости, справедливости и неподкупности. А также — к его художественному воплощению в произведениях знатока китайского секса Роберта ван Гулика, тень которого маячит за спиной главного героя.

Роман впервые опубликован в "ИЛ", 2005, № 8.

Уинтерсон Джанет *Бремя. Миф об Атласе и Геракле (Weight)* / Перев. с англ. А. Осипова. — М.: Открытый мир, 2005. — 128 с. — (Мифы). 10000 экз.

Роман "Бремя" — это рассказ об истории человечества с момента зарождения мира и до наших дней. Об истории, которая движется со скоростью света и о месте человека в этом бесконечном движении. Это попытка найти ответы на извечные вопросы: "Что значит для меня жизнь? Где мое место в мире? Что такое я? Что такое время?"

Роман появился в рамках международного проекта издательства "Canongate Books", которое обратилось к самым ярким и популярным писателям современности с предложением переписать на новый лад ряд мифов.

В "ИЛ" (2001, № 11) публиковались рассказы Джанет Уинтерсон.

Хюлле Павел *Касторп (Kastorp)* / Перев. с польск. К. Старосельской. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — 212 с. — (Современное европейское письмо. Польша). 1000 экз.

В "Волшебной горе" Томаса Манна есть фраза, побудившая Павла Хюлле написать целый роман под названием "Касторп". Эта фраза — "Позади остались четыре семестра, проведенные им (главным героем романа Т. Манна Гансом Касторпом) в Данцигском политехникуме..." — вынесена в эпиграф. Роман П. Хюлле — словно пропущенная Т. Манном глава: пережитое Гансом Касторпом на данцигской земле потрясло впечатлительного молодого человека и многое в нем изменило.

Роман впервые опубликован в "ИЛ", 2005, № 6.

Роман голосов "Пока мы лиц не обрели" и его читатели

Дорогие друзья!

Мы благодарим всех, кто, прочитав наш роман голосов "Пока мы лиц не обрели" в десятом, юбилейном номере журнала за прошлый год, откликнулись на эту публикацию, вспомнили, какие авторы стоят за репликами героев нашего романа, и прислали свои ответы.

Сердечно благодарим вас за поздравления – в стихах и прозе – с "золотым юбилеем" и за добрые слова в адрес журнала.

Если честно, мы не ожидали, что получим такую обширную почту на наш роман. Мы предполагали, что это задание будет под силу только давним, преданным читателям. А их, к счастью, оказалось в России и на пространстве бывшего СССР не так уж мало.

С удовольствием заполняла строки романа голосов в двух частях с прологом и эпилогом, – пишет нам Анжела Ворожко из Владикавказа, – *и здесь мне помогла моя собственная библиотека "ИЛ" – у меня переплетено 32 толстенных тома вашего издания, к которым то и дело я возвращаюсь. К сожалению, не удалось отгадать (или вспомнить) 3 произведения, но я провела упоительные часы, роясь в своей картотеке и перелистывая тысячи страниц.*

...в любом случае благодарна за сам процесс поиска: так много обнаружилось в старых номерах журнала нечитанных вещей, которые хочется прочесть, – это из письма О. М. Лапо из Великого Новгорода.

...отправляю ответы с некоторыми изъянами, все строчки не удалось заполнить, но и промолчать, проигнорировать такое замечательное задание тоже было выше моих сил, – пишет И. А. Минина из г. Северодвинска Архангельской области.

Отрадно отметить, что некоторые наши корреспонденты даже перевыполнили задание. Они вспомнили, что и название нашего романа голосов – "Пока мы лиц не обрели" – это отсыл к одноименному роману, а точнее к пересказанному мифу Клайва Стейплза Льюиса, и что "Клуб радости и удачи", – это напоминание о романе американской писательницы Эми Тан (оба произведения – Льюиса и Эми Тан – были напечатаны в "ИЛ").

Другие читатели проделали огромную работу, указав не только авторов, но и год издания, номер журнала, где были опубликованы тексты, составившие нашу мозаику.

А проницательная читательница из Москвы Т. Я. Красилова, подписчица журнала с 1960 года, даже угадала, какой из вопросов был специально *задуман для усложнения задачи.*

Присылая в редакцию свои ответы, наши читатели иногда рассказывают о себе.

Меня, вузовского преподавателя с тридцатипятилетним стажем, – пишет И. М. Удлер, доцент кафедры зарубежной литературы Челябинского государственного университета, – *считают нештатным сотрудником*

журнала. Не потому, что я печатаюсь в журнале, а потому, что все мои студенты (сначала, в течение двадцати лет, Челябинского института культуры, а затем классического университета) постоянно читают журнал, влюбляются в него и учатся по нему, некоторые подписываются на него.

Если для одних журнал – профессиональное подспорье, для других "Иностранка" – "луч света", дающий радость и духовную пищу.

Только один раз, в 1991 году, – признается Н. А. Рогожина, выписывающая журнал с 1956 года, – *я не подписалась: все рухнуло, обвалилось, и я не устояла, за что и наказана – тех авторов, которых я не нашла, наверное, надо было искать в этих журналах. И сейчас вам непросто, с болью смотрю на уменьшающийся тираж, ради бога не сдавайтесь, вы очень нужны, а я несмотря ни на что, до конца своих дней ваша подписчица и благодарная читица.*

Кое-кто из корреспондентов делится впечатлениями от прочитан-

Разумеется, мы понимаем, что эти письма – "юбилейные" и критические замечания читатели выскажут, откликнувшись на нашу традиционную анкету.

2005 год – год исключительный, каждый номер – праздник! – считает Анжела Ворожко. – *Летом в отпуск на море взяла №№ с 1-го по 6-й, чтобы перечитать еще раз, 2-й дети зачитали до дыр (Масловскую), а мой сын после "Летописцев отцовской любви" тоже ждет каждый номер "Иностранки"*

Рады сообщить, что новый роман Михала Вивега "Игра на вылет" самого читаемого чешского писателя, журнал предполагает опубликовать в конце 2006-го или в начале 2007-го года.

А читательница из Рязани Н. В. Митрофанова, прислав нам увлекательный рассказ о том, какие трудности она преодолевала, справляясь с заданием, пишет: *Попутно перечитала "Остаток дня" Исигуро (№ 7 за 1992 г.), поудивлялась, что он не был отмечен читателями, порадовалась, что автор стоит в плане на 2006 год... Брюс Чатвин, Хорхе Вольпи, Павел Хюлле – оторваться было невозможно. Прочитав беседу с Павлом Хюлле и Антонием Либерой, благодаря "ИЛ" имею теперь представление, о ком идет речь (Ежи Пильх, Дорота Масловская, Ольга Токарчук). Надеюсь еще познакомиться со Збигневом Ментцелем. Рассуждения П. Х. о языковой революции, о необходимости добиваться гармонии между телом и языком, о сохранении чистоты языка, рассуждения человека, воспитанного в польской интеллигентной семье – бальзам на душу.*

С подачи "Иностранки" купленная мной книга Реверте "С намерением оскорбить" содержит много подобных мыслей. Почему я связала эти имена? Это для меня энергичные пятидесятилетние интересные писатели, для которых здоровый консерватизм не удел бабушек... я рада, что есть достойные умы, которые смогут отстоять нашу словесность, польскую, испанскую, русскую.

Спасибо за интересные публикации этого года, за повод для перелистывания всего изданного "ИЛ" за 50 лет.

И, очевидно, включившись в нашу игру, Н. В. Митрофанова свое письмо подписывает так: *"Поклонница" (Кто автор рассказа?).*

Отвечаем: Исаак Башевис Зингер – "ИЛ", 1993, № 12.

А теперь, наконец, правильные ответы на наш роман голосов:

Назову себя Гантенбайн. *Макс Фриш*
Ханеман. *Стефан Хвин*

Доктор Фишер из Женевы. *Грэм Грин*
Профессор Криминале. *Малькольм Брэдбери*
Парфюмер. *Патрик Зюскинд*
Пенсионер. *Фридрих Дюрренматт*
Аптекарша. *Ингрид Нолль*
Садовник. *Ежи Косинский*
Меня зовут Красный. *Орхан Памук*
Принц Вест-Эндский. *Алан Ислер*
Леди Сьюзен. *Джейн Остин*
Миссис Дэллоуэй. *Вирджиния Вулф*
Мисс Джин Броди в расцвете лет. *Мюриел Спарк*
Тонка. *Роберт Музиль*
Нонка. *Ивайло Петров*
Это я — ирландка? *Гиш Чжень*

Голубчик. *Эмиль Ажар*
Голубка. *Патрик Зюскинд*
Мужчина на всю жизнь. *Герд Фукс*
Давай поженимся. *Джон Апдайк*
Только позови. *Джеймс Джонс*
Шутка. *Милан Кундера*
Когда хочется плакать, не плачу. *Мигель Отеро Сильва*

В час битвы завтра вспомни обо мне. *Хавьер Мариас*
Победителю достанется все. *Дитер Веллерсхоф*

Пятеро, которые молчали. *Мигель Отеро Сильва*
С ними по-хорошему нельзя. *Реймон Кено*
Восток есть Восток. *Т. Корагессан Бойл*
Нежелательные элементы. *Кристиан Барнард, Зигфрид Стэндер*
Бедные-несчастные. *Аласдер Грей*
Аллах не обязан. *Ахмаду Курума*
Счастливая смерть. *Альбер Камю*
Мир велик, и спасение поджидает за каждым углом. *Илья Троянов*

Вообрази себе картину. *Джозеф Хеллер*
Если однажды зимней ночью путник... *Итало Кальвино*
Дом на равнине. *Э. Л. Доктороу*
Девица Кристина. *Мирча Элиаде*
Трепет намерения. *Энтони Бёрджесс*
Крик совы. *Эрве Базен*
Черные зеркала. *Арно Шмидт*
Заяц с лицом девочки. *Лаура Конти*
Поцелуй женщины-паука. *Мануэль Пуиг*
Рыбья кровь. *Франсуаза Саган.*
Сто лет одиночества. *Габриэль Гарсиа Маркес*

Когда я умирала. *Уильям Фолкнер*
Море-океан. *Алессандро Барикко*
Волны. *Вирджиния Вулф*
Деревянный корабль. *Ханс Хенни Янн*
Каменный плот. *Жозе Сарамаго*
Буря. *Ханс Хенни Янн*
Вспышка. *Джулиан Барнс*
Между небом и землей. *Сол Беллоу*
Тени в раю. *Эрих Мария Ремарк*
Голубой ангел. *Франсин Проуз*
Harmonia cælestis. *Петер Эстерхази*

Среди тех, кто прислал правильные ответы, мы, как и обещали, разыграли пять бесплатных подписок на журнал (2006 год). Их выиграли:

Л. Кевхишвили, г. Тбилиси,
И. Ю. Кононенко, психоаналитик, г. Шахты,
Т. Я. Красилова, пенсионерка, г. Москва,
В. И. Рысина, пенсионерка, г. Санкт-Петербург,
И. М. Удлер, доцент кафедры зарубежной литературы, г. Челябинск.

А десять книг издательства "Иностранка" получают:

А. М. Баженова, г. Тула,
П. Б. Дьяченко, г. Омск,
П. Б. Крайкина, г. Апатиты,
О. А. Мелехина, г. Москва,
Н. В. Митрофанова, г. Рязань,
А. А. Парамошкина, г. Сызрань,
С. А. Перетягина, г. Киров,
Е. С. Сагирьянц (Елина), г. Ростов-на-Дону,
М. А. Степанова, г. Москва,
Центральная городская библиотека, г. Можга (Удмуртская Республика).

Еще раз сердечно благодарим всех за участие. Оставайтесь с нами!

Фредерик Бегбедер
Frédéric Beigbeder
[р. 1965]. Французский писатель, журналист, критик.

Автор романов *Каникулы в коме* [*Vacances dans le coma*, 1994; рус. перев. 2002], *Любовь живет три года* [*L'amour dure trois ans*, 1997; рус. перев. 2003]. В *ИЛ* опубликованы его романы *99 франков* [*99 francs*, 2002, № 2], *Windows on the World* [2004, № 9; премия *Интералье*, 2003] и новеллы из сборника *Рассказики под экстази* [*Nouvelles sous ecstasy*, 2001, № 11].
Перевод выполнен по изданию *Égoïste romantique* [Paris: Éditions Grasset & Fasquelle, 2005].

Дерек Уолкотт
Derek Walcott
[р. 1930]. Поэт и драматург, уроженец острова Сент-Люсия (Вест-Индия). Лауреат Нобелевской премии [1992].

Первые его поэтические сборники *25 стихотворений* [*25 Poems*, 1948] и *Эпитафия юности* [*Epitaph for the Young*, 1949], вышедшие на Тринидаде и Барбадосе, составили основу изданной в Лондоне книги *В зеленой ночи* [*In a Green Night; Poems* 1948–1960, 1962], принесшей автору мировую известность. В последующие годы вышло несколько сборников пьес, эссе и более десяти сборников стихов, среди которых *Жертва кораблекрушения* [*The Castaway*, 1965], *Залив* [*The Gulf*, 1969], *Иная жизнь* [*Another Life*, 1973], *Омерос* [*Omeros*, 1990], *Блудный сын* [*The Prodigal*, 2004] и др. В *ИЛ* напечатан перевод пьесы *День поминовения* [*Remembrance*, 1993, № 3] и стихи из разных сборников [1983, № 3; 1997, № 12].
Публикуемые стихи взяты из сборника *Щедрость* [*Bounty*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1977].

Сэм Шепард
Sam Shepard
[р. 1943]. Американский драматург, прозаик, режиссер, актер. Лауреат многих премий, в том числе Пулицеровской [1979].

Автор пьес *Чикаго* [*Chicago*, 1965], *Мать Икара* [*Icarus's Mother*, 1965], *Красный крест* [*Red Cross*, 1966], *Проклятье голодающего класса* [*Curse of the Starving Class*, 1976], *Настоящий Запад* [*True West*, 1981], *Ложь разума* [*A Lie of the Mind*, 1986] и др.
Публикуемые рассказы взяты из книги *Great Dream of Heaven* [*Великая мечта о рае*. New York: Alfred A. Knopf, 2002].

Хироми Каваками
Японская писательница. Лауреат многих литературных премий, в том числе премии Паскаля за дебют в малых жанрах [1994] и премии Акутагавы [1996].

Автор сборника новелл *Медвежий бог* [1998] – заглавная новелла напечатана в *ИЛ* [2001, № 2].
Публикуемый рассказ взят из сборника *Бог* [*Kami-sama*. Tokyo: Chuokoron – Shinsha, 2001].

Мишель Уэльбек
Michel Houellebecq
[р. 1958]. Французский писатель, поэт. Лауреат Гран-при по литературе [1998], премии *Интералье* [2005].

Автор сборников эссе *Г. П. Лавкрафт* [*H. P. Lovecraft*, 1991], *Выступления* [*Interventions*, 1998], романа *Расширение пространства борьбы* [*Extension du domaine de la lutte*, 1991], повести и фотоальбома под общим названием *Ланзароте* [*Lanzarote*, 2000]. В *ИЛ* напечатана беседа с писателем [1999, № 10], романы *Элементарные частицы* [2000, № 10] и *Платформа* [2002, № 11], эссе *Оставаться живым* и стихи из сборников *Смысл борьбы* и *Погоня за счастьем* [2001, № 5], эссе *На пороге растерянности* [2002, № 3], стихи [2003, № 3; 2005, № 3].
Публикуемый отрывок взят из романа *La possibilité d'une île* [Paris: Librairie Arthème Fayard, 2005].

Александр Викторович Маркин
[р. 1974]. Филолог-германист, преподаватель.

Автор статей по немецкоязычной литературе XVI, XIX и XX веков. Соредактор *Истории швейцарской литературы* в 3-х тт., составитель книги Г. Гейм *Небесная трагедия* [2004]. В *ИЛ* публикуется впервые.

Владимир Аркадьевич Гандельсман
[р. 1948]. Русский поэт, переводчик. С 1991 года живет и в Нью-Йорке, и в Санкт-Петербурге.

Автор книг стихов *Шум Земли* [1991], *Вечерней почтой* [1995], *Долгота дня* [1998], *Эдип* [1998], *Цапля* [1999], *Тихое пальто* [2000], *Новые рифмы* [2003], *Обратная лодка* [2005]; романа в стихах *Там на Неве дом* [1993] и *Пушкинский дом* [1995]; записных книжек *Чередования* [2000]; переводил Л. Кэрролла, У. Стивенса, Дж. Меррилла, И. Греннана, Э. Хекта, Т. Венцлову и др.

Михаил Павлович Шишкин
[р. 1961]. Русский писатель. Лауреат премии журнала *Знамя* за лучший дебют [1994], Букеровской премии [2000] и премии *Национальный бестселлер* [2005]. С 1995 г. живет в Швейцарии.

Автор романов *Всех ожидает одна ночь* [1993], *Взятие Измаила* [1999], *Венерин волос* [2005], книги *Русская Швейцария. Литературно-исторический путеводитель* [2000].

Константин Аркадьевич Мильчин
[р. 1980]. Литературный критик, журналист.

Автор рецензий, обзоров, статей, публикуемых в различных периодических изданиях; ведущий ежедневной передачи *Книга на завтра* [Радио России].

Переводчики

Мария Александровна Зонина
Переводчик с французского.

В ее переводе издавались произведения Т. Готье, Ж. Ануя, Ж. Жене, Э. Ионеско, Н. Саррот, Ж.-П. Сартра, П. Модиано, Ф. Саган и др.

Григорий Михайлович Кружков
[р. 1945]. Поэт, переводчик, литературовед. Лауреат многочисленных премий, в том числе *ИЛлюминатор* [2002] и Государственной премии по литературе [2003].

Автор пяти стихотворных сборников [последний — *Гостья*, 2004]. В его переводах вышли книги Джона Донна *Избранное* [1994], У. Б. Йейтса *Избранное* [2001], сборники *Книга NONсенса. Английская поэзия абсурда* [2000], *Лекарство от Фортуны. Поэты при дворе Генриха VIII, Елизаветы Английской и короля Иакова* [2002], *Англасахаб: 115 английских, ирландских и американских поэтов* [2003] и др. В *ИЛ* печатались его переводы стихов Ш. Хини [1991, № 4; 2003, № 5], Д. Энрайта [1994, № 3], У. Б. Йейтса [1995, № 2], У. Стивенса [1998, № 10], У. Дж. Смита [2002, № 10], Джона Клэра [2005, № 4], эссе *Йейтс в 1922 году. Возвращение в Тур Баллили* [2005, № 10] и др.

Татьяна Константиновна Табачкова
Студентка Литературного института им. Горького.

В ее переводе напечатаны романы Дж. Деверо *Волна страсти* и *Энциклопедия мафии*.

Ксения Резник
Переводчик с японского.

В *ИЛ* публикуется впервые.

Ирина Карловна Стаф
Литературовед и переводчик с французского, кандидат филологических наук.

Автор работ по истории французской литературы эпохи Возрождения. В ее переводе выходили произведения Дж. Казановы, С. Малларме, А. Жида, Р. Роллана, Ж. Старобинского и др. В *ИЛ* в ее переводе публиковались повесть М. Бланшо *При смерти* [1993, № 10], романы В. Равалека *Ностальгия по черной магии* [2003, № 10], Ф. Бегбедера *Windows on the World* [2004, № 9] и др.

Владимир Матвеевич Летучий
[р. 1943]. Переводчик с немецкого. Лауреат премии Австрийской республики за переводы стихотворений Р. М. Рильке [1996].

Переводил *Новые стихотворения* и другие стихи Р. М. Рильке, *Полное собрание стихотворений* Г. Тракля, стихи С. Георге, Ф. Гёльдерлина, К. Брентано, Л. Уланда, В. Буша, П. Целана и др. В его переводах вышли также роман-сказка *Бемби* Ф. Зальтена, роман *Пилат* и новелла *Барон Багги* А. Лернет-Холении. В *ИЛ* в его переводе публиковались стихи [1975, № 12] и проза [2005, № 10] Р. М. Рильке.

Алексей Петрович Прокопьев
[р. 1957]. Поэт, переводчик с немецкого, английского и шведского языков. Лауреат премии журнала *Лик Чувашии* за переводы чувашского фольклора [1997].

Автор поэтического сборника *Снежная Троя* [2003]. В его переводах выходили стихи Р. М. Рильке, Г. Бенна, Г. Тракля, Г. Гейма, О. Уайльда, Дж. Мильтона, Э. Паунда, Т. Транстрёмера. В *ИЛ* публикуется впервые.

RINET
Internet Service Provider

ИНТЕРНЕТ
ПО ВЫСОКОСКОРОСТНЫМ ВЫДЕЛЕННЫМ ЛИНИЯМ
в Центральном округе Москвы

объединенная волоконно-оптическая районная сеть RiNet в ЦАО
• оптимальные условия подключения,
• бесплатный доступ к внутрисетевым ресурсам

В ЦЕНТРЕ СОБЫТИЙ ← В ЦЕНТРЕ ГОРОДА → В ЦЕНТРЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

круглосуточно:
(095) 232-1730 238-3922 916-7009.
адрес:
МОСКВА, 1-Й ХВОСТОВ пер. д. 11А.
подробности:
WWW.RINET.RU

В оформлении обложки использован фрагмент картины голландского художника Виллема-Фредерика ван Ройена *Морковь* [1699].

Художественное оформление и макет
Андрей Бондаренко,
Дмитрий Черногаев.

Старший корректор
Анна Михлина.

Компьютерный набор
Евгения Ушакова,
Надежда Родина.
Компьютерная верстка
Вячеслав Домогацких.

Главный бухгалтер
Татьяна Чистякова.
Коммерческий директор
Мария Макарова.

119017, Москва,
Пятницкая ул., 41.
тел. 953-51-47; факс 953-50-61;
http://www.inostranka.ru
e-mail inolit@rinet.ru

В INTERNET электронный
дайджест журнала
находится по адресу:
http://magazines.russ.ru/inostran

В Москве журнал
можно приобрести в редакции.

Журнал выходит
один раз в месяц.

Оригинал-макет номера
подготовлен в редакции.

Регистрационное свидетельство
№ 066632 выдано 23.08.1999 г.
ГК РФ по печати

Подписано в печать 18.01.2006
Формат 70x108 1/16.
Печать офсетная.
Бумага газетная.
Усл. печ. л. 26,78.
Усл. кр.-отт. 31,0.
Уч.-изд. л. 26,64.
Заказ № 3498.
Тираж 7500 экз.
Отпечатано с готовых
диапозитивов
ОАО "Типография "Новости",
105005, Москва,
ул. Фр. Энгельса, 46.

До конца 2006 года будут напечатаны

"Флоренс Аравийская" – роман хорошо известного российскому читателю американца КРИСТОФЕРА БАКЛИ, увлекательный остросатирический рассказ о молодой женщине, волею обстоятельств вовлеченной в разворачивающуюся в Арабских Эмиратах политическую интригу.

"Любовный саботаж" – повесть о детстве тридцатилетней бельгийки, бессменного автора бестселлеров, АМЕЛИ НОТОМБ.

"Не отпускай меня" – новинка от известного английского романиста КАДЗУО ИСИГУРО. Это антиутопия, где речь пойдет о клонировании. Автор, мастер закрученной интриги, рассмотрел проблему в очень необычном ракурсе...

"Свидания" – маленький французский роман о любви мастера стильной прозы КРИСТИАНА ОСТЕРА, которого "ИЛ" впервые представляет на русском языке.

"Игра в вышибалу" – новый роман самого читаемого автора в Чехии, МИХАЛА ВИВЕГА.

"Педант на кухне" – книга кулинарных рецептов от именитого английского острослова ДЖУЛИАНА БАРНСА.

"Рассказчик" ДЭНИЕЛА СТАНУОЭРА – биография английского писателя Артура Конан Дойла (1859–1930), создавшего образ знаменитого сыщика-любителя Шерлока Холмса.

"На моем веку" – мемуары одного из крупнейших польских поэтов АЛЕКСАНДРА ВАТА, построенные на основе его бесед с Чеславом Милошем.

"Сефард" – роман-эссе АНТОНИО МУНЬОСА МОЛИНЫ, одного из самых известных писателей современной Испании.

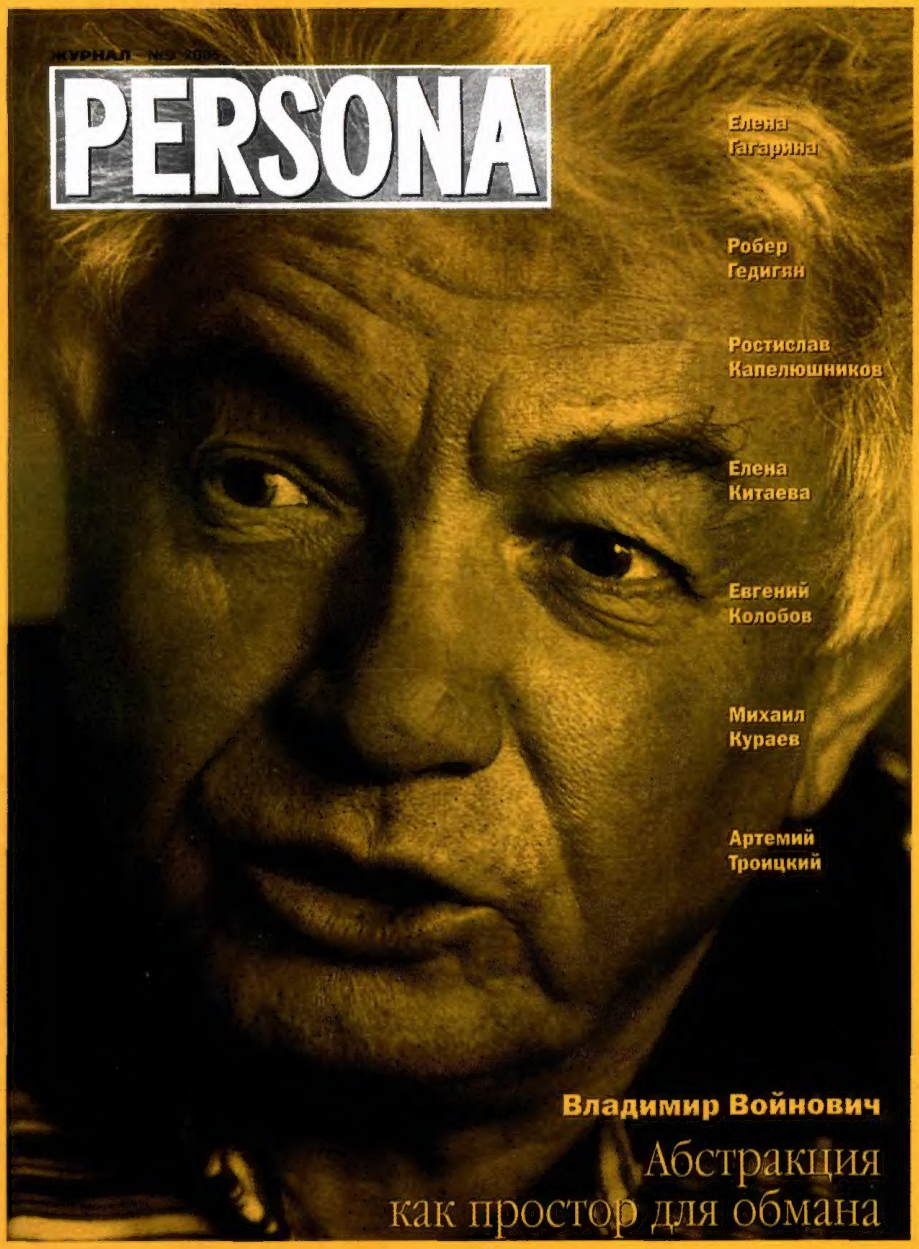
Подписаться на журнал можно в любом отделении связи.
ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ: 70394 (на полгода); 72261 (на год).

А надежнее и дешевле подписаться прямо у нас, с получением номеров в редакции. Наш адрес: 119017, Москва, Пятницкая ул., 41 (метро "Новокузнецкая", "Третьяковская"). Тел. 953-51-47.

---

[3] 2006

РОМАН НИКОЛЬ КРАУСС "ИСТОРИЯ ЛЮБВИ" / СТИХИ ПАТРИКА КАВАНАХА / НОВЫЙ ВЫПУСК РУБРИКИ "ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕССА МИРА" / ПОВЕСТЬ АМЕЛИ НОТОМБ "ЛЮБОВНЫЙ САБОТАЖ" / С МЕСТА СОБЫТИЙ: ПОСЛЕ УРАГАНА "КАТРИНА" / ЭССЕ ПАСКАЛЯ БРЮКНЕРА "ВЕЧНАЯ ЭЙФОРИЯ"



Адрес редакции 119019 Москва, ул.Новый Арбат, д.21
Тел. (495) 291-20-05, 291-50-27, факс 290-17-33
E-mail: persona-magazine@mail.ru
Адрес в Интернете: www.persona-magazine.ru

ИНДЕКС 70394

журнал «Персона»/«Persona»

ПОДПИСКА – 2006

38678 Объединенный каталог «Подписка-2006» - «Пресса России»

80905 Каталог агентства «Роспечать» – «Газеты. Журналы»

Во всех отделениях Сбербанка России – подписной купон ООО «С-инфо»

Во всех почтовых отделениях Москвы, России и стран СНГ до 15 числа каждого месяца.

Льготная подписка и продажа в редакции с доставкой
Продажа в книжных магазинах Москвы и РФ

ISSN 0130-6545 "ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА", 2006, №2, 1-288